„Пров 49“

2 шк
ш

КНЯЗЬ ЩЕРБАТОВЪ и А. РАДИЩЕВЪ

Ш

О ПОВРЕЖДЕНІИ ПРАВОВЪ

ВЪ

РОССІИ

КНЯЗЯ М. ЩЕРБАТОВА

И

ПУТЕШЕСТВІЕ

А. РАДИЩЕВА

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ ИСКАНДЕРА.

LONDON,
TRÜBNER & Co., 60, PATERNOSTER ROW.
1858.

„Пров
„Пров
Прос
Библиотека ООН
Академия наук СССР
158
40

После этого спросять меня какъ же управляется эта страна и на чемъ она держится? Управляется она случаемъ и держится на естественномъ равновѣсіи—подобно огромнымъ глыбамъ которыя сплочаетъ собственный вѣсъ.

(Corberon—французскій посолъ въ своей депешѣ отъ 9 Апрѣля 1778.)

Князь Щербатовъ и А. Радищевъ представляютъ собой два крайнихъ воззрѣнія на Россію временъ Екатерины. Печальные часовые у двухъ разныхъ дверей они какъ Янусъ глядятъ въ противуположныя стороны. Щербатовъ отворачиваясь отъ распутнаго дворца сего времени, смотритъ въ ту дверь въ которую взошелъ Петръ I и за нею видитъ чинную, чванную Русь московскую,—скучный и полудикій бытъ нашихъ предковъ — кажется недовольному старику какимъ то утраченнымъ идеаломъ.

А. Радищевъ—смотритъ впередъ, на него пахнуло сильнымъ вѣяніемъ послѣднихъ лѣтъ XVIII вѣка. Никогда человѣческая грудь не была полнѣе надеждами, какъ въ

великую весну девяностыхъ годовъ, всѣ ждали съ бьющимся сердцемъ чего то необычайнаго; святое нетерпѣніе тревожило умы и заставляло самыхъ строгихъ мыслителей быть мечтателями. Еммануилъ Кантъ, снявъ шапочку говорилъ удрученный величіемъ событій, при провозглошеніи французской республики: "Нынѣ отпущаеши!..." Съ восторженными идеалами того времени Радищеву пришлось жить въ Россіи — слезы, негодованіе, состраданіе, иронія — родная наша иронія, иронія утѣшительница, мстительница—всё это вылилось въ его превосходной книгѣ. Радищевъ гораздо ближе къ намъ, чѣмъ К. Щербатовъ, разумѣется его идеалы были также высоко на небѣ, какъ идеалы Щербатова—глубоко въ могилѣ; но это наши мечты, мечты Декабристовъ.

Радищевъ не стоитъ Даніиломъ въ пріемной зимняго дворца, онъ не ограничиваетъ первыми тремя классами свой міръ, онъ не имѣетъ личнаго озлобленія противъ Екатерины—онъ ѣдитъ по большой дорогѣ, онъ сочувствуетъ страданіямъ массъ, онъ говоритъ съ ямщиками, дворовыми, съ рекрутами и во всякомъ словѣ его мы находимъ съ ненавистью къ насилью — громкій протестъ противъ крѣпостнаго состоянія. Тогдашняя риторическая форма, филантропическая философія, которая преобладала въ французской литературѣ до реставраціи Бурбоновъ и поддѣльнаго

романтизма — устарѣло для насъ. Но юморъ его совершенно свѣжъ, совершенно истиненъ, и необычайно живъ. И чтобы онъ ни писалъ такъ и слышишъ знакомую струну, которую мы привыкли слышать и въ первыхъ стихотвореніяхъ Пушкина и въ Думахъ Рылѣева и въ собственномъ нашемъ сердцѣ.

Что для него были убѣжденія—это онъ доказалъ возвратясь изъ ссылки. Вызванный самимъ Александромъ I на работу, онъ надѣялся провесть нѣсколько своихъ мыслей и пуще всего мысль объ освобожденіи крестьянъ въ законодательство и когда — пятидесятилѣтній мечтатель — онъ убѣдился что нечего и думать объ этомъ—тогда онъ принялъ яду и умеръ!

К. Щербатовъ дошелъ до своей славянофильской точки воззрѣнія, сверхъ частныхъ причинъ, тѣмъ же путемъ которымъ на нашей памяти дошла до нее часть московской молодежи. Раздавленная николаевскимъ гнетомъ, не видя конца ему, не видя выхода — она прокляла петровскій періодъ, отрѣклась отъ него, и надѣла, нравственно и въ самомъ дѣлѣ—зипунъ.

Само собою разумѣется что въ этой лести, въ этихъ regrésailles есть натяжка. Когда Пуритане съ Щербатовскимъ омерзеніемъ смотрѣли на развратный дворъ Карла II, и качая головой вспоминали времена Протектора,

не надобно забывать что при всей утомительной суровости своей, пуританскіе нравы представляли во всей энергіи многія стороны англо-саксонскаго характера; на эти времена и теперь Англичанинъ обращается съ гордостью.

Допетровская русская жизнь не представляетъ такого прошедшаго, она была похожа на большой сонной прудъ, покрытый тиной; сверху до низу всё дремало въ этомъ затишьи, въ которомъ складывалось, осѣдало государство. Не приходя въ себя, безличныя поколѣнія, смѣнялись какъ листья на деревѣ, жили тѣсно, связанные тяжелыми, періодическими обрядами. Покой и отрицательная простота этой жизни не завидны. Въ природѣ все неразвитое тихо и покойно. Камень лежитъ себѣ вѣка увальнемъ, вывѣтриваясь по немногу, а птица часу на мѣстѣ не посидитъ.

А такъ какъ объективной истины, въ этомъ возвращеніи къ жизни, изъ которой мы выросли, нѣтъ и она только взята на зло, чтобъ современники казнились,—то К. Щербатовъ часто впадаетъ въ противурѣчія и просто въ ошибки. Можно-ли въ самомъ дѣлѣ дѣлить его негодованіе на женщинъ и дѣвицъ, что имъ лучше понравилось выѣзжать и одѣваться, чѣмъ всю жизнь проводить въ тюремномъ заключеніи отцовскаго или мужнина дома.

Тѣмъ больше что К. Щербатовъ, говоря о недостаткахъ и грубости императрицы Анны Іоанновны, прибавляетъ что причиною тому было ея старинное воспитаніе. Мы находимъ далѣе чрезвычайно человѣчественнымъ что невѣстамъ хотѣлось видѣть прежде брака своихъ жениховъ и очень довольны что русской, православный обычай— сватать и соединять пары помимо воли паціентовъ, остался въ употребленіи только на конскихъ заводахъ....

Но чтобъ понять желчевое увлеченіе К. Щербатова, надобно вспомнить что такое были пресловутые екатеринскіе времена въ серединѣ своего разгара. Со всякимъ днемъ пудра и блестки, румяна и мишура, Вольтеръ, Наказъ и прочія драпри покрывавшія матушку императрицу — падаютъ больше и больше и сѣдая развратница является въ своемъ дворцѣ "вольнаго обращенія" въ истинномъ видѣ.* Между "фонарикомъ" и эрмитажемъ разыгрывались сцены достойныя Шекспира, Тацита и Баркова. Дворъ— Россія жила тогда дворомъ — былъ постоянно раздѣленъ на партіи, безъ мысли, безъ государственныхъ людей во главѣ, безъ плана. У каждой партіи вмѣсто знамени гвардейской гладіаторъ, котораго сѣдые министры,

* Совѣтуемъ прочесть: La Cour de la Russie il y a cent ans — Берлинъ 1857. Книга эта составлена исключительно по письмамъ и депешамъ иностранныхъ пословъ.

сенаторы и полководцы толкаютъ въ опозоренную постель—прикрытую порфирой Мономаха. Потемкинъ, Орловы, Панинъ каждый имѣетъ запасъ кандидатовъ, за ними посылаютъ въ случаѣ надобности курьеровъ въ дѣйствующую армію. Особая статсъ-дама испытываетъ ихъ. Удостоеннаго водворяютъ во дворцѣ—(въ комнатахъ предшественника которому даютъ отступной тысячь пять крестьянъ въ крѣпость)—покрываютъ брильянтами, (пуговицы Ланскаго стоили 80,000 сереб.) звѣздами, лентами—и сама императрица везетъ его показывать въ оперу;—публика, предупрежденная, ломится въ театръ, и три дорого плотитъ чтобъ посмотрѣть новаго наложника.

Потемкинъ, этотъ не забавный blâsé, избалованный степной баричь на содержаніи, изъ котораго къ стыду Россіи сдѣлали великаго человѣка—стихами Державина, раболѣпіемъ дворцовой черни и наконецъ семинарской прозой Надеждина—Потемкинъ не любитъ шутить что касается до фаворитовъ, онъ позволяетъ Екатеринѣ брать подставныхъ сколько душѣ угодно, но только изъ его клевретовъ. Старуха въ отчаяніи, не слушается—и Потемкинъ грубитъ съ ней, бранится.

Le balâfré угрюмо живущій въ дальнемъ имѣніи услышалъ это—и снова является передъ женщиной которую посадилъ на престолъ — "Помогите мнѣ — говоритъ ему

императрица рыдая"—Я готовъ, отвѣчаетъ Графъ Алексѣй Григорьевичь.—Готовъ, значитъ на его языкѣ: готовъ задушить Потемкина если в. вел. угодно—такъ какъ задушилъ вашего мужа, такъ какъ сбылъ срукъ княжну Таракановy.—Но нервы вѣнчанной куртизаны ослабли, она шепчетъ старому сообщнику:—"Помиритесь съ нимъ, смягчите его" — Съ сожаленіемъ смотритъ на нее Чесменской, пожимаетъ плечами и идетъ прочь... Non, vous n'êtes plus ma Lisette! . . и оставляетъ уголовный дворецъ, въ которомъ сверхъ плачущей императрицы бродитъ Князь Григорій Орловъ—сошедшій съ ума. Съ воплемъ и дикими рѣчами ходитъ онъ изъ угла въ уголъ по кабинету Екатерины. Она не велитъ его останавливать — она съ оцѣпененіемъ и ужасомъ ходитъ за нимъ, слушаетъ его бредъ, съ ужасомъ видитъ въ его безуміи угрызенія совѣсти, кару за совершенное ими вмѣстѣ преступленіе и задавленная темными мыслями "не можетъ больше заниматься дѣлами весь день"—и только успокоивается ночью въ объятіяхъ новаго лейбъ-гвардейскаго гладіатора.

Вотъ міръ, о которомъ наши дѣды и отцы поминали съ умиленіемъ, міръ въ которомъ жилъ Щербатовъ—всякому честному человѣку должна была древняя Русь, показаться чистой и доблестной въ сравненіи съ этимъ безстыднымъ развратомъ, съ этимъ переходомъ Руси допетровской въ

новую Русь — черезъ публичный домъ. Современнику трудно было отдѣлиться отъ всего и широкимъ взглядомъ историка обнять это время; стоять возлѣ вообще мѣшаетъ хорошо видѣть, гармонія цѣлаго пропадаетъ, многое загорожено случайно-близкимъ — мелкое кажется громаднымъ.

Могъ ли думать Князь Щербатовъ когда онъ писалъ свой строгій разборъ дворцоваго разврата что въ одно мгновеніе, все сразу перемѣнится?—Часы пробили двѣнадцать и вмѣсто нелѣпости жирной масляницы — настаетъ противуположная нелѣпость суроваго поста. Дворецъ превращается въ смирительный домъ, вездѣ дребезжитъ барабанъ, вездѣ бьютъ палкой, бьютъ кнутомъ, тройки лѣтятъ въ Сибирь, императоръ маршируетъ, учитъ эспонтономъ, все безумно, безчеловѣчно, неблагородно; народъ по прежнему оттертъ, смятъ, ограбленъ, дикое своеволіе на верху, il n'y a de grand chez moi que celui à qui je parle et pendant que je lui parle—рабство, дисциплина, молчаніе, рундъ и высочайшіе приказы.

И въ тоже время Суворовъ на Альпахъ, подъ Требіей и Нови завязываетъ ту борьбу которая привела всю континентальную Европу въ Кремль, а нашу армію въ Парижъ.

Вотъ это то и отдѣляетъ такъ рѣзко петровскую эпоху

отъ московской что въ ней — какія бы обстоятельства ни были — чувствуется движеніе, чуется возбужденная мощь; можно выбится изъ силъ, можно погибнуть въ ней, но нѣтъ того удушья, безцвѣтнаго, безвыходнаго, утягивающаго безъ вѣсти какими то нѣмыми стихіями: и страданье и счастье и лица и поколѣнья...и всю допетровскую Русь.

Петербургская Россія не имѣетъ той безнадежной осѣдлости; она очевидно не есть достигнутое состояніе, а достиженіе чего то, это рѣпные зубы, которые должны выпасть; она носитъ во всѣхъ начинаніяхъ—характеръ переходнаго, временнаго, имперія стропилъ — столько же сколько фасадъ, она не въ самомъ дѣлѣ, не "въ заправду" какъ говорятъ дѣти. Это глиняная форма, которая была можетъ необходима чтобъ остановить, собрать славянскую распущенность—но которая сдѣлала свое дѣло; это хирургическая повязка которую надобно снять какъ только органы будутъ поздоровѣе она уже порвалась въ десяти мѣстахъ и по тѣмъ мышцамъ которые видны, можно судить о томъ на сколько мы выросли и окрѣпли.

Нашему нетерпѣнію мало (и самое это нетерпѣніе свидѣтельствуетъ о томъ же внутренномъ движеніи,—у насъ самихъ десять разъ опускались руки и мы останавлива-

лись исполненные ужаса и печали передъ уродливымъ, капризнымъ сфинксомъ—русскаго развитія.

Всё это понятно, но лишь бы люди не шли вспять—какъ Князь Щербатовъ и не предавались бы полному отчаянію какъ А. Радищевъ.

Медленно идетъ наше развитіе— срывается съ дороги—проводники плохи, давятъ народъ—топчутъ нивы—а какъ пріостановишся, оботрешь потъ съ лица, а иной разъ и слезы, да посмотришь назадъ—а пути то сдѣлано много!

Кто изъ насъ смѣлъ думать— пять лѣтъ тому назадъ, что твердыня крѣпостнаго права поддерживаемая розгой внутри и штыками снаружи—покачнется?

И кто же скажетъ что вслѣдъ за нею не рухнетъ и табель о рангахъ, и потаенный судъ, и произволъ министровъ и управленіе основанное на тѣлесныхъ наказаніяхъ и боящееся гласности?

Что по дорогѣ будутъ не только времена устали, но безумной реакціи — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія — для этого достаточно знать главныхъ актеровъ. Да вѣдь исторической путь и не есть прогулка по Невскому!

И—ръ.

Путней.
25 Мая 1858.

О ПОВРЕЖДЕНІИ НРАВОВЪ

ВЪ РОССІИ.

КНЯЗЯ ЩЕРБАТОВА.

"Нѣтъ кажется надобности доказывать подлинность сочиненія "О поврежденіи нравовъ въ Россіи". Въ немъ заключаются такія подробности придворной жизни, которыя могли быть описаны только современникомъ Екатерины II. Во всемъ разсказѣ виденъ живой человѣкъ, весь проникнутый мыслію, которую онъ старается доказать, человѣкъ, принадлежащій къ XVIII столѣтію, ненавидящій Екатерину, перетолковывающій ея поступки, слова и даже мысли, отзывающійся объ ней съ тою раздражительностью, къ которой могъ быть способенъ только современникъ, недовольный императрицею по личнымъ отношеніямъ. Едва ли нужно говорить, что мы нисколько несочувствуемъ направленію Щербатова, признаемъ основную мысль его совершенно ложною и что сочиненіе его имѣетъ въ ва-

шихъ глазахъ одно значеніе—богатаго историческаго матеріала!"

(Изъ письма при которомъ мы получили рукопись М. М. Щербатова. (*)

(*) Мы держались правописанія намъ присланнаго списка. Точки показывають мѣста неразобранныя переписывавшимъ въ оригиналѣ.

Взирая на нынѣшнее состояніе отечества моего, съ таковымъ окомъ, каковое можетъ имѣть человѣкъ, воспитанный по строгимъ древнимъ правиламъ, у коего страсти уже лѣтами въ ослабленіе пришли, а довольное испытаніе подало потребное просвѣщеніе, дабы судить о вещахъ, немогу я неудивляться, въ коль краткое время повредилися повсюдно нравы въ Россіи. Въ истину могу я сказать, что естли вступя позже другихъ народовъ въ путь просвѣщенія, намъ ничего неоставалось болѣе, какъ благоразумно послѣдовать стезямъ прежде просвѣщенныхъ народовъ, — мы подлинно въ людкости и въ нѣкоторыхъ другихъ вещахъ, можно сказать удивительные имѣли успѣхи и исполинскими шагами шествовали къ поправленію нашихъ внѣшностей. Но тогда-же съ гораздо вящей скоростью бѣжали къ повреждению нашихъ нравовъ, и достигли даже до того, что Вѣра и Божественный законъ въ сердцахъ нашихъ истребились, тайны божественныя въ презрѣніе впали, гражданскія узаконенія презираемы стали; судіи вовсякихъ дѣлахъ нетолъ стали стараться, объясня дѣло, учинить свои заключенія на основаніи узаконеній, какъ о томъ, чтобы, лихоим-

ственно продавая правосудіе, получить себѣ прибытокъ, или, угождая какому вельможѣ стараются проникать, какое есть его хотѣніе ; другіеже незная и не стараясь узнать узаконеній, въ сужденіяхъ своихъ, какъ безумные бредятъ, и ни жизнь, ни честь, ни имѣнія гражданскія несуть безопасны отъ таковыхъ неправосудій. Несть ни почтенія отъ чадъ къ родителямъ, которые не стыдятся открытно ихъ волѣ противуборствовать и осмѣивать ихъ стараго вѣка поступокъ. Несть ни родительской любви къ ихъ исчадію, которые, яко иго съ плечь слагая, съ радостью отдаютъ воспитывать чуждымъ дѣтей своихъ, часто жертвуютъ ихъ своимъ прибыткамъ и многіе учинились для честолюбія и пышности продавцами чести дочерей своихъ. Несть искренней любви между супруговъ, которые часто другъ другу хлодно терпя взаимственныя прелюбодѣянія, или другіе за малое что разрушаютъ собою церковью заключенный бракъ, и не токмо нестыдятся, но паче яко хвалятся симъ поступкомъ. Несть родственническія связи, ибо имя родовъ своихъ зачнто почитаютъ, но каждый живетъ для себя. Несть дружбы, ибо каждый жертвуетъ другомъ, для пользы своея. Несть вѣрности къ Государю, ибо главное стремленіе почти всѣхъ обманывать Государя, дабы отъ него получать чины и прибыточныя награжденія. Несть любви къ отечеству, ибо почти всѣ служатъ болѣе для пользы своей, нежели для пользы отечества ; и наконецъ несть твердости духу, дабы не токмо истину предъ монархомъ сказать; но ниже времепщику въ беззаконномъ и зловредномъ его намѣреніи попротивиться.

Толь совершенное истребленіе всѣхъ благихъ нравовъ, грозящее паденіемъ государству, конечно должно какія

основательныя причины имѣть, которыя въ первыхъ я потщусь открыть, а потомъ показать и самую исторію, какъ нравы часъ отъ часу повреждались, даже какъ дошли до настоящей развратительности.

Стеченіе многихъ страстей можетъ произвести такое повреженіе нравовъ, а однако главнѣе изъ нихъ я почитаю сластолюбіе. Ибо оно рождаетъ разныя стремительныя хотѣнія, а дабы достигнуть до удовольствія оныхъ, часто человѣкъ ничего нещадитъ.

Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, предавшій себя весь своимъ безпорядочнымъ хотѣніямъ и обожа внутри сердца своего свои стремительныя страсти, мало уже помышляетъ о законѣ Божіемъ, а тѣмъ меньше еще о узаконеніяхъ страны, въ которой живетъ. Имѣя себя единаго въ виду, можетъ-ли онъ быть сострадателемъ къ ближнему и сохранить нужную связь родства и дружбы. А какъ Государя щитаетъ источникомъ, отъ коего можетъ получить такія награжденія, которыя могутъ дать ему способы исполнить свое сладострастіе, то привязывается къ нему, но не съ тою вѣрностью, каковую бы долженъ подданный къ Самодержцу своему имѣть, но съ тѣмъ стремленіемъ, къ чему ведетъ его страсть, то есть, чтобы угождать вовсемъ Государю, льстить его страстямъ и подвигнуть его награждать его. А таковыя расположенія нераждаютъ твердости; ибо можетъ-ли тотъ быть твердъ, который всегда трепещетъ недостигнуть до своего предмета и котораго твердость явнымъ образомъ отъ онаго удаляетъ. Іулій Цезарь, толь искусный въ познаніи сердецъ человѣческихъ, яко искусетель въ воинныхъ и политическихъ дѣлахъ, который умѣлъ побѣждать вооруженныхъ противу него враговъ, и побѣж-

денныхъ сердца къ себѣ обращать, не иное что къ утвержденію своея похищенныя власти употребилъ, какъ большія награжденія, дабы введши черезъ сіе сластолюбіе, къ нему якобы къ источнику раздаяній болѣе людей привязались. Не токмо всѣмъ своимъ поступкомъ изъявлялъ такія свои мысли, но и самыми словами единожды ихъ изъяснилъ. Случилось, что ему доносили нѣчто на Антонія и на Долабелу, якобы онъ ихъ долженъ опасаться. Отвѣчалъ, что онъ сихъ въ широкихъ и покойныхъ одеждахъ ходящихъ людей, любящихъ свои удовольствія и роскошь, никогда страшиться причины имѣть неможетъ.

Но сіи люди продолжалъ онъ, которые о великолѣпности, ни о спокойствіи одеждъ нерадятъ, сіи же роскошъ презираютъ и малое почти за излишнее считаютъ, каковы суть Брутусъ и Кассій, ему опасны, вразсужденіи намѣренія его лишить вольности римской народъ. Не ошибся онъ въ семъ; ибо подлинно сіи его тридцати тремя ударами издыхающей римской вольности пожертвовали.

И такъ самый сей примѣръ и доказуетъ намъ, что не въ роскоши и сластолюбіи издыхающая римская вольность обрѣла себѣ защищеніе, но въ строгости нравовъ и въ умѣренности.

Отложа всѣ суровости, слѣдствія непросвѣщенія и скитающейся жизни дикихъ народовъ, разсмотримъ ихъ внутреннія и неистребленныя вліянныя природою въ сердце человѣческое добродѣтели. Худы-ли или хороши ихъ законы, они имъ строго послѣдуютъ; обязательства ихъ суть священны, и почти неслышно, чтобы когда кто супругѣ или ближнему измѣнилъ; твердость ихъ есть невѣроятна; они за честь себѣ считаютъ нетолько безъ страху но и съ презрѣніемъ мученій умереть; щедрость ихъ похвальна; ибо все что общество трудами своими пріобрѣтаетъ, то

все равно въ обществѣ дѣлится, и нигдѣ я непашелъ, чтобы дикіе странствующіе и непросвѣщенные народы похитили у собратій своихъ плоды собственныхъ своихъ трудовъ, дабы свое состояніе лучше другихъ сдѣлать. А все сіе происходитъ, что несть въ нихъ и незнаютъ они сластолюбія, слѣдственно и никакаго желанія, клонящагося въ ущербъ другому.

Довольно я уже показалъ, что источникъ повреждения есть сластолюбіе, приступлю теперь показывать какими степенями достигло оно толико повредить сердца моихъ единоземцевъ. — Но дабы говорить о семъ надлежитъ сперва показать состояніе нравовъ Россіянъ до царствованія Петра Великаго.—

Не токмо подданные но и самые государи наши жизнь вели весьма простую: дворцы ихъ были необширны, яко свидѣтельствуютъ оставшіяся древнія зданія. Семь или восемь а много десять комнатъ составляли уже довольное число для вмѣщенія Государя. Оныя состояли: крестовая, она же была и аудіенцъ-камера, ибо тутъ приходили и ожидали Государя бояре и другіе саповники; столовая, гораздо небольшая, ибо по разрядныимъ книгамъ видимъ, что весьма малое число бояръ удостоивалось имѣть честь быть за столомъ у Государя; и для какихъ великолѣпныхъ торжествъ была назначена Грановитая Палата. Незнаю я была ли у Государей предспальняя; но, кажется, по расположеніи старыхъ дворцовъ, которые я запомню, ей быть надлежало. Спальня и оная была не разная съ царицами, но всегда одна. За спальнею были покои для дѣвушекъ царицинихъ, и обыкновенно оная была одна, и для малолѣтнихъ дѣтей царскихъ, которыя по два и

по три въ одной комнатѣ живали, когда же возрастали, то давались имъ особливыя покои; но и оныя состояли небольше изъ трехъ комнатъ, то есть, крестовой, спальни и заспальной комнаты. Самые дворцы сіи большихъ украшеній неимѣли, ибо стѣны были голыя и скамьи стояли покрыты кармазиннымъ сукномъ, а изыскуемое было великолѣпіе, когда дурною, рѣзною работою вокругъ дверей были сдѣланы украшенія, стѣны и своды вымазаны иконописнымъ письмомъ, образами святыхъ, или такъ цвѣты на подобіе арабеска, а естли было нѣсколько орѣховыхъ стульевъ или креселъ для царя или царицы, обитыхъ сукномъ или трипомъ, то сіе уже высшая степень великолѣпія была. Кроватей съ занавѣсами незнали, но спали безъ занавѣсокъ. А уже въ послѣднія времена токмо, яко знатное великолѣпіе было, что обили въ царскомъ домѣ крестовую палату, бывшую возлѣ краснаго крыльца, я помню самъ съ почернѣлыми ея обоями.

Столъ государевъ соотвѣтствовалъ сей простотѣ, ибо хотя я того утвердить и не могу, чтобы Государи кушивали не на серебрѣ; но потому что въ мастерской палатѣ невижу порядочнаго сервизу серебрянаго, заключаю, что тогда государи кушали на оловѣ; а серебряныя блюда и сдѣланныя горы, на подобіе Синайскихъ, также и другія столовыя украшенія употреблялись только въ торжественные дни.

Кушанье ихъ сходственно съ тѣмъ-же было; хотя блюда были многочисленны, но они всѣ состояли изъ простыхъ вещей. Говядина, баранина, свинина, куры индейскія, утки, куры русскія, тетерева и поросята были довольны для составленія великолѣпнѣйшаго стола, съ прибавленіемъ множества пирожнаго, не всегда изъ чистой крупичатой

муки сдѣланнаго; телятину мало употребляли, а поеныхъ телятъ и каплуновъ и незнали. Высочайшее - же великолѣпіе состояло, чтобы кость жаренаго и ветчины обернуть золотою бумагою, мѣстами пироги раззолотить и тому подобное. Потомъ не знали ни капорцовъ ни оливковъ, ни другихъ приготовленій для побужденія апетиту, по довольствовались огурцами солеными, сливами и наконецъ за великолѣпіе считалось подать студень съ солеными лимонами.

Рыбный столъ еще тощѣе мяснаго былъ, Садковъ купеческихъ было очень мало и не имѣли искуства изъ дальнихъ мѣстъ дорогую, живую рыбу привозить, да къ томуже Государевъ дворъ былъ не на подрядѣ, по изъ волостей своихъ всѣмъ довольствовался. И такъ въ Москвѣ, гдѣ мало состояло обильства рыбы, довольствовался токмо тою рыбою, которую въ Москвѣ рѣкѣ и въ ближнихъ рѣчкахъ ловили, а какъ происходилъ чувствительный недостатокъ въ столѣ Государевѣ, то, сего ради, какъ въ самой Москвѣ, такъ и по всѣмъ государевымъ селамъ сдѣланы были пруды, изъ которыхъ ловили рыбу про столъ государевъ, впрочемъ же употребляли соленую, привозя изъ городовъ, изъ которыхъ на многіе, гдѣ есть рыбныя ловли и въ дань оная была положена, какъ мнѣ самому случалось видѣть въ Ростовѣ грамоты о сей дани. А зимою привозили и изъ далекихъ мѣстъ рыбу, мерзлую и засоленую, которая къ столу Государя употреблялась.

Дессертъ ихъ такой же простоты былъ; ибо изюмъ, коринка, винныя ягоды, черносливъ и медовыя пастилы состовляли опый, что касается до сухихъ вещей. Свѣжія же лѣтомъ и осенью были: яблоки, груши, горохъ, бабы и огурцы; а думаю, что дынь и арбузовъ и незнали, развѣ

когда нѣсколько арбузовъ привезутъ изъ Астрахани. Привозили еще и виноградъ въ патакѣ а свѣжаго и понятія неимѣли привозить, ибо оный уже моей памяти въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны, тщаніями Ивана Антоновича Черкасова, кабинетъ-министра, началъ свѣжій привозиться.

Для толь малаго числа покоевъ не много бы освѣщенія надобно; но и тутъ нетокмо неупотребляли, но и за грѣхъ щитали употреблять восковыя свѣчи, а освѣщены были компаты сальными свѣчами, да и тѣхъ не десятками или сотнями поставляли, а велика уже та компата была, гдѣ четыре свѣчи на подсвѣчникахъ поставлялись. Напитки состояли: квасъ, кислы щи, пиво и разные меды. Изъ простова вина сдѣланная водка; вины—церковное, то есть красное ординарное вино; ренское, подъ симъ именемъ разумѣися нетокмо рейнвейнъ, но также и всякое бѣлое ординарное вино; романея, то есть греческія сладкія вина и аликантъ, которые чужестранные напитки съ великою бережливостью употребляли, и погреба, гдѣ они содержались, назывались фряжскія; потому что какъ первые оные, а паче греческіе получались черезъ фрапковъ, а другія знали, что изъ Франціи идутъ, то общее имя имъ и дали фряжскихъ винъ.

Таковъ былъ столъ государевъ, въ разсужденіи кушанья и напитковъ, посмотримъ какіе ихъ были екипажи. Государи и всѣ бояре лѣтомъ ѣздили всегда верхомъ, а зимою въ открытыхъ саняхъ; но въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ находимъ по лѣтописцамъ, что въ случаѣ болѣзни, когда Государь въ походѣ занеможетъ, то также сани употребляли и лѣтомъ, и правда, что въ верховой ѣздѣ государское великое было великолѣпіе, яко видно по

оставшимся конскимъ уборамъ хранящимся въ мастерской палатѣ. Арчаги сѣдлъ были съ каменьями, стремена также каменьями были покрыты; подушки бархотныя, шитыя или золотомъ, или серебромъ, или и низанныя жемчугомъ, съ запонами драгоцѣнныхъ каменьевъ, попоны томуже великолѣпію подобныя, бархатныя или аксаметныя золотыя, съ шитьемъ, и съ низаньемъ и съ каменьями. Но сіе азіатское великолѣпіе неубыточно было, ибо сдѣланные однажды таковые уборы на многія столѣтія могли служить.

Царицы же ѣзжали обыкновенно въ колымагахъ, родъ каретъ, сдѣланныхъ снаружи на подобіе фурмановъ, гдѣ не было ни мѣста чтобъ сидѣть, ни окошекъ, но клали внутри пуховики для сидѣнья, а вмѣсто нынѣшнихъ драгоцѣнныхъ точеныхъ стеколъ, опускающеюся кожею окошки и двери закрывали. Не могли такія коляски удобны быть ни къ какому украшенію, ибо снаружи всѣ обиты были кожею, а верхъ великолѣпія въ дѣланіи оныхъ состоялъ, чтобы наружную кожу мѣстами позолоченную и тисненную употребить. Каретъ же нетокмо не знали по и воображенія о нихъ неимѣли, ибо уже въ царствованіе Петра Великаго ближній мой свойственникъ, бояринъ Михайло Ивановичь Лыковъ, человѣкъ пребогатый, бывши воеводою у города Архангельскаго, выписалъ орѣховую, украшенную рѣзбою карету, съ точеными стеклами, по смерти его сія карета досталась дѣду моему и почиталась столь завидною и драгоцѣнною вещью, хотя и снова тысячи рублей нестоила, что к. М... (князь Меншиковъ?) дѣлалъ нападки на дѣда моего, чтобы ее получить, и за неотданіе учинилъ, что дѣдъ мой лишился всѣхъ недвижимыхъ имѣній, которыя надлежало бы ему наслѣдовать послѣ супруги к. Лыкова.

Воззримъ теперь на одежды царскія. Онѣ были великолѣпны. Въ торжественныхъ ихъ одѣяніяхъ злато, жемчугъ

и каменья повсюду блистали; но обыкновенныя одежды, въ коихъ болѣе наблюдали спокойствія, нежели великолѣпія, были просты, а потому не могли быть причиною сластолюбія; а торжественныя столь рѣдко употреблялись и толь крѣпки были, что ихъ за посильныя одежды и почитать недолжно; но были они яко какіе коронные сосуды, опредѣленные токмо для показанія великолѣпія монарша; а естли не самыя одежды, то по крайней мѣрѣ украшенія ихъ, бывъ сдѣланы изъ золотыхъ бляхъ, жемчугу и каменей изъ роду въ родъ переходили. Но общимъ образомъ сказать: небыло никакихъ ни изыскуемыхъ и тлѣнныхъ украшеній, ни великаго числа платей, но пять или - шесть а много до десяти платьевъ когда имѣлъ царь или царица, то уже довольно считалось, да и тѣ нашивали до износу, развѣ изъ особливой милости кому съ плеча своего платья пожалуютъ.

Главной же роскошъ въ царскихъ обыкновенныхъ платьяхъ состоялъ въ драгоцѣнныхъ мѣхахъ, которые они для подкладки и на опушку одѣяній своихъ употребляли, но мѣха сіи некупленные и не изъ чуждыхъ Государствъ привезенные были; но дань собираемая съ сибирскихъ народовъ. Впрочемъ царицы имѣли обычай носить длинныя, тонкія, полотняныя у сорочекъ рукава, которыя на руку набирали и сіи были иногда толь длинны, что даже до двадцати аршинъ полотна на нихъ употреблялось.

Се есть все что я могъ собрать о родѣ питья, выѣзду, одежды царской а сіе самое и показуетъ коликая простота во всемъ ономъ находилась. Бояре и прочіе чиновники, по мѣрѣ ихъ состоянія, подобную же жизнь вели, стараясь притомъ, изъ почтенія по царскому сану, никогда и къ простому сему великолѣпію не приближаться. А болѣе всего сохраняло отъ сластолюбія, что ниже имѣли

понятія о перемѣнѣ модъ; но что дѣды пашивали, то и внучата, непочитаясь староманерными носили и употребляли. Бывали у бояръ златотканныя, богатыя одѣянія, которыя просто золотами назвали, и не инако надѣвали, когда для какаго торжественнаго случая, повелѣно имъ было въ золотахъ ко двору собираться, а посему сіи одежды имъ на долго служили, и я заподлинно слыхалъ, что не стыдились и сыновья, покончивъ родителей своихъ тоже платье носить. Однако есть никакаго общества, кудабы великолѣпіе и роскошъ не вкрадывались,—то, колико, кажется мнѣ, главное великолѣпіе состояло у бояръ имѣть великое число служителей. Великолѣпіе можетъ быть до излишества доведенное; но въ самомъ дѣлѣ основанное на нуждѣ, ибо бояри съ людьми своими хоживали на войну. И оные обще и воиновъ государственныхъ и защитниковъ въ опасномъ случаѣ своимъ господамъ были. По въ мирное время за честь себѣ бояре щитали, когда ѣдить по городу, чтобы ему предшествовали человѣкъ пятдесятъ слугъ пѣшками; слыхалъ я что и самыя боярыни нетокмо куда вознатное посѣщеніе, но ниже къ обѣдни къ своему приходу стыдились безъ предшествованія двадцати или тридцати слугъ ѣхать. Однако содержаніе сихъ слугъ недорого стоило: давали имъ пищу и весьма малое на сапоги жалованье а въ прочемъ они содержались своимъ искуствомъ, дома носили сѣрые, сермяжные кавтаны, а при выѣздѣ господина или госпожи, какой у кого получше кавтанъ сыщится, ибо тогда ливреи незнали; и я самъ запомню, что безъ гостей званныхъ, во всѣхъ домахъ лакеи ливреи не надѣвали, а употребленные къ должностямъ люди, которыхъ бывало мало, носили такія кавтаны, какіе случится.

Остается мнѣ еще сказать, что небыло тогда ни единаго,

ктобы имѣлъ открытый столъ; но развѣ ближніе самые родственники безъ зову куда обѣдать ѣздили, а посторонніе инако неѣзжали какъ токмо званные и могли сидѣть поутру до часу обѣденнаго, а ввечеру до ужина небывъ уняты обѣдать или ужинать.

Таковые обычаи чинили, что почти всякій, по состоянію своему безъ нужды могъ своими доходами проживать и имѣть все нужное, непростирая къ лучшему своего желанія, ибо лучшаго никто и незналъ. А потомуже воспитаніе въ набожіи, хотя иногда дѣлало иныхъ суевѣрными, но влагало страхъ закона Божія, который утверждался въ сердцахъ ихъ ежедневною домашнею, божественною службою. Не было разныхъ для увеселенія сочиненныхъ книгъ и тако скука и уединенная жизнь заставляла читать божественное писаніе, иначе: въ Вѣрѣ утверждаться.

Правленіе деревень занимало большую часть время, а сіе правленіе влекло за собою разсмотрѣніе разныхъ крѣпостей и заведенныхъ разныхъ приказныхъ дѣлъ, которыя понуждали вникнуть въ узаконеніе государства, и за честь себѣ щитали младые люди хаживать сами вездѣ, какъ я въ родѣ своемъ имѣю примѣры, что Кн. Дмитрій Ѳедоровичь Щербатовъ, хаживалъ нетокмо по своимъ дѣламъ, но и почужимъ и толь учинился благоразуміемъ своимъ знаемъ боярину Князь Ѳедору Ѳедоровичу Волконскому, что сей, хотя Кн. Щербатовъ по причинѣ раззоренія дому его, а купно съ убіеніемъ дѣда его Саввы ..... Щербатова отъ самозванца Отрепьева, и въ бѣдности находился, однако сей боринъ, человѣкъ, весьма богатый, дочь свою и наслѣдницу своего имѣнія за него отдалъ и Кн. Иванъ Андреичь Щербатовъ, который послѣ былъ министромъ въ Гишпаніи, Царградѣ и Англіи и наконецъ дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ и ордена

Св. Александра Невскаго Кавалеромъ, по своимъ дѣламъ въ молодости своей вездѣ хаживалъ.

Почтеніе къ родамъ умножило еще твердость въ сердцахъ нашихъ предковъ;—безпрестанные суды мѣстничества питали ихъ гордость; пребываніе въ совокупленіи умножало связь между родовъ и содѣловало ихъ безопасность что твердое предпринять, а тогдаже и налагало узду кому что недостойное имени своего сдѣлать; ибо безчестіе одного весь родъ того имени себѣ щиталъ. А сіе нетокмо молодыхъ людей, но и самыхъ престарѣлыхъ въ ихъ должности удерживало. Благородной гордости бояръ мы многіе знаки обрѣтаемъ.

Князь Симскій Хабаровъ, бывъ припуждаемъ уступить мѣсто Малютѣ - Скуратову, съ твердостью отрекся, и когда царемъ Іоанномъ Васильевичемъ пужденъ былъ за сіе на смерть, послѣднѣю милость себѣ просилъ, чтобы, прежде его, два сына его были умервщлены, яко, бывъ люди молодые, ради страха гоненія и смерти, чего не достойнаго роду своему неучинили. Князь Михайло Петровичь Репнинъ лучше восхотѣлъ потѣрпѣть гнѣвъ Царя Іоанна Васильевича и наконецъ убіеніе, нежели сообщникомъ учиниться распустныхъ его забавъ. Соединеніе же родовъ толь твердо было, что ни строгой обычай Царя Іоанна Васильевича, ни казни немогли возбранить, чтобы совокупясь многими родами, непросили у сего Государя пощады своимъ родственникамъ и свойственникамъ, осужденнымъ на казнь и бралися быть поруками впредь за поступки того, яко свидѣтельствуютъ сіе многія, сохраненныя грамоты въ Архивѣ Иностранной Коллегіи, гдѣ таковыя поручныя подписи есть и дѣдъ мой, Князь Юрій Ѳедоровичь Щербатовъ неустрашился у раз-

гнѣвленнаго Государя Петра Великаго, по царевичеву дѣлу, за родственника своего, ведомаго на казнь, прощеніе просить, прося, что естли неучинено будетъ милосердіе, дабы его самаго въ старыхъ лѣтахъ сущаго, лишить жизни, да неувидятъ очи его безчестія роду и племени своего, и пощаду родственнику своему испросилъ.

Такая тѣсная связь между родовъ обуздывала страсти юношей, которые нетокмо бывъ воспитываемы въ совершенномъ почтеніи и безпрекословномъ повиновеніи къ ихъ родителямъ, обязаны были почитать всѣхъ старшихъ своего рода и въ нихъ обрѣтали строгихъ надзирателей своихъ поступковъ; такъ какъ защитниковъ во всякомъ случаѣ.

Самые, хотя мало остающіеся обычаи нынѣ сіе свидѣтельствуютъ, которые, въ младости моей помню, яко священные законы хранились, чтобъ молодые люди каждый праздникъ пріѣзжали по утрамъ къ ихъ старшимъ родственникамъ для изъявленія почтенія ихъ, и чтобъ ближеніе родственники и свойственники съѣзжались загавливаться и разгавливаться къ старшему.

Самые самовластнѣйшіе Государи принуждены иногда бываютъ послѣдовать умоначертанію своего народа, такъ наши Государи и послѣдовали утверждать сіи обычаи, нетокмо снизходя на просьбы благородныхъ, но также производя предпочтительно предъ другими изъ знатнѣйшихъ родовъ; и мы находимъ въ родѣ Князей Репниныхъ, что многіе изъ столниковъ, миновавъ чинъ окольничаго, прямо въ бояре были жалованы. Преимущество сіе часто и младымъ людямъ учиненное моглобы подать причину подумать: что опое обращалось въ обиду другимъ, но сего не было; ибо не по однимъ чинамъ тогда благородныхъ почитали, но и по рожденіямъ

ихъ, и тако чины давали токмо должности, а рожденіе пріобрѣтало почтеніе.

Въ воздояніе за такое снисхожденіе Государей получали они, что находили въ благородныхъ—вѣрныхъ, усердныхъ и твердыхъ слугъ. Потщусь я нѣсколько мнѣ извѣстныхъ примѣровъ предложить. Аѳанасій Нагой бывъ посломъ въ Крыму и многое претерпѣвая отъ наглостей Крымскихъ, хотя выбиваемъ былъ Ханомъ изъ Крыму, чувствуя нужду его пребыванія въ семъ полуостровѣ, объявилъ, что онъ развѣ связанный будетъ вывезенъ изъ Крыму, а безъ того непоѣдитъ, хотя бы ему смерть претерпѣть. Князь Борисъ Алексѣичь Голицынъ предпочелъ сохраненіе здоровья Государева возвышенію своего рода, спасъ Петра Великаго во младенчествѣ и виппому своему родственнику пощаду живота испросилъ. Прозоровскій, вовремя трудныхъ обстоятельствъ начала Шведскія войны, соблюлъ великое число казны и государственныя вещи, повелѣнныя Государемъ изломать и перебить въ монету, утаилъ, давъ вмѣсто ихъ собственное свое серебро, и при благополучнѣйшихъ обстоятельствахъ, когда Государь самъ сожалѣлъ объ истребленіи сихъ вещей, цѣлыя, не желая никакого возмездія возвратилъ. — Борисъ Петровичь Шереметевъ судъ царевичевъ неподписалъ, говоря, что "онъ рожденъ служить своему Государю, а не кровь его судить" и не устрашился гнѣву Государева, который нѣсколько времени на него былъ въ гнѣвѣ яко внутренне на доброжелателя несчастнаго царевича.—Князь Яковъ Ѳедоров. Долгоруковъ многія дѣла, Государемъ подписанныя, останавливалъ, давая ему всегда справедливые совѣты, и гнѣвъ Государской, за чистое его противуборство воли его на, почтеніе обращалъ; а тѣмъ открывалъ путь обще къ славѣ своего Государя и

къ блажепству народному. Сіи были остатки древняго воспитанія и древняго правленія.—

Воззримъ же теперь какія перемѣны учинили въ насъ нужная, но, можетъ быть, излишняя перемѣна Петромъ Великимъ, и какъ отъ оныя пороки зачали вкрадываться въ души наши, даже какъ царствованіе отъ царствованія они часъ отъ часу, вмѣстѣ съ сластолюбіемъ возрастая, дошли до такой степени, какъ выше о нихъ упомянулъ. Сіе сочинитъ купно исторію правленій и пороковъ.—

Петръ Великій, подражая чужестраннымъ народамъ, не токмо тщался ввести познанія наукъ, искуствъ и ремеслъ, военное порядочное устроеніе, торговлю и приличнѣйшія узаконенія въ свое государство, также старался ввести и таковую людскость, сообщеніе и великолѣпіе, о коемъ ему сперва Лефортъ натвердилъ, а потомъ которое и самъ онъ усмотрѣлъ. Среди нужныхъ установленій законодательства, учрежденія войскъ и артиллеріи, не меньше онъ прилагалъ намѣренія являющіяся ему грубые, древніе нравы смягчить. Повелѣлъ онъ бороды брить, отмѣнилъ старинныя, русскія одѣянія и вмѣсто длинныхъ платьевъ заставилъ мужчинъ нѣмецкіе кавтаны носить, а женщинъ, вмѣсто тѣлогреи, бострги, юбки, шлафорки и самары, вмѣсто подкалковъ, фонтанжами и корнетами голову украшать. Учредилъ разныя собранія, гдѣ женщины, до сего отдаленныя отъ сообщеніи мужчинъ, вмѣстѣ съ ними при веселіяхъ присутствовали. Пріятно было женскому полу, бывшему почти до сего невольницами въ домахъ своихъ, пользоваться всѣми удовольствіями общества, украшать себя одѣяніями и уборами, умножающими красоту лица ихъ, и оказующими ихъ хорошій станъ; не малое же имъ удо-

вольствіе учинило, что должны прежде видѣть съ кѣмъ на вѣкъ должны совокупиться, и что лица жениховъ ихъ и мужей уже не покрыты стали колючими бородами. А съ другой стороны пріятно было молодымъ и незаматерѣлымъ въ древнихъ обычаяхъ людямъ, вольное обхожденіе съ женскимъ поломъ, и что могутъ напередъ видѣть и познать своихъ невѣсть, на которыхъ прежде, повѣряя взору родителей своихъ женивались. — Страсть любовная, до того почти въ грубыхъ нравахъ незнаемая, начала чувствительными сердцами овладѣвать, и первое утвержденіе сей перемѣны отъ дѣйствія чувствъ произошло. А сіе самое и учинило, что жены, до того нечувствующія своей красоты, начали силу ея познавать, стали стараться умножать ее пристойными одѣяніями, и болѣе предковъ своихъ распростерли роскошь въ украшеніяхъ. О коль желаніе быть пріятной дѣйствуетъ надъ чувствіями женъ! Я отъ вѣрныхъ людей слыхалъ, что тогда въ Москвѣ была одна только уборица для волосовъ женскихъ и ежели къ какому празднику когда должны были младыя женщины убираться, тогда случалось, что она за трои сутки нѣкоторыхъ убирала, и онѣ должны были до дня выѣзда сидя спать, чтобы убору не испортить. Можетъ быть сему неповѣрять нынѣ, но я паки подтверждаю, что я сіе отъ столь важныхъ людей слышалъ, что въ семъ сомнѣваться недолжно. Естли страсть быть пріятной такое дѣйствіе надъ женами производила, немогла она неимѣть дѣйствія и надъ мущинами, хотящими имъ угодными быть, то тщаніе украшеній туже роскошъ раждала. И уже престали довольствоваться однимъ или двумя длинными платьями, но многія съ голунами, съ шитьемъ и съ пондесланами (?) дѣлать начали.

Колико самъ государь ни держался древней простоты нравовъ въ своей одеждѣ, такъ что кромѣ простыхъ кавта-

повъ и мундировъ никогда богатыхъ непашивалъ, и токмо, для коронаціи Императрицы Екатерины Алексѣевны, своей супруги, сдѣлалъ голубой гродетуровой кавтанъ съ серебреннымъ шитьемъ; да сказываютъ еще у него былъ другой кавтанъ дикой съ золотымъ шитьемъ, незнаю, для какаго знатнаго же случая сдѣланной. Прочее было все такъ просто, что и бѣднѣйшій человѣкъ нынѣ того носить не станетъ, какъ видно по оставшимся его одеждамъ, которыя хранятся въ кунштъ-камерѣ при Императорской Академіи Наукъ. Манжетъ онъ не любилъ и не нашивалъ, яко свидѣтельствуютъ его портреты; богатыхъ экипажей неимѣлъ, но обыкновенно ѣзжалъ въ городахъ въ одноколкѣ, а въ дальномъ пути въ качалкѣ. Множество служителей и придворныхъ у него не было, но были у него дельщики и даже караулу окромѣ какъ полковника гвардіи неимѣлъ. Однако при такой собственной особѣ его простотѣ, хотѣлъ онъ, чтобы подданные его нѣкоторое великолѣпіе имѣли. Я думаю, что сей великій государь, который ничего безъ дальновидности не дѣлалъ, имѣлъ себѣ въ предметѣ, чтобы великолѣпіемъ и роскошью подданыхъ побудить торговлю, фабрики и ремеслы, бывъ увѣренъ, что при жизни его излишнее великолѣпіе и сластолюбіе не утвердитъ престола своего при царскомъ дворѣ. И такъ мы находимъ, что онъ побуждалъ нѣкоторое великолѣпіе въ платьяхъ, какъ видимъ мы, что во время торжественнаго входу, послѣ взятія азовскаго, генералъ-адмиралъ Лефортъ шелъ въ краспомъ кавтанѣ съ голунами по швамъ, и другіе генералы также богатые кавтаны имѣли; ибо тогда генералы мундировъ не нашивали. Богатые люди изъ первосановниковъ двора, или которые благодѣяніями его были обогащены, какъ Трубецкіе, Шереметевъ и Меншиковъ, въ торжественные дни уже старались имѣть богатыя платья.

Парчи и галуны стали какъ у женъ, такъ и у мужей въ употребленіи, и хотя нечасто таковыя платья надѣвали, моды хотя долго продолжались, однако онѣ были, и по достатку своему оные уже ихъ чаще, нежели при прежнихъ обычаяхъ дѣлали. Вмѣсто саней и верховой ѣзды и вмѣсто колымагъ, не терпящихъ украшеній, появились уже кареты и коляски, начались уже цуги, которыхъ до того не знали и приличныя украшенія къ симъ екипажамъ. Служители переодѣты на нѣмецкій манеръ, не въ разноцвѣтныхъ платьяхъ стали паряжаться, но каждый по гербу своему, или по изволенію дѣлалъ имъ ливреи, а офисьяны, которыхъ тогда еще весьма мало было, еще въ разноцвѣтныхъ платьяхъ ходили.

Касательно до внутренняго житья, хотя самъ государь довольствовался самою простою пищею, однако онъ ввелъ уже въ употребленіе прежде незнаемые въ Россіи напитки, которые предпочтительно другимъ пивалъ. То есть, вмѣсто водки домашней, сиженой изъ простаго вина, водку голандскую анисовую, которая приказной называлась и вины: ермитажъ и венгерское, до того незнаемыя въ Россіи.

Подражали ему его и вельможи и тѣ, которые близко были къ двору; да и въ самомъ дѣлѣ надлежало имъ сіе имѣть; ибо Государь охотно подданныхъ своихъ посѣщалъ, то подданный чего для Государя не сдѣлаетъ? Правда сіе не токмо было для него угодно, но напротиву того, онъ часто за сіе гнѣвался, и не токмо изъ простаго вина подслащенную водку, но и самое простое вино пивалъ; но и собственное желаніе удовольствія, до того ими незнаемаго, превозмогло и самое запрещеніе государево, дабы послѣдовать его вкусу. Уже въ домахъ завелися не токмо анисовая, приказная водка, но и гданскія; вина не

токмо старинныя, о коихъ выше помянуто, но также ермитажъ, венгерское, и другія. Правда, что еще сначала ихъ довольно бережливо подавали и въ посредственныхъ домахъ никогда въ обыкновенные столы употребляемы не были, но токмо во время праздниковъ и пиршествъ, да и тутъ не стыдились, принести четвертную, запечатанную и наливъ изъ нее по рюмкѣ, опять запечатавъ на погребъ отослать.

Однако хотя Петръ Великій самъ не любилъ и не имѣлъ времени при дворѣ своемъ дѣлать пиршества, то оставилъ сіе любимцу своему кн. Меншикову, который часто оныя, какъ въ торжественные дни, такъ и для чужестранныхъ министровъ съ великимъ великолѣпіемъ по тогдашнему времени чинилъ. Имѣлъ для сего великій домъ, не токмо на то время, но и въ нынѣшнее; ибо въ оный послѣ кадетскій сухопутный корпусъ былъ помѣщенъ, и слыхалъ я, что Государь видя изъ дворца своего торжество въ домѣ его любимца, чувствовалъ удовольствіе, говоря: "вотъ какъ Данилычь веселится." Равно ему подражая, такъ и бывъ обязаны самыми своими чинами, другіе первосановники Имперіи, также имѣли открытые столы, какъ Генералъ-Адмиралъ Графъ Ѳедоръ Матвѣевичь Апраксинъ, Генералъ-Фелдмаршалъ Графъ Б. П. Шереметевъ, Канцлеръ Графъ Гаврилъ Ивановичь Головкинъ, и Бояринъ Тихонъ Никитичь Стрешневъ, которому, поелику онъ оставался первымъ правителемъ Имперіи, во время отсутствія въ чужіе краи Императора Петра Великаго, на столъ и деревни были даны.

Симъ знатнымъ людямъ и низшіе подражая, уже въ многихъ домахъ открытые столы завелися, и столы не такіе, какъ были старинные, то есть, что токмо произведенія

домостройства своего употреблялись; но уже старались чужестранными приправами придать вкусъ добротѣ мясъ и рыбъ.

И конечно въ такомъ народѣ, въ которомъ гостепріимство сочиняло всегда отличную добродѣтель, нетрудно было ввести въ обычай таковыхъ открытыхъ столовъ употребленіе; что соединяясь и съ собственнымъ удовольствіемъ общества, и съ лучшимъ вкусомъ кушанья противу старинаго, самымъ удовольствіемъ утверждалось.

Не непріятель былъ Петръ Великій честному обществу; но хотѣлъ чтобы оно безубыточно каждому было. Онъ учредилъ ассамблеи, на которыя въ назначенные дни множество собиралось. По симъ ассамблеямъ предписалъ печатными листами правила, что должно на столъ поставлять, и какъ принимать пріѣзжихъ, симъ упреждая и излишнюю роскошъ, и тягость высшихъ себѣ принимать; ибо общество ни въ опиваніи и обжираніи состоитъ и неможетъ оно быть пріятно гдѣ нѣтъ равности. Самъ часто Государь присутствовалъ въ сихъ ассамблеяхъ и строго наблюдалъ, дабы предписанное исполнялось.

Но слабы были сіи преграды, когда вкусъ, естественное сластолюбіе и роскошъ стараются поставленную преграду разрушить; и гдѣ неравность чиновъ и надежда получить что отъ вельможъ истребляютъ равность.

Въ присутствіи Государевомъ, учиненныя имъ предписанія сохранялись въ ассамблеяхъ, но въ простомъ житьи роскошъ и униженіе утверждали свои корни.

И подлинно мы видимъ, что тогда зачали уже многіе домы упадать, и упадающіе ожидать отъ милости Государской и отъ защищенія вельможъ своего подкрѣпленія. Изъ первыхъ знатныхъ домовъ, мнѣ случалось, слышать объ

домѣ Князя Ивана Васильевича Одоевскаго, котораго домъ былъ на Тверской, тотъ самый, который послѣ его былъ Василья Ѳедоровича Салтыкова, потомъ Строгонова, а нынѣ за Князь Алексѣемъ Борисовичемъ Голицынымъ состоитъ, въ приходѣ у Спаса.

Сей Кн. Одоевскій неумѣреннымъ своимъ сластолюбіемъ такъ раззорился, что продавъ всѣ деревни, оставилъ себѣ токмо нѣкоторое число служителей, которые были музыканты, и сіи ходя въ разныя мѣста играть и получая плату, тѣмъ остальное время жизни его содержали. Во истину, при древней простотѣ нравовъ, музыканты непашлибы довольно въ упражненіи своемъ прибыли, чтобы и себя и господина своего содержать.

Я сказалъ о семъ Кн. Одоевскомъ, яко о раззорившемся человѣкѣ; но и многіе другіе если не въ раззореніе отъ сей перемѣны жизни пришли, то по крайней мѣрѣ чувствовали немалую нужду.

Дабы умолчать о прочихъ, Борисъ Петровичь Шереметевъ, Фелдмаршалъ, именитый своими дѣлами, обогащенный милостью монаршею, принужденъ однако былъ впередъ Государево жалованье забирать и съ долгомъ симъ скончался яко свидѣтельствуетъ сіе самая его духовная. И послѣ смерти жена его подавала письмо Государю, что она отъ исковъ и другихъ убытковъ пришла въ раззорѣніе.

Перемѣнившійся такимъ образомъ родъ жизни сначала первосаповниковъ Государства, а въ подражаніе имъ и другихъ дворянъ, и расходы: достигши до такой степени, что стали доходы превозвышать, начали люди наиболѣе привязываться къ Государю и вельможамъ, яко къ источникамъ богатства и награжденій. Страшусь я, чтобы кто

несказалъ, что по крайней мѣрѣ сіе добро произвело, что люди паиболѣе къ Государю стали привязываться. Несть сію привязанность, несть благо, ибо она неточно къ особѣ Государской была, но къ собственнымъ своимъ пользамъ; привязанность сія учинилась непривязанность верныхъ подданныхъ, любящихъ Государя и его честь, и соображающихъ все съ пользою Государства; но привязанность рабовъ, наимщиковъ, жертвующихъ все своимъ выгодамъ и обманывающихъ лестнымъ усердіемъ своего Государя.

Грубость правовъ умепьшилась, но оставленное ею мѣсто лестью и самствомъ паполнилось; оттуда произошло раболѣпство, презрѣніе истины, обольщеніе Государя и прочія зла, которыя днесь при дворѣ царствуютъ, и которыя въ домахъ вельможей возгнѣздились.

Не сокрылся сей порокъ отъ остроумпаго Монарха, и сей Государь, строго и справедливо до крайности, старался сколь можно лесть отгонять, яко случилось, какъ я слыхалъ, что одинъ изъ знаемыхъ ему офицеровъ, бывъ съ нимъ на асамблее, выхвалялъ свое усердіе къ Государю, говоря, что онъ во всякомъ случаѣ готовъ за него умереть. Услышавъ сіе, Государь ему говорилъ, что ни онъ не желаетъ, ни должность его ему неповелѣваетъ, чтобы онъ хотѣлъ неразбирая случая для него умереть, но требуетъ токмо того, чтобы въ случаѣ нужды или опасности его особы, что неможетъ быть несоединено съ пользою государственною, онъ расположенъ былъ пожертвовать своею жизнію. Офицеръ, хотя наиболѣе показать свое усердіе, зачалъ паки утверждать, что онъ сіе готовъ учинить всякой часъ, когда угодно будетъ Государю. Остроумный Монархъ ничего неотвѣчавъ, взявъ его руку, палецъ поднесъ къ горячей свѣчѣ и зачалъ его жечь; отъ

боли офицеръ зачалъ силиться выдернуть руку. Тогда и опустя, сказалъ ему государь, что когда онъ малой боли обожения пальца вытерпѣть немогъ, не по нуждѣ, но по волѣ Государя, то какъ онъ могъ щедро обѣщать, съ радостью и все тѣло свое безъ нужды пожертвовать? Другой случай, слышанный же мною: доказуетъ, коль любилъ Государь истину. Захаръ Данилычь Мешуковъ, бывшій порутчикомъ во Флотѣ, прежде 1718 году, любимый Государемъ, яко первый русской, въ которомъ онъ довольно знанія мореплаванія нашелъ, и первой, который командовалъ уже Фрегатомъ, бывъ на единомъ пиршествѣ съ Государемъ въ Кронштадтѣ и напившися нѣсколько пьянъ, сталъ размышлять о лѣтахъ Государя, о оказующемся слабомъ его здоровьѣ и о наслѣдникѣ, какаго оставляетъ, вдругъ заплакалъ. Удивился Государь возлѣ котораго онъ сидѣлъ о текущихъ его слезахъ, любопытно спрашивалъ причину оныхъ. Мешуковъ отвѣтствовалъ, что онъ размышлялъ, что мѣсто, гдѣ они сидятъ, градъ столичный, близь него строенный, флотъ заведенный, множество русскихъ, входящихъ въ мореплаватели, самый онъ служившій въ флотѣ и ощущающій его милости,—суть дѣянія рукъ его; то взирая на сіе и примѣчая, что здоровье его, Государя и благодѣтеля ослабѣваетъ, немогъ отъ слезъ удержаться, прилагая при томъ простою рѣчью: "на каво ты насъ оставишь?"—Отвѣтствовалъ Государь: "У меня есть наслѣдникъ", разумѣя Царевича Алексѣя Петровича. На сіе Мешуковъ слѣпо и неосторожно сказалъ: "охъ, вѣдь онъ глупъ, все разстроитъ"! При Государѣ сказать такъ о его наслѣдникѣ, и сіе не тайно, но предъ множествомъ предсѣдящихъ. Чтожъ сдѣлалъ Государь? Почувствовалъ онъ вдругъ дерзость, грубость и истину и довольствовался, усмѣхнувшись, ударить его въ голову, съ приложеніемъ: "дуракъ

сего въ бесѣдѣ неговорятъ". Но не взирая на таковое любленіе истины, ни на отвращеніе его отъ лести, немогъ Государь вкрадывающійся сей ядъ искоренить. Большая часть окружающихъ его ни въ чемъ несмѣли ему противурѣчить, но паче льстили, хваля все сдѣланное имъ и непротивурѣча его изволеніямъ, а иные и угождая страстямъ его. Хотя онъ знатнымъ образомъ никогда обманутъ и небылъ, однако Князь Яковъ Ѳедоровичь Долгоруковъ никогда ненашелъ въ сопротивленіяхъ своихъ Государю въ Сенатѣ себѣ помощниковъ. И тщетно онъ суровыми и справедливыми своими предложеніями два опредѣленія, подписанныя Государемъ, отмѣнилъ, о привозѣ на перемѣнныхъ лошадяхъ провіанту въ Петербургъ на армію, и о набраніи посохи на содержаніе народномъ для дѣланія Ладожскаго канала. Въ обоихъ сихъ случаяхъ, ни въ другихъ никто соучастникомъ его твердости и справедливости быть нехотѣлъ.

Единый самъ Государь терпѣлъ его грубыя, но справедливыя предложенія, и хотя съ стѣсненіемъ сердца, превозмогая себя, на оныя соглашался. Я слышалъ отъ очевидныхъ свидѣтелей и Василій Никитичъ Татищевъ въ исторіи своей сіе вмѣстилъ, что бывши Государь въ Кронштатѣ, въ единомъ пиршествѣ окружающіе его вельможи начали превозносить его хвалами, говоря, что онъ болѣе отца своего. Между таковыхъ похвальныхъ воплей единой Кн. Я. Ѳ. Долгоруковъ въ молчаніи пребывалъ. Примѣтя сіе, Государь требовалъ его мнѣнія. Сей остроумный твердый мужъ не могъ вдругъ отвѣтствовать на такой вопросъ гдѣ состояло сужденіе между царствующаго Государя и его отца, обоихъ отличныхъ ихъ качествами. Взявъ нѣсколько времени подумать, сказалъ слѣдующее: исчисливъ онъ все подробно что Петръ Великій сдѣлалъ для пользы оте-

чества, исчисливъ его труды и подвиги и наконецъ сказалъ; какъ великъ онъ есть во владыкахъ земныхъ, но продолжая говорилъ: всѣ сіи труды, всѣ сіи установленія неутверждаютъ еще внутренняго спокойствія государства и безопасность гражданскую въ жизни и имѣніяхъ, отецъ же твой, говорилъ, при тихости нравовъ начиналъ многое, но паче всего что онъ сдѣлалъ Уложеніе, которое нынѣ, при перемѣнѣ обычаевъ, перемѣны требуетъ; когда окончишь ты всѣ свои подвиги благими узаконеніями, тогда справедливо можно будетъ сказать, что весьма превзошелъ твоего отца. Государь возчувствовалъ всю справедливость его глаголовъ и согласіемъ своимъ мнѣніе его утвердилъ.

Чегоже ради никто другой ни въ бесѣдахъ, ни въ Сенатѣ и нигдѣ индѣ таковой правды неговорилъ, какъ сей, безсмертія достойный Кн. Долгоруковъ? Того ради, что они болѣе желали пріобрѣсти милость Государскую, нежели чиновъ и имѣній; ибо въ самомъ дѣлѣ невидно, чтобы любимецъ его Кн. Меншиковъ, когда ему строгую правду представлялъ, чтобы Гаврила Ивановичъ Головкинъ, Государственный Канцлеръ отвратилъ его отъ переписки съ Галембурхомъ, съ Горцомъ и съ англійскими и шкотландскими сообщниками претендента; ни Остерманъ, бывшій тогда въ маломъ чину, и написавшій требуемое письмо, несовмѣстность сего поступка представилъ; чтобы Иванъ Мусинъ-Пушкинъ его отъ какаго поступка удержалъ, чтобы Адмиралъ Апраксинъ имѣющій такую повѣренность, что вопреки сказалъ Государю. Но всѣ токмо согласіе свое изъявляли и впускали вкореняться лести и рабству, для собственныхъ своихъ прибытковъ, чему и самъ Государь и Кн. Я. Ѳ Долгоруковъ противуборствовали. А съ другой стороны духовный чинъ, который его нелюбилъ за отнятія своей власти, грѣмелъ въ храмахъ Божіихъ

его панегириками. Между сими Прокоповичь, который изъ духовенства, хотя нелюбви къ Государю неимѣлъ, но былъ совершенно ослѣпленъ честолюбіемъ, яко въ другія царствованія ясно оказалъ, выспренный свой голосъ на хвалы Государевы вознесъ.—Достоинъ онъ былъ многихъ похвалъ, но желательнобы было, чтобы они не отъ лести происходили, а похвалы Прокоповича сего непостриженаго (?) монаха, сего честолюбиваго архіерея, жертвующаго законъ изволеніямъ Бирона, сего, иже неустыдился быть судьею Тайной Канцеляріи, бывъ Архипастыремъ Церкви Божіей, были лестны, яко свидѣтельствуетъ его собственное сочиненіе "Правда воли Монаршей," памятникъ лести и подобострастія монашескаго изволенію Государскому.—

Сказалъ я, что сластолюбіе и роскошъ могли такое дѣйствіе въ сердцахъ произвести; но были еще и другіе причины, происходящія отъ самыхъ учрежденій, которыя твердость и добронравіе искореняли. Разрушенное мѣстничество (вредное впрочемъ службѣ и государству) и незамѣненное никакимъ правомъ знатнымъ родамъ, истребило мысли благородной гордости въ дворянахъ; ибо стали не роды почтенны, а чины и заслуги и выслуги; и тако каждый сталъ добиваться чиновъ, а не всякому удастся прямыя заслуги учинить, то за недостаткомъ заслугъ, стали стараться выслуживаться всякими образами льстя и угождая Государю и вельможамъ; а при Петрѣ Великомъ введенная служба, въ которую вмѣстѣ съ холопами ихъ посили на одной степени ихъ господъ въ солдаты, и сіи первые по выслугамъ пристойнымъ ихъ роду людямъ, доходя до офицерскихъ чиновъ, учинились начальниками господамъ своимъ и бивали ихъ палками. Рода дворянскіе стали раз-

дѣлены по службѣ такъ, что иной однородцовъ своихъ и вѣкъ не увидитъ.—

То могла ли остаться добродѣтель и твердость въ тѣхъ, которые въ юности своей отъ палки своихъ начальниковъ дрожали? которые иначе какъ подслугами почтенія немогли пріобрѣсти и бывъ каждый безъ всякой опоры отъ своихъ однодворцевъ, безъ соединенія и защиты, оставался единъ, могущій преданъ быть въ руки сильнаго.

Похвально есть, что Петръ Великій хотѣлъ истребить суевѣріе въ законѣ ибо въ самомъ дѣлѣ не почтеніе есть Богу и закону суевѣріе, но паче руганіе; ибо прописывать Богу неприличныя ему дѣянія сіе есть богохулить.

Въ Россіи бороду образомъ Божіимъ почитали, и за грѣхъ щитали ее брить, а черезъ сіе впадали въ ересь антропоморфитовъ. Чудеса, безъ нужды учиненныя, явленные образы, рѣдко доказанные, повсюду прославляли, привлекали суевѣрное богомоліе и дѣлали доходы развратнымъ священно служителямъ. Все сіе Петръ Великій тщился отвратить; указами повелѣлъ брить бороды, и духовнымъ регламентомъ положилъ преграду ложнымъ чудесамъ и явленіямъ, равно какъ и неблагопристойнымъ сборамъ при поставленныхъ на распутіяхъ образахъ. Зная, что законъ Божій есть къ сохраненіи рода человѣческаго, а не къ истребленію его безъ нужды, благословеніемъ отъ Синода и отъ вселенскихъ Патріарховъ учинилъ позволено есть мясо въ посты въ нуждѣ, а паче въ морской службѣ, гдѣ и безъ рыбы довольно люди къ скорбутинѣ подвержены, повелѣвая самохотно жертвующихъ жизнію своею, таковымъ воздержаніемъ, вовремя приключившихся отъ болезней, въ воду кидать. Все сіе очень хорошо, окромѣ что послѣднее нѣсколько сурово.

По когда онъ сіе учинилъ? когда народъ былъ еще

не просвѣщенъ, и тако отнимая суевѣріе у непросвѣщеннаго народа, онъ самую вѣру къ божественному закону отнималъ. И сіе дѣйствіе Петра В. можно примѣнить къ дѣйствіи неискуснаго садовника, который у слабаго дерева отрѣзываетъ водяныя, пожирающія его сокъ вѣтви. Естлибы оно было корнемъ сильно, то сіе обрѣзываніе учинило ему произвести хорошія и плодовитыя вѣтви; но какъ оно слабо и больно, то урѣзаніе сихъ вѣтвей, которыя чрезъ способъ листьевъ своихъ, получающихъ внѣшнюю влагу, питали слабое дерево, отнявъ ее новыхъ плодовитыхъ вѣтвей непроизвело, ниже сокомъ раны затянуло, и тутъ содѣлались дупла, грозящія погибелью дереву. Такъ урѣзаніе суевѣрій и на самыя основательныя части вѣры вредъ произвело; уменьшились суевѣрія, но уменьшилась и вѣра; изчезла рабская боязнь ада, но изчезла и любовь къ Богу и къ святому его закону; и нравы за недостаткомъ другаго просвѣщенія, исправляемыя вѣрою, потерявъ сію подпору, въ развратъ стали приходить.

Со всѣмъ почтеніемъ, которое я къ сему великому въ монархахъ и великому въ человѣкахъ въ сердцѣ своемъ сбхраняю, совсѣмъ чувствіемъ моимъ, что самая польза государственная требовала, чтобы онъ имѣлъ окромѣ царевича Алексѣя Петровича, законныхъ дѣтей, пріемниками его престола, — немогу я удержаться, чтобы не охулить разводъ его съ первою его супругой, рожденной Лопухинной, и второй бракъ по постриженіи первой супруги, съ плѣнницею Екатериною Алексѣевною; ибо примѣръ сей нарушенія таинства супружества, ненарушимаго въ своемъ существѣ, показалъ, что безъ наказанія можна его нарушать. Пусть Монархъ имѣлъ къ тому сильныя причины, которыя однакожъ я невижу, окромѣ склонности ея къ Монсовымъ, сопротивленія жены его новымъ уста-

повлеціемъ. По подражатели его имѣли-ли государственныя причины подобно дѣлать? Павелъ Иваповичь Егузинскій, постригши первую свою жену и женясь на другой, рожденной Галовкиной, имѣлъ-ли государственныя причины стараться имѣть себѣ потомство, въ нарушеніи Божественныхъ законовъ. Многіе и другіе сему подражали и нетокмо изъ вельможъ, но и изъ малочинныхъ людей, яко Князь Борисъ Сопцевъ - Засѣкинъ сіе учинилъ.

И тако, хотя Россія, чрезъ труды и попеченія сего Государя, пріобрѣла знаемость въ Европѣ и вѣсъ въ дѣлахъ; войска ея стали порядочнымъ образомъ учреждены, и флоты Бѣлое и Балтійское море покрыли, коими силами побѣдила давныхъ своихъ непріятелей и прежнихъ побѣдителей, Поляковъ и Шведовъ, пріобрѣла знатныхъ области и морскія пристанища. Науки, художества и ремесла стали въ ней процвѣтать, торговля начала ее обогощать и преобразовались Россіяне—изъ бородатыхъ въ гладкіе, изъ долгополыхъ въ короткополые, стали сообщительнѣе и позорища благонравныя извѣстны имъ учинились. По тогда же нескренная привязанность къ вѣрѣ стала исчезать, таинства стали впадать въ презрѣніе, твердость уменьшилась, уступая мѣсто нагло стремящейся лести, роскошъ и сластолюбіе положили основаніе своей власти, а симъ побужденіемъ и корыстолюбіе къ разрушенію законовъ и ко вреду гражданъ начало проникать въ судебныя мѣста. Таково есть состояніе, въ которомъ (не взирая на всѣ преграды, которыя собственною своею особою и своимъ примѣромъ полагалъ Петръ Великій для отвращенія отъ пороковъ), вразсужденія нравовъ осталася Россія по смерти сего великаго Государя.

Воззримъ теперь колико, при двухъ громкихъ царствованіяхъ Екатерины Первой и Петра Втораго, пороки сдѣлали шаговъ, дабы паиболѣе утвердится въ Россіи.

Женскій полъ обыкновенно болѣе склоненъ къ роскошамъ, нежели мужской, и тако видимъ мы, что Императрица Екатерина Алексѣевна Первая, еще при жизни супруга своего Петра Великаго, имѣла уже дворъ свой; камергеръ у нея былъ Монсъ, котораго излишная роскошъ была первымъ знакомъ, доведшимъ его до попосной смерти; камеръ-юнкеры ея были Петръ и Яковъ Ѳедоровичи Балковы, его племянники, которые также при несчастіи его отъ двора были отогнаны. Любила она и тщилась украшаться разными уборами и простирала сіе хотѣніе до того, что запрещено было другимъ женщинамъ подобные ей украшенія носить, яко то убирать алмазами обѣ стороны головы, а токмо позволяла убирать лѣвую сторону; запрещено стало носить горностаевые мѣха съ хвостиками, которые одна она носила, и сіе не указомъ не закономъ введенное обыкновеніе учинилось почти узаконеніе, присвояющее сіе украшеніе единой Императорской фамиліи, тогда какъ въ нѣмецкой землѣ и мѣщанки ею употребляютъ. А такое тщаніе не показуетъ-ли, что если лѣта зачали убавлять ея красоту, то уборами, отличными отъ другихъ, тщилась оную превозвысить. Незнаю справедливо-ли сіе мнѣніе было, и прилично-ли Государю ежечасно подобно какъ въ маскарадномъ платьи передъ подданными своими быть, якобы недоставало ему другихъ украшеній могущихъ его отличить. По возшествіи ея на престолъ, довольно чуднымъ образомъ воспослѣдовавшемъ; ибо Петръ Великій не съ тѣмъ ее вѣнчалъ царскомъ вѣнцемъ, чтобы ее наслѣдницею своею учинить, ниже когда того желалъ; но умирая, неназнача наслѣдника,—вельможи, а именно: Кн. Меншиковъ, зная слабость Императрицы; Толстой, боясь мщенія отъ сына Царевича Алексѣя Петровича, законнаго наслѣдника, за привезеніе и за смерть отца его,

вопроса Ивана Ильича Мамонова, подполковника гвардіи, —надѣется-ли онъ на согласіе гвардіи полковъ и получа утвердительный отвѣтъ, предъ собранными полками ее самодержцею провозгласили. Тако взошла сія государыня на все-россійской престолъ: дѣйствіе недостатка основательныхъ законовъ.

И Петръ Великій еще неохлодѣлъ мертвый а уже неволя его, не право наслѣдственное и привязанность къ крови, но самовольное желаніе вельможъ рѣшило важнѣйшую вещь въ свѣтѣ, то есть наслѣдство его престола.

Возшествіе ея такимъ образомъ на престолъ слѣдующія дѣйствія надъ правами народными произвело. Она была слаба, роскошна во всемъ пространствѣ сего названія; вельможи были честолюбивы и жадны; а изъ сего произошло, упражняясь въ повседневныхъ пиршествахъ и роскошахъ, оставила всю власть правительства вельможамъ, изъ которыхъ вскорѣ взялъ верхъ Князь Меншиковъ. Пышность и сластолюбіе у двора его умножились, упала древняя гордость дворянская, видя себя управляема мужемъ хотя достойнымъ, но изъ подлости произшедшимъ—а мѣсто ея раболѣпство къ сему вельможѣ, могущему все.

Краткое царствованіе сей Императрицы впрочемъ большихъ перемѣнъ немогло учинить, окромѣ что вывозъ разныхъ драгопѣнныхъ уборовъ и винъ весьма умножился, и сластолюбіе сіе во всѣ степени людей проникло, умножило нужды, а умножа нужды, умножило исканіе способовъ безъ разбору, дабы оныя наполнить.

Какое тогда состояніе было сына Царевича Алексѣя Петровича, по несчастію отца своего лишеннаго принадле-

жащаго ему наслѣдія? Онъ былъ въ юныхъ лѣтахъ; о воспитаніи его непомышляли, наслѣдникомъ престола не признавали и ниже моленія въ церквахъ о здравіи его было, якобы надлежало о произшедшемъ отъ царскаго корня, — и всѣ его поступки подозрѣваемы были.

Дабы наиболѣе надзирать его поступки и примѣчать слова и движенія, опредѣленъ къ нему былъ младый, умный и честолюбивый человѣкъ, Кн. Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ. Сей, примѣчая жизнь Императрицы Екатерины Алексѣевны и разсуждая, что неуповательно, чтобы двѣ дщери Петра, Великая Герцогиня Анна и Цесаревна Елисавета, яко до браку рожденныя, могли на россійской престолъ послѣ матери своей взойти, вмѣсто чтобы подъ видомъ служенія Князю Петру Алексѣевичу, быть его предателемъ, разсудилъ сыскать его къ себѣ милость и повѣренность.—Въ единый день, пашедъ его единаго, палъ предъ нимъ на колѣни, изъясняя всю привязанность, какую весь родъ его къ дѣду его, Петру Великому имѣетъ и къ его крови, изъяснилъ ему что онъ, по крови, по рожденію и по полу, почитаетъ его законнымъ наслѣдникомъ россійскаго престола, прося да увѣрится въ его усердіи и преданности къ нему. Таковыя изъясненія тронули сердце младаго, чувствующаго свое положеніе Князя. Тотчасъ довѣренность послѣдовала подозрѣніямъ, а послѣ и совершенная дружба, по крайней мѣрѣ, со стороны Петра Алексѣевича, сихъ младыхъ людей соединила.—

Однако Князь Меншиковъ, видя себя правителемъ Государства—и такъ близко къ престолу, не могъ осмѣлиться желать оный себѣ пріобрѣсти, зная что никто изъ Россіянъ непотерпитъ, чтобъ имѣя еще многихъ царскаго рода, онъ могъ, произшедшій изъ низкихъ людей, похитить себѣ

престолъ, — обратилъ мысли свои, естьли небыть самому Государемъ, то учиниться его тестемъ. Князь Петръ Алексѣевичь, оставленный отъ всѣхъ и непризнанный наслѣдникомъ престола, ему показался быть къ сему удобнымъ орудіемъ. Но прежде онъ хотѣлъ, обязаннаго близкимъ родствомъ, Вѣнскаго Двора мысли о семъ узнать, то есть, чтобы и оный согласился оставить ему правленіе Государства до возрасту Императора и дочь свою за онаго выдать. По бывшимъ переговорамъ съ Графомъ Вратиславомъ, посломъ цесарскимъ, на все сіе согласіе получилъ и Цесарскій Дворъ прислалъ 70 тысячъ рублевъ въ подарокъ Госпожѣ Крамеръ, Камеръ-Фрау Императрицы Екатерины Алексѣевны, дабы она ее склонила именовать по себѣ наслѣдникомъ Князя Петра Алексѣевича.

И тако въ семъ случаѣ Россійскій престолъ сталъ покупаться и не близость крови, по избраніе прежде бывшей плѣнницы—внука Петра Великаго и Правнука Царя Алексѣя Михайловича на престолъ столь знатной Имперіи возводило.

Вскорѣ по именованіи своемъ Наслѣдникомъ Россійскаго Престола, Князь Петръ Алексѣевичь, подъ именемъ Императора Петра II взошелъ на престолъ, по смерти Императрицы Екатерины Алексѣевны.

Сила и могущество Князя Меншикова умножились; Государь былъ въ юныхъ лѣтахъ, а сей вельможа, хотя небылъ именованъ регентомъ, но дѣйствительно таковымъ былъ. А сіе самое доказуетъ колико упалъ духъ благородныхъ. При младенчествѣ Царя Іоанна Васильевича, законной властью утвержденному совѣту для управленія вовремя малолѣтства Государя, боярамъ, выбраннымъ изъ

среды самихъ ихъ, изъ среды знатнѣйшихъ родовъ Государства: повиноваться нехотѣли.

И когда въ болѣзни своей царь Іоаннъ Васильевичь хотѣлъ утвердить престолъ малолѣтнему сыну своему, то, нехотя быть управляемы боярами, сыну Государя своего присягнуть нехотѣли. Во время младенчества самаго Петра Великаго на случай Нарышкиныхъ негодовали; а се нынѣ изъ подлости произшедшему мужу, безъ всякаго законнаго утвержденія его власти, безспорно повиновались. Да разсудятъ посему вѣрность-ли сіе было къ Государю или паденіе духу благороднаго.

Истина заставила меня сіе сказать, поелику мнѣ извѣстна—непохвалить поступокъ Кн. Меншикова. Онъ честолюбіемъ на мѣсто сіе былъ возведенъ; но управленіе его было хорошо, а паче попеченіе его о воспитаніи и наученіи младаго Государя; часы были уставлены для наукъ, для слушанія дѣлъ, для разговоровъ и обласканія первосановниковъ Государства, и наконецъ часы для веселія. И можно сказать, что былъ купно Правитель Государства и дядька государевъ. Еще бы похвальнѣе его поступокъ былъ, естлибы онъ неимѣлъ собственныхъ своихъ видовъ, а дѣлалъ бы сіе для пользы отечества и въ воздаяніе за то, чѣмъ онъ долженъ Петру Великому, дѣду царствующаго Государя. Но онъ неимѣлъ толь героической души и всѣ мысли его клонились, чтобы обручить дочь свою за младаго Государя, что наконецъ противу самой склонности Государя исполнено имъ было.

Посемъ приумножилъ свое стараніе о воспитаніи и наученіи Государя, взявъ его жить въ домъ свой, неотлучно при немъ пребывая, и домъ Князя Меншикова учинился дворецъ Государевъ. Во время сіе сдѣлалъ онъ

два дѣла, которыя, присоединенныя къ противусклонности Государевой обрученія его съ Княжною Меншиковой, приключили наконецъ паденіе сего вельможи. Первое, былъ при Государѣ учитель, родомъ Венгерецъ, по имени Зенинъ. Сей противенъ учинился владычествующему Министру и сего онъ втайнѣ отъ Государя удалилъ. Хотя молчанію сіе предалъ Государь, но не оставилъ подозрѣвать отъ кого сей его наставникъ былъ удаленъ, несмѣя и вопрошать о немъ, дабы болѣе ему несчастія неприключить. Второе, принесено было отъ купечества нѣсколько тысячь червонныхъ къ Государю; были благосклонно приняты; но тогда случившаяся тутъ сестра Государева, Принцесса Наталья Алексѣевна сихъ денегъ къ себѣ просила. Государь, который весьма любилъ сестру свою, приказалъ ихъ отнести, еще тогда какъ принесшіе ихъ купцы въ прихожей находились. Встрѣтился Князь Меншиковъ съ несомыми сими деньгами въ комнату Принцессы, ихъ немедленно возвратилъ и пришелъ въ компату Государеву, представлялъ ему, что таковый немедленно учиненный даръ принесенныхъ денегъ купцами показываетъ прѣзрѣніе къ онымъ и можетъ огорчить его подданныхъ. Можетъ быть, представлялъ ему и правила бережливости какія Петръ Великій имѣлъ. Сіе огорчило Государя и сестру его, а подало случай, наединѣ, любимцу его, Кн. Ив. Ал. Долгорукову представить ему, коль мала его есть власть. Кажется властолюбіе въ сердцахъ прежде всего родится, а паче въ сердцахъ монаршихъ; и тако сіе оскорбленіе, тѣмъ наивящше, что отмстить за него немогъ, на сердцѣ молодаго Монарха оставалось.

Однако приличными веселыми и удовольствіями, частными съѣздами къ двору, старался Князь Меншиковъ благопристойнымъ образомъ въ праздные часы веселить

своего Государя и зятя. А примѣръ Двора, разливаясь сперва на вельможъ а потомъ и на другихъ гражданъ, чинилъ, что и они по мѣрѣ достатку своего, а иногда и свыше старались съ обществомъ веселиться и простота правовъ изчезла.

Наконецъ приходило время паденію Кн. Меншикова и произошло оно отъ слѣдующаго случая. Сей вельможа всячески стараясь утѣшить своего Государя и укрѣпить движеніемъ и трудами его тѣло повезъ его съ псовою охотою. Гоньба, травля и прочее что веселитъ въ сей охотѣ, весьма полюбилось младому Государю. Часто Кн. Меншиковъ отъѣзжалъ въ Мызу свою Оранинъ-баумъ и случилось что единажды въ небытность его въ Петербургѣ въ пасмурной и холодной день, Государь поѣхалъ на полѣ. По возвращеніи своемъ нашелъ онъ Меншикова весма раздраженна сею ѣздою, который съ тою горячностью, коковая можетъ произойти отъ желанія сохранить его здоровѣ и отъ опаспости потерею онаго лишиться толь великаго союза, ему представлялъ коль неразсудительно было въ пасмурное и холодное время ѣздить и здоровьѣ свое подвергать. Хотя горячи были его изъясненія, но они отъ усердія происходили. Однако младый Государь ощущалъ только въ нихъ единую горячность, и яко нарушеніе почтенія къ себѣ; однако скрылъ и то въ сердцѣ своемъ. и К. Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ, ищущій погибели Меншикова, дабы самому и родъ свой на ту степень возвысить, не оставилъ паче очернить всѣ слова сего вельможи.

Помнится мнѣ въ Іюлѣ мѣсяцѣ поѣхалъ Кн. Меншиковъ въ Мызу свою Оранинъ-баумъ, для освященія созданныя имъ Церкви. Сей ожидаемый уже давно случай и

былъ употребленъ къ погубленію его. Государь, по совѣту К. Ив. Алек. Долгорукова, поѣхалъ въ Петергофъ, и окруженъ гвардіей, и повелѣно было Кн. Меншикову сказать, чтобы онъ въ Петергофъ неѣздилъ, а проѣхалъ бы прямо въ Петербургъ, гдѣ тогдаже двору Государеву велено изъ дому Кн. Меншикова выбираться.

Тщетно ниспадавшій сей Министръ просилъ единыя милости, чтобы видѣть Государя и оправданія свои принести; тщетно княжна Катерина Александровна, его дочь, невѣста государева, писала къ Великой Княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ дабы она упросила у Государя своего брата, прощеніе родителю ея. Первое, понеже опасались, чтобы сохраняемая пѣкая Кн. Меншиковымъ власть и сильныя его представленія нетронули сердце Государева, отказано было; а нелюбимыя невѣсты, отъ которой Государь избавиться хотѣлъ, просьбы такъже дѣйствія не возъимѣли, и Князь Меншиковъ, по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, назавтрѣе былъ арестованъ и сосланъ въ ссылку. Тако ниспалъ сей пышный вельможа, примѣръ перемѣны и непостоянства счастія. Изъ низкаго состоянія почти до трона дошедшій и паки въ низость и несчастіе свергнутый.

Почемъ Петръ Вторый началъ править самъ государствомъ, если можно назвать правленіемъ правленіе юноши Государя. Кн. Ив. Алек. Долгоруковъ другъ и наперсникъ Государевъ, толь ему любимый, что даже на одной постели съ нимъ сыпалъ, всемогущій учинился. Пожалованъ немедленно былъ въ оберъ камеръ-геры, возложена на него была андреевская лента, пожалованъ въ капитаны гвардіи преображенскаго полку гренадерской роты и всѣ родственники его были возвышены, правя произволеніямъ ихъ всѣми дѣлами Имперіи; престали науки Государевы,

министры лишь для виду были допускаемы; все твердое и полезное отгонялось отъ двора, и пользуясь склонностью Государевой къ охотѣ, она всѣхъ важныхъ упраженій мѣсто замѣняла. Однако, что погубило Кн. Меншикова, то неустрашило Долгорукихъ; они употреблялись стараніе, дабы имъ родственицу свою Княжну Екатерину Алексѣевну, дочь Кн. Алексѣй Григорьевича, сестру Кн. Ивана Алексѣевича, за Государя обручить. И въ семъ обрученіи нѣчто странное было; ибо хотя обрученіе сіе было въ присутствіи всѣхъ и всего двора, но во время обрученія Государь и его невѣста были окружены Преображенскаго полку гренадерами, которые кругъ ихъ подъ начальствомъ своего капитана, Кн. Ив. Алек. Долгорукова, баталіонъ-каре составляли.

Кн. Ив. Алек. Долгоруковъ былъ молодъ, любилъ распутную жизнь, и всѣми страстями, къ каковымъ подвержены младые люди, неимѣющіе причины обуздывать ихъ, былъ обладаемъ. Пьянство, роскошь, любодѣяніе и насиліе мѣсто прежде бывшаго порядку заступили. Въ примѣръ сему, къ стыду того вѣка скажу, что слюбился онъ или, лучше сказать, взялъ на блудодѣяніе себѣ между прочими жену К. П. Е. Т. рожденную Головкину, и не токмо безъ всякой закрытности съ нею жилъ; но при частныхъ съ ѣздахъ у К. Т... съ другими своими младыми сообщниками пивалъ до крайности, бивалъ и ругивалъ мужа бывшаго тогда офицеромъ кавалергардовъ, имѣющаго чинъ Генералъ-Маіора, и съ терпѣніемъ стыдъ свой отъ прелюбодѣянія жены своей сносящаго. И мнѣ самому случилось слышать, что единажды бывъ въ домѣ сего Кн. Трубецкаго, по исполненіи многихъ надъ нимъ ругательствъ, хотѣлъ наконецъ выкинуть его въ окошко, и естлибы Степанъ Васильичь Лопухинъ, свойственникъ Государевъ по бабкѣ

его Лопухиной, первой супруги Петра Великаго, бывшій тогда камеръ-юнкеромъ у двора и въ числѣ любимцевъ Кн. Долгорукова, сему не воспрепятствовалъ, то бы сіе исполнено было.

Но любострастіе его одного или многими неудовольствовалось; согласіе женщины на любодѣяніе уже часть его удовольствія отнимало и онъ иногда пріѣзжающихъ женщинъ изъ почтенія къ матери его, затаскивалъ къ себѣ и насиловалъ. Окружающіе его однородцы и другіе младые люди, самымъ распутствомъ дружбу его пріобрѣтшіе, сему примѣру подражали, и можно сказать, что честь женская не менѣе была въ безопасности тогда въ Россіи, какъ отъ Турковъ во взятомъ градѣ.

Привычка есть и къ преступленіямъ, а сей былъ первый шагъ, которымъ жены выступали изъ скромности и тихова житія, которое отъ древнихъ нравовъ онѣ еще сохраняли.

Отецъ его Кн. Алексѣй Григорьевичь, человѣкъ посредственнаго разума и единственно страстенъ къ охотѣ—для коронаціи Государи всегда бываютъ въ Москвѣ, то послѣ оный и присовѣтывалъ ему тамъ утвердить свое житіе, оставя навсегда Петербургъ. Пріѣхалъ дворъ въ Москву, но распутство не престало; по мѣсяцу и болѣе отлученіе Государево для ѣзды съ собаками остановило теченіе дѣлъ; сила единаго рода учинила, что токмо искатели въ опомъ чины и милости получали, а другіе уже и къ грабежу народа приступали. Желавшіе угодить роскошнымъ Долгорукимъ юношамъ пиры, со всею знаемою для нихъ роскошью, дѣлали.

Воззримъ теперь, какія были сіи ѣзды Государевы на охоту, и какія были тамъ упражненія. Ибо примѣръ двора великое дѣйствіе надъ образомъ мысли и всѣхъ подданныхъ имѣетъ. Ѣздилъ Государь въ Боровскомъ, Коломенскомъ,

и другихъ уѣздахъ, иногда и по мѣсяцу, ежедневно, невзирая ни на сырую погоду, ни на холодъ. Ѣзда съ собаками была отъ утра до вечера. Окромѣ что охота Государева, при которой и сокольники находились и всѣ придворные, которые по неволѣ должны были охотниками сдѣлаться, со всей Россіи собранные, знатнѣйшіе охотники дворные имѣли позволеніе быть при охотѣ Государевой. То коль сіе должно было составить великую толпу людей и коликое множество собакъ. Всякій изъ сего себѣ представить можетъ пощажены-ли были тогда поля съ хлѣбомъ, надежда земледѣльца; стада скота хотя и отгонялись, но не могли-ли иногда съ сею толпою собакъ встрѣтиться? а окружающіе Государя вельможи, которые были тогдаже и охотники, для удовольствія своего, не представляли младому и незнающему Государю, колико таковыя ѣзды вредъ земледѣлію наносять. Иззябшій возвращался Государь ввечеру на квартиру; тутъ встрѣчала его, невѣста его, Кн. Долгорукова, со множествомъ женъ и дѣвицъ, и балъ начинался, который иногда довольно поздно въ ночь былъ продолженъ. Младыя Государевы лѣта отъ распутства его сохраняли; но подлинно есть, что онъ былъ веденъ, чтобы современемъ въ распутство впасть; а до тѣхъ мѣстъ любимецъ его К. Иванъ Алексѣевичь Долгоруковъ всѣмъ самъ пользовался и утружденнаго охотою Государя принуждалъ по неволѣ представляемыя ему веселья вкушать.

Наконецъ возвратился Государь въ Москву изъ Коломенскаго уѣзду; новыя начались веселія, ежедневно медвѣжья травля, сажаніе заицовъ, кулашные бои, съ веселыми придворными всѣ часы жизни его занимали; даже какъ простудился, занемогъ весною; въ девятый день скончался и вся надежда Долгорукихъ яко скудельный сосудъ о твердый камень сокрушилась. Осталось только памяти его царство-

ванія, что неисправленная грубость съ роскошью и распутствомъ соединилась. Вельможи и вышніе впали въ роскошь, жены стыдъ, столь украшающій ихъ полъ, стали забывать, а нижніе граждане пріобыкли льстить вельможамъ.

Однако, по смерти Петра II, никаго не было назначеннаго къ пріятію россійскаго престола. Первостепенные вельможи собрались, дабы учинить важное рѣшеніе, кого во владыки толь великой части свѣта возвѣсти. Коль ни дерзки, коль ни самолюбивы, однако несмѣли безъ взятія мнѣнія отъ имянитѣйшихъ благородныхъ сего рѣшить. Разныя мнѣнія были подаваны. Иные представляли, что какъ вторая супруга Петра Великаго уже царствовала надо Россіею, то надлежитъ взять изъ монастыря первую супругу Петра Великаго, и оную на престолъ возвести. Другіе представляли, что есть въ живыхъ двѣ дочери Петра Великаго, Принцесса Анна въ супружествѣ за Герцогомъ Голштинскомъ и Принцесса Елизавета въ дѣвицахъ, и хотя онѣ и прежде браку рождены, по какъ уже законными признаны, то рожденіе ихъ не препятствуетъ взойти имъ на россійскій престолъ. Третіи представляли Принцессу Екатерину, Герцогиню Меклембургскую, старшую дочь Царя Іоанна Алексѣевича; наконецъ четвертые Принцессу Анну, вдовствующую Герцогиню Курляндскую.

Уже собравшіеся вельможи предопредѣлили великое намѣреніе, ежелибы самолюбіе и честолюбіе оное непомрачило, то есть, учинить основательные законы Государству, и власть Государеву Сенатомъ или Парламентомъ ограничить.—Но засѣданіе въ Сенатѣ токмо нѣсколькимъ рядамъ предоставили, тако уменьшая излишнюю власть Монарха, предавали ее множества вельможамъ, со огорченіемъ множества знатныхъ родовъ, и вмѣсто однаго толпу Государей сочиняли. — Сіи вельможи пріяли въ разсужденіе разныя

выше предложенныя мнѣнія о наслѣдствѣ престола. Были многіе и дальновидпѣйшіе, которые желали возвести царицу Евдокію Ѳедоровну, на Россійскій престолъ, говоря, что какъ она весьма слабымъ разумомъ одарена, то силѣ учрежденнаго Совѣту сопротивляться неможетъ, и черезъ сіе дастъ время утвердиться постановленнымъ узаконеніямъ въ предосужденіе власти монаршей. Но на сіе чинены были слѣдующія возраженія, что законъ препятствуетъ санъ монашескій, хотя и поневолѣ возложенный съ нее снять и что она имѣвши множество родни Лопухиныхъ, по коимъ была привязана, родъ сей усилится и можетъ для счастія своего склонить ее разрушить предполагаемыя постановленія.—Дочерей Петра Великаго яко незаконно рожденныхъ отрѣшили. Принцессу Екатерину Іоанновну, Герцогиню Меклембургскую, отрѣшили ради безпокойнаго права ея супруга, и что Россія имѣетъ нужду въ покоѣ, и не мѣшаться въ дѣла сего Герцога, по причинѣ его несогласія съ его дворянствомъ. И наконецъ думали что толь знатное и нечаянно предложенное наслѣдство Герцогинѣ Аннѣ Івановнѣ, заставить искренно наблюдать полагаемыя ими статьи; а паче всего склонилъ всѣхъ на избраніе сіе Кн. Василій Лукичь Долгоруковъ, который къ ней особливую склонность имѣлъ и можетъ быть мнилъ, отгнавъ Бирона, его мѣсто заступить. Всѣ сіи на сіе согласились, и онъ самъ посланъ былъ съ пунктами призывать на престолъ Россійской, естли будетъ обѣщаться и подпишетъ сіи предустановляемые законы.

Герцогиня Анна неотрѣклася подписать уменшающія Россійскаго Императора власть статьи, которыя ея возводили изъ Герцогинь Курляндскихъ въ Россійскія Императрицы, и поѣхавъ изъ Митавы, недоѣхавъ до Москвы

за семь верстъ остановилась въ селѣ Всесвяцкомъ, принадлежащемъ Царевичу Грузинскому, въ его домѣ, во ожиданіи пріуготовленія торжественнаго ея вшествія въ Москву. А тогдаже было дано дозволеніе всѣмъ благороднымъ пріѣзжать въ оное село для принесенія своего поздравленія Государынѣ. Долгорукіе знали, что множество благородныхъ были весьма недовольны учиненными ими статьями, которыя въ руки нѣкоторыхъ родовъ всю власть правительства вручали; и сего ради имѣли великую осторожность, дабы кто какой записки подходя къ рукѣ неподалъ; и сего ради всегда кто изъ Долгорукихъ стоялъ возлѣ Государыни, повелѣвая всѣмъ, подходящимъ къ рукѣ, имѣть руки назади, непринимая руку Монаршу на свою, какъ сіе обыкновенно есть.—

И подлинно, еще прежде пріѣзда въ Москву Императрицы Анны, извѣстно было Долгорукимъ и другимъ что нѣкоторымъ умеиьшеніе власти Монаршей, противно было, яко сіе оказалось, что Павелъ Ивановичь Егузинской, Генералъ-Прокуроръ, зять же Канцлера Гаврилы Ивановича Головкина, послалъ тайно отъ себя офицера Петра Спиридоновича Сумарокова съ письмомъ, увѣщающимъ Герцогиню Курляндскую неподписывать посланныя къ ней съ Князь Василій Лукичемъ пункты.

Сіе письмо было опымъ Княземъ Долгоруковымъ поймано, и онъ посланнаго немилосердно самъ билъ, о таковомъ писаніи сообщилъ въ Московской вельможъ Совѣтъ, который и памѣрялся Павла Ивановича немедленно казнить; но предложенія Князь Григорья Алексѣевича Долгорукова превозмогли, чтобъ таковую щастливую перемѣну кровью поддаинаго необогрять и онъ впредь до рѣшенія посаженъ былъ подъ жестокую стражу.

Сказалъ я уже выше, что духъ благородной гордости и тведости упалъ въ сердцахъ знатнорожденныхъ Россіянъ, и тако хотя великая честь ощущала неудовольствіе; но никто ни къ чему смѣлому приступити недерзалъ.— Однако естли неточно пользою отечества побуждены, то собственными своими видами, нашлися такіе, которые предпріяли разрушить сіе установленіе.—Ѳеофанъ Прокоповичь, Архіепископъ Новгородскій, мужъ исполненный честолюбія, хотѣлъ себѣ болѣе силы и могущества пріобрѣсти. Василій Никитичь Татищевъ, человѣкъ разумный и предпріятельный искалъ своего счастія.—Князь Антіохъ Дмитріевичь, человѣкъ ученый предпріятельный, но бѣдный, по причинѣ права первороженія брата своего Дмитрія Дмитріевича, искалъ себѣ и почестей и богатства, которое надѣялся, черезъ умыселъ свой противу установленія, получить, и тѣмъ достигнуть еще до желанія его жениться на Княжнѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Черкаской, дочери и наслѣдницѣ Князь Алек. Мих. Черкаскаго, богатѣйшаго изъ Россійскихъ благородныхъ. Сіи три связанные дружбою, разумомъ и своими видами учинили свое расположеніе для разрушенія сдѣланнаго Долгорукими узаконенія. Они вопервыхъ открылись въ семъ Князь Алек. Мих. Черкаскому, человѣку весьма недовольному Долгорукими, а паче за причиненное ими оскорбленіе Кн. Никитѣ Юрьевичу Трубецкому, его шурину. Сей человѣкъ молчаливый, тихій, косого разумъ никогда ни въ великихъ чинахъ, не блисталъ, но повсюду являлъ осторожность, невошелъ токмо самъ въ сей умыселъ, а довольствовался токмо стараться о мнѣніяхъ подданныхъ Императрицѣ сообщить. Сіе онъ исполнилъ черезъ свояченницу свою, Прасковью Юрьевну Салтыкову, супругу Петра Семеновича; ибо Салтыковы пѣсколько въ свойствѣ съ

Императрицею. Сія жена хитрая и нашла способъ, бывъ при надзираемой Императрицѣ, наединѣ ей записку о начинающихся намѣреніяхъ сообщить.

Однако воспослѣдовала коронація, и Императрица Анна Іоановна, не яко самодержавная, но яко подчиненная нѣкіемъ установленіямъ была коронована. Долгорукіе и ихъ сообщники нѣсколько успокоились, мня, что сила клятвы, учиненной Императрицею при коронаціи воздержитъ ее сдѣлать какую перемѣну. Тщетная надежда. Императрица послѣ коронаціи своей нестоль стала наблюдаема, а потому о продолженіи умысла возвратить ей самодержавство удобнѣе извѣстія получала, а Прокоповичь и Кантемиръ, сочиня челобитную отъ всѣхъ гражданъ, на смѣхъ множеству недовольныхъ дали ее подписать и наконецъ вдругъ въ назначенный день, подъ предводительствомъ Кн. Черкаскаго, представъ на аудіенцію къ Императрицѣ, подали ей челобитную, по прочтеніи которой, яко снисходя на желаніе народное, подписанные пункты были принесены, ею самою были разодраны, она самодержавною учинилась, и вскорѣ нещастіе Долгорукихъ послѣдовало.

Обстоятельства сіи хотя казались-бы и несовмѣстны съ описаніемъ состоянія правовъ, однако если кто прилежно разсмотритъ оныя, то умоначертаніе народное и перемѣны мыслей ясно усмотритъ; и такъ можно сказать, что бываемыя перемѣны въ государствахъ всегда суть соединены съ правами и умоначертаніемъ народнымъ. Воззримъ-же теперь, какъ при правленіи сея Императрицы паивящше упала твердость въ сердцахъ, и какъ роскошъ наиболѣе стала вкореняться; а для показанія сего надлежитъ разсмотрѣть, во первыхъ, обычаи самой сей Императрицы, второе, обычаи ея любимца Бирона, послѣ бывшаго Герцогомъ Курляндскимъ и его могущество и третіе состо-

яніе двора и какія были сдѣланы при сей Государынѣ учрежденія въ разсужденіи великолѣпности онаго.

Императрица Анна не имѣла блистательнаго разума, но имѣла сей здоровый разсудокъ, который тщетной блистательности въ разумѣ предпочтителенъ. Съ природы-нраву грубаго, отчего и съ родительницею своею въ ссорѣ находилась и ею была проклята, кажъ мнѣ извѣстно сіе по находящемуся въ архивѣ Петра Великаго одному письму отъ ея матери, отвѣтственному на письмо Императрицы Екатерины Алексѣевны, чрезъ которое она прощаетъ дочь свою сію Императрицу Анну. Грубой ея природной обычай несмягченъ былъ ни воспитаніемъ, ни обычаями того вѣка, ибо родилась во время грубости Россіи, а воспитана была и жила тогда какъ многія строгости были оказуемы; а сіе учинило, что она нещадила крови своихъ подданыхъ и смертную мучительную казнь безъ содраганія подписывала; а можетъ статься еще къ тому была побуждаема и любимцемъ своимъ Бирономъ. Не имѣла жадности къ славѣ, и потому новыхъ узаконеній и учрежденій мало вымышляла, но старалась старое, учрежденное, въ порядкѣ, содержать. Довольно для женщины прилежна къ дѣламъ и любительница была порядку и благоустройства; ничего спѣшно и безъ совѣту искуснѣйшихъ людей государства неначинала, отчего всѣ ея узаконенія суть ясны и основательны. Любила приличное великолѣпіе Императорскому сану, но толико, поелику оно сходственно было съ благоустройствомъ государства.

Не можно оправдать ее въ любострастіи ибо подлинно, что бывшій у нее Гофъ-мейстеръ Петръ Михайловичь Бестужевъ имѣлъ участіе въ ея милостяхъ, а потомъ Бирон и явно любимцемъ ея былъ, но наконецъ, при старости

своихъ лѣтъ является, что она его болѣе яко нужнаго друга себѣ имѣла, нежели какъ любовника.

Сей любимецъ ея, Биронъ, возведенный ею въ Герцоги Курляндскіе, при россійскимъ дворѣ, имѣющій чинъ оберъ-камергера, былъ человѣкъ, рожденный въ низкомъ состояніи въ Курляндіи, и сказываютъ, что онъ былъ берейторъ, которая склонность къ лошадямъ до смерти сохранялась. Впрочемъ былъ человѣкъ одаренный здравымъ разсудкомъ, но безъ малѣйшаго просвѣщенія, гордъ, золъ, кровожаждущъ и непримирительный злодѣй своимъ непріятелямъ. Однако касающее до Россіи, онъ никогда не старался, во время жизни Императрицы Анны, что либо въ ней пріобрѣсти, и хотя въ разсужденіи Курляндіи снабжалъ ее сокровищами россійскими, однако зная, что онъ тамъ отъ гордаго курляндскаго дворянства ненавидимъ, и что онъ инако, какъ сильнымъ защищеніемъ Россіи не можетъ сего герцогства удержать, то и той пользы пользамъ Россіи подчинялъ. Впрочемъ былъ грубъ яко свидѣтельствуетъ единый его поступокъ, что ѣздивъ на малое время къ границамъ Курляндіи и нашедъ мосты худы, отчего и карета его испортилась, призвавъ сенаторовъ, сказалъ что онъ ихъ вмѣсто мостовинъ велитъ, для исправленія мостовъ, положить. Сіе первые правительства присутствующіе, къ которымъ Петръ Великой, толикое почтеніе имѣлъ принуждены были отъ любимца чужестранца востерпѣть безмолственно.— Толико уже упала твердость въ сердцахъ Россіянъ.

Правленіе Императрицы Анны было строгое а иногда и тираническое. За самыя малѣйшія дѣла сажали въ Тайную Канцелярію, и въ стѣнѣ сдѣланныя казармы Петербургской крѣпости недовольны были вмѣстить сихъ нещастныхъ; казни были частыя, яко Долгорукіе, бывъ прежде

за тщаніе ихъ ограничить власть Монаршу сосланы, а потомъ за туже вину изъ Сибири перевезены и переказнены въ Шлюсельбургѣ, и бывшій и не сосланъ Кн. Сергій Григорьевичь Долгоруковъ, назначенный уже въ Польское посольство, за то что увѣдано было, что Долгоруковъ Князь Алексѣй Григорьевъ съ сыномъ и другіе сочинили духовную, которой, якобы при смерти своей Петръ Второй признавалъ, что имѣлъ сообщеніе съ Княжною Екатериною Алексѣевною и оставлялъ ее беременну, и сего ради оказывалъ свое желаніе возвести ее на престолъ—духовную сію переписывалъ, но тогдаже силою своихъ представленій учинилъ сіе безумное сочиненіе, безчещущее Княжну Долгорукову, безъ всякія пользы уничтожить, также смертную казнь токмо за переписку претерпѣлъ; — и учиненъ былъ указъ дабы Долгорукихъ непроизводить. Было гоненіе и на родъ Голицыныхъ. Кн. Дмитрій Михайловичь, человѣкъ разумнѣйшій того вѣка, былъ сосланъ въ ссылку и напрасное его осужденіе довольно видно по самому Манифесту его сосланія; дѣти его Кн. Сергій Дмитр., дабы отдалить его отъ двора, сосланъ былъ въ Казань въ Губернаторы, а Кн. Алексѣй Дмит. бывшій тогда уже Штатскимъ Дѣйствительнымъ Совѣтникомъ, посланъ нижнимъ офицеромъ въ Кизляръ.

Кн. Петръ Михайл. Голицынъ, который и услуги Бирону показалъ, безъ всякаго суда изъ Камеръ - Геровъ посланъ былъ въ Нарымъ въ управители; а наконецъ Артемій Петровичь Волынскій, Оберъ - Егеръ - мейстеръ, по единой его ссорѣ и непріязни Бироновой, былъ съ принужденіемъ имъ воли самой Государыни, мучительными пытками пытанъ, а потомъ казненъ. Дѣло его толь мало доводило его до какаго наказанія, что мнѣ случилось слышать отъ самой нынѣ царствующей Императрицы

что она прочетши съ прилежностью, запечатавъ, отдала въ Сенатъ, съ надписаніемъ, дабы наслѣдники ея прилежно прочитывали оное и остерегались бы учинить такое неправосудное безчеловѣчіе.

Но можно сказать съ единымъ стихотворцемъ.

На пышные верхи громъ чаще ударяетъ.

Хотя трепеталъ весь дворъ, хотя небыло ни единаго вельможи, который-бы отъ злобы Бирона нездалъ себѣ несчастія; но народъ былъ порядочно управляемъ. Не былъ отягощенъ налогами, законы издавались ясны, а исполнялись въ точности, страшилися вельможи подать какую либо причину къ несчастію своему, а небывъ ими защищаемы, страшились и судьи что неправое сдѣлать, мздопмству коснуться. Былъ управленъ кабинетъ, гдѣ безъ подчиненія и безъ робости единъ другому каждый мысли свои изъяснялъ, и осмѣливался самой Государинѣ при докладахъ противурѣчить; ибо она неимѣла почти никогда пристрастія то или другое сдѣлать, но искала правды; и такъ покрайней мѣрѣ месть въ таковыхъ случаяхъ отогнана была; да можно сказать и не имѣла она льстецовъ изъ вельможей; ибо просто наслѣдуя законамъ дѣла надлежащимъ порядкомъ шли. Лѣта же ея и болѣзни ей неоставляли время—что другое предпріимать. Чины и милости всѣ по совѣту или лучше сказать поизволенію Бирона, Герцога Курляндскаго, истекали; имѣла она для своего удовольствія нѣсколько женщинъ, а именно: Княгиню Аграфену Александровну Щербатову, къ которой, какъ по веселому ея нраву, такъ и по другимъ причинамъ привязана была; Анну Ѳедоровну Юшкову и Мельгариту Ѳедоровну Манахину, которыхъ еще Императрица знала

въ молодости своей, когда онѣ были при дворѣ простыми дѣвушками. Любила шутовъ и дураковъ и были при ней Кн. Никита Ѳедоровичь Волконскій, Балакиревъ и Кн. Михайло Голицынъ, которые иногда и .... шутками ее весилили. Се вящій знакъ деспотичества, что благороднѣйшихъ родовъ люди, въ толь подлую должность были опредѣлены. Но вмѣсто ее, всѣ вельможи дрожали передъ Бирономъ; единый взглядъ его благороднѣйшихъ и именитѣйшихъ людей въ трепетъ приводилъ; но толь былъ грубъ и неприступенъ, что ниже и мести мѣста давалъ; однако были нѣкоторые преданные, то есть Графъ Остерманъ, котораго онъ другомъ почиталъ и уважалъ его по дѣламъ, принимая отъ него совѣты, и Князь Александръ Борисовичь Куракинъ, оберъ-Штальмейстеръ угождалъ ему лошадьми, яко умный человѣкъ льстилъ ему словами и яко веселый веселилъ иногда и Государыню своими шутками, и часто сдѣланныя имъ въ пьянствѣ продерзости, къ чему онъ склоненъ былъ, ему прощались; Петръ Ѳедоровичь Балкъ шутками своими веселилъ Государыню и льстилъ Герцогу, но ни въ какія дѣла впущенъ небылъ.

Сказалъ уже я выше, что Императрица Анна Иваповна любила приличное своему сану великолѣпіе и порядокъ, и тако дворъ, который еще никакаго учрежденія не имѣлъ, былъ учрежденъ, умножены стали придворные чины, сребро и злато на всѣхъ придворныхъ возблистало, и даже ливрея царская сребромъ была покровенна; установлена была придворная конюшенная канцелярія и экипажи придворные все могущее блистаніе того времени возымѣли. Италіанская опера была выписана, и спектакли начались, такъ какъ оркестра и камерная музыка.

При дворѣ учинились порядочные и многолюдные собранія, балы, торжества и маскарады.

А все вышеписанное и показуетъ, какіе шаги, обстоятельствами правленія и примѣрами двора, злые нравы учинили. Жестокость правленія отняла всю смѣлость подданныхъ изъяснять свои мысли, и вельможи учинились не совѣтниками но докальщиками Государевыми — и его любимцевъ, во всѣхъ такихъ дѣлахъ въ которыхъ имѣли причину опасаться противурѣчіемъ своимъ неудовольствіе приключить, любовъ къ отечеству убавилась и самство и желаніе награжденій возросло. Великолѣпіе введенное у Двора понудило вельможъ, а подражая имъ и другихъ умножить свое великолѣпіе. Оно уже въ платьяхъ, столахъ и другихъ украшеніяхъ начинало изъ мѣры выходить; такъ что самою Императрицею Анною примѣчено было излишнее великолѣпіе, и изданнымъ указомъ запрещено было ношеніе золота и серебра на платьѣ, а токмо позволено было старое доносить, которыя платья и были запечатаваны.

Но тщетное приказаніе когда самъ дворъ, а паче тогда по причинѣ сыновей Герцога Курляндскаго, людей молодыхъ, въ роскошъ сей впалъ. Не токмо сей роскошъ видѣнъ былъ на торжественныхъ одѣяніяхъ придворныхъ и другихъ чиновъ людей; но даже мундиры гвардіи офицеровъ оной ощущали; а паче мундиры конной гвардіи, которые тогда были синіе съ красными обшлагами, выкладены петлями и по швамъ широкимъ золотымъ галуномъ. Многіе изъ знатныхъ людей стали имѣть открытые столы, яко Фельдмаршалъ Графъ Минихъ, Вицъ-Канцлеръ Графъ Остерманъ, хотя впрочемъ весьма умѣренно жилъ; Гаврила Ивановичь Головкинъ, Генералъ-Адмиралъ Графъ Николай Ѳедоровичь Головинъ и другіе. Число разныхъ

винъ уже умножилось и прежде незнаемыя: шампанское, бургондское и капское стало привозиться и употребляться на столы.

Уже вмѣсто сдѣланныхъ изъ простаго дерева мебелей стали не иные употребляться, какъ англинскія, сдѣланныя изъ краснаго дерева мегагеня; домы увеличились, и вмѣсто малаго числа комнатъ уже по множеству стали имѣть, яко свидѣтельствуютъ сіе того времени построенныя зданія; стали домы сіи обивать штофными и другими обоями, почитая неблагопристойнымъ имѣть комнату безъ обои; зеркалъ, которыхъ сперва весьма мало было, уже во всѣ комнаты и большія стали употреблять. Екипажи тоже великолѣпіе возчувствовали, богатыя, позлащенныя кареты, съ точеными стеклами, обитыя бархотомъ, съ золотыми и серебряными бахрамами; лучшія и дорогія лошади, богатыя тяжелыя и позлащенныя и посеребряныя шоры, съ кутасами шолковыми, и съ золотомъ или серебромъ, такоже богатыя ливреи стали употребляться. И паче таковой роскошъ былъ видѣнъ, ибо онъ по приказанію учиненъ, во время сватьбы Принцессы Анны Меклембургской, племянницы Императрициной за Принца Антона Ульриха Брауншвейскаго.

Всякій роскошъ приключаетъ удовольствіе и нѣкоторое спокойствіе, а потому и пріемлется всѣми съ охотою и помѣрѣ пріятности своей роспространяется. А отъ сего, отъ великихъ принимая малые, повсюду началъ опъ являться. Вельможи проживаясь привязывались болѣе ко двору, яко къ источнику милостей, а нижніе по вельможамъ, для тойже причины.

Исчезла твердость, справедливость, благородство, умеренность, родство, дружба, пріятство, привязанность къ Бо-

жію и къ гражданскому закону и любовь къ отечеству; а мѣста сіи начинали занимать: презрѣніе божественныхъ и человѣческихъ должностей, зависть, честолюбіе, сребролюбіе, пышность, уклонность, раболѣпность и лесть, чѣмъ каждый мнилъ свое состояніе дѣлать и удовольствовать свои хотѣнія. Однако между множества людей оставалось еще великое число, которые небывъ толь близко у двора, сохраняли древнюю строгость нравовъ; и правосудіе, естли не по склонности, но покрайней мѣрѣ по страху казней исполняемое еще въ довольномъ равновѣсіи вѣкъ свой сохраняло. При таковыхъ обстоятельствахъ (по краткомъ правленіи Принцессы Анны, вмѣсто сына Іоанна Брауншвейскаго, именованнаго наслѣдникомъ Имперіи, умирающею Императрицею Анною) Принцесса Елисавета, дщерь Петра Великаго и Императрицы Екатерины взошла на Россійскій престолъ.

Умалчивая, какимъ образомъ было учинено возведеніе ея на всероссійскій престолъ гренадерскою ротою преображенскаго полку и многія другія обстоятельства, приступая къ показанію ея умоначертанія, яко служащему къ показанію причинъ развратности нравовъ. Сія Государыня изъ женскаго полу въ молодости своей была отмѣнной красоты, набожна, милосердна, сострадательна и щедра, отъ природы одарена довольнымъ разумомъ, но никакого просвѣщенія не имѣла, такъ что меня увѣрялъ Дмитрій Васильевичь Волковъ, бывшій конференцъ Секретарь, что она не знала, что Великобританія есть островъ; съ природы веселаго нрава и жадно ищущая веселій; чувствовала свою красоту и страстна украшать ее разными украшеніями; лѣнива и недокучлива къ всякому требующему нѣкоего прилежанія дѣлу, такъ что за лѣностью ея

нетокмо внутреннія дѣла Государственныя многія иногда лѣты безъ подписанія ея лежали; но даже и внѣшнія государственныя дѣла, яко трактаты по нѣскольку мѣсяцевъ, за лѣностью ея подписать имя у нея лежали; роскошна и любострастна, дающая многую повѣренность своимъ любимцамъ, но однако такова, что всегда надъ ними власть монаршу сохраняла.

Хотя она при шествіи своемъ принять всероссійскій престолъ, предъ образомъ Спаса Нерукотвореннаго обѣщалась, что естли взойдетъ на прародительскій престолъ, то во все царствованіе свое повелѣніемъ ея никто смертной казни преданъ небудетъ; однако принявъ престолъ, многихъ изъ вельможъ повелѣла судить: въ чемъ? въ томъ, что они къ царствующимъ тогда государямъ были привязаны, и что не почитая ее наслѣдницею престола, но опасаясь имя ея родителя и рожденіе ея, давали сходственные съ пользою тѣхъ государей, предосудительные ей совѣты, и иные были осуждены на смерть, приведены къ ешафоту, и хотя освобожденіе отъ казни получили, но были въ ссылки разосланы. Таковъ былъ отличной своимъ разумомъ Генералъ-Адмиралъ Графъ-Остерманъ, который управленіемъ своимъ министерскихъ дѣлъ многія пользы Россіи пріобрѣлъ; таковъ былъ Фельдмаршалъ Графъ Минихъ, многажды побѣдитель надъ Турками и первый изъ европейскихъ вождей, который укротилъ гордость сего вражескаго христіанамъ народа. Сіи и нѣкоторые другіе были за усердіе ихъ къ Императрицѣ Аннѣ и Принцу Іоанну сосланы въ ссылку. Но одни-ли они усердны къ нимъ были и вѣрно имъ служили? Вся Россія 14 лѣтъ въ томъ уже преступленіи была, а окружающіе дворъ, послѣдуя изволеніямъ Императрицы Анны и весьма малое уваженіе къ Принцессѣ Елисаветѣ имѣли; слѣд-

ственно и всѣ справедливо должны были опасаться ея мщенія; хотя не казни, но ссылки. Сему единый примѣръ приложу. При восшествіи на престолъ былъ дежурнымъ Генералъ - Адъютантомъ Графъ Петръ Семеновичь Салтыковъ, человѣкъ злой и глупый, имѣлъ свѣденіе о намѣреніяхъ Принцессы Елисаветы, и когда вышеименованный дежурный Генералъ - Адъютантъ былъ арестованный приведенъ предъ вновь возшедшую Императрицу и палъ предъ ней на колѣни, тогда родственникъ сего Василій Ѳедоров. Салтыковъ ему сказалъ, что вотъ теперь ты стоишь на колѣняхъ передъ нею, а вчера и глядѣть бы нехотѣлъ и готовъ бы всякое ей зло сдѣлать. Пораженъ такими словами немогъ Графъ Петръ Семеновичь ничего отвѣтствовать. Но милостивое снисхожденіе самой Государыни, запретившей врать Василію Ѳедоровичу, его ободрило. Въ такомъ страхѣ находился весь дворъ, а гдѣ есть страхъ, тутъ пѣсть твердости.

Первый бывшій не весьма любимымъ при дворѣ Принцессы Анны, Князь Никита Юрьевичь Трубецкій - вошелъ въ силу.

Человѣкъ умный, честолюбивый, пронырливый, злой и мстительной, бывъ пожалованъ въ Генералъ Прокуроры, льстя новой Императрицѣ и, можетъ быть, имѣлъ свои собственные виды, представлялъ о возобновленіи всѣхъ законовъ Петра Великаго. Почитающая память родителя своего Императрица Елисавета на сіе согласилась и всѣ узаконенія Императрицы Анны, которыя были учинены въ противность указамъ Петра Великаго, о кромѣ о правѣ первороженія въ наслѣдствѣ, были уничтожены, между коими многіе весьма полезные обрѣтались. Льстя Государю, надлежало льстить и его любимцу, а сей былъ тогда Алексѣй Григорьевичь Разумовской, послѣ бывшій Графомъ. Сей человѣкъ изъ Черкасъ изъ козаковъ былъ

ко двору Принцессы Елисаветы привезенъ въ пѣвчіе, учинился ея любовникомъ, былъ внутренно человѣкъ добрый, по недальнаго разсудку, склоненъ какъ и всѣ Черкасы къ пьянству, и такъ сей его страстью старались ему угождать: Степанъ Ѳедоровичь Апраксинъ, человѣкъ такъ-же благодѣтельный и добраго расположенія сердца, но мало знающъ въ вещахъ, пронырливъ, роскошенъ, честолюбивъ а потому, хотя и небылъ пьяница, но неотрекался иногда въ излишность сію впадать; и привезенный изъ ссылки Графъ Алексѣй Петровичь Бестужевъ, бывшій при Императрицѣ Аннѣ Кабинетъ Министромъ и добрымъ пріятелемъ Бирону, за котораго онъ и въ ссылку былъ сосланъ, человѣкъ умный, чрезъ долгую привычку искусный, въ политическихъ дѣлахъ любитель государственной пользы; но пронырливъ золъ и мстителенъ, сластолюбивъ, роскошенъ и собственно имѣющій страсть къ пьянству. Сіи двое, пивъ съ нимъ вмѣстѣ и угождая сей его страсти — сочиншіе партію при дворѣ, противную Кн. Ю. Трубецкому.

Были еще другіе, посящіе милость на себѣ монаршу; сіи суть родственники императрицыны, по ея матери Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, и по бабкѣ ея Натальи Кириловнѣ, и оные, первые были Ефимовскіе, Скавронскіе и Гендриковы, о которыхъ о всѣхъ генерально можно сказать, что они были люди глупые и распутные; по умнѣе, или лучше сказать, поживѣе изъ нихъ изъ всѣхъ былъ, но и тотъ былъ недалекъ, Николай Наумовичь Чеглоковъ, за котораго ближняя свойственница Государынина, Марья Симоновна Гендрикова была выдана; и Михалайло Ларіоновичь Воронцовъ, женатый на Аннѣ Карловнѣ Скавронской, двоюродной сестрѣ Императрицы, послѣ пожалованный графомъ и бывшій канцлеромъ, коего

тихой обычай недозволялъ оказывать его разумъ; но по дѣламъ видно, что онъ его имѣлъ, а паче духъ твердости и честности во душѣ его обиталъ яко самыми опытами онъ имѣлъ случай показать. Вторые были Парышкины, и хотя родъ сей и довольно многочисленъ, но ближнимъ родственникомъ своимъ щитала Императрица Александра Львовича Парышкина, къ которому всегда отличное уваженіе показывала.

Потомъ были въ особливомъ уваженіи у двора тѣ, которые знали о намѣреніяхъ Императрицы взойти на престолъ, и сіи были, окромѣ Михаила Ларіоновича Воронцова, князь Гессенъ Готбургскій и его супруга Княгиня Катерина Ивановна, и Василій Федоровичь Солтыковъ съ его женою.

Признательность Императрицы простиралась и на тѣхъ, которые у двора ея съ вѣрностью ей служили и сіи были два брата Александръ и Петръ Ивановичи Шуваловы, котораго втораго жена Мавра Егоровна и любимица Императрицина была, и о сей послѣдней четѣ буду имѣть случай впредь упомянуть; Скворцовъ, Лялинъ, Возжинскій и Чулковъ, изъ которыхъ нѣкоторые и изъ подлости были.

Всѣ сіи разныя награжденія получили, а недостаточные стали обогащены; и какъ не одно рожденіе, и по долголѣтнимъ службамъ полученные чины стали давать преимущество у двора, то и состоянія смѣшались, и что изъ подлости или изъ незнатныхъ дворянъ произшедшій; обогощенный по пышности дѣлалъ, того знатный, благородный или заслуженный но (не?) награжденный человѣкъ за стыдъ почиталъ не дѣлать. Когда смѣшались состоянія, когда чины начали изъ почтенія выходить, а достатки не стали ровняться; единые, отъ монаршей щедроты получая многое, могли много проживать, а другіе имѣя токмо рожденіе и службу и не большой достатокъ, съ ними восхотѣли равны

быть, тогда естественно роскошъ и сластолюбіе сверху внизъ стало переходить и разорять нижнихъ; а какъ сластолюбіе никогда предѣловъ излишностямъ своимъ не полагаетъ, и самые вельможи стали изыскивать умножить оное въ долгахъ своихъ.

Дворъ, подражая или, лучше сказать, угождая Императрицѣ, въ злототканныя одежды облекался, вельможи изыскивали въ одѣяніи—все что есть богатѣе, въ столѣ—все что есть дрогоцѣннѣе, въ питье—все что есть рѣже, въ услугѣ—возобновя древнюю многочисленность служителей, приложили къ оной пышность въ одѣяніи ихъ. Екипажи возблистали златомъ, дорогія лошади, не столь для нужды удобныя, какъ единственно для виду, учинились нужны для воженія позлащенныхъ каретъ. Домы стали украшаться позолотою, шолковыми обоями во всѣхъ компатахъ дорогими мебелями, зеркалами, и другими. Все сіе составляло удовольствіе самымъ хозяевамъ, вкусъ умножался, подражаніе роскошнѣйшимъ народамъ возрастало и человѣкъ дѣлался почтителенъ по мѣрѣ великолѣпности его житья и уборовъ.

Очевидный будучи свидѣтель роду житья и сластолюбія тогдашняго времени, я нѣкоторые примѣры потщуся представить. Графъ Алексѣй Петровичь Бестужевъ имѣлъ толь великій погребъ, что онъ знатный капиталъ составилъ когда послѣ смерти его былъ проданъ Графомъ Орловымъ; палатки, которыя у него становливались на его загородномъ дворѣ на каменномъ острову, имѣли шелковыя веревки. Степанъ Федоровичь Апраксинъ всегда имѣлъ великій столъ, гардеробъ его изъ многихъ сотъ разныхъ богатыхъ кавтановъ состоялъ, въ походѣ когда онъ камандовалъ россійскою арміею противу Прусскаго короля, всѣ спокойствія, всѣ удовольствія, какія можно было имѣть въ цвѣтущемъ тор-

говлею градѣ, съ самою роскошью, при звукѣ оружій и безпокойствѣ маршей, ему послѣдовали. Палатки его величиною городъ составляли, обозъ его болѣе нежели 500 лошадей отягчалъ, и для его собственнаго употребленія было съ нимъ 50 заводныхъ, богато убранныхъ лошадей. Графъ Петръ Борисовичь Шереметевъ, сперва Камеръ-Геръ, а потомъ Генералъ-Аншефъ и Генералъ-Адъютантъ, богатѣйшій тогда въ Россіи человѣкъ, какъ по родителѣ своемъ Графѣ Борисѣ Петровичѣ Шереметевѣ, такъ и по супругѣ своей Графинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ, урожденной Княжнѣ Черкаской, дочери и наслѣдницѣ Кн. Ан. Мих. Черкаскаго, человѣка также весьма богатова, человѣкъ весьма посредственный разумомъ своимъ, лѣнивъ, незнающъ въ дѣлахъ, и однимъ словомъ таскающій, а не носящій свое имя и гордящійся единымъ своимъ богатствомъ, все въ угодность монархинѣ со всѣмъ возможнымъ великолѣпіемъ жилъ. Одежды его напосили ему тягость отъ злата и сребра и блистаніемъ ослѣпляли очи, екипажи его, къ чему онъ и охоты не имѣлъ, окромѣ что лучшаго вкуса были наидрагоцѣннѣйшіе, столъ его великолѣпенъ, услуга многочисленна, и житье его однимъ словомъ было таково, что не однажды случалось, что нечаянно пріѣхавшую къ нему Императрицу съ немалымъ числомъ придворныхъ, онъ въ вечернемъ кушаньи, якобы изготовляясь могъ угощать; а сіе ему достоинствомъ служило и онъ во всякомъ случаѣ у двора, не взирая на разныя перемѣны, въ разсужденіи его и особы былъ особливо уважаемъ. Графъ Ив. Гр. Чернышевъ, сперва камеръ-юнкеръ, а потомъ камеръ-геръ, человѣкъ не толь разумный, коль быстрый, увертливый и праворный и, словомъ, вмѣщающій въ себѣ всѣ нужныя качества придворнаго, многіе примѣры во всякомъ родѣ сластолюбія подалъ. Къ нещастію Россіи, онъ не малое

время путешествовалъ въ чужіе краи; видѣлъ все что сластолюбіе, роскошъ, при другихъ европейскихъ дворахъ, напріятнѣйшаго имѣютъ; онъ все сіе перепялъ, все сіе привезъ въ Россію, и всѣмъ симъ отечество свое снабдать тщился. Одѣянія его были особливаго богатства и вкуса, и ихъ толь много, что онъ единажды вдругъ 12 кавтановъ выписалъ. Столъ его со вкусомъ и изъ дорогихъ вещей содѣланный, обще вкусъ, обоняніе и видъ привлекалъ; екипажи его блистали златомъ и самая ливрея его пажей была шитая серебромъ; вина у него были на столѣ наилучшія и наидорожайшія; и подлинно онъ самъ нѣкоторое пріимущество получалъ, яко человѣкъ, имѣющій вкусъ, особливо всегда былъ уважаемъ у двора, женился на богатой невѣстѣ Ефимовской, подлѣ государыни, и любимый ею, потомъ учинился другомъ фавориту Ив. Ив. Шувалову, чрезъ него прежде другихъ тогда весьма въ почтеньи находящуюся ленту польскую бѣлаго орла получилъ, а симъ же защищеніемъ чрезъ сепатъ за малую цѣну, то есть, неболѣе 90,000 руб. получилъ мѣдные заводы, гдѣ слишкомъ на 100 м. готовой мѣди было, и которые чрезъ нѣсколько лѣтъ приведенные имъ въ разоренье, съ великимъ искомъ на нихъ за 700,000 продалъ обратно коронѣ.

Вкореняющаяся такая роскошъ проникла и въ такія состоянія людей, которыябы по чинамъ и обстоятельствамъ своимъ не имѣли нужду ея употреблять. Князь Борисъ Сергѣевичь Галицинъ, сперва отбѣгающій отъ службы поручикъ или капитанъ, а потомъ отставной маіоръ, оную въ Москвѣ колико возможно оказывалъ; богатыя одѣянія его и жены его, ливрея, екипажи, столъ, вины, услуга и прочее, все было великолѣпно. Таковое роскошное житье привлекло ему нѣкоторый родъ почтенія, но изнуряло его состояніе, какъ и дѣйствительно онъ какъ отъ долговъ при-

ватнымъ людямъ, такъ и отъ долговъ казнѣ разоренный умеръ, и жена его долгое время должна была страдать и претерпѣвать нужду въ платежѣ за безуміе своего мужа, для оплаты нажитыхъ долговъ.

Тако сластолюбіе повсюду вкоренялось, къ разоренію домовъ и къ поврежденію нравовъ. Но гдѣ оно наиболѣе оказало вредныхъ своихъ дѣйствій? и гдѣ оно, соединяся съ пышностью и сластолюбіемъ, можно сказать, оказало свою побѣду надъ добрыми нравами? Сіе было въ особѣ Графа Петра Ив. Шувалова. Имя сего мужа, памятное въ Россіи, не токмо всѣмъ вредомъ, который самъ онъ причинилъ, но и примѣрами, которые онъ оставилъ къ подражанію. Родъ Шуваловыхъ у насъ никогда въ великихъ чинахъ не бывалъ и отецъ сего Шувалова Иванъ Максимычь, въ молодости своей, у брата роднаго моего дѣда Кн. Юрья Ѳед. Щербатова былъ знакомцемъ. Вошедъ въ службу, долговременнымъ продолженіемъ оныя достигъ наконецъ до генералъ-маіорскаго чину, былъ губернаторомъ у города Архангельскаго, откудова отецъ мой его смѣнилъ, а оттуда былъ употребленъ въ губернаторы или въ Ригу или въ Ревель, гдѣ и умеръ. Онъ былъ человѣкъ умной и честной, имѣлъ двухъ сыновей—Александра и Петра Ивановичей, которымъ давъ приличное воспитаніе, опредѣлилъ ихъ на службу ко двору Цессаревны Елисаветы Петровны. Въ царствованіе Импер. Анны Иваповны старались наполнять дворъ сей цессаревны такими людьми, которые бы ни знатности рода, ни богатства неимѣли, и тако сія достигли изъ пажей, даже до камеръ-юнкеровъ.

Петръ Ив. Шуваловъ былъ человѣкъ умный, быстрый, честолюбивый, корыстолюбивый, роскошный, былъ женатъ на Марфѣ Егоровнѣ Шепелевой, женщинѣ, исполненной

многими пороками, а однако любимицѣ Императрицыной; онъ пользуясь напамятованіемъ прежней своей службы, когда бывъ при дворѣ ея яко цесаревны, раздѣлялъ ея утѣсненія и милостью Императрицы къ женѣ его, съ самаго начала принятія престола Имп. Елисаветы Петровны отличную сталъ имѣть силу; вскорѣ былъ пожалованъ въ камеръ-геры и разумомъ своимъ, удобнымъ и къ дѣламъ и къ лести, силу свою умножилъ; пожалованъ былъ въ Генералъ Поручики и присутствовать въ Сенатѣ. Тутъ соединяя все что хитрость придворная наитончайшаго имѣетъ, т. е. не токмо лесть, угожденіе монарху, подслуживаніе любовнику Разумовскому, дареніе всѣмъ подлымъ и развратнымъ женщинамъ, которыя были при Императрицѣ (и которыя единыя были сидѣльщицы у нея по ночамъ, иныя гладили ея ноги,) къ пышному немного знаменующему краснорѣчію, проникнулъ онъ что доходы Государственные неимѣютъ порядочнаго положенія, а Императрица была роскошна и сластолюбива; тогда какъ Сенатъ, неимѣя свѣденія о суммахъ, гдѣ какія находятся, всегда жаловался на недостатокъ денегъ, сей всегда говорилъ, что ихъ довольно и находилъ нужныя суммы для удовольствія роскоши Императрицы. Дабы на умножающееся сластолюбіе имѣть довольно денегъ, тогда какъ другіе, взирая на недостатокъ народный, недерзали ничего накладывать, сей, имѣя въ виду свою пышность и собственныя свои пользы, увеличилъ тщаніями своими доходы съ винныхъ откуповъ, а для удовольствія своего корыстолюбія, самъ участникомъ оныхъ учинился. Монополіи старался вводить, и самъ взялъ откупъ табаку, рыбныя ловли на Бѣломъ и Ледяномъ морѣ и лѣса Олонецкіе, за все получая себѣ прибыль. При милосерднѣйшей Государынѣ, учредилъ родъ инквизиціи, изыскующій

корчемство, и обагрилъ россійскія области кровію пытанныхъ и сѣченныхъ кнутомъ и пустыни Сибирскія и рудники наполнилъ сосланными въ ссылку и на каторги; такъ что считаютъ до 15,000 человѣкъ, претерпѣвшихъ такое наказаніе. Взирая на торговлю, умножилъ пошлины на товары, безъ разбору, и тѣмъ пріумноженіемъ убытку по цѣнѣ опыхъ, при умноженіи сластолюбія, принужденно многихъ въ раззореніе повлекъ. Умножилъ цѣну на соль, а симъ самымъ приключилъ недостатокъ и болѣзни въ народѣ. Коснувшись до монеты возвышалъ и уменьшалъ ея цѣну, такъ что пятикопѣешники мѣдные привелъ ходить въ грошъ, а бѣдные подданные на капиталѣ мѣдныхъ денегъ хотя не вдругъ, по три пятыхъ капиталу своего потеряли; по его предложенію, дѣлана была монета медная по 8 руб. съ пуда, а потомъ передѣлавана по 16 р. съ пуда. Хотя ни одно изъ сихъ дѣйствій небыло учинено безъ тайныхъ прибытковъ себѣ, но еще дошедши до чину Генералъ-Фельдцейхмейстера, и бывъ подкрѣпляемъ родственникомъ своимъ Иваномъ Пв. Шуваловымъ, котораго ввелъ въ любовники къ любострастной Императрицѣ, тогда какъ повсюдова въ Европѣ умножали артилерію и Россія, имѣя тысячи пушекъ, моглабы токмо ихъ переливъ, снабдить армію и флотъ, онъ множество старыхъ пушекъ въ мѣдную монету передѣлалъ, приписуя себѣ въ честь, что якобы неизвѣстное и погибшее сокровище въ сокровище обрѣтающееся обратилъ. — Немогши скрыть свои желанія корыстолюбія силою и властію своей а пользуясь узаконеніемъ Петра Великаго, чтобы заводы рудокопные отдавать въ приватныя руки, испросилъ себѣ знатные заводы и между протчими лучшій въ Государствѣ Гороблагодатскій, и сіе съ такою безсовѣстностію, что когда сей заводъ, могущій приносить прибыли многія сты ты-

сячь руб. былъ оцѣненъ въ 90,000, то онъ неустыдился о дорогой оцѣпкѣ приносить жалобу Сенату, и получилъ его по новой перецѣпкѣ, гдѣ не справедливость и не польза Государская была соблюдаема, по страхъ его могущества, не съ большимъ за 40 т. руб.; заводъ, при которомъ было приписныхъ до 20 т. душъ, заводъ приносящій послѣ ему до 200 т. руб. и который послѣ взятъ былъ обратно коропою за его долги, за 750 т. р. Откупы, монополіи, мздоимство, торговля, самимъ заведенная и грабительствы государственныхъ имѣній немогли однако его жадность и сластолюбіе удовольствовать; учредилъ банкъ, повидимому, могущій бы полезнымъ быть подданнымъ, и оный состоялъ въ мѣдной монетѣ, занимая изъ котораго должно было платить по 2 0/0 и черезъ нѣсколько лѣтъ внести капиталъ серебромъ. Но кто симъ банкомъ воспользовался? Онъ самъ взявъ миліонъ, Готъ, взявшій у него на откупъ Олонецкія лѣса и взятыя деньги отдавшій ему. Армяне взявшіе въ монополію Астраханской торгъ, и большую часть взятыхъ денегъ отдавшіе ему; Князь Борисъ Сергѣевичь Голицынъ, который толь мало взятьемъ симъ пользовался, что увѣряютъ, якобы въ единое время изъ 20 т., имъ взятыхъ, токмо 4 тысячи въ пользу себѣ употребилъ.

Властолюбіе его равно какъ и корыстолюбіе предѣловъ не имѣло. Недовольствуясь, что онъ былъ Генералъ-Фельдцехмейстеръ, Генералъ-Адъютантъ и Сенаторъ, восхотѣлъ опричную себѣ армію сдѣлать, представленіе его такъ, какъ и все чиненное имъ, было принято, и онъ сочинилъ армію, состоящую изъ 30,000 пѣхоты, раздѣленную въ шесть легіоновъ, или полковъ, каждой по 5 т. человѣкъ, которые ни отъ кого кромѣ его независѣли. Является, что въ Россіи рокъ таковыхъ безнужныхъ затѣй

есть скоро родиться и еще скорѣе упадать. Армія сія, сочиненная изъ лучшихъ людей Государства, пошла въ походъ противъ Прусскихъ войскъ, много потерпѣла, ничего не сдѣлала, часть ея превращена была въ состоящіе подъ его начальствомъ фузильерные полки, а потомъ и совсѣмъ исчезла.

Мало я незабылъ, исчисляя честолюбивыя затѣи сего чудовища, упомянуть о изобрѣтенныхъ имъ, или лучше сказать съ подражанія старинныхъ, и отброшенныхъ голбицъ, которыя Шуваловскими назывались и коихъ коническая камера чинила, что весьма далеко отдавали, а елипсической каплиберъ, что размѣтисто на близко картечами стрѣляли, и единороговъ, которые и нынѣ есть въ употребленіи, ради легости ихъ. Онъ выдумку свою всему предпочитая, гербы свои на сихъ новыхъ орудіяхъ изобразилъ, гналъ всѣхъ тѣхъ, которые дерзали, о неудобности ихъ, нынѣ доказанной, говорить, яко между прочимъ содержалъ подъ арестомъ Князь Павла Николаевича Щербатова, сказавшаго по пріѣздѣ своемъ изъ арміи, что ихъ дѣйствіе весьма близко, неможетъ быть инако дѣйствительно, какъ на совершенно гладкомъ мѣстѣ; что отдача назадъ голбицъ можетъ самимъ дѣйствующимъ имъ войскамъ вредъ нанести и разстроить ихъ порядокъ; что тягость ихъ неудобна ни къ воженію ни къ постановленію послѣ выстрѣла на прежнее мѣсто, и наконецъ, что достойно смѣху то, что ихъ толь секретными почитаютъ, и съ особливою присягою къ нимъ люди употреблены, которые даже отъ главныхъ начальниковъ, сокрываютъ сей мнимый секретъ, съ обидою оныхъ, коимъ ввѣрено начальство арміи, а немогутъ они знать ни секрета ни дѣйствія употребляемыхъ въ ней орудій; а самое сіе разстроиваетъ всю дисциплину въ войскѣ, что

введенные въ сіе, таинство, якобы отличные люди отъ другихъ, не по достоинству, но по опричности своей, излишные чины получаютъ, и болѣе другихъ ихъ всемощнымъ начальникомъ уважаемы суть.—

Между многихъ таковыхъ развратныхъ его предпріятій, начаты были однако два по его предположеніямъ, то есть — генеральное межеванье и сочиненіе новаго уложенія. Но за неоспоримую истину должно сіе принять, что развратное сердце влечетъ за собою развратный разумъ, который во всѣхъ дѣлахъ того чувствителенъ бываетъ. Хотя неможно сказать, что намѣреніе генеральнаго межеванія неполезно было Государству и чтобы межевая инструкція несодержала въ себѣ много хорошихъ узаконеній; но многія въ ней находятся и такія которыя несходственно со справедливостью, но подальновидности его ли самаго, или его окружающихъ, были для собственныхъ ихъ пользъ учинены. А исполненіе еще хуже было. Порочнаго сердца человѣкъ выбиралъ порочныхъ людей, для исправленія разныхъ должностей; тѣ не напользу общественную, но на свои прибытки взирая также порочныхъ людей ободряли, отчего множество тогдаже произошло злоупотребленій; и не пользою обществу сіе межеваніе учинилось, но учинилось вѣрнымъ способомъ къ нажитку опредѣленныхъ, къ грабежу народа. Сочиненіе уложенья нелучшій успѣхъ имѣло; ибо были къ сему толь полезному дѣлу Государства опредѣлены люди не тѣ, которые глубокою наукою состояніе Государства и древнихъ правъ, сообщенныхъ съ наукою логики и моральной философіи, а равно ихъ долговременнымъ исполненіемъ безпорочно своихъ должностей, могли удостоиться имени законодателей и благотворителей своего оте-

чества. По Емме человѣкъ ученый, но грубъ и безчеловѣченъ съ природы; Дивовъ, глупый, намѣтливый на законы человѣкъ, но мало смыслящій ихъ разумъ, а къ томуже корыстолюбивый; Ешковъ, добрый, немзоимщикъ и знающій по крайнѣй мѣрѣ не россійскіе законы человѣкъ, но ленивый, праздный и не твердый судья; Козловъ, умный а знающій законы человѣкъ, но токмо предъ тѣмъ вышелъ изъ подъ слѣдствія мздоимствамъ и воровствамъ. Глѣбовъ, угодникъ Гр. Шувалову, умный по наружности человѣкъ, но соединяющій въ себѣ всѣ пороки, которые самъ онъ Петръ Ивановичь имѣлъ. Такіе люди, таково и сочиненіе. Наполнили они свое сочиненіе множество пространными статьями, по которымъ каждый хотѣлъ или свои дѣла рѣшить, или начавши новыя воспользоваться разореніямъ другихъ. Наполнили его неслыханными жестокостями пытокъ и наказаній, такъ что когда по сочиненіи оное было, безъ чтенія Сенатомъ и другихъ Государственныхъ чиновъ, поднесено къ подписанію Государынѣ, и уже готова была сія добросердечная Государыня печитая подписать, перебирая листы, вдругъ попала на главу пытокъ, взглянула на нее, ужаснулась тиранству и неподписавъ, велѣла передѣлывать. Такъ чудеснымъ образомъ, избавилась Россія отъ сего безчеловѣчнаго законодательства.

Но я слишкомъ отдалился отъ моей причины, колико она ни достойна любопытства, и токмо ее продолжилъ для показанія умоначертанія сего именитаго мужа, а развратность вельможи влекла примѣромъ своимъ и развратность на нижнихъ людей. И подлинно, до его правленія, хотя были взятки, были неправосудія и былъ развратъ; но все съ опасеніемъ строгости законовъ, и народъ хотя малое

что давая немогъ справедливо жаловаться, что разоренъ есть отъ судей. Но съ возвышеніемъ его, неправосудіе чинилось съ наглостью, законы стали презираться, и мздоимствы стали явныя. Ибо довольно было быть любиму и защищаему имъ, Гр. Шуваловымъ, иль его метресами, иль его любимцами Глѣбовымъ и Яковлевымъ, чтобы не страшася ничего, всякія неправосудія дѣлать и народъ взятками разорять. Самый Сенатъ, трепетавъ его власти, принужденъ былъ хотѣніямъ его повиноваться, и онъ первый, же правосудіе изъ сего вышняго правительства изгналъ. Чрезъ исканіе Анны Борисовны Графини Апраксиной, дочери Кн. Бор. Васил. Голицына, при Княгинѣ Аленѣ Степановнѣ Куракиной, рѣшено было дѣло между Князя Голицына и Кн. Елены Васил. Урусовой, въ бѣглыхъ крестьянахъ, и хотя она была права, но рѣшеніемъ Сената приведена была въ разореніе; защищалъ онъ, собщася съ Гр. Александромъ Борис. Батурлинымъ, Князей Долгорукихъ, по дѣлу и деревняхъ Анны Яковлевны Шереметевой, дочери именитаго Кн. Якова Ѳед. Долгорукова, чтобы лишить неправо принадлежащей части Кн. Якова Александровича и сестру его Кн. Марью Алек. Долгорукихъ и тесть мой на сіе голосъ подалъ, то сказано ему было отъ вышеименованаго Батурлина, что естли онъ отъ сего дѣла неотступитъ, они найдутъ способъ толико его обнести у Государыни, что можетъ быть онъ свое упрямство и ссылкою заплатитъ.

Немогу и упустить, чтобы неупомянуть объ единомъ узаконеніи сего Гр. Петра Ив. Шувалова, учиненномъ для собственнаго его прибытку, и разрушающемъ супружественную связь, которая досего у насъ свято сохранялась. Между прочими вещами связующими супруговъ и, сход-

ственно съ Божіимъ закономъ, подчиняющими женъ мужьямъ своимъ, было узаконеніе, что жена безъ воли мужа своего имѣнія продать и заложить немогла, а мужъ всегда долженъ былъ позволеніе свое въ крѣпости подпискою означить. Гр. П. И. Шувалову нужда была купить одну деревню, непомню у какой Графини Головкиной, живущей особливо отъ мужа своего, а потому и немогущей его согласіе имѣть, предложилъ, чтобы сей знакъ покорства женъ уничтожить; по предложенію его яко все сильнаго мужа въ государствѣ былъ учиненъ указъ, онъ деревню купилъ и симъ подалъ поводъ, по своенравіямъ своимъ женамъ отъ мужей отходить, разорять ихъ дѣтей и отошедшимъ разоряться.

Довольно думаю описалъ я разные, клонящіяся по своимъ собственнымъ прибыткамъ предпріятіи Графа Шувалова, наводящія тогда же мнѣ огорченія нетокмо, по самому злу, чинившемуся тогда, но и по подаваемому примѣру, о которомъ я пророчествовалъ, что онъ множество подражателей себѣ найдетъ. Яко и дѣйствительно воспослѣдовало. К. В. (1) показаніемъ, что онъ умножаетъ доходы, хотя то часто со стенаніемъ народа, въ такую силу вошелъ, что владычествуетъ надъ закономъ и Сенатомъ, К. П. (2) нетокмо всю армію по военной Коллегіи подъ властью своею имѣетъ, но и особливую опричную себѣ дивизію изъ большей части арміи сочинилъ, и нерегулярныя всѣ войска въ опричину себѣ прибралъ, стараясь во всѣхъ дѣлахъ толико превзойти Графа Шувалова, колико онъ другихъ превосходитъ.

(1) Князь Вяземскій.

(2) Князь Потемкинъ.

Мнѣ должно теперь помянуть о его нравахъ и роскоши. Безпрестанно въ замыслахъ и безпрестанно въ дѣлахъ, не могъ онъ имѣть открытаго дому и роскошь свою великолѣпнымъ затѣямъ показывать. Но былъ сластолюбивъ и роскошенъ въ приватномъ своемъ житьѣ. Домъ его убранъ колико возможно лучше потогдашнему состоянію; столъ его маленькій наполненъ былъ всѣмъ тѣмъ, что есть драгоцѣннѣйшее и вкуснѣйшее; десертъ его былъ по тогдашнему напвеликолѣпнѣйшій; ибо тогда какъ многіе изъ живших въкъ вкусу ананасовъ незнали, а объ аланѣ и неслыхивали, онъ ихъ въ обильствѣ имѣлъ и первый изъ приватныхъ завелъ ананасовую большую оранжерею. Вины употребляемые имъ, нетолько были лучшіе, но недовольствуяся тѣми, которые обыкновенно привозятся и употребляются, дѣлалъ дома вино ананасовое. Екипажъ его былъ блестящъ златомъ, и онъ первый цукъ англійскихъ, тогда весьма дорогихъ, лошадей имѣлъ. Платье его также соотвѣтствовало пышности, злато, сребро, кружевы, шитье на немъ блистали и онъ первый по Графѣ Алексѣе Григ. Разумовскомъ имѣлъ бриліантовыя пуговицы, звѣзду, ордена и еполеть, съ тою только разностію, что его бриліантовые уборы богатѣе были. Въ удовольствіе своего любострастія всегда имѣлъ многихъ метресъ, которымъ нежалѣя деньги сыпалъ, а дабы тѣло его могло согласоваться съ такою роскошью, принималъ ежедневно горячія лекарства, которыя и смерть его приключили. Однимъ словомъ, хотя онъ тогда имѣлъ болѣе 400,000 рублей доходу, но на его роскошъ, любострастіе и дары окружающимъ Императрицу недоставало, и онъ умеръ имѣя болѣе миліону на себѣ казеннаго долгу.

Примѣры таковые немогли нерозлиться на весь народъ и повсюду роскошь и сластолюбіе умножились. Дамы

стали великолѣпно убираться и стыдились неанглійскія мебели имѣть; столы учинились великолѣпны, и повары, которые сперва не за перваго человѣка въ домѣ считались стали великія деньги въ жалованье получать. Такъ что Фуксъ, бывшій поваръ Императрицынъ и служившій ей въ Цесаревнахъ, хотя имѣлъ бригадирскій чинъ, но жалованья получалъ по 800 руб. въ годъ, а уже тогда и приватные стали давать рублей по 500, окромѣ содержанія.

Лимоны и померанцы немогли быть дороги въ петербургѣ, куда они кораблями привозятся, но въ Москвѣ они были толь рѣдки, что развѣ для больнаго или для особливо великаго стола ихъ покупали, учинились и въ Москвѣ въ изобильствѣ. Вины дорогіе и до того незнаемые не токмо въ знатныхъ домахъ вошли въ употребленіе; но даже и нискіе люди ихъ употреблять начали, и за щегольство щитали ихъ разныхъ сортовъ на столъ подавать, даже что многіе подъ тарелки въ званные столы клали записки разнымъ винамъ, дабы каждый могъ попросить какое кому угодно. Пиво англійское, до того и совсемъ небывшее въ употребленіи, но введенное въ употребленіе Граф. Анною Карловною Воронцовой, которая его любила, стало нетолько въ знатныхъ столахъ ежедневно употребляться; но даже подлые люди, оставя употребленіе русскаго пива, онымъ стали опиваться. Свѣчи, которыя большею частью долго употреблялись сальныя, а гдѣ въ знатныхъ домахъ и то передъ господами, употребляли вощаныя, но и тѣ изъ желтаго воску, стали вездѣ, да и во множествѣ, употребляться бѣлыя восковыя. Роскошь въ одеждахъ всѣ предѣлы превзошелъ, парчевыя, бархотныя съ золотомъ и серебромъ и шелками, ибо уже галуны за подлое почитали, и тѣ въ толикомъ

множествѣ, что часто гардеробъ составлялъ, почти равный капиталъ съ прочимъ достаткомъ, какого придворнаго или щеголя, а и у умѣренныхъ людей онаго всегда великое число было.

Да можно-ли было сему иначе быть, когда самъ Государь прилагалъ все свое тщаніе, къ украшенію своея особы, когда онъ за правило себѣ имѣлъ каждый день новое платье надѣвать, а иногда по два и по три на день, и стыжусь сказать число, но увѣряютъ, что нѣсколько десятковъ тысячь разныхъ платьевъ послѣ нея осталось.

Мундировъ тогда, кто имѣлъ токмо достатокъ, кромѣ должности своей неначивали и даже запрещено было въ оныхъ танцовать при дворѣ.—

Экипажи были умѣреннаго съ прочимъ великолѣпія, уже русскаго дѣла карета въ презрѣніи была, и надлежало имѣть съ заплатою нѣсколькихъ тысячь рублевъ французскую, и съ точеными стеклами, чтобы шоры и лошади оной соотвѣтствовали и прочее. Однако при всемъ семъ еще очень мало было сервизовъ серебряныхъ, да и тѣ большая часть жалованныя государемъ. Степанъ Ѳедоровичь Апраксинъ, человѣкъ пышной и роскошной, помнится мнѣ, до конца жизни своей, на фаянсѣ ѣдалъ, довольствуясь имѣть чаши серебряныя, и я слыхалъ отъ Ивана Лукьяновича Талызина, что онъ первый изъ собственныхъ своихъ денегъ сдѣлалъ себѣ сервизъ серебряный.—

При сластолюбивомъ и роскошномъ Государѣ неудивительно, что роскошь имѣла такіе успѣхи; но достойно удивленія, что при набожной Государынѣ, касательно до нравовъ, во многомъ божественному закону противуборствія были учинены.—Сіе есть въ разсужденіи храненія святости брака, таинства по исповѣданіи нашея вѣры.

Толь есть истинно, что единый порокъ и единой проступокъ влечетъ за собою другіе. Мы можемъ положить сіе время началомъ, въ которое жены начали покидать своихъ мужей; не знаю я обстоятельствъ перваго, страннаго разводу; но въ самомъ дѣлѣ онъ былъ таковъ. Иванъ Бутурлинъ, а чей сынъ незнаю, имѣлъ жену Анну Семеновну; съ ней слюбился Степанъ Ѳедоровичь Ушаковъ и она отошедъ отъ мужа своего, вышла за своего любовника и, публично содѣявъ любодѣйственный и противный церкви сей бракъ, жили. Потомъ Анна Борисовна Графиня Апраксина, рожденная Княжна Галицына, бывшая же въ супружествіе за Графомъ Петромъ Алексѣевичемъ Апраксинымъ, отъ него отошла. Я не вхожу въ причины, чего ради, она оставила своего мужа, который подлинно былъ человѣкъ распутнаго житья; но знаю, что разводъ сей нецерковнымъ, но гражданскимъ порядкомъ былъ суженъ. Мужъ ея, якобы за намѣреніе учинить ей какую обиду въ Нѣмецкомъ позорищѣ, былъ посаженъ подъ стражу, и долго содержался, и наконецъ велѣно ей было дать ея указную часть изъ мужня имѣнія, при живомъ мужѣ; а именоваться ей по прежнему Княжною Голицыной. И такъ отложа имя мужа своего, приведши его до посаженія подъ стражу, наслѣдница части его имѣнія учинилась потому токмо праву, что отецъ ея кн. Борисъ Вас. имѣлъ нѣкоторый случай у двора, а потомъ по разводѣ своемъ она сдѣлалась другомъ Княгини Елены Степановны Куракиной, любовницы Графа Шувалова.

Примѣръ такихъ разводовъ вскорѣ многими другими женами былъ послѣдуемъ, и я токмо двухъ въ царствованіе Имп. Елисаветы Петровны именовалъ, а послѣ ихъ можно сотнями считать.

Еще Петръ Великій, видя, что законъ нашъ запрещаетъ

Князь Никитъ Ивановичу Репнину вступить въ четвертый бракъ, позволилъ ему имѣть метресу и дѣтей его, подъ именемъ Репнинскихъ, благородными призналъ. Такоже Кн. Ив. Юрьевичь Трубецкой, бывъ плѣненъ Шведами имѣлъ любовницу, сказываютъ благородную женщину, въ Стокголмѣ, которую онъ увѣрилъ, что онъ вдовъ, а отъ нея имѣлъ сына, котораго именовали Бецкимъ, и сей еще при Петрѣ Великомъ почтенъ былъ благороднымъ, и уже былъ въ офицерскихъ чинахъ. Такому примѣру послѣдуя, при царствованіи Императрицы Елисаветы, в..... Кн. Вас. Влад. Долгорукова, Рукинъ, на равнѣ съ дворянами былъ производимъ. Алексѣй Даниловичь Татищевъ, нескрывая холопку свою, отнявшую у мужа жену, въ метресахъ содержалъ, и дѣти его дворянство получили. А сему подражая, толико спѣхъ в..... дворянъ умножилось, что повсюдова толпами ихъ видно. Лицыны, Рапцовы, и прочіе, которые или дворянство получаютъ, либо послучаю, или за деньги до знатныхъ чиновъ доходятъ, что кажется хотятъ истребить честь законнаго рожденія и не закрытно содержа метрессъ, являются знатные люди насмѣхаться и святостью закона, и моральнымъ правиламъ, и благопристойности. И тако можно сказать что и сіи злы, толь обыкновенныя въ нынѣшнее время отрыгнули корень свой въ сіе царствованіе.

Такое было расположеніе правовъ при концѣ сея Императрицы, и она, скончавшись, оставила престолъ свой племяннику своему, сыну старшей своей сестры Анны Петровны, бывшей за Герцогомъ Голштинскимъ, Петру Ѳедоровичу, государю, одаренному добрымъ сердцемъ, естли можетъ оно быть въ человѣкѣ, неимѣющемъ ни разума, ни нравовъ; ибо впрочемъ онъ не токмо имѣлъ

разумъ весьма слабый, но яко и помѣшанный, погруженный во всѣ пороки, въ сластолюбіе, роскошь, пьянство и любострастіе. Сей взошедшій на всероссійскій престолъ, къ поврежденнымъ нравамъ бывъ самъ съ излихвой поврежденъ, равно по природному своему расположенію, такъ что и во все время царствованія Императрицы Елисаветы, старались наиболѣе его нравы испортить, не могъ исправленія имъ сдѣлать.

Сей Государь имѣлъ при себѣ главнаго своего любимца—Льва Александ. Нарышкина, человѣка довольно умнаго, но такова ума, который ни къ какому дѣлу стремленія неимѣетъ, трусливъ, жаденъ къ честямъ и корысти, удобенъ ко всякому роскошу, шутливъ, и словомъ по обращеніямъ своимъ и по охотѣ шутить болѣе удобенъ быть придворнымъ шутомъ нежели вельможею. Сей былъ помощникъ всѣхъ его страстей.—

Взошедши сей Государь на всероссійскій престолъ, безъ основательнаго разума и безъ знанія во всякихъ дѣлахъ восхотѣлъ поднять вольнымъ обхожденіемъ воинскій чинъ. Всѣ офицеры его Галстинскіе, которыхъ онъ малый корпусъ имѣлъ и офицеры гвардіи часто имѣли честь быть при его столѣ, куда всегда и дамы приглашались. Какіе сіи были столы?—

Тутъ вздорные разговоры съ неумѣреннымъ питьемъ были смѣшаны; тутъ послѣ стола поставленный пуншъ и положенныя трубки, продолженія пьянства и дымъ отъ куренія табаку представляли болѣе какой то трактиръ, нежели домъ Государской; коротко одѣтый и громко кричащій офицеръ выигрывалъ надъ прямо знающимъ свою должность. Похвала Прусскому Королю, тогда токмо преставшему быть нашимъ непріятелемъ, и униженіе храбрости россійскихъ войскъ, состовляли достоинство пріо-

брѣсти любленіе Государево; и Графъ Захаръ Григорьевичь Чернышевъ, при бывшей пробѣ Россійской и Прусской, взятой въ плѣнъ артилеріи, за то что старался доказать и доказалъ, что Россійская артилерія лучше услужена, неполучилъ за сіе Андреевской ленты, которыя тогда щедро были раздаваемы.

Имѣлъ Государь любовницу, дурную и глупую Графиню Елисавету Романовну Воронцову; но ею, взошедъ на престолъ, онъ доволенъ не былъ; а вскорѣ всѣ хорошія женщины подъ вожделеніе его были подвергнуты; увѣряютъ, что Александръ Ивановичь Глѣбовъ, тогда бывшій Генералъ-Прокуроръ и имъ пожалованный купно и въ Генералъ-Кригсъ-Комисары, подвелъ падчерицу свою Чеглокову, бывшую послѣ въ супружествѣ за Александромъ Ник. Загряскимъ, и уже помянутая мною выше Княгиня Елена Степановна Куракина была привожена къ нему на ночь Львомъ Александ. Нарышкинымъ, и я самъ отъ него слышалъ, что безстыдство ея было таково, что когда по почеваніи ночи, онъ ее отвозилъ домой по утру рано, и хотѣлъ для сохраненія чести ея, а болѣе, чтобы неучинилось извѣстно сіе Граф. Елисаветѣ Романовнѣ, закрывши гардины ѣхать, она напротивъ того, открывая гардины, хотѣла всѣмъ показать, что она съ Государемъ ночь переспала.

Примѣчательна для Россіи сія ночь, какъ разсказывалъ мнѣ Дмитрій Васильевичь Волковъ, тогда бывшій его секретаремъ. Петръ Третій, дабы сокрыть отъ Граф. Елис. Романовны, что онъ въ сію ночь будетъ веселиться съ новопривозною, сказалъ при ней Волкову, что онъ имѣетъ съ нимъ сію ночь препроводить въ исполненіи извѣстнаго имъ важнаго дѣла въ разсужденіи благоустройства Государства. Ночь пришла, Государь пошелъ веселиться съ

Княгинею Куракиною, сказавъ Волкову, чтобы онъ къ завтрему какое знатное узаконеніе написалъ, и былъ запертъ въ пустую комнату съ датскою собакою. Волковъ, не зная ни причины, ни намѣренія Государскаго, незналъ о чемъ начать писать, а писать надобно. По какъ онъ былъ человѣкъ, догадливый, то вспомнилъ нерѣдкія вытверженія Государю, отъ Графа Романа Ларіоновича Воронцова о вольности дворянства; сѣдши написалъ манифестъ о семъ.—По утру его изъ заключенія выпустили, и манифестъ былъ Государемъ апробованъ и обнародованъ.

Потокмо Государь угождая своему любострастію, тако благородныхъ женщинъ употреблялъ, но и весь дворъ въ такое пришелъ состояніе, что каждый почти имѣлъ незакрытую свою любовницу; а жены не скрываясь ни отъ мужа, ни родственниковъ, любовниковъ себѣ искали. Исчислю-ли я къ стыду тѣхъ женъ, которыя не стыдились впадать въ такія любострастія? съ презрѣніемъ стыда и благопристойности, иже сочиняетъ единую изъ главнѣйшихъ добродѣтелей женъ. Нѣтъ да сокроются отъ потомства имена ихъ а роды ихъ, да не обезчещутся напамятованіемъ преступленій ихъ матерей и бабокъ; и тако довольствуясь описать какой былъ развратъ, подробно о любострастіяхъ ихъ, ни о именахъ ихъ не помяну; ибо въ самомъ дѣлѣ съ угрызеніемъ сердца моего принуждаю себя и тутъ гдѣ необходимо должно помянать, именуя таковыхъ по причинѣ сочиненія сего, опредѣленнаго сокрыться въ моей фамиліи.

И тако развратъ въ женскихъ нравахъ, угожденіе государю, всякаго роду роскошь, и пьянство составляло отличительныя и умопачертанія двора, а оттуда они уже нѣ-

которые разлилися и на другія состоянія людей, въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны, а другія разливаться начали, когда супруга сего Петра Третьяго, рожденная Принцесса Ангальтъ - Цербская Екатерина Алексѣевна, взошла съ низверженіемъ его, на россійскій престолъ. Не рожденная отъ крови нашихъ государей, жена свергнувшая своего мужа возмущеніемъ и вооруженною рукою, въ награду за столь добродѣтельное дѣло корону и скиптръ россійской получила, купно и съ именованіемъ благочестивыя государыни, яко въ церквахъ о нашихъ государяхъ моленіе производится.

Не можно сказать, чтобы она не была качествами достойна править толь великой Имперіей, естли женщина возможетъ поднять сіе иго, и естли однихъ качествъ довольно для сего вышняго сану. Одарена довольной красотою, умна, обходительна, великодушна и сострадательна по системѣ, славолюбива, трудолюбива по славолюбію, бережлива, предъ - пріятельна и нѣкое чтеніе имѣющая. Впрочемъ мораль ея состоитъ на основаніи новыхъ философовъ, то есть неутвержденная на твердомъ камени закона Божія, а потому какъ на колеблющихся свѣтскихъ главностяхъ есть основана, съ ними обще колебанію подвержена. Напротивъ - же того ея пороки суть :—любострастна и совсѣмъ ввѣряющаяся своимъ любимцамъ ; исполнена пышности во всѣхъ вещахъ, самолюбива до безконечности и немогущая себя принудить къ такимъ дѣламъ, которыя ей могутъ скуку наводить ; принимая все на себя, не имѣетъ попеченія о исполненіи, а наконецъ толь перемѣнчива, что рѣдко и одинъ мѣсяцъ одинакая у ней система въ разсужденіи правленія бываетъ.

Со всѣмъ тѣмъ вошедши на престолъ и неучиня же-

стокова мщенія всѣмъ тѣмъ, которые до того ей досождали, имѣла при себѣ любимца своего, который и воспомоществовалъ ей взойти на престолъ, человѣка взросшаго въ трактирахъ и въ неблагопристойныхъ домахъ, ничего не учившагося и ведущаго до того развратную молодаго человѣка жизнь; но сердца и души доброй.

Сей, вошедши на вышнюю степень, до какой подданный можетъ достигнуть, среди кулашныхъ боевъ, борьбы, игры въ карты, охоты и другихъ шумныхъ забавъ, почерпнулъ и утвердилъ въ сердцѣ своемъ нѣкоторые полезные для государства правила, равно какъ и братья его. Оные состояли никому немстить, отгонять льстецовъ, оставить каждому человѣку и мѣсту непрерывное исполненіе ихъ должностей, нельстить государю, выискивать людей достойныхъ и не производить какъ токмо по заслугамъ, и наконецъ отбѣгать отъ роскоши, которыя правила сей Григорій Григорьевичь (Орловъ), послѣ бывшій графомъ и наконецъ княземъ, до смерти своей сохранялъ. Находя, что карточная азартная игра можетъ другихъ привести въ раззорѣніе, играть въ нее пересталъ; хотя его явные были непріятели Графы Никита и Петръ Ивановичи Панины, никогда ни малѣйшаго имъ зла не сдѣлалъ; а напротивъ того въ многихъ случаяхъ имъ дѣлалъ благодѣянія и защищалъ ихъ отъ гнѣву Государыни.

Изрубившему измѣническимъ образомъ брата его Алексѣя Григорьевича не только простилъ, но и милости сдѣлалъ (1);

(1) Алексѣй и Ѳедоръ Григорьевичи Орловы славились своей силою Въ Петербургѣ только одинъ человѣкъ, кичился сильнѣе ихъ: это былъ Шванвичь, (отецъ того Шванвича, который приставъ къ Пугачеву и сочинялъ для него нѣмецкіе указы). Онъ могъ сладить съ каждымъ изъ нихъ порознь — но вдвоемъ Орловы брали надъ нимъ верхъ. Разумѣется они часто сталкивались другъ съ другомъ; — когда случалось что Шванвичу попадалъ одинъ изъ Орловыхъ то онъ билъ

множество льстецовъ, которые тщились обуздать его самолюбіе, никогда успѣху непмѣли, а напротиву того болѣе грубостію можно было снискать его любовь, нежели лестью, никогда въ управленіи непринадлежащаго ему мѣста не входилъ, а естлибы и случилось ему за ково попросить, никогда не сердился, ежели ему въ томъ отказывали, никогда не льстилъ своей Государынѣ, къ которой неложное усердіе имѣлъ и говорилъ ей съ нѣкоторою грубостью всѣ истины, но всегда па милосердіе подвигалъ ея сердце, чему и самъ я многожды самовидцемъ бывалъ; старался и любилъ выискивать людей достойныхъ, поелику понятіе его могло постигать, по не токмо такихъ, которые по единому ихъ достоинству облагодѣтельствовалъ, но ни же ближнихъ своихъ любимцевъ, не любилъ инако производить какъ по мѣрѣ ихъ заслугъ, и первый знакъ его благоволенія былъ заставлять съ усердіемъ служить отечеству и въ опаснѣйшія

Орлова, когда попадались оба брати, — то они били Шванвича. Чтобы избѣжать такихъ напрасныхъ дракъ они заключили между собой условіе, по которому одинъ Орловъ долженъ былъ уступать Шванвичу и гдѣ бы ни попался ему повиноваться безпрекословно, двоеже Орловыхъ берутъ верхъ надъ Шванвичемъ и онъ долженъ покоряться имъ такъже безпрекословно. Шванвичъ встрѣтилъ однажды Ѳедора Орлова въ Трактирѣ и въ силу условія овладѣлъ бильярдомъ, виномъ и бывшими съ Орловымъ женщинами. Онъ однакожъ недолго пользовался своей добычей, вскорѣ пришелъ въ трактиръ къ брату Алексѣй Орловъ и Шванвичь долженъ былъ въ свою очередъ уступить бильярдъ, вино и женщинъ. Опьянѣлый Шванвичь хотѣлъ было противиться, но Орловы выталкали его изъ трактира. Взбѣшенный этимъ, онъ спрятался за воротами и сталъ ждать своихъ противниковъ. Когда Алексѣй Орловъ вышелъ Шванвичь разрубилъ ему палашемъ щеку и ушелъ. Орловъ упалъ; — ударъ нанесенной нетвердой рукой не былъ смертеленъ, — и Орловъ отдѣлался продолжительною болѣзнью и шрамомъ на щекѣ. Это было незадолго до 1762 г. Орловы возвысились и могли бы погубить Шванвича,—но они не захотѣли мстить ему; онъ былъ назначенъ Кронштадтскимъ комендантомъ и стараніями Орлова смягченъ былъ приговоръ надъ его сыномъ, судившемся за участіе въ Пугачевскимъ бунтѣ.

мѣста употреблять яко учинилъ съ Всеволодомъ Алексѣевичемъ Всеволожскимъ, котораго въ пущую въ Москвѣ язву съ собою взялъ и тамъ употребилъ его къ дѣлу; хотя съ молоду развратенъ и роскошенъ былъ, но послѣ никакой роскоши въ домѣ его невидно было; а именно домъ его отличнаго въ убранствѣ ничего не имѣлъ, столъ его не равнялся съ столами, какіе сластолюбы имѣютъ; екипажи его, хотя былъ и охотникъ до лошадей и до бѣгуновъ, ничего чрезвычайнаго не имѣли, и наконецъ, какъ сначала такъ и до конца, никогда ни съ золотомъ, ни съ серебромъ платья не нашивалъ, но всѣ его хорошія качества были затмѣны его любостратіемъ; онъ презрѣлъ что должно ему къ своему Государю и къ двору государскому, учинилъ изъ двора государева домъ разпутства; не было почти ни одной фрейлины у двора, которая неподвергнута бы была его исканіямъ и коль много было довольно слабыхъ, чтобы на оныя преклониться, и сіе терпимо было Государыней, и наконецъ 13 лѣтнюю двоюродную сестру свою Катерину Николаевну Зиновьеву изнасильничалъ, и хотя послѣ на ней женился, но не прикрылъ тѣмъ порокъ свой, ибо уже всенародно оказалъ свое дѣяніе и въ самой женитьбѣ нарушилъ всѣ священные и гражданскіе законы.

Однако во время его случая, дѣла довольно порядочно шли, и Государыня, подражая простотѣ своего любимца, снисходила къ своимъ подданнымъ, небыло многихъ раздаяній, но было исполненіе должностей и пріятство Государево вмѣсто награжденій служило. — Люди обходами не были обижаемы и самолюбіе Государево истинами любимца укращаемо часто было.

Однако понеже добродѣтели нетоль есть удобны къ подражанію, сколь пороки, мало послѣдовали достойнымъ похвалы его поступкамъ; но женщины видя его и братій

его любострастіе, гордились и старались ихъ любовницами учиниться, и разрушенную уже приличную стыдливость при Петрѣ Третьемъ, долгою привычкою во время случая Орловыхъ, совсѣмъ ее погасили; тѣмъ наипаче, что сей былъ способъ получить и милость отъ Государыни.

Не паденіе, но отлученіе его отъ мѣста любовника, подало случай другимъ его мѣсто у любострастныя Императрицы занять, и можно сказать, что каждый любовникъ, хотя уже и коротко ихъ время было, какимъ нибудь порокомъ за взятые милiоны одолжилъ Россію (о кромѣ Васильчикова, который ни худа ни добра несдѣлалъ) Зоричь ввелъ въ обычай не помѣрно великую игру; Потемкинъ властолюбіе, пышность, подобострастіе ко всѣмъ своимъ хотѣніямъ, обжорливость и слѣдственно роскошь въ столѣ, лесть, сребролюбіе, захватчивость и можно сказать всѣ другіе, знаемые въ свѣтѣ пороки, которыми или самъ преисполненъ или преисполняетъ окружающихъ, и тако далѣ въ Имперіи. Заводовскій ввелъ въ чины подлыхъ малороссіянъ; Корсаковъ преумножилъ безстыдство любострастія въ женахъ; Ланской жестокосердіе поставилъ быть въ чести; Ермоловъ неуспѣлъ сдѣлать ничего, а Мамоновъ вводить деспотичество въ раздаяніе чиновъ и пристрастіе къ своимъ родственникамъ.

Сама Императрица, яко самолюбивая женщина, нетолько примѣрами своими, но и самымъ ободреніемъ пороковъ является — желаетъ ихъ силу умножить; она славолюбива и пышна, то любитъ лесть и подобострастіе; изъ окружающихъ ее Бецкой, человѣкъ малаго разума, но довольно пронырливъ, чтобъ ее обмануть; зная ея склонность къ славолюбію, многія учрежденія сдѣлалъ, яко сиропитательные домы, дѣвичій монастырь, на новомъ основаніи Кадетской Сухопутный Корпусъ и Академію Худо-

жествъ, Ссудную и сиротскую казну, поступая въ томъ яко александрійскій архитекторъ, построющій Фару, на коемъ зданіи на алебастрѣ имя Птоломея царя изобразилъ, давшаго деньги на строеніе, а подъ алебастромъ на мраморѣ свое изваялъ, дабы, когда отъ долготы временъ алебастеръ отпадетъ, единое его имя видно было. Такъ и Бецкой, хотя показывалъ видъ, что все для славы Императрициной дѣлаетъ, но нетокмо во всѣхъ проэктахъ, на разныхъ языкахъ напечатанныхъ, имя его яко перваго основателя является, но ниже оставилъ Монархинѣ и той власти, чтобъ избрать правителей сихъ мѣстъ, а самъ повсюду начальникомъ и деспотомъ былъ до паденія его кредиту. Дабы закрыть сіе всѣ способы были имъ употреблены: ей льстить, повсюду похвалы гремѣли ей, въ рѣчахъ, въ сочиненіяхъ и даже въ представляемыхъ балетахъ на театрѣ, такъ что я самъ единожды слышалъ при представленіи въ Кадетскомъ корпусѣ балета Чесменскаго боя, что она сказала мнѣ: Il me loue tant, qu'enfin il me gâtera. Щастлива бы была естлибы движенія душевныя послѣдовали симъ рѣчамъ но нѣсть!

Когда сіе изрѣкла душа ея пышностью и лестью упивалась. Неменьше Иванъ Перфильевичь Елагинъ употреблялъ старапій приватно и всенародно ей льстить. Бывъ директоръ Театру, разныя сочиненія въ честь ея слагаемы были, балеты танцами возвышали ея дѣла, иногда слова возвѣщали пришествіе Россійскаго флота въ Морею, иногда бой Чесменскій былъ похваляемъ, иногда войска съ Россіею плясали.

Также Кн. А. А. Вяземскій Генер. Прокуроръ, человѣкъ неблистательнаго ума, но глубокаго разсужденія, имѣвшій въ рукахъ своихъ доходы государственные, искуснѣйшій способъ для лщенія употребилъ. Притворился

быть глупымъ, представлялъ совершенное благоустройство Государства подъ властію ея, и говоря, что онъ, бывъ глупъ, все едиными ея наставленіями и бывъ побуждаемъ духомъ ея дѣлаетъ, и иногда премудрость ея нетокмо ровнялъ, но и превышалъ надъ Божіей, а симъ самымъ учинился властитель надъ нею. Безбородко ея секретарь, нынѣ уже Графъ, членъ иностранной Коллегіи, Гофмейстеръ, Генералъ Почтъ Директоръ и все въ разсужденіи правительства, за правило имѣетъ никогда противу ея неговорить, но похваляя исполнять всѣ ея велѣнія и за сіе непомѣрныя награжденія получилъ.

Дошедшая до такой степени лесть при дворѣ, и отъ людей въ дѣла употребленныхъ, начали другими образами льстить. Построитъ-ли кто домъ, на данныя отъ нея отчасти деньги или на наворованныя, зоветъ ее на новоселье гдѣ на люминаціи пишетъ: Твоя отъ твоихъ тебѣ приносимая; или подписываетъ на домѣ: щедротами Великія Екатерины, забывая приполнить, по разоренiемъ Россіи; или давая праздники ей, дѣлаютъ сады, нечаянныя представленія, декораціи, вездѣ лесть и подобострастіе изъявляющія.

Къ коликому разврату нравовъ женскихъ и всей стыдливости — примѣръ ея множества имѣнія любовниковъ, единъ другому часто наслѣдующихъ, а равно почетныхъ и корыстями снабженныхъ, обнародывая черезъ сіе причину ихъ щастія, подалъ другимъ женщинамъ. Видя храмъ сему пороку сооруженный въ сердцѣ Императрицы, едвали за порокъ себѣ щитаютъ ей подражать; но паче мню почитаетъ каждая себѣ въ добродѣтель, что еще столько любовниковъ непеременила.

Хотя при поздыхъ лѣтахъ ея возрасту, хотя сѣдины

покрываютъ уже ея голову и время нерушимыми чертами означило старость на челѣ ея, но еще не уменьшается въ ней любострастіе. Уже чувствуетъ она, что тѣхъ пріятностей, каковыя младость имѣетъ, любовники въ ней находить не могутъ, и что ни награжденія, ни сила, ни корысть, не можетъ замѣнить въ нихъ того дѣйствія, которое младость можетъ надъ любовникомъ произвести.

Стараясь закрывать ущербъ, лѣтами приключенный, отъ простоты своего одѣянія отстала и хотя въ молодости и не любила златотканныхъ одѣяній, хотя осуждала Императрицу Елисавету Петровну, что довольно великій оставила гардеробъ, чтобъ цѣлое воинство одѣть, сама стала ко изобрѣтенію приличныхъ платьевъ и богатому ихъ украшенію, страсть свою оказывать; а симъ не токмо женамъ но и мущинамъ подала случай къ таковомуже роскошу. Я помню, что, вошедъ ко двору въ 1768 году, одинъ былъ у всего двора шитой золотомъ красной суконной кафтанъ, у Василья Ильича Бибикова; въ 1769 году въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ Императрица разгнѣвалась на Графа Иванъ Григорьевича Чернышева, что онъ въ день рожденія ея въ шитомъ кавтанѣ въ Царское село пріѣхалъ, а въ 1777 году, когда я отсталъ отъ двора, то уже всѣ и въ простые дни златотканныя съ шитьемъ одѣянія носили и почти уже стыдились по одному борту имѣть шитье.

Не можно сказать, чтобы Императрица была прихотлива въ кушаньѣ, но можно сказать, что еще слишкомъ умѣренна; но бывшій ея любовникъ, а оставшись всемогущимъ ея другомъ Кн. Гр. Алек. Потемкинъ, не токмо прихотливъ въ ѣдѣ, но даже и обжорливъ; неосторожность Оберъ-Гофъ Маршала Кн. Ник. Мих. Голицына приго-

товить ему какого-то любимаго блюда—повергла его подлому ругательству отъ Потемкина и принудила идти въ отставку, то послѣ сего каждый разсудитъ; наслѣдники Кн. Голицына Григорій Никитичъ Орловъ и Кн. Ѳед. Серг. Борятинской неупотребляютъ - ли теперь все свое тщаніе дабы удовольствовать сего всемогущаго въ Государствѣ обжору и подлинно столъ Государевъ гораздо великолѣпнѣе и лучше нынѣ сталъ; а также дабы угодить сему другу монаршу повсюду стали стараться умножать великолѣпіе въ столахъ, (хотя долею оно довольно было), и отъ вышнихъ до нижнихъ болѣзнь сія роскоши и желаніе лучшими вещами насытиться распространилась.

Общимъ образомъ сказать, что жены болѣе имѣютъ склонности къ самовластію, нежели мужчины; о сей же съ справедливостью можно увѣрить, что она наипаче въ семъ случаѣ есть изъ женъ жена. Ничто ей не можетъ быть досаднѣе, какъ то, когда докладывая ей по какимъ дѣламъ, въ сопротивленіе воли ея, законы поставляютъ, и тотчасъ отвѣтъ отъ нее вылѣтаетъ; къ развѣ я немогу, невзирая на законы сего учинить. Но ненашли никаго, ктобы осмѣлился отвѣтствовать ей, что можетъ яко деспотъ, но съ поврежденіемъ своей славы и повѣренности народной. Дѣла многія свидѣтельствуютъ ея самовластіе: 1. Возвращеніе Марьи Павловнѣ Нарышкиной отъ Талызина деревень, утвержденныхъ купчими и самымъ владѣніемъ. 2. Дѣло дѣтей Кн. Бориса Вас. Голицына о прадѣда ихъ Стрешневскихъ деревняхъ, беззаконно описанныхъ; Сенатомъ-же сіе беззаконіе признано и докладомъ испрашивано было позволеніе ихъ законнымъ наслѣдникамъ возвратить и подпись на докладѣ: быть по сему являлся сдѣлать справедливое удовлетвореніе онымъ, но

послѣ изъ комнаты было истолковано, что быть по сему знаменовало: быть въ описи. Акимъ Ив. Апухтинъ докладывалъ ей по Военной Коллегіи объ отставкѣ одного Генералъ - Маіора, получилъ повелѣніе отставить безъ чина; но какъ онъ зачалъ представлять, что законы точно повелѣваютъ Генералъ - Маіорамъ давать чины при отставкѣ; получилъ въ отвѣтъ, что она превыше законовъ и дать ему не хочетъ сего награжденія. Таковые примѣры видимые въ самомъ Государѣ непобуждаютъ - ли и вельможъ къ подобному же самовластію и къ несправедливостямъ, и стенящая отъ таковыхъ наглостей Россія ежедневные знакѝ представляетъ, коль есть заразителенъ примѣръ Государской.—

Такое расположеніе мыслей и паче въ особѣ преданной своимъ любимцамъ, естественно влечетъ за собой пристрастіе и неправосудіе; многіе могъ бы я примѣры представить одному и другому; но довольно ежели я скажу, что не любя Сахарова, яко человѣка дурныхъ нравовъ (который однако, долгое время бывъ камердинеромъ ея, пользовался ея довѣренностью, хотя не лучше былъ), дѣло его безъ разсмотрѣнія было отдано въ архивъ, якобы дурные нравы должно было дѣломъ по деревнямъ наказать, въ каковомъ случаѣ и развратный человѣкъ можетъ имѣть справедливость, и тутъ не нравы и расположеніе судятся, но что кому принадлежитъ исключительно до всего другаго. И дѣло Вахмейстера о беззаконно описанныхъ у дѣда его Лифляндскихъ имѣніяхъ, признанное справедливымъ всѣми департаментами сената, рѣшеніе получило, что оныя таки отданы Генералу Брауну, за которыхъ и остаться. Графъ Романъ Ларіоновичь Воронцовъ, во все время своей жизни признанный мздоимцемъ, былъ опредѣленъ въ намѣстники

въ Владиміръ и не преставалъ обыкновенныя свои мздоимства производить; несокрыты оныя были отъ Государя, который токмо двоезнаменующимъ знакомъ, присылкою большаго кошелька его укорилъ. Но какъ онъ уже умеръ и раззореніе народа дошло до крайности, тогда повелѣно слѣдовать его и губернаторской поступокъ; хотя и 7 лѣтъ раззоренье народное продолжалось, а слѣдствіе повелѣно учинить токмо за два года. Таковые примѣры, часто случающіеся, не подаютъ-ли подданнымъ побужденія подобнымъ поступкамъ для пользъ своихъ подражать? Случилось мнѣ читать въ одной книгѣ ясный примѣръ, что тщетно будетъ стараться начертить вѣрный кругъ, когда центръ невѣренъ и колеблющъ, никогда черта круга вѣрно несойдется; и слова Св. Писанія ясно же означающія должность носпльниковъ: учителю, исправься самъ.

Можно-ли подумать, чтобы Государь, чинящій великія раздаянія, Государь, къ коему стекаются большей частью, сокровища всего государства, могъ быть корыстолюбивъ? Однако сіе есть; ибо инако я немогу назвать введеніе толь всѣми политическими писателями охуляемаго обычая чины за деньги продавать; а сему есть множество примѣровъ: развратный нравами и корыстолюбивый откупщикъ Лукинъ, давъ 8 тысячь двору, изъ наворованыхъ денегъ и подаря его въ народное училище, чинъ капитанскій получилъ; и Прокофій Демидовъ, привоженный подъ висилицу за пашквили, бывшій подъ слѣдствіемъ за битье въ домѣ своемъ секретаря Юстицъ-Коллегіи, дѣлавшій безпрестанно наглости и проказы, противныя всякому благоучрежденнему правленію, за то, что съ обидою дѣтей своихъ давалъ деньги въ сиропитательный домъ, чинъ генералъ-маіорскій получилъ, а за даніе 5 тысясь въ пользу народ-

ныхъ школъ, учинено ему всенародно объявленное черезъ газеты благодареніе, якобы Государь не могъ полезныхъ учрежденій завести безъ приниманія денегъ отъ развратныхъ людей, и якобы деньгами могли ему искупиться развратные нравы. Примѣръ сей еще другихъ заразительнѣе учинился. Чины стали всѣ продажны, должности недостойнѣйшимъ стали даваться и кто болѣе за нихъ заплатитъ, а и тѣ, платя, на народѣ взятками стали сіе восмѣщать.

Купцы, воровствомъ короны обогатившіеся, большіе чины получали, яко Логиновъ, бывшій откупщикъ, не токмо воръ по откупамъ, но и приличившійся въ воровствѣ комиссаріатской суммы, чины штатскіе получилъ; Θалѣевъ, въ подрядахъ съ Государемъ взимая вездѣ тройную цѣну не токмо самъ штатскіе чины и дворянство получилъ, но и всѣхъ своихъ прислужниковъ въ штабъ-офицеры и въ офицеры произвелъ.

Торговля впала въ презрѣніе, недостойные вошли во дворяне, воры и злонравные награждены, развратность ободрена, и все подъ очами и знаніемъ Государя; то можно-ли послѣ сего правосудія и безкорыстности отъ нижнихъ судей требовать?

Все царствованіе сей Самодержицы означено дѣяніями, относящимися къ ея славолюбію. Множество учиненныхъ его заведеній, являющихся для пользы народной заведенныхъ, въ самомъ дѣлѣ несуть, какъ токмо знаки ея славолюбія, ибо естлибы дѣйствительно имѣли пользу государственную въ виду, то учиня заведенія, прилагали бы старанія и о успѣхѣ ихъ, недовольствуясь заведеніемъ и увѣреніемъ, что въ потомствѣ она яко основательница оныхъ,

вѣчно будетъ почитаться, о успѣхѣ не радили, и видя злоупотребленія ихъ не пресѣкали.

Свидѣтельствуетъ сіе заведеніе сиропитательнаго дому, дѣвичьяго монастыря для воспитанія благородныхъ дѣвицъ, переправленіе кадетскаго корпуса и пр., изъ которыхъ въ первомъ множество малолѣтнихъ померло, а и по нынѣ чрезъ 20 слишкомъ лѣтъ, мало или почти никого ремесленниковъ не вышло; во второмъ ни ученыхъ ни благонравныхъ дѣвицъ не вышло, какъ толико, поелику природа ихъ симъ снабдила; и воспитаніе болѣе состояло играть комедіи, нежели сердце, нравы и разумъ исправлять; изъ третьяго вышли съ малымъ знаніемъ и съ совершеннымъ отвращеніемъ всякаго повиновенія. Зачатыя войны еще сіе свидѣтельствуютъ; по пристрастію возвели на Польской престолъ Понятовскаго, хотѣли ему противъ вольностей Польскихъ прибавить самовластія; взяли въ защищеніе десидентовъ, и вмѣсто, чтобы стараться сихъ, утѣсненныхъ за законъ, въ Россію къ единовернымъ своимъ призывать, ослабить тѣмъ Польшу и усилить Россію,—чрезъ сіе подали причину къ Турецкой войнѣ, счастливой въ дѣйствіяхъ, но болѣе Россіи стоющей, нежели какая прежде бывшая война, послали флотъ въ Грецію, который божескимъ защищеніемъ побѣду одержалъ; но мысль въ сей посылкѣ была единое славолюбіе. Раздѣлили Польшу а тѣмъ усилили Австрійскій и Бранденбурской домы и потеряли у Россіи сильное дѣйствіе ея надъ Польшею, пріобрѣли или лучше сказать похитили Крымъ, страну по разности своего климата служащую границею Россіанамъ. Составили учрежденія, которыя нестыдятся законами называть, и содѣланныя намѣстничества наполня безъ разбору людьми, съ разрушеніемъ всего перваго, ко вреду общества, къ умноженію

ябедъ и разоренья народнаго, да и за тѣми надзиранія неимѣютъ, исправляютъ-ли точно, по даннымъ наставленіямъ. Испекли законы, правами дворянскими и городовыми названные, которые болѣе лишеніе нежели даніе правъ въ себѣ вмѣщаютъ и всеобщее дѣлаютъ отягощеніе народу. Таковое необузданное славолюбіе такъже побуждаетъ стремиться къ созиданію неисчетнаго числа и повсюду великихъ зданій, земледѣльцы многою работою стали отъ ихъ земли корыстію отвлекаемы, доходы государственные едва ли достаютъ на такія строенія, которыя и построившись въ тягость онымъ своимъ содержаніемъ будутъ; и приватные подражая сей охотѣ, основанной на славолюбіи, чтобъ, чрезъ многія вѣка пребывающія зданія, имя свое сохранить, безумно кинулись въ такія строенія и украшенія ихъ.

Единые отъ избытка, для спокойствія и удовольствія своего въ созиданіи домовъ, огородовыхъ бесѣдахъ многія тысячи полагаютъ; другой изъ пышности, а третій наконецъ, послѣдуя вредному примѣру, тоже сверхъ достатку своего дѣлаетъ и чтобы неотстать отъ другихъ, а всѣ обще находя себѣ спокойствіе и удовольствіе, мало по малу, въ разоренье сей роскошью приходятъ, тяготятъ себя и государство и часто недостатокъ своихъ доходовъ лихоимствомъ и другими охулительными способами наполняютъ.

Совѣсть моя свидѣтельствуетъ мнѣ, что всѣ коль ни есть черны мои повѣствіи; но они суть непристрастны и единая истина и развратъ, въ которой впали всѣ отечества моего подданные, отъ коего оно стонетъ, принудило

меня оныя на бумагу преложить; и тако подовольному описанію нравовъ сея Императрицы, довольно можно расположеніе души и сердца ея видѣть. Дружба чистая никогда невселялась въ сердцѣ ея и она готова лучшаго своего друга и слугу предать въ угодность любовника своего. Не имѣетъ она материнскихъ чувствъ къ сыну своему, и объ всѣхъ за правило себѣ имѣетъ ласкать безмѣрно и уважать человѣка, пока въ немъ нужда состоитъ, а потомъ по пословицѣ своей, выжатой лимонъ кидать. Примѣры сему суть: Анна Алексѣевна Матюшкина, всегда и во время гоненія ея бывшая къ ней привязана, наконецъ отброшена стала; Графъ Алексѣй Петровичь Бестужевъ, споможествующій ей, когда она была Великою Княгинею, во всѣхъ ея намѣреніяхъ и претерпѣвшій за нее несчастіе, при концѣ жизни своей, всей ея повѣренности лишился и послѣ смерти его она его бранила; Графъ Никита Ивановичь Панинъ, споможествующій взойти ей на престолъ, при старости отнятія всѣхъ должностей своихъ видѣлъ и, можетъ быть, сіе кончину его приключило; Николай Ивановичь Чечеринъ, служившій ей совсѣмъ возможнымъ усердіемъ и носившій ея милость, толико наконецъ отъ нее гнанъ былъ, что безвременно животъ свой окончилъ; Князь Александръ Михайловичь Голицынъ, Фельдмаршалъ, безмолвный исполнитель всѣхъ ея велѣній, безъ сожалѣнія отъ нея умеръ, ибо хотя и извѣстна была еще по утру о его смерти, но тотъ день весела на концертъ вышла и давъ время своему веселію, отходя спросила любовника своего Ланскаго, каковъ Кн. Александръ Михайловичь, и получа извѣстіе о смерти его, сдѣлала видъ тогда заплакать, а сіе и показуетъ колико фальшивое имѣетъ сердце. Графиня Прасковья Александровна, долгое время ея лю-

бимица и другъ, наконецъ была отъ двора отогната и съ печали умерла. По сему да судитъ каждый, могутъ-ли частныя чувствованія дружбы возгнѣздиться по такимъ примѣрамъ въ подданныхъ.

Представивъ сію печальную картину, кажется что уже не настоитъ нужды сказывать: имѣетъ-ли она вѣру къ закону Божію; ибо еслибъ сіе имѣла, то-бы самый законъ Божій могъ исправить ея сердцѣ и направить стопы ея на путь истины. Но несть, упоенна безразсмысленнымъ чтеніемъ новыхъ писателей, законъ христіанскій хотя довольно набожной быть притворяется) ни за что почитаетъ. Коль ни скрываетъ своихъ мыслей, но оное многажды въ бесѣдахъ ея открываются; а дѣянія иначе доказуютъ, многія книги Вольтеровы, разрушающія законъ, по ея велѣнію были переведены, яко: Кандидъ, Принцесса вавилонская и прочія, и Белизеръ Мармонтелевъ, неполагающій никакой разности между добродѣтели язычниковъ и добродѣтели христіанской, не токмо обществомъ, по ея велѣніямъ былъ переведенъ, но и сама участницею перевода онаго была; и терпѣніе, или лучше сказать, позволеніе противныхъ закону браковъ, яко Князей Орлова и Голицына на двоюродныхъ ихъ сестрахъ, и Генерала Баура на его падчерицѣ, наиболѣе сіе доказуютъ. И тако можно сказать, что въ царствованіе ея, и сія нерушимая подпора совѣсти и добродѣтели разрушена стала.—

Таковыми степенями достигла Россія до разрушенія всѣхъ добрыхъ нравовъ, о каковомъ при самомъ началѣ я помянулъ. Плачевное состояніе, о коемъ токмо должно просить Бога, чтобъ лучшимъ царствованіемъ сіе зло истреблено было. А до сего дойдтить инако не можетъ, какъ тогда, когда мы будемъ имѣть Государя искренно

привязаннаго къ закону Божію, строгаго наблюдателя правосудія, начавши съ себя умѣреннаго въ пышности царскаго престола, награждающаго добродѣтель и ненавидящаго пороки, показующаго примѣръ трудолюбія и снисхожденія на совѣты умныхъ людей, тверда въ предпріятіяхъ, но безъ упрямства, мягкосерда и постоянна въ дружбѣ, показующаго собой примѣръ своимъ домашнимъ согласіемъ съ своею супругою, и гонящаго любострастіе, щедра безъ расточительности для своихъ подданныхъ и искавшаго награждать добродѣтели, качества и заслуги безъ всякаго пристрастія, умѣющаго раздѣлить труды; что принадлежитъ какимъ учрежденнымъ правительствамъ и что Государю на себя взять, и наконецъ могущаго имѣть довольно великодушія и любви къ отечеству, чтобы составить и предать основательныя права Государству, и довольно тверда, чтобы ихъ исполнять.—

Тогда изгнанная добродѣтель, оставя пустыни, утвердитъ средь градовъ и при самомъ дворѣ престолъ свой, правосудіе не покривитъ свои вѣски ни для мзды ни для сильнаго, мздоимство и робость отъ вельможъ изгонятся, любовь отечества возгнѣздится въ сердца гражданскія, и будутъ не пышностью житья и не богатствомъ хвалиться, но безпристрастіемъ, заслугами и безкорыстностью. Не будутъ помышлять, кто при дворѣ великъ и кто упадаетъ, но имѣя въ предметѣ законы и добродѣтель будутъ почитать ихъ, яко компасомъ, могущимъ довести ихъ и до чиновъ и до достатка.

Дворяне будутъ въ разныхъ должностяхъ съ приличною ревностью званію ихъ; купцы перестанутъ стараться быть офицерами и дворянами, каждый сократится въ свое состояніе, и торговля, уменьшеніемъ ввоза сластолюбіе по-

буждающихъ чужеземныхъ товаровъ, а отвозомъ россійскихъ произведеній, процвѣтетъ; искуствы и ремеслы умножатся, дабы внутри Россіи содѣлать нужное къ пышности и великолѣпію нѣкоего числа людей.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ИЗЪ

С. ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.

А. РАДИЩЕВА.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ИЗЪ

С. ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ

А. РАДИЩЕВА.

"Чудище обло, озорно, огромно сто
зѣвно и лаяй".
(Телемахида, Томъ II, Кн. XVIII стр. 514.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1790.

LONDON,
TRÜBNER & Co., 60, PATERNOSTER ROW.
1858.

Въ VII томѣ сочиненій А. Пушкина помѣщена его статья о А. Радищевѣ. Статья не дѣлающая особенной чести поэту. Онъ или перехитрилъ ее изъ цензурныхъ видовъ—или въ самомъ дѣлѣ такъ думалъ — и тогда лучше было бы ее не печатать. Изъ нея беремъ мы нѣкоторые подробности объ авторѣ "Путешествія изъ Петербурга въ Москву."

Александръ Радищевъ родился около 1750. Онъ обучался сперва въ пажескомъ корпусѣ, потомъ въ лейпцигскомъ университетѣ. Его другъ Ушаковъ, служившій секретаремъ при тайномъ совѣтникѣ Тепловѣ, оставилъ службу и отправился въ Лейпцигъ, вмѣстѣ съ молодыми людьми посылаемыми Екатериной II—для окончанія своего образованія. "Граменъ, странствующій агентъ Французъ-

ской философіи, въ Лейпцигѣ засталъ русскихъ студентовъ за книгою "о разумѣ" и привезъ Гельвецію извѣстіе лестное для его тщеславія и радостное для всей братіи". Ушаковъ, имѣвшій большое вліяніе на Радищева умеръ на 21 году. Осужденный врачемъ на смерть, онъ равнодушно услышалъ свой приговоръ; вскорѣ муки его сдѣлались нестерпимы и онъ потребовалъ яду отъ одного изъ своихъ товарищей, А. М. Кутузова.—Радищевъ тому воспротивился; но съ тѣхъ поръ самоубійство сдѣлалось однимъ изъ любимыхъ предметовъ его размышленій.

"Возвратясь въ Петербургъ, Радищевъ вступилъ въ службу, не преставая между тѣмъ заниматься словесностью. Онъ женился. Состояніе его было для него достаточно, графъ Воронцовъ ему покровительствовалъ, государыня его знала лично и опредѣлила его въ собственную канцелярію. Слѣдуя обыкновенному ходу вещей, Радищевъ долженъ былъ достигнуть одной изъ первыхъ степеней государственныхъ. Но судьба готовила ему иное."

Радищевъ былъ мартинистъ—поклонникъ возникавшей революціи и философіи энциклопедистовъ. Энергическій и смѣлый—онъ одинъ поднялъ голосъ протеста, и середь лести и раболѣпія, которыми окружали богоподобную Фелицу—"спокойно пустилъ въ продажу свое Путешествіе

изъ Петербурга въ Москву"; напечатавъ ее тайно въ своей типографіи, говоритъ Пушкинъ.*

Книга Радищева дошла до Государыни, Екатерина сильно была поражена. "Онъ Мартинистъ, говорила она Храповицкому, онъ хуже Пугачева, онъ хвалитъ Франклина."** Пушкинъ находитъ это замѣчаніе глубокознаменательнымъ — намъ оно кажется чрезвычайно глупымъ. Радищева отдали подъ судъ, потомъ сослали. Сенатъ осудилъ его на смерть (по какому закону — не знаемъ). Екатерина велѣла преступника лишить чиновъ и дворянства и въ оковахъ сослать въ Сибирь.

До воцаренія Павла, Радищевъ жилъ въ Илимскѣ. Павелъ возвратилъ его изъ ссылки, Императоръ Александръ I опредѣлилъ Радищева въ коммисію составленія законовъ и приказалъ ему "изложить свое мнѣніе касательно нѣкоторыхъ гражданскихъ постановленій". Радищевъ "увлеченный предметомъ нѣкогда близкимъ къ его умозрительнымъ занятіямъ вспомнилъ старину и въ проэктѣ пред-

* Въ Сенатскомъ приговорѣ сказано было: перепечаталъ послѣ цензуры нѣсколько листовъ.

** 26 Іюня говорили (Государыня) о книгѣ Путешествіе изъ Петербурга въ Москву: "Тутъ разсѣяніе заразы французской. Авторъ Мартинистъ".

7 Іюля: "Примѣчанія (писанныя ею самой) на книгу Радищева послать Шишковскому". Сказать изволили, что онъ бунтовщикъ, хуже Пугачева, показавъ мнѣ, что въ концѣ хвалитъ Франклина и себя такимъ же представляетъ. Говорили съ жаромъ и чувствительностью.

(Изъ записокъ Храповицкаго.)

ставленномъ начальству предался прежнимъ мечтаніямъ. Графъ З. (*) удивился молодости его сѣдинъ и сказалъ ему съ дружескимъ упрекомъ "Эхъ, Александръ Николаевичь, охота тебѣ пустословить попрежнему! или мало тебѣ Сибири"?—Пришедши домой, огорченный Радищевъ вспомнилъ о другѣ своей молодости и отравился"!

Не ужасно ли всё это!

Какъ же можетъ память этого страдальца не быть близка нашему сердцу!

П—ръ.

(*) Завадовскаго?—Мы слѣдовали тексту Пушкина, рѣчь идетъ о проэктѣ освобожденія крестьянъ. Пора было бы составить полную біографію А. Радищева—мы съ радостью напечатаемъ ее.

А. М. К. (*) ЛЮБЕЗНѢЙШЕМУ ДРУГУ!

Чтобы разумъ и сердце произвесть ни захотѣли, тебѣ оно, о сочувственникъ мой! посвящено да будетъ; хотя мнѣнія мои о многихъ вещахъ различествуютъ съ твоими, но сердце твое бьетъ моему согласно, — и ты мой другъ. Я взглянулъ окрестъ меня, душа моя страданіями человѣческими уязвлена стала; обратилъ взоры во внутренность мою, и узрѣлъ, что бѣдствія человѣка происходятъ отъ человѣка, и часто отъ того только, что онъ взираетъ не прямо на окружающіе его предметы. Уже ли, вѣщалъ я самъ себѣ, Природа толико скупа была къ своимъ чадамъ, что отъ блудящаго невинно сокрыла истину навѣки? Ужели сія грозная мачиха произвела насъ для того, чтобъ чувствовали мы бѣдствія, а блаженства николи? Разумъ мой вострепеталъ отъ сей мысли, и сердце мое далеко ее отъ себя оттолкнуло. Я человѣку нашелъ утѣшителя, въ немъ самомъ:„ отъими завѣсу отъ очей природнаго чувствованія, и блаженъ будеши". Сей гласъ Природы разда-

(*) А. М. Кутузову?

вался громко въ сложеніи моемъ. Воспряпулъ я отъ уныпія моего, въ которое повергли меня чувствительность и состраданіе; я ощутилъ въ себѣ довольно силъ, чтобы противиться заблужденію и — веселіе неизреченное! я почувствовалъ, что возможно всякому быть соучастникомъ въ благодействіи себѣ подобныхъ. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь. Но естьли, говорилъ я самъ себѣ, найду я кого либо, кто намѣреніе мое одобритъ, кто ради благой цѣли не опорчитъ неудачное изображеніе мыслей, кто состраждетъ со мною надъ бѣдствіями собратіи своей, кто въ шествіи моемъ меня подкрѣпитъ: не сугубой ли плодъ произойдетъ отъ подъятаго мною труда? — Почто, почто искать мнѣ далеко кого либо? Мой другъ! ты близъ моего сердца живешь, и имя твое да озаритъ сіе начало!

Сочинитель.

ВЫѢЗДЪ

Отъужинавъ съ моими друзьями, я легъ въ кибитку. Ямщикъ, по обыкновенію своему, поскакалъ во всю лошадиную мочь, и въ нѣсколько минутъ былъ уже за городомъ. Разставаться трудно, хотя на малое время, съ тѣмъ, кто нуженъ намъ сталъ на всякую минуту бытія нашего. Разставаться трудно; — но блаженъ тотъ, кто разстаться можетъ, не улыбаяся: любовь или дружба стрегутъ его утѣшеніе. Ты плачешь, произнося прости; но вспомни о возвращеніи твоемъ, — и да исчезнутъ слезы твои при семъ воображеніи, яко роса предъ лицемъ солнца. Блаженъ возрыдавшій, надѣяйся на утѣшителя! Блаженъ живущій иногда въ будущемъ! Блаженъ живущій въ мечтаніи! Существо его усугубляется; веселія множатся, и спокойствіе упреждаетъ нахмуренность грусти, распложая образы радости въ зерцалахъ воображенія. — Я лежу въ кибиткѣ. Звонъ почтоваго колокольчика, наскучивъ моимъ ушамъ, призвалъ наконецъ благодѣтельнаго Морфея. Горесть разлуки моей, преслѣдуя за мною въ смерто подобное мое состояніе, представила меня воображенію моему уединенна. Я узрѣлъ себя въ пространной долинѣ, потерявшей отъ солнечнаго зноя всю пріятность и пестроту

зелености; не было тутъ источника на прохлажденіе, не было древесныя сѣни на умѣреніе зноя. Единъ оставленъ среди природы пустынникъ! — Вострепеталъ - Нещастный! возопилъ я, гдѣ ты? Гдѣ дѣвалось все, что тебя прельщало? Гдѣ то, что жизнь твою дѣлало тебѣ пріятною? Не ужели веселости, тобою вкушенныя, были сонъ и мечта? — По щастію моему случившаяся на дорогѣ рытвина, въ которую кибитка моя толкнулась, меня разбудила. Кибитка моя остановилась. Приподнявъ голову, вижу, на пустомъ мѣстѣ стоитъ домъ въ три жилья. Что такое? спрашивалъ я у извощика моего. — Почтовый дворъ. — Да гдѣ мы? — Въ Софіи — и между тѣмъ выпрягалъ лошадей.

СОФІЯ.

Повсюду молчаніе. Погруженный въ размышленіе, не примѣтилъ я, что кибитка моя давно уже безъ лошадей стояла. Привезшій меня извощикъ извлекъ меня изъ задумчивости. Баринъ, батюшка, на водку! — Сборъ сей, хотя незаконный, но охотно его всякой платитъ, дабы не ѣхать по указу. 20 коп. послужили мнѣ въ пользу. Кто ѣзжалъ на почтѣ, тотъ знаетъ, что подорожная есть оберегательное письмо, безъ котораго всякому кошельку, Генеральской можетъ быть исключая, будетъ накладно. Вынувъ ее изъ кармана, я шелъ съ нею, какъ ходятъ иногда для защиты своей съ крестомъ.

Почтоваго Комисара нашелъ я храпящаго; легонько взялъ его за плечо. — Кого чортъ давитъ? Что за ма-

неръ выѣзжать изъ города ночью! — Лошадей нѣтъ; очень еще рано; войди пожалуй въ трактиръ, выпей чаю или усни. Сказавъ сіе, Комисаръ поворотился къ стѣнѣ и паки захрапѣлъ. — Что дѣлать? Потрясъ я Комисара опять за плечи. — Что за пропасть? Я уже сказалъ, что нѣтъ лошадей; — и обернувъ голову одѣяломъ, Комисаръ отъ меня отворотился. — Естьли лошади всѣ въ разгонѣ, размышлялъ я, то несправедливо, что я Комисару мѣшаю спать. А естьли лошади въ конюшнѣ.... Я вознамѣрился узнать, правду ли Комисаръ говорилъ; вышелъ на дворъ, сыскалъ конюшню и нашелъ въ оной лошадей до 20-ти; хотя правду сказать, кости у нихъ были видны, но меня дотащили бы до слѣдующаго стана. Изъ конюшни возвратился я опять къ Комисару, потрясъ его гораздо покрѣпче; мнѣ казалось, что я имѣлъ къ тому право, нашедъ, что Комисаръ солгалъ. Онъ въ торопяхъ вскочилъ: и не продравъ еще глазъ, спрашивалъ, кто пріѣхалъ? Не.... Но опомнившись, увидя меня, сказалъ мнѣ: видно, молодецъ, ты обыкъ такъ обходиться съ прежними ямщиками. Ихъ бивали палками; но нынѣ не прежняя пора. — Со гнѣвомъ Г. Комисаръ легъ спать въ постелю. Мнѣ его также хотѣлось попотчивать, какъ прежнихъ ямщиковъ, когда они приличались въ обманѣ; но щедрость моя, давъ на водку городскому извощику, побудила Софійскихъ ямщиковъ запречь мнѣ поскорѣе лошадей; и въ самое то время, когда я намѣрялся сдѣлать преступленіе на спинѣ Комисарской, зазвенѣлъ на дворѣ колокольчикъ. Я пребылъ добрымъ гражданиномъ. И такъ 20 коп. избавили миролюбиваго отъ слѣдствія, дѣтей моихъ отъ примѣра невоздержанія во гнѣвѣ; и я узналъ, что разсудокъ есть рабъ нетерпѣливости.

Лошади меня мчатъ; извощикъ мой затянулъ пѣсню, по обыкновенію заунывную. Кто знаетъ голоса Рускихъ народныхъ пѣсенъ, тотъ признается, что есть въ нихъ нѣчто скорбь душевную означающее. Всѣ почти голоса таковыхъ пѣсенъ суть тону мягкаго. На семъ музыкальномъ расположеніи народнаго уха умѣй учреждать бразды правленія. Въ немъ найдешь образованіе души нашего народа. Посмотри на Рускаго, найдешь его задумчивымъ. Естьли захочетъ разогнать скуку, или какъ то онъ самъ называетъ, естьли захочетъ повеселиться, то идетъ въ кабакъ. Въ веселіи своемъ порывистъ, отваженъ, сварливъ. Естьли что либо случиться не по немъ, то скоро начинаетъ споръ или битву. Бурлакъ, идущій въ кабакъ, повѣся голову, и возвращающійся обагренный кровію отъ оплеухъ, многое можетъ рѣшить, доселѣ гадательное въ Исторіи Россійской.

Извощикъ мой поетъ. Третій былъ часъ по полуночи; какъ прежде колокольчикъ, такъ его теперь пѣсня произвела опять во мнѣ сонъ. — О природа! обвивъ человѣка въ пелены скорьби при рожденіи его, влача его по строгимъ хребтамъ боязни, скуки и печали чрезъ весь его вѣкъ, дала ты ему въ отраду сонъ. Уснулъ, и все скончалось! — Несносно пробужденіе нещастному. О, сколь смерть для него пріятна! А естьли она конецъ скорьби.... Отче всеблагій! не ужели отвратишь взоры Свои отъ скончевающаго бѣдственное житіе свое мужественно? Тебѣ, источнику всѣхъ благъ, приносится сія жертва. Ты единъ даешь крѣпость, когда естество трепещетъ, содрагается. Се гласъ Отчій, взывающій къ Себѣ Свое чадо! Ты жизнь мнѣ далъ, Тебѣ ее и возвращаю: на землѣ она стала уже безполезна.

ТОСНА.

Поѣхавши изъ Петербурга, я воображалъ себѣ, что дорога была наилучшая. Таковою почитали ее всѣ тѣ, которые ѣздили по ней въ слѣдъ Государя. Такова она была дѣйствительно, но на малое время. Земля, насыпанная на дорогѣ, сдѣлавъ ее гладкою въ сухое время, дождями разжиженная произвела великую грязь среди лѣта, и сдѣлала ее непроходимою. Обезпокоенъ дурною погодою, я, вставъ изъ кибитки, вошелъ въ почтовую избу, въ намѣреніи отдохнуть. Въ избѣ нашелъ я проѣзжающаго, которой, сидя за обыкновеннымъ длиннымъ крестьянскимъ столомъ въ переднемъ углу, разбиралъ бумаги, и просилъ почтоваго Комисара, чтобы ему поскорѣе велѣлъ дать лошадей. На вопросъ мой, кто онъ таковъ? узналъ я, что то былъ стараго покрою стряпчій, ѣдущій въ Петербургъ съ великимъ множествомъ изодранныхъ бумагъ, которыя онъ тогда разбиралъ. Я не медля вступилъ съ нимъ въ разговоръ, и вотъ моя съ нимъ бесѣда. "Милостивый Государь! я, нижайшій вашъ слуга, былъ Регистраторомъ при Розрядномъ Архивѣ, имѣлъ случай употребить мѣсто мое себѣ въ пользу: посильными моими трудами я собралъ родословную, на ясныхъ доводахъ утвержденную, многихъ родовъ Россійскихъ, и докажу княжеское или благородное ихъ происхожденіе за нѣсколько сотъ лѣтъ. Я возстановлю нерѣдкаго въ Княжеское достоинство, показавъ отъ Владиміра Мономаха или отъ самаго Рюрика его происхожденіе. Милостивый Государь! продолжалъ онъ, указывая на свои бумаги, все великороссійское

„Дворянство долженствовало бы купить мой трудъ, заплатя за него столько, сколько ни за какой товаръ не платятъ. По съ дозволенія вашего Высокородія, Благородія или Высокоблагородія, не вѣдаю, какъ честь ваша, они не знаютъ, что имъ нужно. Извѣстно вамъ, сколько блаженныя памяти благовѣрный Царь Ѳеодоръ Алексѣевичь Россійское Дворянство обидѣлъ, уничтоживъ мѣстничество. Сіе строгое законоположеніе поставило многіе честные Княжескіе и Царскіе роды наровнѣ съ Новогородскимъ Дворянствомъ. Но Благовѣрный Государь Императоръ Петръ великій совсѣмъ привелъ ихъ въ затмѣніе своею табелью о рангахъ. Открылъ онъ путь чрезъ службу военную и гражданскую всѣмъ къ пріобрѣтенію дворянскаго титла, и древнее Дворянство, такъ сказать, затопталъ въ грязь. Нынѣ всемилостивѣйше царствующая наша Мать утвердила прежніе указы высочайшимъ о Дворянствѣ положеніемъ, которое было всѣхъ Степенныхъ нашихъ встревожило: ибо древніе роды поставлены въ Дворянской книгѣ ниже всѣхъ; но слухъ носится, что въ дополненіе вскорѣ изданъ будетъ указъ, — и тѣмъ родамъ, которые дворянское свое происхожденіе докажутъ за 200 или 300 лѣтъ, приложится титло Маркиза или другое знатное, и они предъ другими родами будутъ имѣть нѣкоторую отличность. По сей причинѣ, Милостивѣйшій Государь! трудъ мой долженъ весьма быть пріятенъ всему древнему благородному обществу; но всякъ имѣетъ своихъ злодѣевъ. — Въ Москвѣ завернулся я въ компанію молодыхъ господчиковъ и предложилъ имъ мой трудъ, дабы благосклонностію ихъ возвратить хотя истраченную бумагу и чернилы; но вмѣсто благопріятства попалъ въ посмѣяніе, и съ горя оставивъ столичный сей градъ, вдался пути до Питера, гдѣ, извѣстно, гораздо больше просвѣщенія". — Сказавъ сіе, поклонился мнѣ объ руку и вытянувшись пря-

мо, стоялъ предо мною съ величайшимъ благоговѣніемъ. Я понялъ его мысль, вынулъ....изъ кошелька и давъ ему, совѣтовалъ, чтобъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, продалъ онъ бумагу свою на вѣсъ разнощикамъ для обвертки; ибо мнимое Маркизство скружитъ можетъ многимъ голову, и онъ причиною будетъ возрожденію истребленнаго въ Россіи зла, хвастовства древней породы.

ЛЮБАНИ.

Зимою ли я ѣхалъ или лѣтомъ, для васъ, думаю, равно. Можетъ быть и зимою и лѣтомъ нерѣдко бываетъ съ путешественниками, поѣдутъ на саняхъ, а возвращаются на телегахъ лѣтомъ. Бревешками вымощенная дорога замучила мои бока. Я вылезъ изъ кибитки и пошелъ пѣшкомъ. Лежа въ кибиткѣ, мысли мои обращены были въ неизмѣримость міра. Отдѣляясь душею отъ земли, казалось мнѣ, что удары кибиточные были для меня легче. Но упражненія духовныя не всегда насъ отъ тѣлесности отвлекаютъ; и для сохраненія боковъ моихъ пошелъ я пѣшкомъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги увидѣлъ я пашущаго ниву крестьянина. Время было жаркое. Посмотрѣлъ я на часы: перваго сорокъ минутъ. — Я выѣхалъ въ субботу; сегодня праздникъ. Пашущій крестьянинъ конечно принадлежитъ помѣщику, которой оброку съ него не беретъ. Крестьянинъ пашетъ съ великимъ тщаніемъ; нива конечно не господская. Соху поворачиваетъ съ удивительною легкостію. — "Богъ въ помощь"! сказалъ я, подошедъ къ пахарю, которой не останавливаясь докончивалъ зачатую борозду. "Богъ въ помощь"! повторилъ я. — "Спасибо, баринъ"! говорилъ мнѣ пахарь,

отряхая сошникъ и перенося соху на новую борозду. — "Ты конечно раскольникъ, что пашешь по воскресньямъ". — "Нѣтъ, баринъ, я прямымъ крестомъ крещусь, сказалъ онъ, показывая мнѣ сложенные три перста; Богъ милостивъ, съ голоду умирать не велитъ, когда есть силы и семья". —Развѣ тебѣ во всю недѣлю нѣтъ времени работать, что ты и воскресенью не спускаешь, да еще и въ самой жаръ? — Въ недѣлѣто, баринъ, 6 дней; а мы 6 разъ въ недѣлю ходимъ на барщину, да подъ вечерокъ возимъ оставшее въ лѣсу сѣно на господской дворъ, коли погода хороша; а бабы и дѣвки для прогулки ходятъ по праздникамъ въ лѣсъ по грибы, да по ягоды. Дай Богъ, крестяся, чтобъ подъ вечеръ сегодня дожжикъ пошелъ. Баринъ, коли есть у тебя свои мужички, такъ они тоголже у Господа молятъ. — У меня, мой другъ, мужиковъ нѣтъ, и для того никто меня не клянетъ. Велика ли у тебя семья? — Три сына и три дочки. Первинькому-то десятый годъ. — Какъ же ты успѣваешь доставать хлѣбъ, коли только праздникъ имѣешь? — Не одни праздники, и ночь наша. Не лѣпись нашъ братъ, то съ голоду не умрешь. Видишь ли одна лошадь отдыхаетъ; а какъ ета устанетъ, возьмусь за другую; дѣло-то и споро. — Такъ ли ты работаешь на господина своего? — Нѣтъ, баринъ, грѣшно бы было также работать: у него на пашнѣ сто рукъ для одного рта, а у меня двѣ для семи ртовъ самъ ты счетъ знаешь. Да хоть растянись на барской работѣ, то спасиба не скажутъ. Баринъ подушныхъ не заплатитъ; ни барана, ни холста, ни курицы, ни масла не уступитъ. Толи житье нашему брату, коли гдѣ баринъ оброкъ беретъ съ крестьянина, да еще безъ прикащика! Правда, что иногда и добрые господа берутъ болѣе трехъ рублей съ души; но все лучше барщины. Нынѣ еще повѣрье заводится отдавать деревни, какъ то называется, на аренду; а мы называемъ это отда-

вать головой. Голый наемникъ деретъ съ мужиковъ кожу; даже лучшей поры намъ не оставляетъ; зимою не пускаетъ въ извозъ, для того что онъ подушныя платитъ за насъ. Самая дьявольская выдумка отдавать крестьянъ своихъ чужому въ работу! На другаго прикащика хотя можно пожаловаться; а на наемника кому? — Другъ мой! ты ошибаешься: мучить людей законы запрещаютъ. — Мучить? правда... но не бось, баринъ, не захочешь въ мою кожу". — Между тѣмъ пахарь запрягъ другую лошадь въ соху, началъ новую борозду и со мною простился.

Разговоръ сего земледѣльца возбудилъ во мнѣ множество мыслей. Первое, представилось мнѣ неравенство крестьянскаго состоянія. Сравнивалъ я крестьянъ казенныхъ съ крестьянами помѣщичьими: тѣ и другіе живутъ въ деревняхъ; но одни платятъ извѣстное, а другіе должны быть готовы платить то, что господинъ захочетъ. Одни судятся своими равными; а другіе въ законѣ мертвы, развѣ по дѣламъ уголовнымъ. Членъ общества становится тогда только извѣстенъ Правительству, его охраняющему, когда нарушитъ союзъ общественный, когда становится злодѣй. Сія мысль всю кровь во мнѣ воспалила. Страшись помѣщикъ жестокосердный! на челѣ каждаго изъ твоихъ крестьянъ вижу я твое осужденіе!—Углубленный въ сихъ размышленіяхъ, обратилъ я нечаянно взоръ мой на моего слугу, который сидя на кибиткѣ передомною, качался изъ стороны въ сторону. Вдругъ почувствовалъ я быстрый мракъ, который, протекая кровь мою и прогоняя жаръ къ вершинамъ, нудилъ его распространиться по лицу. Мнѣ такъ стало во внутренности моей стыдно, что едва я не заплакалъ. Ты во гнѣвѣ твоемъ, говорилъ я самъ себѣ, устремляешься на гордаго господина, изнуряющаго крестьянина

своего на нивѣ; а самъ не тоже ли или еще хуже того дѣлаешь! Какое преступленіе сдѣлалъ бѣдный твой Петрушка, что ты воспрещаешь ему пользоваться усладителемъ нашихъ бѣдствій, величайшимъ даромъ природы несчастному, сномъ?—Онъ получаетъ плату, сытъ, одѣтъ; никогда я его не сѣку ни плетьми, ни батожьемъ. О умѣренный человѣкъ! и ты думаешь, что кусокъ хлѣба и лоскуть сукна даютъ тебѣ право поступать съ подобнымъ тебѣ существомъ, какъ съ кубаремъ; ты тѣмъ только и хвастаешь, что нечасто подсѣкаешь его въ вертеніи его. Вѣдаешь ли, что въ первенственномъ уложеніи въ сердцѣ каждаго написано? Естьли я кого ударю, тотъ и меня ударить можетъ. Вспомни тотъ день, какъ Петрушка былъ пьянъ и не поспѣлъ тебя одѣть; вспомни объ его пощечинѣ. О естьлибъ онъ тогда, хотя пьяный, опомнился, и отвѣчалъ бы тебѣ соразмѣрно твоему вопросу! — А кто далъ тебѣ власть надъ нимъ?—Законъ! Законъ!—И ты смѣешь поносить сіе священное имя! Нещастный!.... Слезы потекли изъ глазъ моихъ; и въ такомъ положеніи почтовыя клячи дотащили меня до слѣдующаго стана.

ЧУДОВО.

Не успѣлъ я войти въ почтовую избу, какъ услышалъ на улицѣ звукъ почтоваго колокольчика, и черезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ избу пріятель мой Ч..... Я оставилъ его въ Петербургѣ, и онъ намѣренія не имѣлъ выѣхать оттуда такъ скоро. Особливое происшествіе по-

будило человѣка праву крутаго, какой былъ у моего пріятеля, удалиться изъ Петербурга; и вотъ что разсказалъ онъ мнѣ.

Ты былъ уже готовъ къ отъѣзду, какъ я отправился въ Петергофъ. Тутъ провелъ я праздники столь весело, сколько въ шуму и чаду веселиться можно. Желая поѣздку мою обратить въ пользу, вознамѣрился съѣздить въ Кронштатъ и на Сестербекъ, гдѣ, сказывали мнѣ въ послѣднее время сдѣланы великія перемѣны, въ Кронштатѣ прожилъ я два дня съ великимъ удовольствіемъ, насыщаясь зрѣніемъ множества иностранныхъ кораблей, каменной одеждѣ крѣпости Кронштатской и строеній, стремительно возвышающихся. Любопытствовалъ посмотрѣть планъ новаго Кронштата, и съ удовольствіемъ предусматривалъ красоту намѣреваемаго строенія; словомъ, второй день пребыванія моего кончилъ весело и пріятно. Ночь была тихая, свѣтлая, и благорастворенный воздухъ влилъ въ чувства особливую нѣжность, которую лучше ощущать, нежели описать удобно. Я вознамѣрился употребить въ пользу благость Природы, и насладиться еще хотя разъ въ жизни великолѣпнымъ зрѣлищемъ восхожденія солнца, котораго на гладкомъ водяномъ горизонтѣ мнѣ не удавалось еще видѣть. Я нанялъ морскую 12-ти весельную шлюпку и отправился на Сестербеки.

Версты съ четыре плыли мы благополучно. Шумъ веселъ единозвучностію своею возбудилъ во мнѣ дремоту, и токмо зрѣніе едва воспрядало отъ мгновеннаго блеска падающихъ капель воды съ конца веселъ. Стихотворческое воображеніе переселяло уже меня въ прелѣстные луга Пафоса и Амофонта. Внезапу острый свистъ возникаю-

щаго вдали вѣтра разогналъ мой сонъ, и отягченнымъ взорамъ моимъ представились сгущенныя облака, коихъ черная тяжесть, казалось, стремила ихъ намъ на главу и устрашала паденіемъ. Зерцаловидная поверхность водъ начинала рябѣть, и тишина уступала мѣсто начинающемуся плесканію валовъ. Я радъ былъ и сему зрѣлищу, взиралъ на величественную природу и, не въ чванство скажу, что другихъ устрашало, то меня веселило. Я восклицалъ изрѣдка какъ Вернетъ: ахъ! какъ хорошо! Но вѣтръ усиливался постепенно и понуждалъ думать о достиженіи берега. Небо отъ густоты непрозрачныхъ облаковъ совсѣмъ померкло. Сильное стремленіе валовъ отнимало у кормила направленіе, и порывистый вѣтръ, то вознося насъ на влажные хребты, то низвергая въ утесистыя рытвины водяныхъ зыбей, отнималъ у гребущихъ силу шественнаго движенія. Слѣдуя по неволѣ направленію вѣтра, мы носились на удачу; тогда и берега начали бояться; тогда и то, что бы насъ при благополучномъ плаваніи утѣшать могло, начинало приводить въ отчаяніе. Природа казалась намъ въ сей часъ завистливою, и негодовали на нее теперь за то, что распростирала ужасное свое величество, сверкая въ молніи и поражая слухъ громовымъ трескомъ. Но надежда, преслѣдуя человѣка до крайности, укрѣпляла насъ и мы, елико возможно было, ободряли другъ друга.

Носимые волнами, внезапу судно наше остановилось неподвижимо. Всѣ наши силы, совокупно употребленныя не были въ состояніи сдвинуть его съ того мѣста, на которомъ оно стояло. Стараясь свесть судно наше съ мѣли, какъ то мы думали, мы не примѣтили, что вѣтръ между тѣмъ совсѣмъ утихъ. Небо помалу очистилось отъ зат-

мѣвавшихъ синеву его облаковъ; но восходящая заря, вмѣсто того чтобъ принесть намъ отраду, явила намъ бѣдственное наше положеніе. Мы узрѣли ясно, что шлюпка наша не на мѣли находилась; но погрязла между двухъ большихъ камней, и что не было возможности избавить ее оттуда невредимо. Вообрази, мой другъ, положеніе наше! Все, что ни скажу, слабо будетъ въ сравненіи съ моимъ чувствомъ. Да естьлибъ и могъ я достаточно описать каждое души моей движеніе; то слабо еще было бы сіе описаніе для произведенія въ тебѣ подобнаго тѣмъ чувствованіямъ, какія тогда въ душѣ моей раждались и тѣснились. Судно наше стояло на срединѣ каменной гряды, замыкающій заливъ, до Сестербеки простирающійся. Мы находились отъ берега на полторы версты. Вода начала проходить въ судно наше со всѣхъ сторонъ и угрожала совершеннымъ потопленіемъ. Въ послѣдній часъ, когда свѣтъ отъ насъ преходить начинаетъ и отверзается вѣчность; тогда низпадаютъ всѣ степени, мнѣніемъ между человѣковъ воздвигнутыя. Человѣкъ становится тогда просто человѣкъ. Такъ видя приближающуюся кончину, забыли мы всѣ, кто былъ какого состоянія, и помышляли о спасеніи нашемъ, отливая воду, какъ кому споручно было. Но какая была въ томъ польза? Сколько воды союзными нашими силами было изчерпано, столько во мгновеніе паки наполнилось. Къ крайнему сердецъ нашихъ сокрушенію ни вдали, ни вблизи не видно было мимоидущаго судна. Да и то, которое подало бы намъ отраду, явясь взорамъ нашимъ, усугубило бы отчаяніе наше, удаляясь отъ насъ и избѣгая ровной съ нами участи. Наконецъ правитель нашего судна, болѣе другихъ къ опасностямъ морскимъ обыкшій, взиравшій, по неволѣ можетъ быть, на смерть хладнокровно въ разныхъ сраженіяхъ въ прошедшую Ту-

рецкую войну въ Архипелагѣ, рѣшился или насъ спасти, спасаясь самъ или погибнуть въ семъ благомъ намѣреніи; ибо, стоя на одномъ мѣстѣ, погибнуть бы намъ должно было. Онъ вышелъ изъ судна и перебираясь съ камня на камень, направилъ шествіе свое къ берегу, сопровождаемъ чистосердечнѣйшими нашими молитвами. Сначала продолжалъ онъ шествіе свое весьма бодро, прыгая съ камня на камень, переходя воду, гдѣ она была мелка и переплывая, гдѣ глубже становилось. Мы съ глазъ его не спускали. Наконецъ увидѣли, что силы его начали ослабѣвать: ибо онъ переходилъ камни медлительнѣе, останавливаясь часто и отдыхая на камнѣ. Намъ казалось, что онъ находился иногда въ размышленіи и нерѣшимости о продолженіи пути своего. Сіе побудило одного изъ его товарищей ему преслѣдовать, дабы подать ему помощь, естьли увидитъ онъ его изнемогающаго въ достиженіи берега, или достигнуть онаго, естьли первому того не удастся. Взоры наши стремились въ слѣдъ то за тѣмъ, то за другимъ, и молитва наша о сохраненіи ихъ была нелицѣмѣрна. Наконецъ послѣдній изъ сихъ подражателей Моисея въ прехожденіи безъ чуда морскія пучины своими стопами остановился на камнѣ недвижимъ, а перваго совсѣмъ потеряли мы изъ виду.

Сокровенныя доселѣ внутреннія каждаго движенія, заклепанныя, такъ сказать, ужасомъ, начали являться при исчезаніи надежды. Вода между тѣмъ въ суднѣ умножалась, и трудъ нашъ, возрастая въ отливаніи оной, утомлялъ силы наши примѣтно. Человѣкъ яраго и нетерпѣливаго сложенія рвалъ на себѣ волосы, кусалъ пальцы и проклиналъ часъ своего выѣзда. Человѣкъ робкой души и чувствованій, долго могущій ощущать тягость удручи-

тельныя неволи, рыдалъ, орошая слезами скамью на которой распростертъ нищъ лежалъ. Иной, воспоминая домъ свой, дѣтей и жену, сидѣлъ какъ окаменѣлый, помышляя не о своей, но объ ихъ гибели: ибо они питались его трудами. Каково было положеніе души моей, другъ мой, самъ отгадывай; ибо ты меня довольно знаешь. Скажу тебѣ только то, что я прилѣжно молился Богу. Наконецъ начали мы всѣ предаваться отчаянію; ибо судно наше болѣе половины водой натекло, и мы всѣ стояли въ водѣ по колѣно. Не рѣдко помышляли мы выйти изъ судна и шествовать по каменной грядѣ къ берегу; но пребываніе одного изъ нашихъ сопутниковъ на камнѣ нѣсколько уже часовъ и скрытіе другаго изъ виду представляли намъ опасность перехода болѣе можетъ быть, нежели какова она была въ самомъ дѣлѣ. Среди таковыхъ горестныхъ размышленій увидѣли мы близь противоположеннаго берега въ разстояніи, какого точно опредѣлить не могу, два черныя пятна на водѣ, которыя казалось, двигались. Зримое нами нѣчто черное и движущееся мало по малу увеличивалось; наконецъ приближаясь представило ясно взорамъ нашимъ два малыя судна, прямо идущія къ тому мѣсту, гдѣ мы находились среди отчаянія, во сто разъ надежду превосходящаго. Какъ въ темной храминѣ, свѣту совсѣмъ неприступной, вдругъ отверзается дверь, и лучь денный влетѣвъ стремительно вреду мрака, разгоняетъ оный, распростираясь по всей храминѣ до дальнѣйшихъ ея предѣловъ. Такъ увидѣвъ два судна, лучь надежды къ спасенію протекъ наши души. Отчаяніе прекратилось въ восторгъ, горесть въ восклицаніе; и опасно было, чтобъ радостныя тѣлодвиженія и плески не навлекли намъ гибели скорѣе, нежели будемъ мы изторгнуты изъ опасности. Но надежда житія, возвращаясь въ сердца, возбудила паки мысли о различіи состоянія, въ опасности

успувшія. Сіе послужило на сей разъ къ общей пользѣ. Я укротилъ излишнее радованіе во вредъ обратиться могущее. По нѣкоторомъ времени увидѣли мы двѣ большія рыбачьи лодки, къ намъ приближающіяся; и при достиженіи ихъ до насъ въ одной изъ нихъ увидѣли нашего спасителя, которой, прошедъ каменною грядою до берега, сыскалъ сіи лодки для извлеченія насъ изъ явной гибели. Мы, не мѣшкавъ нимало, вышли изъ нашего судна и поплыли въ пріѣхавшихъ суднахъ къ берегу, не забывъ спять съ камня сотоварища нашего, которой находился на ономъ около семи часовъ. Не прошло болѣе получаса, какъ судно наше, стоявшее между камней, облегченное отъ тяжести, всплыло и совсѣмъ развалилось. Плывучи къ берегу среди радости и восторга, Павелъ (такъ звали спасшаго насъ спутника) разсказалъ намъ слѣдующее.

Оставя васъ въ предстоящей опасности, спѣшилъ я по камнямъ къ берегу. Желаніе спасти васъ дало мнѣ чрезъестественныя силы; но саженъ за сто до берега, стали онѣ ослабѣвать, и я началъ отчаяваться о спасеніи вашей и своей жизни. Но полежавъ съ полчаса на камнѣ, всталъ съ новою бодростію и не отдыхая болѣе, доползъ, такъ сказать, до берега. Тутъ растянулся я на травѣ, и отдохнувъ минутъ десять, всталъ и побѣжалъ вдоль берега къ Сестербеку, что имѣлъ мочи. И хотя съ немалымъ истощеніемъ силъ, но вспоминая о васъ, добѣжалъ до мѣста. Казалось, что Небо хотѣло испытать вашу твердость и мое терпѣніе: ибо я не нашелъ ни вдоль берега, ни въ самомъ Сестербекѣ никакого судна для вашего спасенія. Находясь почти въ отчаяніи, думалъ я, что нигдѣ не льзя лучше искать помощи, какъ у тамошняго начальника. Я побѣжалъ въ тотъ домъ, гдѣ онъ жилъ. Уже былъ седьмой часъ, въ передней нашелъ я

тамошней команды сержанта, разсказалъ ему коротко, за чѣмъ пришелъ и ваше положеніе и просилъ его, чтобъ онъ разбудилъ Г....., которой тогда еще почивалъ. Сержантъ сказалъ мнѣ: другъ мой, я не смѣю.....—Какъ ты не смѣешь? Когда двацать человѣкъ тонутъ, ты не смѣешь разбудить того, кто ихъ спасти можетъ. Но ты, бездѣльникъ, лжешь, я самъ пойду. Сержантъ взявъ меня за плечо, не очень учтиво вытолкнулъ за дверь. Съ досады чуть я не лопнулъ. Но помня болѣе о вашей опасности, нежели о своей обидѣ и о жестокосердіи начальника къ его подчиненнымъ, побѣжалъ я къ караульнѣ, которая была версты съ двѣ разстояніемъ отъ проклятаго дома, изъ котораго меня вытолкнули. Я зналъ, что живущіе въ ней солдаты содержали лодки, въ которыхъ, ѣздя по заливу, собирали булыжникъ на продажу для мостовыхъ; я и не ошибся въ своей надеждѣ; нашелъ сіи двѣ небольшія лодки; и радость моя теперь несказанна, вы всѣ спасены. Естьлибъ вы утонули, то и я бросился бы за вами въ воду. Говоря сіе, Павелъ обливался слезами. Между тѣмъ достигли мы берега. Вышедъ изъ судна, я палъ на колѣни, возвелъ руки на Небо..... Отче всесильный! возопилъ я: Тебѣ угодно, да живемъ; Ты водилъ насъ на испытаніе, да будетъ воля Твоя. Се слабое, мой другъ, изображеніе того, что я чувствовалъ. Ужасъ послѣдняго часа прободалъ мою душу; я видѣлъ то мгновеніе, когда я существовать перестану. Но что я буду?—не знаю. Страшная неизвѣстность! Часъ бьетъ; я мертвъ; движеніе, жизнь, чувство, мысль, все исчезнетъ мгновенно. Вообрази себя, мой другъ, на краю гроба: не почувствуешь ли корчащій мразъ, ліющійся въ твоихъ жилахъ и завременно жизнь пресѣкающій? О мой другъ!..... Но я удалился отъ моего повѣствованія.

Совершивъ мою молитву, ярость вступила въ мое сердце.

Возможно ли, говорилъ я самъ себѣ, что въ нашемъ вѣкѣ, въ Европѣ, подлѣ столицы, въ глазахъ великаго Государя совершилось такое безчеловѣчіе! Я вспомнилъ о заключенныхъ Англичанахъ въ темницѣ Бенгальскаго Набаба (*), и вздохнулъ изъ глубины души. — Между тѣмъ дошли мы до Сестербека. Я думалъ, что начальникъ, проснувшись, накажетъ своего сержанта, и претерпѣвшимъ на водѣ дастъ хотя успокоеніе. Съ сею надеждою пошелъ я прямо къ нему въ домъ. Но поступкомъ его подчиненнаго столь былъ раздраженъ, что не могъ умѣрить словъ моихъ. Увидѣвъ его, сказалъ: Государь мой, извѣстили ли васъ, что за нѣсколько часовъ передъ симъ двадцать человѣкъ находились въ опасности потерять жизнь свою на водѣ и требовали вашей помощи? — Онъ отвѣчалъ мнѣ съ наивеличайшею холодностію, куря табакъ: Мнѣ о томъ сказали недавно, а тогда я спалъ. — Ты велѣлъ бы будить себя молоткомъ по головѣ, буде крѣпко спишь, когда люди

(*) Англичане приняли въ свое покровительство ушедшаго къ нимъ въ Калькуту Бенгальскаго чиновника, подвергшаго себя казни своимъ мздоимствомъ. Справедливо раздраженный Набабъ, собравъ войско, приступилъ къ городу и оный взялъ. Англинскихъ военноплѣнныхъ велѣлъ ввергнуть въ тѣсную темницу, въ коей они въ полсутки издохли. Осталось ихъ только 23 человѣка. Сіи нещастные сулили стражѣ великія деньги, да возвѣстятъ Владѣльцу объ ихъ положеніи. Вопль ихъ и стенаніе возвѣщали о томъ народу, о ихъ соболѣзнующему; но никто не хотѣлъ сказать о томъ Властителю. Почиваетъ онъ, отвѣтствовали умирающимъ Англичанамъ, и ни одинъ человѣкъ въ Бенгалѣ не думалъ, что для спасенія жизни 150-ти нещастныхъ должно прервать сонъ мучителя на мгновеніе. — Но чтожъ такое мучитель? Или паче, что такое народъ, обыкшій къ игу мучительства? Благословеніе или боязнь тягчитъ его согбенна? Естьли боязнь, то мучитель ужаснѣе боговъ, къ коимъ человѣкъ возсылаетъ или молитву или жалобу, во время нощи или въ часы дѣяній. Естьли благоговѣніе, то можно ли побудить человѣка почитать содѣлателей его бѣдствій? — Чудо, возможное одному суевѣрію! Чему болѣе удивляться, звѣрству ли спящаго Набаба, или подлости, не смѣющей разбудить его? — Рейналь, Исторія объ Индіяхъ. Т. II.

тонуть и требуютъ отъ тебя помощи.—Отгадай, мой другъ, какой былъ его отвѣтъ. Я думалъ, что мнѣ сдѣлается ударъ отъ того, что я слышалъ. Онъ сказалъ мнѣ: не моя то должность.—Я вышелъ изъ терпѣнія.—А развѣ должность твоя людей убивать, скаредный человѣкъ! и ты носишь знаки отличія; и ты начальствуешь надъ другими! — Не могъ окончить моей рѣчи, плюнулъ ему почти въ рожу и вышелъ вонъ. Я волосы дралъ съ досады. Дѣлалъ сто расположеній, какъ отмстить сему звѣрскому начальнику, не за себя, но за человѣчество. Но опомнясь, убѣдился воспоминовеніемъ многихъ примѣровъ, что мщеніе мое будетъ безплодно, что я же могу прослыть бѣшенымъ или злымъ человѣкомъ; — смирился.

Между тѣмъ люди мои сходили къ священнику, которой принялъ насъ съ великою радостью, согрѣлъ, накормилъ и далъ отдохновеніе. Мы пробыли у него цѣлые сутки, пользуясь его гостепріимствомъ и угощеніемъ. На другой день, нашедъ большую шлюпку, доѣхали мы до Ораніенбаума благополучно. Въ Петербургѣ разсказывалъ я о семъ тому и другому. Всѣ участвовали въ моей опасности, всѣ хулили жестокосердіе начальника; но никто не захотѣлъ ему о семъ напомнить. Естьлибъ мы потонули, то онъ былъ бы нашимъ убійцею. Но въ должности ему не предписано спасать васъ,—сказалъ нѣкто.... Теперь прощусь я съ городомъ навѣки. Не въѣду никогда въ сіе жилище тигровъ. Единое ихъ веселіе грызть другъ друга; отрада ихъ томить слабаго до издыханія, и раболѣпствовать власти. И ты хотѣлъ, чтобъ я поселился въ городѣ? Нѣтъ, мой другъ, говорилъ повѣствователь, вскочивъ со стула: заѣду туда, куда люди не ходятъ; гдѣ не знаютъ, что есть человѣкъ; гдѣ и имя его неизвѣстно. — Прости" .... Сѣлъ въ кибитку и поскакалъ.

СПАСКАЯ ПОЛѢСТЬ.

Я скакалъ вслѣдъ за моимъ пріятелемъ такъ скоро, что настигъ его еще на почтовомъ стану. Старался уговорить его, чтобъ возвратился въ Петербургъ; старался доказать ему, что малыя и частныя неустройства въ обществѣ не разрушатъ его связи, подобно какъ дробинка, падая въ пространство моря, не можетъ возмутить поверхности воды. Но онъ сказалъ мнѣ на отрѣзъ: когда бы малая дробинка пошла на дно, то конечно не сдѣлалось бы бури на Финскомъ заливѣ, а я пошелъ бы жить съ тюленями. И съ видомъ негодованія простясь со мною, легъ въ свою кибитку и поѣхалъ поспѣшно.

Лошади были уже впряжены; я занесъ уже ногу, чтобъ сѣсть въ кибитку, какъ вдругъ пошелъ дождь. Бѣда не велика, думалъ я, закроюсь цѣновкою и буду сухъ. Но едва мысль сія въ мозгѣ моемъ пролетѣла, то какъ будто окунули меня въ прорубь. Небо, не спросясь у меня, разверзло облако, и дождь лилъ ведромъ. Съ погодою не сладишь; по пословицѣ: тише ѣдешь, даль будешь — вылезъ я изъ кибитки и убѣжалъ въ первую избу. Хозяинъ ложился уже спать, и въ избѣ было темно. Но я и въ потемкахъ выпросилъ позволеніе обсушиться; снялъ съ себя мокрое платье и что было по суше положивъ подъ голову, на лавкѣ скоро заснулъ. Но постеля моя была не пуховая, долго нѣжиться не позволила. Проснувшись, услышалъ я шопотъ. Я могъ различить два голоса, которые между собою разговоривали. —Ну, мужъ, разскажитка, говорилъ женскій голосъ.—Слушай, меня. Жилъ, былъ. . .—И подлинно на сказку похоже; да какъ же сказкѣ вѣрить, сказала жена въ полголоса, зѣвая отъ

сна; повѣрю ли я, что были Полканъ, Бова, или Соловей разбойникъ? — Да кто тебя толкаетъ въ шею; вѣрь, коли хочешь. Но то правда, что въ старину тѣлесныя силы были въ уваженіи, и что силачи употребляли оныя во зло, напримѣръ Полканъ; а о Соловьѣ разбойникѣ читай, мать моя, истолкователей Рускихъ древностей. Они скажутъ тебѣ, что онъ соловьемъ названъ краснорѣчія своего ради. Не перебивай же моей рѣчи. — И такъ жилъ-былъ гдѣ-то Государевъ Намѣстникъ. Въ молодости своей таскался онъ по чужимъ землямъ, выучился ѣсть устерсы и былъ до нихъ великій охотникъ. Пока деньжонокъ своихъ было мало, то онъ отъ охоты своей воздерживался, ѣдалъ по десятку и то, когда бывалъ въ Петербургѣ.

Какъ скоро полѣзъ въ чины, то и число устерсовъ на столѣ его начало прибавляться. А какъ попалъ въ Намѣстники и когда много у него стало денегъ своихъ, много и казенныхъ въ продолженіи; тогда сталъ онъ къ устерсамъ, какъ брюхатая баба. И спитъ и видитъ, чтобы устерсы кушать. Какъ пора ихъ приходитъ, то нѣтъ никому покою. Всѣ подчиненные становятся мучениками. Но во что бы то ни стало, а устерсы ѣсть будетъ. Въ Правленіе посылаетъ приказъ, чтобъ наряженъ былъ немедлѣнно курьеръ, котораго имѣетъ онъ отправить въ Петербургъ съ важными донесеніями. Всѣ знаютъ, что курьеръ поскачетъ за устерсами: но какъ ни вертись, а прогоны выдавай. На казенныя денежки дыръ много. Гонецъ, снабженный подорожною, прогонами, совсѣмъ готовъ, въ курткѣ и чикчирахъ явился предъ Его высокопревосходительство. — "Поспѣшай, мой другъ, вѣщаетъ ему унизанный орденами, поспѣшай, возми сей пакетъ и отдай его въ большой морской. — Кому прикажете? — Прочти адресъ. — Его... Его — Не такъ читаешь. — Государю моему, Гос...—Врешь: Господину Корзинкину, поч-

тенному лавошнику въ С. Петербургѣ въ большой морской.— Знаю, ваше высокопревосходительство. — Ступай же, мой другъ ; и какъ скоро получишь, то возвращайся поспѣшно и нимало не медли ; а я скажу тебѣ не одно спасибо". — И ну ну ну, по всѣмъ по тремъ вплоть до Питера къ Корзинкину прямо на дворъ. — Добро пожаловать. Куды какой Его высокопревосходительство затейникъ: изъ-за 1000 верстъ плетъ за какою дрянью. Только баринъ добрый. Радъ ему служить. Вотъ устерсы, теперь лишь съ биржи. Скажи, не меньше 150-ти бочка ; уступить не льзя, самимъ пришли дороги. Да мы съ его милостью сочтемся. . . . Бочку взвалили въ кибитку ; поворотя оглобли, курьеръ уже опять скачетъ, успѣлъ лишь зайти въ кабакъ и выпить два крючка сивухи.

Тидь, тинь.... Едва у городскихъ воротъ услышали звонъ почтоваго колокольчика, караульный Офицеръ бѣжитъ уже къ Намѣстнику (то ли дѣло, какъ гдѣ все въ порядкѣ) и рапортуетъ ему, что вдали видна кибитка и слышанъ звонъ колокольчика. Не успѣлъ выговорить, какъ шасть курьеръ въ двери. Привезъ, ваше высокопревосходительство. — Очень кстати. (Оборотясь къ предстоящимъ) Право человѣкъ достойный, исправенъ и не пьяница. Сколько уже лѣтъ по два раза въ годъ ѣздитъ въ Петербургъ, а въ Москву сколько разъ, упомнить не могу. Секретаря! — Пиши представленіе: за многочисленные его въ посылкахъ труды и за точное оныхъ исправленіе удостоиваю его къ повышенію чиномъ. — Въ расходной книгѣ у Казначея написано: по предложенію Его высокопревосходительства дано курьеру Н. Н. отправленному въ С. Петербургъ, съ напнужнѣйшими донесеніями прогонныхъ денегъ въ оба пути за три лошади изъ экстраординарной суммы.... (Казначейская книга пошла на ревизію, но устерсами не пахнетъ). — По представленію

Г-на Генерала...и проч. приказали быть сержанту Н. Н. Прапорщикомъ.

Вотъ жена, говорилъ мужскій голосъ, какъ добиваются въ чины; а мнѣ что прибыли, что служу безпорочно? Не подамся впередъ ни на палецъ. По указамъ велѣно награждать за добро порядочную службу. Но царь жалуетъ, а псарь не жалуетъ. Такъ - то нашъ Г. Казначей: уже другой разъ по его представленію отсылаютъ меня въ Уголовную Палату; когда бы я былъ съ нимъ за одно, то бы не житье, а масленица. — И, полно, Клементьичь, пустяки - то молоть. Знаешь ли, за что онъ тебя не любитъ? За то, что ты промѣнъ берешь со всѣхъ, а съ нимъ не дѣлишься. — Потише, Кузминишна потише; неравно кто подслушаетъ. — Оба голоса умолкли, и я опять заснулъ.

Поутру узналъ я, что въ одной избѣ со мною ночевалъ Присяжный съ женою, которые до свѣта отправились въ Новгородъ.

Между тѣмъ какъ въ повозку мою запрягали лошадей, пріѣхала еще кибитка, тройкою запряженная; изъ нее вышелъ человѣкъ, закутанный въ большую епанчу; шляпа съ распущенными полями, глубоко надѣтая, препятствовала мнѣ видѣть лице его. Онъ требовалъ лошадей безъ подорожной; и какъ многіе извощики, окруживъ его, съ нимъ торговались, то онъ, не дожидаясь конца ихъ торга, сказалъ одному изъ нихъ съ нетерпѣніемъ: Запрягай поскорѣе, я дамъ по 4 ко. на версту. Ямщикъ побѣжалъ за лошадьми. Другіе видя, что договариваться уже было не о чемъ, всѣ отъ него отошли.

Я находился отъ него не далѣе какъ въ пяти саженяхъ. Онъ подошелъ ко мнѣ и не снимая шляпы, сказалъ: Милостивый Государь! снабдите чѣмъ нибудь нещастнаго человѣка. — Сіе удивило меня чрезвычайно, и я не могъ вытѣр-

пѣть, чтобъ не сказать ему, что я удивляюсь прозьбѣ его о вспоможеніи, когда не хотѣлъ онъ торговаться о прогонахъ и давалъ противъ другихъ вдвое. Я вижу, сказалъ онъ мнѣ, что въ жизнь вашу ничего не встрѣчалось вамъ поперечнаго. — Столь твердый отвѣтъ мнѣ очень понравился, и я, не медля нимало, вынулъ изъ кошелька.... Не осудите, сказалъ я, болѣе теперь служить вамъ не могу ; но естьли доѣдемъ до мѣста, то можетъ быть сдѣлаю что нибудь больше. Намѣреніе мое присемъ было то, чтобъ сдѣлать его чисто сердечнымъ ; я и не ошибся. — Я вижу, сказалъ онъ мнѣ, что вы имѣете еще чувствительность, что свѣтское обращеніе и снисканіе собственной пользы не затворили входъ ея въ сердце ваше. Позвольте мнѣ сѣсть на вашей повозкѣ, а служителю вашему на моей. Между тѣмъ лошади были впряжены, и я исполнилъ его желаніе .... и мы ѣдемъ.

Ахъ ! Государь мой, не могу представить себѣ, что я нещастливъ. Не болѣе недѣли тому назадъ, я былъ веселъ, въ удовольствіи ; не чувствовалъ недостатка, былъ любимъ или такъ казалось : ибо домъ мой всякой день былъ полонъ людьми, заслужившими уже знаки почестей ; столъ мой былъ всегда, какъ великолѣпное нѣкое торжество. Но естьли тщеславіе толикое имѣло удовлетвореніе, равно и душа наслаждалась истиннымъ блаженствомъ. По многихъ сперва безплодныхъ стараніяхъ, предпріятіяхъ и неудачахъ получилъ я наконецъ въ жену ту, которую желалъ. Взаимная наша горячность, услаждая и чувства и душу, представляла намъ все въ ясномъ видѣ. Мы не зрѣли облачнаго дня ; мы достигли вершины нашего блаженства. Супруга моя была беременна и приближался часъ ея разрѣшенія. Судьба опредѣлила, да рушится все сіе блаженство въ одно мгновеніе. У меня былъ обѣдъ и множество такъ называемыхъ друзей собравшись насыщали на мой щетъ праздный свой

голодъ. Одинъ изъ бывшихъ тутъ, которой внутренно меня не любилъ, началъ говорить съ сидѣвшимъ подлѣ него, хотя въ полголоса, но довольно громко, чтобъ говоренное слышно было женѣ моей и многимъ другимъ. Не ужели вы не знаете, что дѣло нашего хозяина въ Уголовной Палатѣ уже рѣшено?

Вамъ покажется мудрено, говорилъ сопутникъ мой, обращая ко мнѣ свое слово, чтобъ человѣкъ неслужащій и въ положеніи, мною описанномъ, могъ подвергнуть себя уголовному суду. И я такъ думалъ долго, да и тогда, когда дѣло мое, прошедъ нижніе Суды, достигло до вышняго. Вотъ въ чемъ оно состояло. — Я былъ записанъ въ купечествѣ; пуская капиталъ мой въ обращеніе, сталъ участникомъ въ частномъ откупу. Неосновательность моя причиною была, что я довѣрилъ лживому человѣку, которой, попавшись лично въ преступленіе, отъ откупу былъ отрѣшенъ и по свидѣтельству будто его книгъ, сдѣлался на немъ по видимому большій начетъ. Онъ скрылся, я остался въ лицахъ, и начетъ положено взыскать съ меня. Сдѣлавъ выправки, сколько могъ, я нашелъ, что начету на мнѣ или совсѣмъ не было или былъ очень малый; и для того просилъ, чтобъ сдѣлали расчетъ со мною, ибо я по немъ былъ порукою. Но вмѣсто должнаго по моему прошенію удовлетворенія велѣно недоимку взыскать съ меня. Первое неправосудіе; но къ сему присовокупили и другое. Въ то время, какъ сдѣлался я въ откупу порукою, имѣнія за мной никакого не было; но по обыкновенію послано было запрещеніе на имѣніе мое въ Гражданскую Палату. Странная вещь, запрещать продавать то, чего не существуетъ въ имѣніи! Послѣ того купилъ я домъ и дѣлалъ другія пріобрѣтенія. Въ тоже самое время случай допустилъ меня перейти изъ купеческаго званія въ дворянское, получа чинъ. Наблюдая свою пользу, нашелъ

я случай продать домъ на выгодныхъ кондиціяхъ, совершивъ купчую въ той же самой Палатѣ, гдѣ существовало запрещеніе. Сіе поставлено мнѣ въ преступленіе; ибо были люди, которыхъ удовольствіе помрачалось блаженствомъ моей жизни. Стряпчій казенныхъ дѣлъ сдѣлалъ на меня доносъ, что я, избѣгая платежа казенной недоимки, продалъ домъ, обманулъ Гражданскую Палату, назвавшись тѣмъ званіемъ, въ коемъ я былъ, а не тѣмъ, въ которомъ находился при покупкѣ дома. Тщетно говорилъ я, что запрещеніе не можетъ существовать на то, чего нѣтъ въ имѣніи; тщетно говорилъ я, что по крайней мѣрѣ надлежало бы сперва продать оставшееся имѣніе и выручить недоимку сею продажею, а потомъ предпринимать другія средства; что я званія своего не утаивалъ, ибо въ дворянскомъ уже купилъ домъ. Все сіе было отринуто; продажа дому уничтожена; меня осудили за ложной мой поступокъ лишить чиновъ....И требуютъ теперь, говорилъ повѣствователь, здѣшняго хозяина въ судъ, чтобъ посадить подъ стражу до окончанія дѣла.

Повѣствуя сіе послѣднее, разсказывающій возвысилъ голосъ. Жена моя едва сіе услышала, обнявъ меня, вскричала:—Нѣтъ, мой другъ, и я съ тобою..... Болѣе выговорить не могла. Всѣ члены ея ослабѣли и она упала безъ чувствъ въ мои объятія. Я поднялъ ее со стула, вынесъ въ спальню, и не знаю, какъ обѣдъ кончился. Пришедъ черезъ нѣсколько времени въ себя, она почувствовала муки, близкое рожденіе плода горячности нашей возвѣщающія. Но сколь ни жестоки онѣ были, воображеніе, что я буду подъ стражею, столь ее тревожило, что она только и твердила: и я пойду съ тобою. Сіе нещастное приключеніе ускорило рожденіе младенца цѣлымъ мѣсяцемъ; и всѣ способы, бабки и доктора, для пособія призванные, были тщетны и не могли воспретить, чтобъ жена моя не родила

чрезъ сутки. Движеніе души ея рожденіемъ младенца не токмо не успокоилось, но усилившись гораздо, причинило ей горячку..... Почто распространяться мнѣ въ повѣствованіи? Жена моя на третій день послѣ родовъ умерла. Видя ея страданія, можете повѣрить, что я не оставлялъ ее ни на минуту. Въ горести позабылъ совершенно дѣло мое и осужденіе. За день до кончины моей возлюбленной недозрѣлый плодъ нашей горячности также умеръ. Болѣзнь матери его занимала меня такъ много, что потеря сія была тогда для меня не велика. Вообрази, говорилъ повѣствователь мой, взявъ обѣими руками себя за волосы, вообрази мое положеніе, когда увидѣлъ я, что возлюбленная моя разставалась со мной навсегда!—Навсегда! вскричалъ онъ, дикимъ голосомъ.—Но зачѣмъ я бѣгу? Пусть посадятъ меня въ темницу; я уже нечувствителенъ; пускай мучатъ меня, пускай лишаютъ жизни! О варвары! о тигры! змѣи лютые! грызите мое сердце, пускайте въ него томный вашъ ядъ..... Извините мое изступленіе; я думаю, что я скоро лишусь ума. Когда воображу ту минуту, какъ любезная моя со мною разставалась: то забываю все и свѣтъ въ глазахъ меркнетъ. Но окончу мою повѣсть. Въ такомъ жестокомъ отчаяніи лежащу мнѣ надъ бездыханнымъ тѣломъ моей возлюбленной, прибѣжалъ ко мнѣ одинъ изъ искреннихъ моихъ друзей. Тебя пришли взять подъ стражу, команда на дворѣ. Бѣги отсель; кибитка у заднихъ воротъ готова. Ступай въ Москву или куда хочешь, и живи тамъ, доколѣ можно будетъ облегчить судьбу твою. Я не внималъ его рѣчамъ; но онъ, усилясь надо мною, взялъ меня съ помощію людей, вынесъ и положилъ въ кибитку. Вспомня, что надобны мнѣ деньги, далъ онъ мнѣ кошелекъ, въ которомъ было только 50 р., и пошелъ въ мой кабинетъ, чтобъ найти тамъ денегъ и мнѣ вынести; но нашедъ уже офицера

въ моей спальнѣ, успѣлъ только прислать сказать мнѣ чтобы я ѣхалъ. Не помню, какъ везли меня первую станцію; слуга пріятеля моего разсказалъ все происшедшее, простился со мною, и я теперь ѣду по пословицѣ — куда глаза глядять.

Повѣсть сопутника моего тронула меня несказанно. Возможно-ли, говорилъ я самъ себѣ, чтобъ въ толь мягкосердое правленіе, каково нынѣ у насъ, производились толикія жестокости? Возможно-ли, чтобъ были столь безумные суды, что для насыщенія казны (можно дѣйствительно такъ назвать всякое неправильное отнятіе имѣнія для удовлетворенія казеннаго требованія) отнимали у людей имѣніе, честь и жизнь? Я размышлялъ, какимъ бы образомъ сіе происшествіе могло достигнуть до слуха верховной власти. Ибо справедливо думалъ, что въ самодержавномъ правленіи одна она въ отношеніе другихъ можетъ быть безпристрастна. Но не могу-ли я принять на себя его защиту? Я напишу жалобницу въ вышнее правительство. Я изображу всѣ происшествія и представлю неправосудіе судившихъ и невинно страждущаго. Но жалобницы отъ меня не примутъ. Спросятъ, какое имѣю я на то право? Потребуютъ отъ меня вѣрющаго письма. Какое имѣю право? Страждущее человѣчество. Человѣкъ, лишенный имѣнія, чести, лишенный половины своей жизни, въ самовольномъ изгнаніи, дабы избѣгнуть поносительнаго заточенія. И на сіе надобно вѣрющее письмо? Отъ кого? Ужель сего мало, что страждетъ мой согражданинъ? Да и въ томъ нѣтъ нужды. Онъ человѣкъ—вотъ мое право, вотъ вѣрющее письмо. — О богочеловѣкъ! почто писалъ ты законъ для варваровъ? Они, крестясь во имя Твое, приносятъ злобѣ кровавыя жертвы. Почто ты къ намъ

мягкосердъ былъ? Вмѣсто обѣщанія будущей казни, усугубилъ бы казнь настоящую, и возжигая совѣсть по мѣрѣ злодѣянія, не далъ бы имъ покоя деннонощно, доколь страданіемъ своимъ не загладятъ все злое, еже сотворили. Таковыя размышленія такъ утомили мое тѣло, что я уснулъ весьма крѣпко и долго не просыпался.

Возмущенные мыслію соки стремились мнѣ спящу къ головѣ, и тревожа нѣжный составъ мозга, возбудили въ немъ воображеніе. Безчисленныя картины представлялись мнѣ во снѣ и исчезали, какъ легкіе во воздухѣ пары. Наконецъ, какъ то бываетъ, нѣкоторое мозговое волокно, тронутое сильно восходящими изъ внутренныхъ сосудовъ тѣла парами, задрожало долѣе другихъ на нѣсколько времени, и вотъ что я грѣзилъ.

Мнѣ представлялось, что я Царь, Шахъ, Ханъ, Король, Бей, Набабъ, Султанъ или какое-то сихъ названій нѣчто, сѣдящее во власти на престолѣ. Мѣсто возсѣданія моего было изъ чистаго злата, и хитро изкладенными драгими разнаго цвѣта каменьями блистало лучезарно. Ничто не могло сравниться съ блескомъ одеждъ моихъ. Глава моя украшалась лавровымъ вѣнцемъ. Вокругъ меня лежали знаки, власть мою изъявляющіе. Здѣсь лежалъ мечь на столѣ, изъ сребра изваянномъ, на коемъ изображались морскія и сухопутныя сраженія, взятіе городовъ и прочее сего рода; вездѣ видно было вверху имя мое, носимое геніемъ славы, надъ всѣми сими подвигами парящимъ. Тутъ видѣнъ скипетръ мой, возлежащій на снопахъ, обильными класами отягченныхъ, изваянныхъ изъ чистаго злата и природѣ совершенно подражающихъ. На твердомъ коромыслѣ возвышенныя зрѣлись вѣсы. Въ одной изъ чашъ лежала книга съ надписью: "Законъ Милосердія;" а въ

другой книга съ надписью: "Законъ Совѣсти." Держава, изъ единаго камня изсѣченная, была поддерживаема грудою-младенцевъ, изъ бѣлаго мрамора изваянныхъ. Вѣнецъ мой возвышенъ былъ паче всего и возлежалъ на раменахъ сильнаго исполина; воскраіе же его поддерживаемо было Истиною. Огромной величины змія, изъ свѣтлой стали искованная облежала вокругъ сѣдалища при его подножіи, и конецъ хвоста въ зевѣ держаща, изображала вѣчность.

Но не одни бездыханныя изображенія возвѣщали власть мою и величество. Съ робкимъ подобострастіемъ и взоры мои ловящи стояли вокругъ престола моего государственные чины. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ онаго толпилось безчисленное множество народа, коего разныя одежды, черты лица, осанка, видъ и станъ возвѣщали различіе ихъ племени; трепетное ихъ молчаніе увѣряло меня, что они всѣ волѣ моей подвластны. По сторонамъ на нѣсколько возвышенномъ мѣстѣ стояли женщины въ великомъ множествѣ въ прелестнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ одеждахъ. Взоры ихъ выражали удовольствіе смотрѣть на меня, и желанія ихъ стремились на предупрежденіе моихъ, естьлибъ они возродились. Глубочайшее молчаніе царствовало въ семъ собраніи; казалось, что всѣ были въ ожиданіи важнаго какого происшествія, отъ коего зависѣло спокойствіе и блаженство всего общества. Обращенный самъ въ себя чувствуя глубоковкоренившуюся въ душѣ моей скуку, происходящую отъ скоро насыщающаго единообразія, я отдалъ долгъ естеству и разинувъ ротъ до ушей, зѣвнулъ во всю мочь. Всѣ вняли чувствованію души моей; смятеніе распростерло внезапу мрачный покровъ свой по чертамъ веселія; улыбка улетѣла съ устъ нѣжности и блескъ радованія съ ланить удовольствія. Искаженные взгляды и озираніе являли нечаянное нашествіе ужаса и предстоящей бѣды.

Слышны были вздохи, предтечи скорьби, и уже начинало раздаваться задерживаемое страхомъ стенаніе. Уже скорыми стопами шествовало отчаяніе и смертныя содраганія, самой кончины мучительньѣе. Тронутый до внутренности сердца толико печальнымъ зрѣлищемъ, лапитныя мышцы нечувствительно стянулись къ ушамъ моимъ и растягивая губы, произвели въ чертахъ лица кривленіе, улыбкѣ подобное, за коимъ я чхнулъ весьма громко. Подобно какъ въ мрачную атмосферу, густымъ туманомъ отягченную, проникаетъ полуденный лучь солнца, летитъ отъ жизненнаго его жара сгущенная парами влага и раздѣленная въ составѣ своемъ частію улегчась, возносится стремительно въ пепзмѣримое пространство эфира, и частію удержавъ въ себѣ одну только тяжесть земныхъ частицъ, падаетъ низу стремительно; мракъ, царствовавшій повсюду въ небытіи свѣтозарнаго шара, исчезаетъ вдругъ весь, и сложивъ поспѣшно непроницаемый покровъ свой улѣтаетъ на крылахъ мгновенности, не оставляя по себѣ ниже знака своего присутствія: такъ при улыбкѣ моей разсѣялся видъ печали, поселившейся на лицахъ всего собранія; радость проникла быстротечно всѣ сердца, и не осталось нигдѣ и вида неудовольствія. Всѣ начали восклицать: да здравствуетъ великій нашъ Государь! да здравствуетъ навѣки! Подобно тихому полуденному вѣтру, помавающему листія древесъ и производящему въ дубровѣ любострастное шумленіе, раздавалось во всемъ собраніи радостное шептаніе. Иной говорилъ въ полголоса: онъ усмирилъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, разширилъ предѣлы отечества, покорилъ своей державѣ тысячи разныхъ народовъ. Другой восклицалъ: онъ обогатилъ государство, распространилъ внутреннюю и внѣшнюю торговлю; онъ любитъ науки и художества и поощряетъ земледѣліе и рукодѣлія. Женщины вѣщали

съ нѣжностью: онъ не далъ погибнуть тысячамъ полезныхъ гражданъ, избавя ихъ отъ гибельныя кончины. Иной съ важнымъ видомъ возглашалъ: онъ умножилъ государственные законы, облегчилъ народъ отъ податей и доставилъ ему надежное пропитаніе. Юношество, съ восторгомъ простирая руки на небо, говорило: онъ милосердъ, правдивъ; законъ его для всѣхъ равенъ; онъ почитаетъ себя первымъ его слушателемъ; онъ мудрый законодатель, правдивый судья, ревностный исполнитель долгу сана своего; онъ паче всѣхъ Царей великъ; онъ даруетъ всѣмъ свободу.

Таковыя рѣчи, ударяя въ тимпанъ моего слуха, громко раздавались въ душѣ моей. Похвалы сіи изображались въ разумѣ моемъ истинными; ибо сопутствуемы были наружными чертами искренности. Пріемля ихъ таковыми, душа моя возвышалась надъ обыкновеннымъ кругомъ зрѣнія, разширялась въ существѣ своемъ и объемля все, касалась степеней божественной премудрости; но ничто не равнялось удовольствію самоодобрѣнія при раздаваніи моихъ приказаній. Первому военачальнику повелѣвалъ я итти завоевать землю, цѣлымъ небеснымъ поясомъ отъ меня отдаленную. Государь! отвѣтствовалъ онъ мнѣ: Единая имени твоего слава побѣдить народы, оную землю населяющіе. Страхъ предшествовать будетъ оружію твоему, и я возвращусь, принося дань Царей сильныхъ.— Учредителю плаванія рекъ я: да разсѣются корабли мои по всѣмъ морямъ, да узрятъ ихъ невѣдомые народы, да извѣстенъ будетъ флагъ мой на Сѣверѣ, Востокѣ, Югѣ и Западѣ!—Исполню, Государь! и полетѣлъ на исполненіе, ако вѣтръ, опредѣленный надувать вѣтрила корабельныя.— Возвѣсти до дальнѣйшихъ предѣловъ моея области, рекъ

я хранителю законовъ: се день рожденія моего; да-ознаменуется онъ въ лѣтописяхъ навѣки повсемѣстнымъ отпущеніемъ; да отверзутся темницы, да изыдутъ преступники и да возвратятся въ домы своя, яко заблудшіе отъ истиннаго пути.—Милосердіе твое, Государь! есть образъ всещедраго Существа. Какъ сладко возвѣстить радость скорбящимъ отцамъ по чадехъ ихъ, супругамъ по супругахъ ихъ.—Да воздвигнутся, рекъ я первому зодчію, великолѣпнѣйшія зданія для убѣжища Музъ, да украсятся они разновидными природѣ подражаніями и да будутъ нерушимы, яко небесныя жительницы, для коихъ уготовляются.—О премудрый! отвѣчалъ онъ мнѣ: едва велѣнію гласа твоего повиновались стихіи и совокупя силы свои, учреждали въ пустыняхъ и дебряхъ обширные грады, превосходящіе великолѣпіемъ славнѣйшіе въ древности, колико маловаженъ будетъ трудъ сей для ревностныхъ исполнителей велѣній Твоихъ! Ты рекъ—и грубыя строеній припасы внемлютъ уже гласу твоему!—Да отверзется нынѣ, рекъ я, рука щедроты, да изліются на немогущихъ остатки избытка, да возвратятся непужныя сокровища къ ихъ источнику! — О всещедрый владыко, Всевышнимъ намъ дарованный! Отецъ чадъ своихъ! обогатитель нищаго! да будетъ воля твоя. При всякомъ моемъ изрѣченіи всѣ предстоящіе восклицали радостно, и плесканіе рукъ не токмо сопровождало слова мои, но даже предупреждало мысль. Единая изъ всего собранія жена, облекшаяся твердо о столбъ, испускала вздохи скорби и изъявляла видъ презрѣнія и негодованія. Черты лица ея были суровы и платье простое. Глава покрыта была шляпою, когда всѣ другіе стояли съ обнаженными главами.—Кто сія? вопрошалъ я стоящаго близъ меня.—Сія есть странница, намъ непзвѣстная; именуетъ себя Пря-

мовзорой и глазнымъ врачемъ; но есть опаснѣйшій волхвъ, носящій ядъ и отраву; радуется скорби и сокрушенію; всегда нахмуренна; всѣхъ презираетъ и поноситъ; даже не щадитъ въ руганіи своемъ священныя главы твоея.— Почтожъ злодѣйка сія терпима въ моей области? Но о ней завтра. Сей день есть день милостей и веселія. Пріидите, сотрудники мои въ ношеніи тяжкаго бремени правленія! пріимите достойное за труды и подвиги ваши воздаяніе. Тогда возставъ отъ мѣста моего, возгласилъ я различные знаки почестей на предстоящихъ; не были забыты и отсутствующіе; но тѣ, кои съ пріятнымъ видомъ шли во срѣтеніе словамъ моимъ, имѣли большую въ благодѣяніяхъ моихъ долю.

По семъ продолжалъ я мое слово: пойдемъ столпы моея державы, опора моей власти! пойдемъ усладиться по трудѣ. Достойно да вкуситъ трудившійся плода трудовъ своихъ. Достойно Царю вкусити веселія; онъ изливаетъ многочисленныя всѣмъ. Покажи намъ путь къ уготованному тобою празднеству, рекъ я учредителю веселій: мы тебѣ послѣдуемъ. — Постой, вѣщала мнѣ странница отъ своего мѣста, постой и подойди ко мнѣ. Я врачь, присланный къ тебѣ и тебѣ подобнымъ, да очищу зрѣніе твое. Какія бѣльма! сказала она съ восклицаніемъ.—Нѣкая невидимая сила нудила меня идти къ ней, хотя всѣ меня окружавшіе препятствовали мнѣ въ томъ, дѣлая даже насиліе.

На обоихъ глазахъ бѣльма, продолжала странница; а ты такъ рѣшительно судилъ о всѣхъ. Потомъ коснулась обоихъ глазъ моихъ и сняла съ нихъ толстую плену, подобную роговому раствору. Ты видишь, сказала она мнѣ, что ты былъ слѣпъ совершенно. Я есмь истина. Всевышній, подвигнутый на жалость стенаніемъ подвласт-

наго тебѣ народа, ниспослалъ меня съ небесныхъ круговъ, да отжену темноту, препятствующую проницанію взора твоего. Всѣ вещи представятся теперь взорамъ твоимъ въ естественномъ ихъ видѣ. Ты проникнешь во внутренность сердецъ. Не утаится отъ тебя змія, кроющаяся въ душевныхъ излучинахъ. Ты познаешь вѣрныхъ своихъ подданныхъ, которые вдали отъ тебя любятъ не тебя, но отечество; которые готовы всегда поразить тебя, естьли оно станетъ мстить порабощеніе человѣка, но они не возмутятъ никогда гражданскаго покоя безвременно и безъ пользы. Призови ихъ себѣ въ друзей; изжени сію гордую черпь, тебѣ предстоящую и прикрывшую срамоту души своей позлащенными одеждами. Они-то истинные твои злодѣи, затмѣвающіе очи твои и воспрещавшіе мнѣ входъ въ твои чертоги. Единъ разъ являюсь я Царямъ во все время ихъ царствованія, да познаютъ меня въ истинномъ моемъ видѣ; но я никогда не оставляю жилища смертныхъ. Пребываніе мое не есть въ чертогахъ царскихъ. Стража, осѣвшая ихъ вокругъ и буящая денноночно, воспрещаетъ мнѣ стогласно входъ въ оные. Естьли проникну когда сію ополченную толпу, то окружающіе тебя поднявъ бичь гоненія, тщатся изгнать меня изъ обиталища твоего. Бди убо, да паки не удалюсь отъ тебя. Тогда ласкательныя словеса, издыхающія ядовитые пары, возродятъ паки бельма твои, и кора, свѣтомъ непроницаемая, покроетъ очи твои. Тогда ослѣпленіе твое будетъ сугубо; едва на одинъ шагъ взоры твои досягать будутъ. Все будетъ являться тебѣ въ веселомъ видѣ. Уши твои не возмутятся стѣнаніемъ, но усладятся ежечасно сладкопѣніемъ. Жертвенныя куренія обыдутъ отверстую на лесть душу. Осязаніе твое встрѣтитъ всегда сладкость. Никогда благотворная шероховатость не раздереть осяза-

тельныхъ нервъ твоихъ. Вострепещи теперь о таковомъ состояніи. Туча вознесется надъ главой твоей и стрѣлы карающаго грома уготовятся на пораженіе твое. Но я вѣщаю тебѣ, что еще поживу въ предѣлахъ твоего обладанія. Егда восхощешь меня видѣти; егда осажденная кознями ласкательства душа твоя взалкаетъ моего взора: воззови меня изъ оддаленности; гдѣ слышанъ будетъ твердый гласъ мой, тамъ меня и обращешь. Не убойся николи гласа моего. Естьли изъ среды народныя возникнетъ мужъ, порицающій дѣла твои, вѣдай, что той есть другъ твой искренній, чуждый надежды мзды, чуждый рабскаго трепета; онъ твердымъ голосомъ возвѣститъ тебѣ о мнѣ. Блюдись и не дерзай его казнить, яко общаго возмутителя. Призови его, угости его яко странника: ибо всякъ, порицающій Царя въ самовластіи, есть странникъ земли, гдѣ все предъ нимъ трепещетъ. Угости его, вѣщаю, почти его, да возвратившись, возможетъ глаголати паче и паче нельстиво. Но таковыя твердыя сердца рѣдки; едва единъ въ цѣломъ столѣтіи явится на свѣтскомъ ристалище. А дабы бдительность твоя не усыплялась нѣгою власти, се дарую тебѣ кольцо, да возвѣститъ оно твою неправду, когда дерзать на нее будешь. Ибо вѣдай, что ты можешь быть первѣйшій въ обществѣ убійца, первѣйшій разбойникъ, первѣйшій предатель, первйшій нарушитель общественной тишины, лютѣйшій врагъ устремляющій злость свою на слабаго. Ты будешь виною, естьли мать восплачетъ о сынѣ своемъ, убіенномъ на ратномъ полѣ, и жена о мужѣ своемъ; ибо опасность плѣна едва оправдать можетъ убійство, называемое войною. Ты будешь виною, естьли запустѣетъ нива; естьли птенцы земледѣлателя у засохшаго безъ здравой пищи сосца матерня лишатся жизни.—Но обрати теперь взоры свои на себя

и на предстоящихъ тебѣ; воззри на исполненіе твоихъ велѣній; и естьли душа твоя при семъ зрѣлище не содрогнется отъ ужаса, то отъиду отъ тебя, и чертогъ твой загладится навсегда въ памяти моей.

Лице изрекшія странницы казалось веселымъ и сіяло невещественнымъ блескомъ. Возрѣніе на нее вливало въ душу мою радость. Уже она не волновалась тщеславіемъ и надутымъ высокомѣріемъ. Тишина царствовала въ ней. Волненія любочестія и обуреванія властолюбія не касались ее. Блистающія одежды мои казались замараны кровію и омочены слезами. На перстахъ моихъ видѣлись остатки мозга человѣческаго. Ноги мои находились въ тинѣ. Стоящіе вокругъ меня являлись еще того скареднѣе. Вся внутренность ихъ казалась черною и сгараемою тусклымъ огнемъ ненасытности. Они метали на меня и другъ на друга изкаженные взоры, въ конхъ видны были хищность, зависть, коварство и ненависть. — Военачальникъ мой, посланный на завоеванія, утопалъ въ роскоши и веселіи. Въ войскахъ не было подчиненности; войны мои почитались хуже скота. Не радѣли ни о ихъ здравіи, ни о прокормленіи; жизнь ихъ ни вочто вмѣнялась. Они лишались установленной платы, которая употреблялась на ненужное имъ украшеніе. Большая половина новыхъ воиновъ умирала отъ небреженія Начальниковъ или отъ ненужной и безвременной строгости. Казна, опредѣленная на содержаніе всего ополченія, была въ рукахъ у учредителя веселостей. Знаки военнаго достоинства доставались не храбрости, но подлому раболѣпію. Я зрѣлъ предъ собой одного знаменитаго по словамъ Начальника, коего почтилъ я отличными знаками моего благоволенія; я зрѣлъ нынѣ ясно, что все его отличное достоинство состояло въ томъ только, что онъ пособіемъ своему Начальнику въ насыщеніи сладострастія, и не имѣлъ даже случая оказать свое

мужество, ибо и вдали не видалъ непріятеля. Отъ такихъ -то войскъ ожидалъ я себѣ новыхъ вѣнцовъ. Я отвратилъ взоры отъ тысячи бѣдствъ, представившихся очамъ моимъ.

Корабли мои назначенные да прейдутъ дальнѣйшія моря, видѣлъ я плавающими при устьѣ пристанища. Начальникъ, полетѣвшій на крилахъ вѣтра для исполненія моихъ велѣній, простерши на мягкой постели члены свои, упоялся нѣгою и любовію въ объятіяхъ наемной возбудительницы его сладострастія. На изготовленномъ велѣніемъ его чертежѣ въ мечтаніи совершеннаго плаванія видны уже были во всѣхъ частяхъ міра новые острова, изобилующіе свойственными климату ихъ плодами. Обширныя земли и многочисленные народы изражались изъ кисти новыхъ ихъ путешествователей. Уже начерталось при блескѣ ночныхъ свѣтильниковъ цвѣтущимъ и великолѣпнымъ слогомъ величественное описаніе сего путешествія и сдѣланныхъ пріобрѣтеній. Уже уготовлялись златыя деки на одежду столь важнаго сочиненія. — О Кукъ! почто провелъ ты жизнь свою въ трудахъ и лишеніяхъ? Почто скончалъ ее плачевнымъ образомъ? Естьли бы возсѣлъ на сіи корабли; то въ веселіи начавъ путешествіе, и въ веселіи его окончивъ, столь же много сдѣлалъ бы открытій, сидя на одномъ мѣстѣ (и въ моемъ государствѣ) и столь же прославился бы: ибо ты почтенъ бы былъ твоимъ Государемъ.

Подвигъ мой, коимъ въ ослѣпленіи душа моя наиболѣе гордилась, отпущеніе казни и прощеніе преступниковъ едва видны были въ обширности гражданскихъ дѣяній. Велѣніе мое или было совсѣмъ нарушено, обращаясь не въ ту сторону, или не имѣло желаемаго дѣйствія отъ превратнаго толкованія и медлительнаго исполненія. Милосердіе мое сдѣлалось торговлею, и кто давалъ больше, тому стучалъ молотъ жало-

сти и великодушія. Вмѣсто того, чтобъ чрезъ отпущеніе вины прослыть въ народѣ милосердымъ, прослылъ я обманщикомъ, ханжею и пагубнымъ комедіантомъ. Удержи свое милосердіе, вѣщали тысячи голосовъ, не возвѣщай намъ его великолѣпнымъ словомъ, естьли не хочешь его исполнить. Не соединяй съ обидой насмѣшки и тяжести ея ощущенія. Мы спали и были покойны ; ты возмутилъ нашъ сонъ ; мы не желали бдѣть : ибо не надъ чѣмъ. — Въ созиданіи городовъ видѣлъ я одно расточеніе государственной казны, омытой нерѣдко кровію и слезами моихъ подданныхъ. Въ воздвиженіи великолѣпныхъ зданій присовокуплялось часто къ расточенію непонятіе объ истинномъ искуствѣ. Во внутреннемъ и внѣшнемъ ихъ расположеніи не было ни малѣйшаго вкуса. Виды оныхъ принадлежали вѣку Готѳовъ и Вандаловъ. — Въ жилищѣ Музъ не зрѣлъ я благотворно ліющихся струй Касталіи и Ипокрены ; пресмыкающееся искуство едва дерзало возводить взоры свои выше очерченой обычаемъ округи. Зодчіе, согбенные надъ чертежемъ зданія, помышляли не о красотѣ онаго, но какъ бы пріобрѣсть себѣ его стяжаніе. Я возгнушался пышнаго своего тщеславія и отвратилъ очи мои. — Но паче всего уязвило душу мою изліяніе щедротъ моихъ. Я мнилъ въ ослѣпленіи моемъ, что общественная казна, ненужная на государственныя надобности, не можетъ лучше употребиться, какъ на вспоможеніе нищему, на одѣяніе нагаго, на прокормленіе алчущаго, или на поддержаніе погибающаго отъ нещастій, или на мзду нерадящему о стяжаніи достоинствъ и заслугъ. Но сколь прискорбно было видѣть, что щедроты мои изливались на богача, на льстеца, на вѣроломнаго друга, на тайнаго убійцу, на предателя и нарушителя общественной довѣренности, на уловившаго мое пристрастіе, на снисходящаго моимъ слабостямъ, на жену, кичащуюся своимъ безстыд-

ствомъ. Едва досязали слабые источники моей щедроты застѣнчиваго достоинства и стыдливой заслуги. — Слезы пролились изъ очей моихъ и сокрыли отъ меня толь бѣдственныя картины безразсудной моей щедрости. Теперь видѣлъ я ясно, что знаки почестей, мною раздаваемые, доставались всегда недостойнымъ. Неопытное достоинство, пораженное первымъ блескомъ сихъ мнимыхъ блаженствъ, вступало въ единый путь съ ласкательствомъ и подлостью духа на снисканіе почестей, вожделѣнной смертныхъ мечты; но влача косвенно стопы свои всегда на первыхъ степеняхъ изнѣмогало и осуждаемо было довольствоваться собственнымъ своимъ одобреніемъ, во увѣреніи, что почести мірскія суть пепелъ и дымъ. Видя во всемъ толикую превратность, отъ слабости моей и коварства Министровъ проистекшую; видя, что нѣжность моя обращалась на жену, пищущую въ любви моей удовлетворенія своего только тщеславія и устрояющую на услажденіе мое только внѣшность свою, между тѣмъ какъ сердце ея ощущало ко мнѣ отвращеніе: воскипѣлъ я яростію гнѣва. Недостойные преступники, злодѣи! вѣщайте, почто во зло употребили довѣренность господа вашего? Предстаньте нынѣ предъ судію вашего. — Вострепещите въ окамѣнелости злодѣянія вашего. Чѣмъ можете оправдать дѣла свои? Что скажете въ извиненіе свое? Се онъ, его же призову изъ хижины уничиженія. Пріиди, вѣщалъ я старцу, коего зрѣлъ въ краю обширной моей области кроющагося въ обросшей мхомъ хижинѣ: пріиди облегчить мое бремя; пріиди и возврати покой томящемуся сердцу и встревоженному уму. — Изрекши сіе, обратилъ я взоръ на свое усыпленіе, позналъ обширность моего долга, позналъ, откуда проистекаютъ мои права и власть; вострепеталъ въ сердцѣ своемъ и убоялся служенія моего. Кровь моя пришла въ сильное волненіе, и я пробудился.... Еще не опомнившись, схватилъ

себя за палецъ, но терноваго кольца на немъ не было. О естьли бъ оно пребывало хотя на мизинцѣ Царей! —

Властитель міра! естьли, читая сонъ мой, ты улыбнешься съ насмѣшкою или нахмуришь чело: вѣдай, что видѣнная мною странница отлетѣла отъ тебя далеко и гнушается твоихъ чертоговъ.

ПОДБЕРЕЗЬЕ.

На силу могъ я очнуться отъ богатырскаго сна, въ которомъ столько сгрѣзилъ.... Голова моя была тяжелѣе свинцовой, хуже, нежели бываетъ съ похмѣлья у пьяницъ, которые по недѣлѣ пьютъ запоемъ. Я былъ не въ состояніи продолжать пути и трястись на деревянныхъ дорогахъ (пружинъ у кибитки моей не было). Я вынялъ домашній лѣчебникъ и искалъ, нѣтъ ли въ немъ рецепта отъ головной дурноты, происходящей отъ бреду во снѣ и на яву. Лѣкарство со мной хотя всегда ѣздило въ запасѣ; но по пословицѣ: на всякаго мудреца довольно простоты — не предостерегъ я себя противъ бреду, и отъ того голова моя, пріѣхавъ на почтовый станъ, была хуже болвана.

Вспомнилъ я, что нѣкогда блаженной памяти нянюшка моя Клементьевна, по имени Парасковья, нареченная пятница, охотница была до кофею и говаривала, что помогаетъ онъ отъ головной боли. Какъ чашекъ пять выпью, говорила она, такъ и свѣтъ вижу; а безъ того умерла бы она въ три дня. Я взялся за нянюшкино лѣкарство; но не привыкнувъ пить вдругъ по пяти чашекъ, поподчивалъ излишне

для меня сваренымъ молодаго человѣка, которой сидѣлъ на одной со мной лавкѣ, но въ другомъ углу у окна: — благодарю покорно, сказалъ онъ, взявши чашку съ кофіемъ. — Привѣтливый видъ, неробкій взглядъ, вѣжливая осанка, казалось, некстати были къ длинному полукафтанью и къ примазаннымъ квасомъ волосамъ. — Извини меня, читатель, въ моемъ заключеніи: я родился и выросъ въ столицѣ, и естьли кто не кудрявъ и не напудренъ, того я за ничто почитаю. Естьли и ты, деревенщина, волосъ не пудришь, то не осуди, естьли я на тебя не взгляну и пройду мимо.

Слово за слово, я съ новымъ моимъ знакомцемъ поладилъ. Узналъ, что онъ былъ изъ Новгородской Семинаріи и шелъ пѣшкомъ въ Петербургъ повидаться съ дядею, которой былъ секретаремъ въ губернскомъ штатѣ. Но главное его намѣреніе было сыскать случай для пріобрѣтенія науки. Какъ великъ у насъ еще недостатокъ въ пособіяхъ просвѣщенія, говорилъ онъ мнѣ: одно знаніе латинскаго языка не можетъ удовлетворить разума, алчущаго науки. Виргилія, Горація, Тита Ливія, даже Тацита знаю я почти наизустъ; но когда сравню знанія семинаристовъ съ тѣмъ, что имѣлъ я случай по щастію узнать; то почитаю училище сіе принадлежащимъ къ прошедшимъ столѣтіямъ. Всѣ классическіе авторы намъ извѣстны; мы лучше знаемъ критическія объясненія текстовъ, нежели то, что дѣлаетъ ихъ доднесь пріятными, что вѣчность для нихъ уготовала. Насъ учатъ философіи; мы проходимъ логику, метафизику, физику и богословіе; но по словамъ Кутейкина въ недорослѣ, дойдемъ до конца философскаго ученія и возвратимся вспять. Чему дивиться? Аристотель и схоластика донынѣ царствуютъ въ семинаріяхъ. Я нощастію познакомился съ однимъ изъ губернскихъ членовъ въ Новѣгородѣ, имѣлъ случай пріобрѣсть у него

въ домѣ малое знаніе во францускомъ и нѣмецкомъ языкахъ и пользовался его книгами. Какая розница въ просвѣщеніи временъ, когда одинъ латинскій языкъ былъ въ училищахъ употребителенъ, съ нынѣшнимъ временемъ! Какое пособіе къ ученію, когда науки не суть таинства, для знающихъ токмо латинскій языкъ отверстыя, но преподаются на языкѣ народномъ! Для чего, продолжалъ онъ свою рѣчь, для чего не заведутъ у насъ вышнихъ училищъ, въ которыхъ преподавались бы науки на языкѣ общественномъ, на языкѣ россійскомъ; ученіе было бы всѣмъ внятнѣе, просвѣщеніе доходило бы до всѣхъ поспѣшнѣе и однимъ поколѣніемъ позже вмѣсто одного латинщика нашлось бы 200 человѣкъ просвѣщенныхъ; по крайней мѣрѣ въ каждомъ судѣ былъ бы хотя одинъ членъ понимающій, что есть юриспруденція или законоученіе. Боже мой! продолжалъ онъ съ восклицаніемъ: естьли бы привесть примѣры изъ размышленій и разглагольствій судей нашихъ о дѣлахъ; чтобъ сказали Гроцій, Монтескье, Блекстонъ?—Ты читалъ Блекстона?—Читалъ первыя двѣ части, на россійскій языкъ переведенныя. Не худо бы было заставлять судей нашихъ имѣть сію книгу вмѣсто святцовъ и принуждать ихъ чаще въ нее заглядывать, нежели въ календарь. Какъ не потужить, повторилъ онъ, что нѣтъ у насъ училищъ, гдѣ бы преподавались науки на языкѣ народномъ.

Вошедшій почталіонъ помѣшалъ продолженію нашей бесѣды. Я успѣлъ семинаристу сказать, что скоро желаніе его исполниться; что есть уже повелѣніе объ учрежденіи новыхъ университетовъ, гдѣ науки преподаваться будутъ по его желанію. Пора, государь мой, пора.....

Между тѣмъ какъ платилъ я почталіону прогонные деньги, семинаристъ вышелъ вонъ и выходя, выронилъ

небольшій свертокъ бумаги. Я поднялъ упадшее и не отдалъ ему. Не обличи меня, любезный читатель, въ воровствѣ моемъ; съ такимъ условіемъ я и тебѣ сообщу, что подтибрилъ; когдажъ прочтешь, то знаю, что кражи моей наружу не выведешь: ибо не тотъ одинъ воръ, кто кралъ, но и тотъ кто принималъ; такъ писано въ законѣ рускомъ. Признаюсь, я на руку не чистъ; гдѣ что немного похожее на разсудительное увижу, то тотчасъ стяну. Смотри, не клади мыслей плохо..... Читай, что мой семинаристъ говоритъ:

"Кто нравственный міръ уподобилъ колесу, тотъ сказавъ великую истинну, не иное что можетъ быть сдѣлалъ, какъ взглянулъ на круглый образъ земли и другихъ великихъ въ пространствѣ носящихъ тѣлъ и изрекъ только то, что зрѣлъ. Поступая въ познаніи естества, смертные откроютъ можетъ быть тайную связь духовныхъ или нравственныхъ вещей съ вещами тѣлесными или естественными; что причина всѣхъ перемѣнъ, превратностей нравственнаго или духовнаго міра зависитъ можетъ быть отъ круглообразнаго вида нашего обиталища и другихъ къ солнечной системѣ принадлежащихъ тѣлъ, равно какъ и оно круглообразныхъ и коловращающихся..." На Мартиниста похоже, на ученика Шведенборга. Нѣтъ, мой другъ, я пью и ѣмъ не для того только, чтобъ быть живу; но для того, что нахожу въ томъ немалое услажденіе чувствъ, и покаюсь тебѣ, какъ отцу духовному, что лучше просижу ночь съ пригоженькою дѣвочкою и упоенный сладострастіемъ, усну въ ея объятіяхъ, нежели, зарывшись въ еврейскія буквы, арабскія цыфры или египетскіе гіероглифы, потщусь отдѣлить духъ мой отъ тѣла и рыскать въ пространныхъ поляхъ бредоумствованій, подобно древнимъ и новымъ духовнымъ витязамъ. Когда

умру будетъ времени довольно на неосязательность и душенька моя набродится досыта.

Оглянись назадъ, кажется, еще время-то за плечами близко, въ которое царствовало суевѣріе и весь его причетъ: невѣжество, рабство, инквизиція и многое кое-что. Давно ли то было, какъ Вольтеръ кричалъ противъ суевѣрія до безголосицы; давно-ли Фридрихъ былъ неутомимый его врагъ не токмо словомъ своимъ и дѣяніями, но что для него страшнѣе, державнымъ своимъ примѣромъ. Но въ мірѣ семъ все приходитъ на прежнее, ибо все въ разрушеніи имѣетъ свое начало. Животное, прозябаемое, родится, ростетъ, дабы произвесть себѣ подобныхъ, потомъ умереть и уступить имъ свое мѣсто. Бродящіе народы собираются въ грады, основываютъ царства, мужаютъ, славятся, слабѣютъ, изнемогаютъ, разрушаются. Не видно мѣста пребыванія ихъ, даже и тѣни ихъ погибаютъ. Христіанское общество было вначалѣ смиренно, кротко, скрывалось въ пустыняхъ и вертепахъ; потомъ усилилось, вознесло главу, уклонилось своего пути, вдалось суевѣрію, шло въ изступленіи стезею, народамъ обыкновенною, воздвигло начальника, разширило его власть—и Папа сталъ всесильный изъ Царей. Лютеръ началъ преобразованіе, воздвигъ расколъ, изъялся изъ-подъ власти его и много имѣлъ послѣдователей. Зданіе предубѣжденія о папской власти стало рушиться, стало исчезать и суевѣріе,—истина нашла любителей, попрала огромный оплотъ предразсужденій, но не долго пребывала въ сей стезѣ. Вольность мыслей вдалась необузданности; не было ничего святаго; на все посягали. Дошедъ до границъ возможности легкомыслія, возвратились вспять. Сія перемѣна въ образѣ мыслей предстоитъ нашему времени. Не дошли еще до послѣднихъ предѣловъ безпрепятственнаго вольномыслія; но многіе начинаютъ уже обращаться къ

суевѣрію. Открой новѣйшія таинственныя творенія, возмнишь быти во времена схоластики и словопрѣнія, когда разумъ человѣческій заботился объ изреченіяхъ, не мысля о томъ, былъ-ли въ реченіи смыслъ; когда задачею любомудрія почиталось и на рѣшеніе изслѣдователей истины отдавали вопросъ, сколько на игольномъ остреѣ можетъ умѣститься душъ.

Естьли потомкамъ нашимъ предлежитъ заблужденіе; естьли, оставя естественность, гоняться будутъ за мечтаніями: то весьма полезной былъ бы трудъ писателя, показавшаго намъ изъ прежнихъ дѣяній ходъ разума человѣческаго, когда, сотрясши мглу предразсужденій, началъ онъ искать истину до выспренности ея, и когда, утомленный, такъ сказать, своимъ бодрствованіемъ, сталъ терять паки свои силы, томиться и погружаться въ туманы предразсудковъ и суевѣрія. Трудъ сего писателя не будетъ безполезенъ; ибо открывая ходъ мыслей нашихъ къ истинѣ и заблужденію, устранитъ хотя нѣкоторыхъ отъ пагубной стези и остановитъ полетъ невѣжества. Блаженъ писатель, просвѣтившій твореніемъ своимъ хотя единаго! Блаженъ посѣявшій хотя въ единомъ сердцѣ добродѣтель!

Мы можемъ назваться щастливыми: ибо не будемъ свидѣтелями крайнаго посрамленія разумныя твари. Ближніе наши потомки могутъ быть еще насъ щастливѣе. Но пары, въ грязи омерзѣнія почившія, подымаются уже и опредѣляются объять кругъ зрѣнія. Блаженны, естьли не узримъ новаго Магомета. Часть заблужденія еще отдалится. Внемли, когда въ умствованіяхъ и сужденіяхъ о нравственныхъ и духовныхъ вещахъ начинается ферментація и мужъ твердый и предпріимчивый востанетъ на истину или на прельщеніе:

тогда послѣдуетъ перемѣна царствъ и перемѣна въ исповѣданіяхъ.

На лѣстницѣ, по которой человѣческій разумъ долженствуетъ нисходить во тьму заблужденій, естьли покажемъ что либо смѣшное и улыбкою сдѣлаемъ добро : блаженны наречемся.

Бродя изъ умствованія въ умствованіе, блюдитеся, о возлюбленный!—да не вступите на путь слѣдующихъ изслѣдованій :

Вѣщаетъ Акиба—восшедъ по стезѣ Равви и Іозуа въ сокровенное мѣсто, позналъ я тройственное : 1. Не на Востокъ и не на Западъ, но на Сѣверъ и Югъ обращаться довлѣетъ ; 2. Не на ногахъ стоящему, но возсѣдая надлежитъ испражняться ; 3. Не десницею, но шуйцею надлежитъ отирать задняя.—На сіе возразилъ Бекъ и Тазасъ: дотолѣ обезстудѣлъ сей чело свое на учителя, да извергающаго присматривалъ.—Онъ отвѣтствовалъ : сіи суть таинства закона, и нужно было, да сотворю сотворенное и ихъ познаю.*

НОВГОРОДЪ.

Гордитесь, тщеславные созидатели градовъ! гордитесь, основатели государствъ! мечтайте, что слава ваша будетъ вѣчна! столпите камень на камени до самыхъ облаковъ ; изсѣкайте изображенія вашихъ подвиговъ и надписи, воз-

* Смотри Белевъ словарь статью Акиба.

вѣщающія дѣла ваши; полагайте твердыя основанія правленія закономъ непремѣннымъ! — Время съ острымъ рядомъ зубовъ смѣется вашему кичению. Гдѣ мудрые Солоновы и Ликурговы законы, утверждавшіе вольность Аѳинъ и Спарты?... Въ книгахъ... А на мѣстѣ ихъ пребыванія пасутся рабы жезломъ самовластія. Гдѣ пышная Троя, гдѣ Карѳагенъ? — Едва ли видно мѣсто, гдѣ гордо они стояли. Курится ли Единому Существу таинственная невидимая жертва въ славныхъ храмахъ древняго Египта? — Великолѣпные оныхъ остатки служатъ убѣжищемъ блѣющему скоту во время полуденнаго зноя. Не радостными слезами благодаренія всевышнему Отцу они орошаются, но наполнены смрадными изверженіями скотскаго тѣла. — О гордость! о надмѣнность человѣческая! воззри на сіе и познай, колико ты ничтожна! —

Въ таковыхъ размышленіяхъ подъѣзжалъ я къ Новгороду, смотря на множество монастырей, вокругъ онаго лежащихъ. Сказываютъ, что всѣ сіи монастыри, даже на 15 верстъ разстояніемъ отъ города находящіеся, заключались въ ономъ; что изъ стѣнъ его могло выходить до 100,000 войска. Извѣстно по лѣтописямъ, что Новгородъ имѣлъ народное правленіе. Хотя у нихъ были Князья, но мало имѣли власти. Вся сила правленія заключалась въ Посадникахъ и Тысяцкихъ. Народъ въ собраніи своемъ на Вечѣ былъ истинный Государь. Новгородская область простиралась на Сѣверѣ даже за Волгу. Сіе вольное государство состояло въ Ганзейскомъ союзѣ. Старинная рѣчь: кто можетъ стать противъ Бога и великаго Новаграда — служитъ можетъ доказательствомъ его могущества. Торговля была причиною его возвышенія. Внутреннія несогласія и хищный сосѣдъ совершили его паденіе.

На мосту вышелъ я изъ кибитки, дабы насладиться зрѣлищемъ теченія Волхова. Не можно было, чтобъ не пришелъ мнѣ на память поступокъ Царя Ивана Васильевича по взятіи Новгорода. Уязвленный сопротивленіемъ сей Республики, сей гордый, звѣрскій, но умный Властитель хотѣлъ раззорить ее до основанія. Мнѣ зрится онъ стоящь съ долбнею на мосту, какъ иные повѣствуютъ, приносяй на жертву ярости своей Старѣйшинъ и Начальниковъ Новгородскихъ. — Но какое имѣлъ онъ право свирѣпствовать противъ нихъ? Какое имѣлъ право присвоить Новгородъ? То ли, что первые великіе Князья Россійскіе жили въ семъ городѣ, или что онъ писался Царемъ всея Россіи? Или что Новгородцы были Славенскаго племени? — Но на что право, когда дѣйствуетъ сила? Можетъ ли оно существовать, когда рѣшеніе запечатлѣется кровію народовъ? Можетъ ли существовать, право, когда нѣтъ силы на приведеніе его въ дѣйствительность? Много было писано о правѣ народномъ; нерѣдко имѣютъ на него ссылку; но законоучители не помышляли, можетъ ли быть между народами судія? Когда возникаютъ между ними вражды; когда ненависть или корысть устрѣмляетъ ихъ другъ на друга: судія ихъ есть мечь; кто палъ мертвъ, тотъ и виноватъ и повинуется непремѣнно сему рѣшенію и апелляціи на оное нѣтъ. — Вотъ почему Новгородъ принадлежитъ Царю Ивану Васильевичу. Вотъ для чего онъ раззорилъ его и дымящіеся его остатки себѣ присвоилъ. Нужда, желаніе безопасности и сохранности созидаютъ царства; несогласіе, ухищреніе и сила разрушаютъ ихъ. — Что же есть право народное? — Народы, говорятъ законоучители, находятся одинъ въ разсужденіи другаго въ такомъ же положеніи, какъ человѣкъ находится въ отношеніи другаго въ естественномъ состояніи. — Вопросъ въ естественномъ состояніи человѣка какія суть его права? —

Отвѣтъ: взгляни на него, нагъ; алчущь, жаждущь, все что, можетъ взять на удовлетвореніе нуждъ своихъ, все присвояетъ. Естьли бы тому препятствовать захотѣли, онъ удалитъ, разрушитъ препятствіе и пріобрѣтетъ желаемое. — Вопросъ: естьли на пути удовлетворенія нуждамъ своимъ обрящетъ онъ подобнаго себѣ: естьли, на примѣръ, двое, чувствуя голодъ, восхотятъ насытиться однимъ кускомъ: кто изъ нихъ больше къ пріобрѣтенію имѣетъ право? — Отвѣтъ: Тотъ, кто кусокъ возметъ. — Вопросъ: ктожъ возметъ кусокъ? — Отвѣтъ: кто сильнѣе. — Неужели сіе есть право естественное? Неужели сіе служитъ основаніемъ праву народному? Примѣры всѣхъ временъ свидѣтельствуютъ, что право безъ силы было всегда въ исполненіи почитаемо пустымъ словомъ. — Вопросъ: что есть право гражданское? — Отвѣтъ: кто ѣдетъ на почтѣ, тотъ пустяками не занимается; а думаетъ, какъ бы лошадей поскорѣе промыслить!! —

Изъ Новгородской лѣтописи:

Новгородцы вели войну съ Великимъ Княземъ Ярославомъ Ярославичемъ и заключили письменное примиреніе.

Новгородцы сочинили письмо для защищенія своей вольности и утвердили оное 58-ю печатьми.

Новгородцы запретили у себя обращеніе чеканной монеты, введенной Татарами въ обращеніе.

Новгородъ въ 1420-мъ году началъ бить свою монету.

Новгородъ состоялъ въ Ганзейскомъ союзѣ.

Въ Новгородѣ былъ колоколъ, по звону котораго собирался народъ на Вечѣ для разсужденія о дѣлахъ общественныхъ.

Царь Иванъ Васильевичь и колоколъ у Новгородцевъ отнялъ.

Потомъ въ 1500,-1600, 1700-мъ, году, году, году, Новгородъ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ. Но не все думать о старинѣ, не все думать о завтряшнемъ днѣ. Если безпрестанно буду глядѣтъ на небо, не смотря на то, что подъ ногами; то скоро споткнусь и упаду въ грязь. Какъ ни тужи, а Новгорода по прежнему не населишь; — что Богъ даетъ впередъ. — Теперь пора ужинать. Пойду къ Карпу Дементьевичу.

—Ба, ба, ба! добро пожаловать! откуда Богъ принесъ? говорилъ мнѣ пріятель мой Карпъ Дементьевичь, прежде сего купецъ третьей гильдіи, а нынѣ имянитый гражданинъ. — По пословицѣ: щастливый къ обѣду—милости просимъ садиться. — Да что за пиръ у тебя? — Благодѣтель мой, я вчера женилъ парня своего. — Благодѣтель твой, подумалъ я, не безъ причины онъ меня такъ величаетъ; я пособилъ ему, какъ и другіе, записаться въ имянитые граждане. Дѣдъ мой будто долженъ былъ по векселю 1000 рублей, — кому—того не знаю — въ 1737-мъ году. Карпъ Дементьевичь въ 1780-мъ вексель гдѣ-то купилъ и приложилъ какой-то къ нему протестъ. Онъ явился ко мнѣ съ искуснымъ стряпчимъ, и въ то время взяли они съ меня милостиво, одни только проценты за 50 лѣтъ, а запятый капиталъ мнѣ весь подарили.—Карпъ Дементьевичь человѣкъ признательный. — Невѣстка! водки нечаянному гостю. — Я водки не пью. — Да хотя прикушай. — Здоровье молодыхъ!—и сѣли ужинать.

По одну сторону меня сѣлъ хозяйской сынъ, а по другую посадилъ Карпъ Дементьевичь свою молодую невѣстку.— Перервемъ, читатель. Дай мнѣ карандашъ и листикъ

бумажки; я въ удовольствіе тебѣ нарисую всю честную компанію и тѣмъ сдѣлаю тебя причастнымъ свадебной пирушкѣ, хотябъ ты на Алеутскихъ островахъ ловилъ бобровъ. Естьли точныхъ не спишу портретовъ, то будь доволенъ ихъ силуетами. Лафатеръ и по нимъ учитъ узнавать, кто уменъ и кто глупъ. Карпъ Дементьевичь— сѣдая борода въ 8 вершковъ отъ нижней губы; носъ кляпомъ, глаза ввалились, брови какъ смола, кланяется объ руку, гладитъ бороду и всѣхъ величаетъ: благодѣтель мой! Аксенья Парѳентьевна, любезная его супруга въ 60 лѣтъ, бѣла какъ снѣгъ и красна какъ маковъ цвѣтъ, губы всегда сжимаетъ кольцомъ; ренскаго не пьетъ; передъ обѣдомъ по чарочкѣ при гостяхъ, да въ чуланѣ стаканчикъ водки. Мужинъ прикащикъ показываетъ хозяину въ щетѣ: по приказанію Аксеньи Парѳентьевны куплено годоваго запасу 3 пуда бѣлилъ Ржевскихъ и 30 фунтовъ румянъ листовыхъ. Мужины прикащики Аксеньины камердинеры.—Алексѣй Карповичь, сосѣдъ мой застольный, ни уса, ни бороды, а носъ уже багровый; бровями маргаетъ, въ кружокъ остриженъ, кланяется гусемъ, отряхая голову и поправляя волосы. Въ Петербургѣ былъ сидѣльцомъ; когда на аршинъ мѣряетъ, то на вершокъ спускаетъ; за то его отецъ любитъ какъ самъ себя; на 15 году матери далъ оплеуху..... Парасковья, Денисовна, новобрачная его супруга, бѣла и румяна, зубы какъ уголь, брови въ нитку чернѣе сажи. Въ компаніи сидитъ потупя глаза; но въ весь день отъ окошка не отходитъ и пялитъ глаза на всякаго мущину; подъ вечерокъ стоитъ у калитки, глазъ одинъ подбитъ: подарокъ ея любезнаго муженька для перваго дня; у кого догадка есть, тотъ знаетъ за что. Но любезный читатель! ты уже зѣваешь; полно видно мнѣ снимать силуеты. Твоя правда; другова не будетъ, какъ носъ да носъ, губы да губы. Я и того

не понимаю, какъ распознаешь ты на силуетѣ бѣлилы и румяна.

—Карпъ Дементьевичь, чѣмъ ты нынѣ торгуешь? Въ Петербургъ не ѣздишь, льну не привозишь; ни сахару, ни кофе, ни красокъ не покупаешь. Мнѣ кажется, что торгъ твой былъ тебѣ не въ убытокъ.—Отъ него-то было я и раззарился. Но напилу Богъ спасъ. Получивъ однимъ годомъ изрядный барышекъ, построилъ женѣ здѣсь домъ. На слѣдующій годъ былъ льну неурожай, и я не могъ поставить, что законтрактовалъ. Вотъ отъ чего я пересталъ торговать. —Помню, Карпъ Дементьевичь, что за 30,000 рублей, забранныхъ впередъ, прислалъ ты должнику до 1,000 пудъ льну на раздѣлъ.—Ей, ей, больше не можно было; повѣрь моей совѣсти.—Конечно и на заморскіе товары былъ въ тотъ годъ неурожай; ты забралъ тысячь на двадцать.—Да, помню, на нихъ пришла головная боль; подлинно, благодѣтель, у меня голова такъ болѣла, что чуть не треснула. Да чѣмъ могутъ заимодавцы мои на меня пожаловаться? Я отдалъ имъ все мое имѣніе.—По 3 копѣйки на рубль.— Никакъ нѣтъ-ста, по 15 к.—А женинъ домъ?—Какъ мнѣ до него коснуться; онъ не мой.—Скажижъ, чѣмъ ты торгуешь?—Ничѣмъ, ей ничѣмъ; съ тѣхъ поръ какъ пришелъ я въ несостояніе, парень мой торгуетъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ, слава Богу, поставилъ льну на 20,000; на будущее конечно законтрактуетъ на 50,000, возметъ половину денегъ впередъ и молодой женѣ построитъ домъ.—Алексѣй Карповичь только что улыбается.—Старинный шутникъ, благодѣтель мой, полно молоть пустяки, возмемся за дѣло.—Я не пью, ты знаешь.—Да хоть прикушай.

Прикушай, прикушай... Я почувствовалъ, что щеки у меня начали рдѣть, и подъ конецъ пира я бы какъ и другіе напился пьянъ. Но по щастію, вѣкъ за столомъ сидѣть не

льзя, такъ какъ не возможно быть всегда умнымъ. И по тойже самой причинѣ, по которой иногда дурачусь и брежу, на свадебномъ пиру былъ я трезвъ.

Вышедъ отъ пріятеля моего Карпа Дементьевича, впалъ я въ размышленіе. Введенное повсюду вексельное право, то есть, строгое и скорое по торговымъ обязательствамъ взысканіе, почиталъ я доселѣ охраняющимъ довѣріе законоположеніемъ, почиталъ щастливымъ новыхъ временъ изобрѣтеніемъ для усугубленія быстраго въ торговлѣ обращенія; чего древнимъ народамъ на умъ не приходило. Но отъ чего же, буде нѣтъ честности въ дающемъ вексельное обязатетьство, отъ чего оно тщетная только бумажка? Естьли бы строгаго по векселямъ взысканія несуществовало, уже-ли бы торговля исчезла? Не заимодавецъ ли долженъ знать, кому онъ довѣряетъ? О комъ законоположеніе болѣе пещись долженствуетъ, о заимодавцѣ ли или о должникѣ? Кто болѣе въ глазахъ человѣчества заслуживаетъ уваженіе, заимодавецъ ли, теряющій свой капиталъ, для того что не зналъ, кому довѣрилъ, или должникъ въ оковахъ и темницѣ? Съ одной стороны легковѣрность; съ другой почти воровство; тотъ повѣрилъ, надѣясь на строгое законоположеніе, а сей..... А естьли бы взысканіе по законамъ не было столь строгое: не было бы мѣста легковѣрію, не было бы можетъ быть плутовства въ вексельныхъ дѣлахъ.—Я началъ опять думать; прежняя система пошла къ чорту, и я легъ спать съ пустою головою.

БРОННИЦЫ.

Между тѣмъ какъ въ кибиткѣ моей перемѣняли лошадей, захотѣлъ я посѣтить высокую гору, близъ Бронницъ нахо-

дящуюся, на которой, сказываютъ, въ древнія времена, до пришествія, думаю, Славянъ, стоялъ храмъ, славившійся тогда издаваемыми въ ономъ пророцаніями, для слышанія коихъ многіе сѣверные владѣльцы прихаживали. Повѣствуютъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ нынѣ село Бронницы, стоялъ извѣстный въ сѣверной древней Исторіи Городъ Холмоградъ. Нынѣ на мѣстѣ славнаго древняго капища построена малая церковь.—Восходя на гору, вообразилъ я себя препесенна въ древность и пришедша, да познаю отъ державнаго Божества грядущее и обрящу спокойствіе въ моей перѣшимости. Божественной ужасъ объемлетъ мои члены, грудь моя начинаетъ воздыматься, взоры мои тупѣютъ и свѣтъ въ нихъ меркнетъ. Мнѣ слышится гласъ грому подобный: вѣщай, безумный! почто желаешь познать тайну, которую закрылъ я отъ смертныхъ непроницаемымъ покровомъ неизвѣстности? Почто, о дерзновенный! жаждешь познать то, что единая предвѣчная Мысль постигать можетъ? Вѣдай, что неизвѣстность будущаго соразмѣрна бренности твоего сложенія. Вѣдай, что предузнанное блаженство теряетъ свою слабость; что прелесть настоящаго веселія, нашедъ утомленныя силы, не можетъ произвесть въ душѣ столь пріятнаго дрожанія, какое получаетъ веселіе отъ нечаянности. Вѣдай, что предузнанное нещастіе отнимаетъ безвременно спокойствіе, отравляетъ утѣхи, которыми наслаждался бы, естьлибъ не предузналъ окончанія ихъ. Чего ищеши чадо безразсудное? Премудрость моя насадила все нужное въ твоемъ разумѣ и сердцѣ. Вопроси ихъ во дни печали, и обрящешь утѣшителей. Вопроси ихъ во дни радости, найдешь обуздателей наглаго щастія. Возвратись въ домъ свой, возвратись къ семьѣ своей; успокой встревоженныя мысли; вниди во внутренность свою, тамъ обрящешь мое Божество, тамъ

услышишь мое вѣщаніе... И трескъ сильнаго удара, гремящаго въ области Перуна, раздался въ долинахъ далеко. Я опомнился, достигъ вершины горы и узрѣвъ церковь, возвелъ руки на небо. Господи! возопиль я—се храмъ Твой, се храмъ единаго истиннаго Бога. На мѣстѣ семъ, мѣстѣ Твоего нынѣ пребыванія, повѣствуютъ, стоялъ храмъ заблужденія. Но не могу повѣрить, о Всесильный! чтобъ человѣкъ возсылалъ сердечную мольбу къ другому какому либо существу, а не къ Тебѣ. Мощная десница Твоя, невидиму всюду простертая, нудитъ и самаго отрицателя всемогущія воли Твоея познавать Строителя и Содержателя природы. Естьли смертный въ заблужденіи своемъ нарицаетъ Тебя странными и непристойными звѣрскими именованіями: почитаніе его однакожъ стремится къ Тебѣ Предвѣчному, и онъ трепещетъ предъ Твоимъ могуществомъ. Егова, Юпитеръ, Брама, Богъ Авраама, Богъ Моисея, Богъ Конфуція, Богъ Зороастра, Богъ Сократа, Богъ Марка Аврелія, Богъ Христіянъ, о Богъ мой! Ты единъ повсюду. Естьли въ заблужденіи своемъ смертные чтили не Тебя единаго; то боготворили они Твои несравненныя силы, Твои неподобляемыя дѣла,—могущество Твое, вездѣ и во всемъ ощущаемое, было вездѣ и вовсемъ покланяемо. Безбожникъ, отрицающій Тебя, признавая непремѣнный законъ природы, Тебѣ же приноситъ тѣмъ хвалу, хваля Тебя паче нашего пѣснопѣнія. Ибо проникнутый до глубины сердца изящностію Твоего творенія, предстоитъ Тебѣ съ трепетомъ. Ты ищешь, Отецъ всещедрый! искренняго сердца и души непорочной:—они отверзты вездѣ Твоему пришествію. Сниди, Господи, и воцарися въ нихъ!—Я пребылъ нѣсколько мгновеній отриновенъ окрестныхъ предметовъ, низшедъ во внутренность мою глубоко. Потомъ обратилъ я взоры на близь стоящія селенія: се хижины уничиженія,

вѣщалъ я, на мѣстѣ, гдѣ нѣкогда возвышался градъ великій. Его не осталось даже ни малѣйшаго признака. Разсудокъ запрещаетъ вѣрить и самой повѣсти; столь жаждетъ онъ убѣдительныхъ и сильныхъ доводовъ. Все зримое прейдетъ, все рушится, все будетъ прахъ. Но нѣкій тайный гласъ вѣщаетъ мнѣ,—пребудетъ добродѣтель во вѣки жива.

" Съ теченіемъ временъ всѣ звѣзды помрачатся;
Померкнетъ солнца блескъ; природа обвѣтшавъ
Лѣтъ дряхлостью, падетъ,—
Но ты во юности безсмертной процвѣтешь,
Незыблема среди сраженія стихіевъ,
Развалинъ вещества, міровъ всѣхъ разрушенья."*

ЗАЙЦОВО.

Въ Зайцовѣ на почтовомъ дворѣ нашелъ я давнишняго моего пріятеля Господина Крестьянкина. Я съ нимъ знакомъ былъ съ ребячества. Рѣдко живали мы въ одномъ городѣ; но бесѣды хотя были не часты, однакожъ откровенны. Г-н Крестьянкинъ долго находился въ военной службѣ, и наскучивъ жестокостями оной, а особливо во время войны, гдѣ именемъ права войны прикрываются великія насилія, перешелъ въ статскую. По несчастію его, и въ статской службѣ не избѣгнулъ того, отъ чего, оставляя военную службу, удалиться хотѣлъ. Онъ имѣлъ очень чувствительную душу и человѣколюбивое сердце. Дознанныя его столь превосходныя качества доставили ему мѣсто Предсѣдателя Уголовной Палаты. Сперва не хотѣлъ онъ

* Смерть Катона, трагедія Еллесонова, Дѣйст. V, яв. 1.

принять на себя сего званія, но помысливъ нѣсколько, сказалъ мнѣ : мой другъ ! какое обширное поле отверзается мнѣ на удовлетвореніе любезнѣйшей склонности души моей ! Какое упражненіе для мягкосердія ! Сокрушимъ скипетръ жестокости, которой столь часто тягчитъ рамена невинности ! Да опустѣютъ темницы и да не узритъ ихъ оплошливая слабость, нерадивая неопытность, и случай да не вмѣнится никогда во злодѣяніе. О другъ мой ! исполненіемъ моея должности источу слезы родителей о чадахъ, воздыханія супруговъ ; но слезы сіи будутъ слезы обновленія воблаго. Изсякнутъ слезы страждущей невинности и простодушія. Колико восхищаетъ меня мысль сія ! Пойдемъ, ускоримъ отъѣздъ мой. Можетъ быть скорое прибытіе мое тамъ нужно. Замедля могу быть убійцею, не предупреждая заключенія или обвиненія прощеніемъ или разрѣшеніемъ отъ узъ.

Съ таковыми мыслями поѣхалъ пріятель мой къ своему мѣсту. Сколь же много удивился я, узнавъ отъ него, что онъ оставилъ службу и намѣренъ жить всегда въ отставкѣ. Я думалъ, мой другъ, говорилъ мнѣ Г-нъ Крестьянкинъ, что услаждая разсудокъ, найду я обильную жатву въ исполненіи моей должности. Но вмѣсто того нашелъ я въ оной желчь и терніе. Теперь наскучивъ оною и не въ силахъ будучи дѣлать добро, оставилъ мѣсто истинному хищному звѣрю. Въ короткое время заслужилъ онъ похвалу скорымъ рѣшеніемъ залежавшихся дѣлъ ; а я прослылъ коноткимъ. Иные почитали меня иногда мздоимцемъ за то, что не спѣшилъ отягчить жребій нещастныхъ, впадающихъ въ преступленіе нерѣдко по неволѣ. До вступленія моего въ статскую службу пріобрѣлъ я лестное для меня названіе человѣколюбиваго Начальника. Теперь самое тоже качество, коимъ сердце мое столько гордилось, почитаютъ

послабленіемъ или непозволительною поноровкою. Я видѣлъ ихъ оставляемыми безъ дѣйствія; и съ презрѣніемъ взиралъ, что для освобожденія дѣйствительнаго злодѣя и вреднаго обществу члена, или для наказанія мнимыхъ преступленій лишеніемъ имѣнія, чести и жизни, начальникъ мой, не въ силахъ будучи преклонить меня на беззаконное очищеніе злодѣйства или на обвиненіе невинности, преклонялъ къ тому моихъ сочленовъ, и нерѣдко видѣлъ я благія мои расположенія исчезавшими, яко дымъ въ пространствѣ воздуха. Они же, во мзду гнуснаго своего послушанія, получали почести, кои въ въ глазахъ моихъ были столь же тусклы, сколь прельщали ихъ своимъ блескомъ. Нерѣдко въ затруднительныхъ случаяхъ, когда увѣреніе въ невинности названнаго преступникомъ побуждало меня на мягкосердіе, прибѣгалъ я къ закону, дабы искать въ немъ подпору моей нерѣшимости. Но часто находилъ въ немъ вмѣсто человѣколюбія жестокость, которая имѣла начало свое не въ самомъ законѣ, но въ его обвѣтшалости. Несоразмѣрность наказанія преступленію извлекала у меня часто слезы. Я видѣлъ, (да и можетъ ли быть иначе) что законъ судитъ о дѣяніяхъ, не касаясь причинъ оныхъ. И послѣдній случай къ таковымъ дѣяніямъ относящійся, понудилъ меня оставить службу. Ибо не возмогши спасти винныхъ, мощною рукою судьбы въ преступленіе вовлеченныхъ, не хотѣлъ я быть участникомъ въ ихъ казни. Не возмогши облегчить ихъ жребія, омылъ руки въ моей невинности и удалился жестокосердія.

Въ Губерніи нашей жилъ дворянинъ, которой за нѣсколько лѣтъ оставилъ службу. Вотъ его послужный списокъ: службу свою началъ при дворѣ истопникомъ, произведенъ

лакѣемъ, камеръ-лакѣемъ, потомъ мундшенкомъ. Какія достоинства надобны для прехожденія сихъ степеней придворной службы, мнѣ не извѣстно; но знаю то, что онъ вино любилъ до послѣдняго издыханія. Пробылъ въ мундшенкахъ лѣтъ 15 и отосланъ былъ въ Герольдію для опредѣленія по его чину. Но чувствуя себя неспособнымъ къ дѣламъ, выпросился въ отставку и награжденъ чиномъ Коллежскаго Ассесора, съ которымъ пріѣхалъ онъ въ то мѣсто, гдѣ родился, то есть, въ нашу Губернію лѣтъ 6 тому назадъ. Отличная привязанность къ своей отчизнѣ имѣетъ нерѣдко основаніе въ тщеславіи. Человѣкъ низкаго состоянія, добившійся въ знатность, или бѣднякъ, пріобрѣтшій богатство, сотрясши всю застѣнчивость стыдливости, послѣдній и слабѣйшій корень добродѣтели, пріѣзжаетъ въ мѣсто своего рожденія для показанія своей пышности и гордыни. Тамъ скоро Ассесоръ нашелъ случай купить деревню, въ которой поселился, съ немалою своею семьею. Если бы у насъ родился Гогардъ, то бы обильное нашелъ поле на карикатуры въ семействѣ Г-на Ассесора; но я худой живописецъ. Или естьли бъ могъ я въ чертахъ лица читать внутренность человѣка съ Лафатеровой проницательностію: то бы и тогда картина Ассесоровой семьи была примѣчанія достойна. Не имѣя сихъ свойствъ, заставлю вѣщать ихъ дѣянія, кои всегда суть истинныя черты ихъ душевнаго образованія.

Г-нъ Ассесоръ, произшедъ изъ самаго низкаго состоянія, зрѣлъ себя повелителемъ нѣсколькихъ сотенъ себѣ подобныхъ. Сіе вскружило ему голову. Не одинъ онъ пожаловаться можетъ, что употребленіе власти вскружаетъ голову. Онъ почелъ себя высшаго чина, крестьянъ почиталъ скотами, данными ему (едва не думалъ онъ, что власть его надъ ними проистекаетъ отъ Бога), да упот-

ребляетъ ихъ по произволенію въ работу. Онъ былъ корыстолюбивъ, копилъ деньги, жестокъ отъ природы, вспыльчивъ, подлъ, а потому надъ слабѣйшими его надмѣненъ. Изъ сего судить можешь, какъ обходился онъ съ крестьянами. Они были у прежняго помѣщика на оброкѣ; онъ посадилъ ихъ на пашню, отнялъ у нихъ всю землю, купилъ всю скотину по цѣнѣ, какую самъ опредѣлилъ; заставилъ работать всю недѣлю на себя; а чтобъ не умирали они съ голоду, то кормилъ ихъ на господскомъ дворѣ, и то по одному разу въ день; а иным давалъ изъ милости мѣсячину. Естьли которой казался лѣнивъ, того сѣкъ розгами, плетьми, батожьемъ или кошками, смотря по мѣрѣ лѣности. За дѣйствительныя преступленія, какъ то: кражу не у него, а у посторонних, не говорилъ ни слова. Казалось, будто въ деревнѣ своей хотѣлъ возобновить нравы древняго Лакедемона или Запорожской Сѣчи. Случилось, что мужики его для пропитанія ограбили на дорогѣ проѣзжающаго, другаго потомъ убили: онъ не отдалъ ихъ въ судъ за то, но скрылъ у себя, объявя Правительству, что они бѣжали и говоря, что ему прибыли не будетъ, естьли крестьянина его высѣкуть кнутомъ и сошлютъ въ работу за злодѣянія. Естьли кто нибудь изъ крестьянъ укралъ у него, того сѣкъ онъ какъ за лѣность, или за дерзкій и остроумный отвѣтъ; но сверхъ того надѣвалъ на ноги колодки, кандалы, а на шею рогатку. Много могъ бы я разсказать тебѣ о мудрыхъ распоряженіяхъ; но сего довольно для познанія моего героя.—Сожительница его имѣла полную власть надъ бабами. Помощниками въ исполненіи ея велѣній были ея сыновья и дочери, какъ и у ея мужа. Ибо они сдѣлали себѣ правило, чтобъ ни для какой нужды не отвлекать крестьянъ отъ работы. Людей во дворѣ

было одинъ мальчикъ, купленный въ Москвѣ, парикмахеръ дочерипнъ, да повариха старуха. Ни кучера, ни лошадей у нихъ не было; разъѣзжалъ всегда на пахотныхъ. Плетьми или кошками сѣкли крестьянъ сыновья; по щекамъ били или за волосы таскали бабъ и дѣвокъ—дочери. Сыновья ходили въ свободное время по деревнѣ или въ поле играть и безчинничать съ дѣвками и бабами, и ни какая не избѣгала ихъ насилія. Дочери, не имѣя жениховъ, вымѣщали скуку свою надъ прядильницами, изъ которыхъ онѣ многихъ изъувѣчили. Суди самъ, мой другъ, какой конецъ могъ быть таковымъ поступкамъ. Я примѣтилъ изъ многочисленныхъ примѣровъ что Русской народъ очень терпѣливъ, и терпитъ до самой крайности; но когда положитъ конецъ своему терпѣнію, то ничто не можетъ удержать его, чтобъ не преклонился на жестокость. Сіе самое и случилось съ Ассесоромъ. Случай подалъ къ тому пепстовый и безпутный нравъ, лучше сказать, звѣрскій поступокъ одного изъ сыновей его.

Въ деревнѣ его была крестьянская дѣвка, не дурна собою, сговоренная за молодаго крестьянина той же деревни. Она понравилась среднему сыну Ассесора, который употребилъ все возможное, чтобъ привлечь ее къ себѣ въ любовь: но крестьянка пребывала вѣрна въ данномъ женниху обѣщаніи, что хотя рѣдко въ крестьянствѣ случается, но возможно. Въ воскресенье должно было быть свадьбѣ. Отецъ жениха, по введенному у многихъ помѣщиковъ обычаю, пошелъ съ сыномъ на господской дворъ и понесъ повѣнечные два пуда меду къ своему господину. Сію-то послѣднюю минуту дворянчикъ и хотѣлъ употребить на удовлетвореніе своей страсти. Онъ взялъ съ собой обоихъ своихъ братьевъ, и вызвавъ невѣсту чрезъ постороннаго мальчика на дворъ, потащилъ ее въ клѣть, зажавъ

ей ротъ. Не будучи въ силахъ кричать, сопротивлялась она всѣми силами звѣрскому намѣренію своего молодаго господина. Но наконецъ превозможенная всѣми тремя, принуждена была уступить силѣ; и уже сіе скаредное чудовище начало исполнять умышленное, какъ женихъ, возвратившись изъ господскаго дома, вошелъ на дворъ, и увидя одного изъ господчиковъ у клѣти, усомнился о зломъ ихъ намѣреніи. Кликнувъ отца своего себѣ на помощь, полетѣлъ онъ быстрѣе молніи ко клѣти. Какое зрѣлище представилось ему при его приближеніи! Клѣть затворилась; но совокупныя силы двухъ братьевъ не могли удержать разъяреннаго жениха. Онъ схватилъ близъ лежащій колъ, и вскоча въ клѣть ударилъ вдоль спины хищника своей невѣсты. Они хотѣли было схватить его; но видя отца женихова, бѣгущаго съ коломъ же на помощь, оставили свою добычу, выскочили изъ клѣти и побѣжали. Но женихъ догнавъ одного изъ нихъ, ударилъ его коломъ по головѣ и проломилъ ее. Сіи злодѣи, желая отмстить обиду свою, пошли прямо къ отцу и сказали ему, что, ходя по деревнѣ, встрѣтились они съ невѣстой и съ ней пошутили; что увидя женихъ, началъ ихъ бить, будучи вспомогаемъ отцомъ своимъ; въ доказательство показывали проломленную у одного изъ братьевъ голову. — Раздраженный до внутренности сердца болѣзнію своего рожденія, отецъ воскипѣлъ гнѣвомъ ярости и не медля велѣлъ привесть передъ себя трехъ злодѣевъ: такъ называлъ онъ жениха, нѣвѣсту и отца женихова. Представшимъ имъ предъ него, первой вопросъ былъ о томъ; кто проломилъ голову его сыну. Женихъ въ сдѣланномъ не заперся и разсказалъ все происшествіе.—Какъ дерзнулъ ты, говорилъ старый Асессоръ, поднять руку на твоего господина? А хотя бы онъ съ твоей невѣстой и ночь переспалъ, то ты ему за то долженъ быть

благодаренъ. Ты на ней не женишься; она останется у меня въ домѣ; а вы будете наказаны.—Но таковомъ рѣшеніи велѣлъ онъ жениха сѣчь кошками немилосердно, отдавъ его въ волю своихъ сыновей. Онъ вытерпѣлъ побои мужественно. Неробкимъ духомъ смотрѣлъ, какъ начали надъ отцомъ его производить тоже истязаніе. Но не могъ вытерпѣть, когда увидѣлъ, что господскіе дѣти хотѣли вести невѣсту въ домъ. Наказаніе происходило на дворѣ; въ одно мгновеніе выхватилъ онъ ее изъ рукъ ее похищающихъ и освобожденные побѣжали оба со двора. Сіе видя барскіе сыновья, перестали сѣчь старика и побѣжали за ними въ погоню. Женихъ видя, что они начали его настигать, выхватилъ заборину и сталъ защищаться. Между тѣмъ шумъ привлекъ другихъ крестьянъ ко двору господскому. Соболѣзнуя объ участи молодаго крестьянина и имѣя сердце озлобленное противъ своихъ господъ, они заступились за него. Видя сіе, Ассесоръ подбѣжалъ самъ, началъ ихъ бранить и перваго, кто встрѣтился, ударилъ своею тростью столь сильно, что тотъ упалъ безъ чувства на землю. Сіе было сигналомъ къ общему наступленію. Они окружили всѣхъ четырехъ господъ и коротко сказать, убили ихъ до смерти на томъ же мѣстѣ. Толико ненавидѣли они ихъ, что ни одинъ не хотѣлъ миновать, чтобъ не быть участникомъ въ семъ убійствѣ, какъ то они сами послѣ признались. Въ самое то время случилось ѣхать тутъ Исправнику той округи съ командою. Онъ былъ частію очевиднымъ свидѣтелемъ сего происшествія. Взявъ виновныхъ подъ стражу — а виновныхъ было половина деревни—произвелъ слѣдствіе, которое постепенно дошло до Уголовной Палаты. Дѣло было выведено очень ясно и виновные во всемъ признавались, приводя въ оправданіе свое только мучительные поступки своихъ господъ,

о которыхъ уже вся Губернія была извѣстна. Таковому дѣлу обязанъ я былъ по долгу моего званія положить окончательное рѣшеніе приговорить виновныхъ къ смерти, — и вмѣсто оной къ тѣлесной казни и вѣчной работѣ.

Разсматривая сіе дѣло, я не находилъ достаточной и убѣдительной причины къ обвиненію преступниковъ. Крестьяне, убившіе господина своего, были смертоубійцы; но смертоубійство сіе не было ли принужденно? Не самъ ли убитый ассесоръ причиною онаго?—Естьли въ ариѳметикѣ изъ двухъ данныхъ чиселъ третіе слѣдуетъ непрекословно, то и въ семъ происшествіи слѣдствіе было необходимо. Невинность убійцъ, по крайней мѣрѣ для меня, была математическая ясность. Естьли на дорогѣ нападетъ на меня злодѣй и вознесши надъ главою моею кинжалъ, восхощетъ пронзить имъ меня: убійцею-ли я почтусь, естьли предупрежду его въ злодѣяніи и повергну бездыханна къ ногамъ моимъ. Естьли нынѣшняго вѣка скосырь, привлекшій должное на себя презрѣніе, восхощетъ отмстить оное на мнѣ, и встрѣтясь со мной въ уединенномъ мѣстѣ, вынетъ шпагу и сдѣлаетъ на меня нападеніе, да лишитъ меня жизни или по крайней мѣрѣ да уязвитъ меня: виновенъ ли я буду, естьли, извлекши мой мечь на защищеніе, избавлю общество отъ нарушающаго спокойствіе его члена? Можно-ли почесть дѣяніе оскорбляющимъ сохранность общественнаго члена, естьли я исполню его для моего спасенія, естьли оно предупредитъ мою пагубу, естьли безъ того благосостояніе мое будетъ плачевно навѣки?

Исполненъ таковыми мыслями, можешь самъ воображать терзаніе души моей при разсмотрѣніи сего дѣла. Съ обыкновенною откровенностію сообщилъ я мысли свои моимъ сочленамъ. Всѣ возопили противъ меня единымъ гласомъ.

Мягкосердіе и человѣколюбіе почитали они виновнымъ защищеніемъ злодѣяній; называли меня поощрителемъ убійства и сообщникомъ убійцъ. По ихъ мнѣнію, при распространеніи моихъ вредныхъ мыслей исчезнетъ домашняя сохранность. Можетъ-ли дворянинъ, говорили они, жить отнынѣ въ деревнѣ спокоенъ? Можетъ-ли онъ видѣть велѣнія его исполняемы? Естьли ослушники воли господина своего, а паче его убійцы, признаваемы будутъ невинными; то прервется повиновеніе, рушится связь домашняя, будетъ паки хаосъ, въ начальныхъ обществахъ обитавшій; земледѣліе умретъ, орудія его сокрушатся, нива запустѣетъ и поростетъ безплоднымъ злакомъ; поселяне, не имѣя надъ собой власти, будутъ скитаться въ лѣности, тунеядствѣ, и разъидутся. Города почувствуютъ властодержавную десницу разрушенія; чуждо будетъ гражданамъ ремесло; рукодѣліе скончаетъ свое прилѣжаніе и рачительность; торговля изсякнетъ въ источникѣ своемъ. Богатство уступитъ мѣсто нищетѣ; великолѣпнѣйшія зданія обвѣтшаютъ; законы затлятся и поростутъ недѣйствительностію. Тогда огромное сложеніе общества начнетъ валиться на части и издыхать въ отдаленности отъ цѣлаго; тогда царскій престолъ, гдѣ нынѣ опора, крѣпость и сопряженіе общества зиждутся, обвѣтшаетъ и сокрушится; тогда владыка народовъ почтется простымъ гражданиномъ, и общество узритъ свою кончину. Сію достойную адскія кисти картину старались товарищи мои предлагать взорамъ всѣхъ, до кого о семъ дѣлѣ доходилъ слухъ. Предсѣдателю нашему, вѣщали они, сродно защищать убійство крестьянъ. Спросите, какого онъ происхожденія? Естьли не ошибаемся, онъ самъ въ молодости изволилъ ходить за сохою. Всегда новостатейные сіи дворянчики имѣютъ странныя понятія о природномъ надъ крестьянами дворянскомъ правѣ. Естьлибъ отъ него

зависѣло, онъ бы, думаю, повернулъ всѣхъ насъ въ одно-дворцы, дабы тѣмъ уравнять съ нами свое происхожденіе. Такими-то словами мнили сотоварищи мои оскорбить меня и сдѣлать ненавистнымъ всему обществу. Но симъ не удовольствовались. Говорили, что я пріялъ мзду отъ жены убитаго ассесора, да не лишится она крестьянъ своихъ отсылкою ихъ въ работу, и что сія-то была истинная причина страннымъ и вреднымъ моимъ мнѣніямъ, право всего дворянства вообще оскорбляющимъ. Несмысленные думали, что посмѣяніе ихъ уязвитъ меня, клевета поругаетъ и лживое представленіе добраго намѣренія отвлечетъ меня отъ онаго. Сердце мое имъ было неизвѣстно; они не знали, что предстою всегда нетрепетенъ собственному моему суду, что ланиты мои не рдѣли багровымъ румянцемъ совѣсти.

Мздоимство мое основывали они на томъ, что ассесорша за мужнину смерть мстить не желала, а сопровождаема своею корыстію и слѣдуя правиламъ своего мужа, желала избавить крестьянъ отъ наказанія, дабы не лишиться своего имѣнія, какъ то она говорила. Съ такою просьбою пріѣзжала она и ко мнѣ; на прощеніе убійцъ ея мужа я былъ съ нею согласенъ, но разнствовали мы въ побужденіяхъ. Она увѣряла меня, что сама довольно ихъ накажетъ; а я увѣрялъ ее, что, оправдывая убійцъ ея мужа, не надлежало подвергать ихъ болѣе той же крайности, дабы паки не были злодѣями, какъ то называли ихъ несвойственно.

Скоро намѣстникъ извѣстенъ сталъ о моемъ по сему дѣлу мнѣніи, что я старался преклонить сотоварищей моихъ на мои мысли и что они начали колебаться въ своихъ разсужденіяхъ; къ сему однакожъ не твердость и убѣдительность моихъ доводовъ способствовали, но деньги ассесорши.— Будучи самъ воспитанъ въ правилахъ неоспоримой надъ крестьянами власти, не могъ онъ быть согласенъ съ моими

разсужденіями и вознегодовалъ, усмотрѣвъ, что они начали въ сужденіи сего дѣла преимуществовать, хотя ради различныхъ причинъ. Онъ посылаетъ за моими сочленами, увѣщеваетъ ихъ, представляетъ гнуспость такихъ мнѣній, что они оскорбительны для дворянскаго общества, оскорбительны для верховной власти и нарушаютъ законоположеніе; —обѣщаетъ награжденіе исполняющимъ законъ, претя мщеніемъ неповинующимся оному;—и скоро слабыхъ сихъ судей, не имѣющихъ ни правилъ въ размышленіяхъ, ни крѣпости духа, преклоняетъ на прежнія ихъ мнѣнія. Я не удивился, увидѣвъ въ нихъ перемѣну; ибо не дивился воспослѣдовавшей въ нихъ и прежде. Сродно хилымъ, робкимъ и подлымъ душамъ содрогаться отъ угрозы власти и радоваться ея привѣтствію.

Намѣстникъ нашъ, превративъ мнѣнія моихъ сотоварищей, вознамѣрился и ласкалъ себя надеждою, что можетъ превратить и мое. Для сего позвалъ меня къ себѣ поутру въ случившійся тогда праздникъ. Онъ принужденъ былъ позвать меня: ибо я не хаживалъ никогда на сіи безразсудныя поклоненія, которыя гордость почитаетъ въ подчиненныхъ должностью, лесть нужными, а мудрецъ мерзительными и для человѣчества поносными. Онъ избралъ нарочно торжественный день, когда было у него много людей въ собраніи, избралъ нарочно для слова своего публичное собраніе, надѣясь, что тѣмъ разительнѣе убѣдитъ меня. Онъ надѣялся найти во мнѣ или боязнь души или слабость мыслей. Противъ того и другаго устремилъ онъ свое слово. Но я не нахожу за нужное пересказывать тебѣ все то, чѣмъ надмѣнность, ощущеніе власти и предубѣжденіе къ своему проницанію и учености одушевляли его витійство. Надмѣнности его отвѣтствовалъ я равнодушіемъ и спокойствіемъ, власти непоколебимостію, доводамъ доводами и долго

говорилъ хладнокровно. Наконецъ содрогнувшееся сердце разліяло свое избыточество. Чѣмъ болѣе видѣлъ я угожденій въ предстоящихъ, тѣмъ порывистѣе становился языкъ мой. Незыблемымъ гласомъ и звонкимъ произношеніемъ возопилъ я наконецъ сице: "Человѣкъ родится въ міръ равенъ во всемъ другому. Всѣ имѣемъ одинаковые члены, одинаковую волю и разумъ; слѣдственно человѣкъ безъ отношенія къ обществу есть существо ни отъ кого независящее въ своихъ дѣяніяхъ. Но онъ кладетъ онымъ преграду, согласуется не во всемъ повиноваться своей единой волѣ, становится послушенъ велѣніямъ себѣ подобнаго; словомъ, становится гражданинъ. Какія же ради вины обуздываетъ онъ свои хотѣнія? Почто поставляетъ надъ собою власть? Почто, будучи безпредѣленъ въ исполненіи своей воли, ограничиваетъ оную чертою послушанія?—Для своей пользы, скажетъ разсудокъ; для своей пользы, скажетъ внутреннее чувствованіе; для своей пользы, скажетъ мудрое законоположеніе. Слѣдственно гдѣ нѣтъ его пользы быть гражданиномъ, тамъ онъ и не гражданинъ; слѣдственно тотъ, кто восхощетъ лишить его пользы гражданскаго званія, есть его врагъ. Противъ врага своего ищетъ онъ защиты и мщенія въ законѣ. Естьли законъ или не въ силахъ заступить его не можетъ или того не хочетъ, или власть его не можетъ мгновенно дать въ предстоящей бѣдѣ вспомоществованіе: тогда гражданинъ пользуется природнымъ правомъ защищенія, сохранности, благосостоянія. Ибо гражданинъ, становясь гражданиномъ, не престаетъ быть человѣкомъ; и его первая обязанность, изъ сложенія его происходящая, есть собственная сохранность, защита, благосостояніе. Убіенный крестьянами ассесоръ нарушилъ въ нихъ своимъ звѣрствомъ право гражданина. Въ то мгновеніе, когда потакалъ онъ насилію сыновей своихъ, когда

къ болѣзни сердечной супруговъ присовокуплялъ поруганіе, когда при сопротивленіи адскому своему властвованію подвизался на казнь: тогда законъ, стрегущій гражданина, былъ въ отдаленности и власть его была тогда неощутительна; тогда возраждался законъ природы, и власть обиженнаго гражданина, не отъемлемая закономъ положительнымъ въ обидѣ его, приходила въ дѣйствительность;—по сему крестьяне, убившіе звѣрскаго ассесора, не имѣютъ въ законѣ обвиненія. Сердце мое оправдываетъ ихъ, опираясь на доводахъ разсудка; и смерть ассесора, хотя насильственная, есть правильна. Да не возмнитъ кто либо искать въ благоразуміи политики, въ общественной тишинѣ довода къ осужденію на казнь убійцъ въ злобѣ духъ испустившаго ассесора: гражданинъ, въ какомъ бы состояніи ни судило ему родиться Небо—есть и пребудетъ всегда человѣкъ; а доколѣ онъ человѣкъ, право природы, яко обильный источникъ благъ, не изсякнетъ въ немъ никогда. И такъ кто дерзнетъ уязвить его въ природной и ненарушимой собственности, тотъ есть преступникъ. Горе ему, естьли законъ гражданскій его накажетъ! Онъ замѣченъ будетъ чертою мерзѣнія въ своихъ согражданахъ, и всякъ, имѣяй довольно силъ, да отмститъ на немъ обиду имъ содѣланную."—Умолкъ.—Намѣстникъ не говорилъ мнѣ ни слова; изрѣдка поднималъ на меня поникшіе взоры, гдѣ господствовала ярость безсилія и месть злобы. Всѣ молчали въ ожиданіи, что оскорбитель всѣхъ правъ, я, взятъ буду подъ стражу. Изрѣдка слышалось изъ устъ раболѣпія журчаніе негодованія. Всѣ отвращали отъ меня взоры. Казалось, что близъ стоящихъ меня объялъ ужасъ. Непримѣтно удалились они, какъ отъ зараженнаго смертоносною язвою. Наскучивъ зрѣлищемъ толикаго смѣшенія гордыни съ нижайшею подлостію, я удалился изъ сего собранія льстецовъ.

Не нашедъ способовъ спасти невинныхъ убійцъ, въ сердцѣ моемъ оправданныхъ, не хотѣлъ я быть ни сообщникомъ въ ихъ казни, ниже свидѣтелемъ оной. Подалъ прошеніе объ отставкѣ, и получивъ ее, ѣду теперь оплакивать плачевную судьбу крестьянскаго состоянія и услаждать скуку мою обхожденіемъ съ друзьями. — Сказавъ сіе, мы разстались, и поѣхали всякъ въ свою сторону. — Сей день путешествіе мое было неудачно; лошади были худы, поминутно выпрягались; наконецъ, спускаясь съ небольшой горы, ось у кибитки переломилась, и я не могъ ѣхать далѣе. — Пѣшкомъ ходить мнѣ въ привычку. Взявъ посошокъ, отправился я впередъ къ почтовому стану. Но прогулка по большой дорогѣ не очень пріятна для Петербургскаго жителя; не похоже на гуляпье въ Лѣтнемъ саду или въ Бабы; скоро она утомила меня и я принужденъ былъ сѣсть.

Между тѣмъ какъ сидя на камнѣ, чертилъ я на пескѣ кой-какія фигуры, нерѣдко кривобокія и кривоугольныя, и думалъ и то и сё; скачетъ мимо меня коляска. Сидящій въ ней увидѣвъ меня, велѣлъ остановиться... и я узналъ въ немъ моего знакомаго. —Что дѣлаешь? сказалъ онъ мнѣ. — Думу думаю. Времени довольно на размышленіе; ось переломилась. Что поваго? — Старая дрянь. Погода по вѣтру, то слякоть, то ведро. А! вотъ новинькое: Дуриндинъ женился. — Неправда, ему уже лѣтъ 80. — Точно такъ. Да вотъ къ тебѣ письмо. Читай на досугѣ, а мнѣ нужно поспѣшать. Прости .... и разстались. Письмо было отъ моего пріятеля.

Охотникъ до всякихъ новостей, онъ обѣщалъ снабжать меня оными въ отсутствіи и сдержалъ слово. Между

тѣмъ въ кибиткѣ моей поддѣлали ось, которая по счастію была въ запасѣ. Ѣдучи я читалъ:

Любезный Другъ!

Петербургъ.

На сихъ дняхъ свершился здѣсь бракъ между 78-ми лѣтнимъ молодцомъ и 62 лѣтнею молодкою. Причину сему столь престарѣлому спаренію отгадать тебѣ — трудненько, естьли оной не скажу. Распусти уши, мой другъ, и услышишь. Госпожа Ш... витязь въ своемъ родѣ не послѣдній, 62 лѣтъ, вдова съ 25 лѣтняго своего возраста, была за мужемъ за купцомъ неудачно торговавшимъ; лицемъ смазлива; оставшись послѣ мужа бѣдною сиротою и вѣдая о жестокосердіи собратій своего мужа, не захотѣла прибѣгнуть къ прошенію милостыни, но заблагоразсудила кормиться своими трудами; доколѣ красота юности водилась на лицѣ ея, была во всегдашней работѣ и щедрую получала отъ охотниковъ плату. Но коль скоро примѣтила, что красота ея начинала увядать и любовныя заботы уступили мѣсто скучному одиночеству: то взялась она за умъ и не находя больше покупщиковъ на обвѣтшалыя свои прелести, стала торговать другими, которыя если не всегда имѣли достоинство красоты, имѣли хотя достоинство новости. Симъ способомъ наживъ себѣ нѣсколько тысячь, оставила она съ честію презрительное общество сводень и начала отдавать въ ростъ деньги, своимъ и чужимъ безстыдствомъ нажитыя. По времени забыто прежнее ея ремесло; и бывшая сводня стала нужная въ обществѣ мотовъ тварь. Проживъ покойно до 62 лѣтъ, нелегкая надоумила ее собраться замужъ. Всѣ знакомыя ея тому дивятся. Ближняя ея пріятельница Н... пріѣхала къ ней. — Слухъ

носится, душа моя, говоритъ она посѣдѣлой невѣстѣ, что ты собралась за мужъ. Мнѣ кажется, какой нибудь насмѣшникъ выдумалъ эту басню.

Ш. Совершенная правда. Завтра сговоръ; пріѣзжай пировать съ нами.

Н. Ты съ ума сошла. Не ужели старая кровь разыгралась? Не ужели какой молокососъ подбился къ тебѣ подъ крылышко?

Ш. Ахъ, матка моя! не кстати щипаешь ты меня наровнѣ съ молодыми вѣтреницами. Я мужа беру по себѣ.

Н. Да то я знаю, что придетъ по тебѣ. Но вспомни, что насъ любить уже нельзя и не для чего, развѣ для денегъ.

Ш. Я такого не возьму, которой бы мнѣ измѣнить могъ. Женихъ мой старѣе меня 16-ю годами.

Н. Ты шутишь.

Ш. По чести правда; баринъ Дуриндинъ.

Н. Не льзя этому статься.

Ш. Пріѣзжай завтра ввечеру; ты увидишь, что я лгать не люблю.

Н. А хотя и такъ; вѣдь онъ не на тебѣ женится, но на твоихъ деньгахъ.

Ш. А кто ему ихъ дастъ? Я въ первую ночь такъ не обезумѣю, чтобъ отдать ему все мое имѣніе; уже давно прошло то время. Табакерочка золотая, пряжки серебряныя и другая дрянь, оставшаяся у меня въ закладѣ, которой съ рукъ нельзя сбыть, — вотъ весь барышъ любезнаго моего женишка; а естьли онъ неугомонно спитъ, то сгоню съ постели.

Н. Ему хотя табакерочка перепадетъ, а тебѣ въ немъ что проку?

Ш. Какъ, матка? Сверхъ того что въ нынѣшнія времена не худо имѣть хорошій чинъ, что меня называть будуть: ваше Высокородіе, а кто поглупѣе, ваше Превосходительство; но будетъ таки кто нибудь, съ кѣмъ въ долгіе зимніе вечера можно поиграть въ бирюлки. А нынѣ сиди, сидя, все одно; да и того удовольствія не имѣю, чтобъ говорилъ кто, когда чхну: здравствуй. А какъ мужъ будетъ свой, то какой бы насморкъ ни былъ, все слышать буду—здравствуй, мой свѣтъ! здравствуй, моя душенька!!

Н. Прости, матушка.

Ш. Завтра сговоръ, а черезъ недѣлю свадьба. (Н... уходитъ).

Ш. (чихаетъ) Небосъ воротится; — то ли дѣло, какъ мужъ свой будетъ!

Не дивись, мой другъ! на свѣтѣ все колесомъ вертится. Сегодня умное, завтра глупое въ модѣ. Надѣюсь, что и ты много увидишь Дуриндиныхъ. Естьли не женитьбою они всегда отличаются, то другимъ чѣмъ либо. А безъ Дуриндиныхъ свѣтъ не простоялъ бы и трехъ дней.

КРЕСТЦЫ.

Въ Крестцахъ былъ я свидѣтелемъ разстанія у отца съ дѣтьми, которое тѣмъ чувствительнѣе меня тронуло, что я самъ отецъ и скоро можетъ быть съ дѣтьми разставаться буду. — Нещастный предразсудокъ дворянскаго званія велитъ имъ итти въ службу. Одно названіе сіе приводитъ всю кровь въ необычайное волненіе. Тысячу противъ

одного держать можно, что изо ста дворянъ, вступающихъ въ службу, девяносто восемъ становятся повѣсами; а два подъ старость или, правильнѣе сказать, два въ дряхлыя ихъ, хотя не старыя, лѣта—становятся добрыми людьми. Прочіе происходятъ въ чины, расточаютъ или наживаютъ имѣніе и проч.

Смотря иногда на большаго сына, и размышляя, что онъ скоро вступитъ въ службу или другими сказать словами, что птичка вылетитъ изъ клѣтки, у меня волосы дыбомъ становятся; не для того, чтобъ служба сама по себѣ развращала нравы; но для того, что созрѣлыми нравами надлежало бы начать службу. Иной говоритъ: а кто такихъ молокососовъ толкаетъ въ шею?—Кто?—Общій примѣръ. Штабъ-Офицеръ 17-ти лѣтъ, Полковникъ 20-ти лѣтній, Генералъ 20 лѣтній, Камергеръ, Сенаторъ, Намѣстникъ, Начальникъ войскъ. И каждому отцу не захочется, чтобъ дѣти его, хотя въ малолѣтствѣ, были въ знатныхъ чинахъ, за которыми идутъ въ слѣдъ богатство, честь и разумъ?—Смотря на сына моего, представляется мнѣ, что онъ началъ служить, познакомился съ вертопрахами, распутными, игроками, щеголями, выучился чистенько наряжаться, играть въ карты, доставать ими прокормленіе, говорить обо всемъ ничего не смысля, таскаться по дѣвкамъ или врать чепуху барынямъ. Какимъ-то образомъ фортуна, вертясь на курьей ножкѣ, приголубила его, и сынокъ мой, не брѣя еще бороды, сталъ знатнымъ бариномъ. Возмечталъ онъ о себѣ, что умнѣе всѣхъ на свѣтѣ. Чего добраго ожидать отъ такого Полководца или Градоначальника?—Скажи поистинѣ, отецъ чадолюбивый! скажи, о истинный гражданинъ! Не захочется ли тебѣ сынка твоего лучше удавить, нежели отпустить въ службу? Не больно ли сердцу твоему, что сынокъ твой, знатный

баринъ, презираетъ заслуги и достоинства, для того что участь ихъ пресмыкаться въ стезѣ чиновъ, гнушаясь пронырства? Не возрыдаешь ли, что сынокъ твой любезный съ пріятною улыбкою отнимать будетъ имѣніе, честь, отравлять и рѣзать людей, не всегда своими боярскими руками, но посредствомъ лапъ своихъ любимцевъ?—

Крестецкій дворянинъ, казалось мнѣ, былъ лѣтъ 50-ти. Рѣдкія сѣдины едва пробивались сквозь свѣтлорусые власы его. Правильныя черты лица показывали душевное его спокойствіе, страстямъ неприступное. Нѣжная улыбка кроткаго удовольствія, раждаемаго незлобіемъ, изрыла ланиты его ямками, въ женщинахъ столь прелестными. Взоры его, когда вошелъ я въ ту комнату, гдѣ сидѣлъ онъ, устремлены были на двухъ сыновей его. Очи его, очи благорастворенаго разсудка, казались подернуты легкою пленою печали; но искры твердости и упованія пролетали оную быстротечно. Предъ нимъ стояли два юноши, возраста почти равнаго; единымъ годомъ во времени рожденія, но не въ шествіи разума и сердца, разнствовали они между собою; ибо горячность родителя ускоряла въ младшемъ раскрытіе ума, а любовь братняя умѣряла въ старшемъ успѣхъ въ наукахъ. Понятія о вещахъ были въ нихъ равныя. Правила жизни знали они равно; но остроту разума и движенія сердца насадила въ нихъ природа различно. Въ старшемъ взоры были тверды, черты лица являли начатки души неробкой и непоколебимости въ предпріятіяхъ. Взоры младшаго были остры, черты лица шатки и непостоянны. Но плавное движеніе оныхъ былъ необманчивый знакъ благихъ совѣтовъ отчихъ. Они взирали на отца своего съ несвойственною имъ робостію, происходящею отъ горести предстоящей разлуки,

а не отъ чувствованія надъ собой власти или начальства. Рѣдкія капли слезъ точились изъ ихъ очей.—Друзья мои, сказалъ отецъ, сегодня мы разстанемся,—и обнявъ ихъ, прижалъ возрыдавшихъ къ перси своей.—Я уже нѣсколько минутъ былъ свидѣтелемъ сего зрѣлища, стоя у дверей неподвиженъ, какъ отецъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: Будь свидѣтелемъ, чувствительный путешественникъ, будь мнѣ свидѣтелемъ предъ свѣтомъ, сколь тяжко моему сердцу исполнять державную волю обычая. Отлучая дѣтей моихъ отъ бдящаго родительскаго ока, имѣю единственное къ тому побужденіе, да пріобрѣтутъ опытность, да познаютъ человѣка изъ его дѣяній и наскучивъ гремленіемъ мірскаго житія, оставятъ его съ радостію и да имутъ отишіе въ гоненіи и хлѣбъ насущный въ скудости. Для сего-то я и остаюсь на пивѣ моей. Не даждь, Владыко всещедрый! не даждь питаться имъ милостынею вельможъ и обрѣтать въ нихъ утѣшителя! да будетъ соболезнуяй о нихъ ихъ сердце; да будетъ творяй имъ благостыню ихъ разсудокъ!—Возсядите и внемлите моему слову, еже долженствуетъ пребывать во внутренности душъ вашихъ. Еще повторяю вамъ, сегодня мы разлучимся. Съ неизреченнымъ услажденіемъ зрю слезы ваши, орошающія лапиты лица вашего. Да отнесетъ сіе волненіе души вашей совѣтъ мой во святая ея, да восколеблется она при моемъ воспоминовеніи и да буду отсутственъ оградою вамъ отъ золъ и печалей.

Пріявъ васъ отъ чрева матерня въ свои объятія, не восхотѣлъ николи, что былъ кто родителемъ въ исполненіяхъ, до васъ касающихся. Никогда наемная рачительница не касалась телеси вашего; никогда наемный наставникъ не коснулся вашего сердца и разума. Неусыпное око моей горячности бдѣло надъ вами денноночно, да не

приближится васъ оскорбленіе; и блаженъ наричается, доведши васъ до разлученія со мною. Но не воображайте себѣ чтобъ хотѣлъ исторгнуть изъ устъ вашихъ благодарность за мое о васъ попеченіе или хотя слабое признаніе мною для васъ сдѣланнаго. Предпринимаемое на вашу пользу имѣло всегда въ виду собственное мнѣ услажденіе. И такъ не думайте, что вы подъ властію моею; вы мнѣ ничѣмъ не обязаны. Не въ разсудкѣ, а меньше еще въ законѣ, хочу искать твердости союза нашего; онъ основанъ будетъ на вашемъ сердцѣ. Горе вамъ естьли вы его забудете! Образъ мой, преслѣдуя нарушителя союза дружбы нашей, будетъ терзать его въ сокровенности и устроитъ ему казнь несносную, дондеже не возвратится къ союзу. Еще вѣщаю вамъ, вы не должны мнѣ ничѣмъ. Воззрите на меня какъ на странника и пришельца; и естьли сердце ваше ощутитъ нѣжную ко мнѣ наклонность, то поживемъ въ дружбѣ, въ семъ величайшемъ на землѣ благодействіи. Естьли же оно не почувствуетъ ничего, то забудемъ другъ друга, какъ будто мы не родились.

Не даждь, Всещедрый! узрѣть мнѣ сего; пусть прежде отъиду въ нѣдра земныя! Вы не должны мнѣ ни за воскормленіе, ни за наставленіе, а меньше всего за рожденіе? Были ли вы въ немъ участники? Были ли о рожденіи своемъ вопрошаемы? На пользу ли вашу или ко вреду родились вы? знаетъ ли отецъ и мать, рождая сына своего, щастливъ ли онъ будетъ въ жизни или злополученъ? Вступая въ супружество, помышлялъ ли кто о наслѣдіи и потомкахъ; а естьли имѣлъ сіе намѣреніе, то произвелъ ихъ желалъ для блаженства ли ихъ или для сохраненія своего имени? Какъ желать добра тому, кого не знаю? и что сіе значитъ? Можетъ ли добромъ назваться желаніе неопредѣленное и сокрытое въ неизвѣст-

ности? Побужденіе къ супружеству показываетъ и причину рожденія. Прельщенный болѣе душевною добротою матери вашей, нежели красотой лица, я употребилъ вѣрный способъ на взаимную горячность и искреннюю любовь. Я получилъ мать вашу себѣ въ супруги; но какое было побужденіе нашей любви? Взаимное услажденіе, услажденіе плоти и духа. Вкушая веселіе, Природой повеленное, мы о васъ не мыслили. Рожденіе ваше было намъ пріятно, но не вамъ. Произведеніе самаго себя льстило тщеславію. Рожденіе ваше было новый и чувствительный союзъ, утверждающій союзъ сердецъ. Онъ есть источникъ начальной горячности родителей къ сынамъ своимъ; онъ укрѣпляется привычкою ощущенія своей власти, отраженіемъ сыновнихъ похвалъ къ отцу. — Мать ваша была одного со мной мнѣнія о ничтожности должностей вашихъ, проистекающихъ отъ рожденія. Она не гордилась предъ вами, что носила васъ во чревѣ своемъ; не требовала признательности, питая васъ своей кровію; не хотѣла почтенія за болѣзнь и рожденіе и за скуку воскормленія своими сосцами. Она тщилась дать вамъ благую душу, какую и сама имѣла, и хотѣла насадить въ ней дружбу, но не обязанность. Рокъ недопустилъ ее зрѣть плодовъ ея наслѣдія. Она оставила васъ хотя съ твердостью духа, но кончины еще не желала, зря ваше младенчество и мою горячность. Уподобляясь ей, мы совсѣмъ ее не потеряемъ. Она поживаетъ съ нами, доколѣ къ ней не отъидемъ. Вѣдайте, что любезнѣйшая моя съ вами бесѣда есть о рождшей васъ; мнѣ мнится тогда, что душа ея бесѣдуетъ съ нами, что тогда становится она намъ присутственна, тогда въ насъ является, тогда еще жива. — Вѣщающій отиралъ капли слезъ, задержанныхъ въ душѣ.

Сколь мало обязаны вы мнѣ за рожденіе, толико же и за

воскормленіе. Когда я угощаю пришельца, когда питаю птенцовъ пернатыхъ, когда даю пищу псу, лижущему мою руку: то для нихъ ли сіе дѣлаю? Я нахожу въ томъ отраду, увеселеніе или собственную пользу. Съ таковымъ же побужденіемъ бываетъ и воскормленіе дѣтей. Родившись въ свѣтъ, вы стали граждане общества, въ которомъ живете; мой долгъ былъ воскормить васъ: ибо естьлибъ допустилъ до васъ безвременную кончину, былъ бы убійца. Естьли былъ я рачительнѣе многихъ другихъ въ воскормленіи вашемъ, то слѣдовалъ чувствованію моего сердца. Въ моей было власти пещись о воскормленіи вашемъ или небречь о немъ, сохранить дни ваши или быть въ нихъ расточителемъ, сохранить васъ живыхъ или дать умереть преждевременно: вотъ ясное доказательство, что вы не обязаны мнѣ тѣмъ, что живы. Естьли бъ умерли отъ моего о васъ небреженія, какъ то многіе умираютъ; мщеніе законовъ меня преслѣдовало бы. — Но скажутъ, вы обязаны мнѣ за ученіе и наставленіе. Не своей ли искалъ я въ томъ пользы, да благи будете? Похвалы, воздаваемыя вашему доброму поведенію, разсудку, знаніямъ, искусству, распространяясь на васъ, отражаются на меня, какъ солнечные лучи отъ зеркала. хваля васъ, меня хвалятъ. Что успѣлъ бы я, естьли бъ вдались вы въ пороки, не прилѣжали къ ученію, были тупы въ разсужденіяхъ, злобны, подлы и не имѣли чувствительности? Не только терзался бы я о вашемъ косвенномъ хожденіи; но и сдѣлался бы можетъ быть жертвою вашего неистовства. Но нынѣ остаюсь спокоенъ, отлучая васъ отъ себя; разумъ вашъ прямъ, сердце крѣпко, и я живу въ немъ. О друзья мои! сыны моего сердца! родивъ васъ, имѣлъ я многія должности въ отношеніи къ вамъ, но вы мнѣ ничѣмъ не должны. Я ищу вашей дружбы и любви; естьли вы мнѣ ее дадите, блаженъ отъиду къ началу жизни и не возмущусь при

кончинѣ оставляя васъ на вѣки, ибо останусь въ памяти вашей. Но естьли исполнилъ я должность мою въ воспитаніи вашемъ, то обязанъ нынѣ сказать вамъ причину, для чего воспитывалъ васъ такъ, а не иначе, и для чего научилъ васъ сему, а не другому. Теперь услышите вы повѣсть о воспитаніи вашемъ и узнаете причину всѣхъ моихъ надъ вами дѣяній.

Съ младенчества вашего не чувствовали вы принужденія; хотя въ дѣяніяхъ вашихъ водимы были рукою моею, однакожъ не ощущали никогда ея направленія. Ваши дѣянія были предузнаты и предваряемы. Я не хотѣлъ, чтобъ робость или послушаніе малѣйшею чертой ознаменовали на васъ тяжесть своего перста; и отъ того вашъ духъ, не терпящій безразсуднаго веселія, кротокъ къ совѣту дружества. Но естьли младенцамъ вамъ сущимъ находилъ я, что уклонились вы пути, мною назначеннаго, устремляемы случайнымъ удареніемъ;—тогда останавлялъ я ваше шествіе или лучше сказать, вводилъ непримѣтно въ прежній путь, какъ потокъ, прерывающій оплоты, искусною рукою обращается въ свои брега.

Робкая нѣжность неизвѣстна была мнѣ, когда, казалось, не рачилъ объ охраненіи васъ отъ непріятностей стихій и погоды. Я лучше желалъ, чтобъ тѣло ваше оскорбилось на минуту преходящею болью, нежели чтобъ были вы дебѣлы въ совершенномъ возрастѣ. И для того часто ходили вы босы съ непокровенной головой въ пыль и въ грязь и отдыхали на скамьѣ или на камнѣ. Не меньше старался я удалить васъ отъ убійственной пищи и питія. Трудъ былъ лучшею приправою въ обѣдѣ нашемъ. Вспомните, съ какимъ удовольствіемъ обѣдали мы въ неизвѣстной намъ де-

ревнѣ, не нашедъ дороги къ дому. Сколь вкусенъ казался намъ тогда ржаной хлѣбъ и дервенскій квасъ.

Не ропщите на меня, естьли будете иногда осмѣяны за то, что не имѣете казистой походки; что стоите какъ тѣлу вашему покойнѣе, а не такъ, какъ велитъ обычай или мода; что одѣваетесь не со вкусомъ; что волосы ваши кудрятся рукою природы, а не чесателя. Не ропщите, естьли будете небрежены въ собраніяхъ, а особливо отъ женщинъ, для того что не умѣете хвалить красоту ихъ; но вспомните, что вы бѣгаете быстро, плаваете не утомляясь, поднимаете тяжести безъ натуги, умѣете водить соху, вскопать гряду, владѣете косою и топоромъ, стругомъ и долотомъ, умѣете ѣздить верхомъ и стрѣлять. Не печальтесь, что вы не умѣете скакать какъ скоморохи. Знайте, что лучшее плясаніе не представляетъ ничего величественнаго; и естьли вы нѣкогда тронетесь зрѣніемъ онаго, то любострастіе будетъ тому коренъ; все же другое оному постороннее. Вы умѣете изображать Царя природы — человѣка, животныхъ и неодушевленныхъ. Вы найдете въ живости ихъ изображеній истинное услажденіе не токмо чувствъ, но и разума. Я научилъ васъ музыкѣ, чтобъ струна, дрожащая согласно вашимъ нервамъ, возбуждала дремлющее сердце; ибо музыка, приводя душу въ движеніе, дѣлаетъ въ насъ мягкосердіе привычкою. Я научилъ васъ и варварскому искусству сражаться мечемъ; но сіе искуство да пребудетъ въ васъ мертво, доколѣ собственная сохранность того не востребуетъ. Уповаю, оно не сдѣлаетъ васъ наглыми; ибо вы имѣете твердый духъ и обидой не сочтете, естьли оселъ улягнетъ васъ или свинья коснется смраднымъ рыломъ. Не бойтесь никому сказать, что вы умѣете доить корову, сварите щи и кашу или зажарены вами кусекъ мяса будетъ вкусенъ. Тотъ, кто самъ умѣетъ что сдѣлать, умѣетъ заставить сдѣлать и будетъ къ погрѣшностямъ снисходителенъ, зная всѣ трудности въ исполненіи.

Во младенчествѣ и отрочествѣ не отягощалъ я разсудка вашего готовыми размышленіями или чужими мыслями, не отягощалъ памяти вашей излишними предметами; но предложивъ вамъ пути къ познаніямъ съ тѣхъ поръ, какъ начали вы ощущать силы своего разума, шествуете сами къ открытой вамъ стезѣ. Ваши познанія тѣмъ основательнѣе, что вы пріобрѣли ихъ не твердя, какъ говорятъ по пословицѣ, какъ сорока Якова. Слѣдуя сему правилу, пока силы разума въ васъ еще не дѣйствовали, не предлагалъ я вамъ понятія о всевышнемъ Существѣ, а еще менѣе объ откровеніи; ибо то, что узнали бы вы прежде, нежели сдѣлались разумны, было бы въ васъ предразсудокъ и помѣшало бы разсужденію. Когдажъ увидѣлъ, что вы въ сужденіяхъ своихъ руководствуетесь разсудкомъ, то предложилъ вамъ связь понятій, ведущихъ къ познанію Бога, увѣренъ будучи въ сердцѣ моемъ, что всещедрому Отцу пріятнѣе зрѣть двѣ непорочныя души, въ коихъ свѣтильникъ познаній возжигается не предразсудкомъ, но онѣ сами возносятся къ начальному огню на возгореніе. Тогда предложилъ я вамъ и о законѣ откровенномъ, не сокрывая отъ васъ всего того, что въ опроверженіе онаго сказано многими; ибо желалъ, чтобъ могли вы сами избирать между млекомъ и желчію, и съ радостію видѣлъ, что вы неробко воспріяли сосудъ утѣшенія.

Я преподавалъ вамъ свѣденія о наукахъ, не оставилъ ознакомить васъ съ различными народами, изъучивъ васъ языкамъ иностраннымъ. Но прежде всего попеченіе мое было, да познаете вашъ собственный, да умѣете изъяснить на ономъ ваши мысли словесно и письменно и чтобъ изъясненіе сіе было непринужденно и поту на лицѣ не производило. Англискій языкъ, а потомъ латинскій старался я сдѣлать вамъ извѣстнѣе другихъ; ибо твердость духа вольности, переходя

въ изображеніе рѣчи, пріучить и разумъ къ твердымъ понятіямъ, столь нужнымъ во всякомъ правленіи.

Но естьли представлялъ я разсудку вашему упражняться въ наукахъ, тѣмъ бдительнѣе тщился я быть въ нравственности вашей; старался умѣрять въ васъ гнѣвъ мгновенія, подвергая разсудку гнѣвъ продолжительный, производящій мщеніе. Мщеніе...ваша душа гнушается его. Изъ сего природнаго чувствительной твари движенія оставили вы только оберегательность своей жизни, поправъ желаніе возвращать уязвленія.

Нынѣ настало то время, что чувства ваши, дошедъ до совершенства возбужденія, но не до совершенства понятія о возбуждаемомъ, начинаютъ тревожиться всякою внѣшностію и производить опасное волненіе въ сердцѣ вашемъ. Нынѣ достигли вы времени, въ которое, какъ говорятъ, разсудокъ становится опредѣлителемъ дѣланія и недѣланія; а лучше сказать, когда чувства, одержимыя доселѣ плавностію младенчества, начинаютъ ощущать дрожаніе; или когда жизненныя соки, исполнивъ сосудъ юности, начинаютъ превышать его воскраія, ища стези свойственнымъ для нихъ стремленіемъ. Я сохранилъ васъ до сихъ поръ неприступными превратнымъ потрясеніямъ чувствъ; но не закрылъ отъ васъ покровомъ невѣденія пагубныхъ слѣдствій совращенія съ пути умѣренности въ чувственномъ услажденіи. Вы были свидѣтели, сколь гнусно избыточество чувственнаго насыщенія и возгнушались имъ, были свидѣтели страшнаго волненія страстей, превысившихъ берега естественнаго своего теченія, познали ихъ гибельныя опустошенія, и ужаснулись. Моя опытность, носясь надъ вами, подобно новому эгиду охраняла васъ отъ опасныхъ уязвленій. Нынѣ будете вы сами себѣ вожди; и хотя

совѣты мои будутъ всегда свѣтильникомъ въ вашихъ начинаніяхъ—ибо сердце и душа ваша мнѣ отверзты;—но какъ свѣтъ отдалясь отъ предмета, менѣе его освѣщаетъ, такъ и вы, въ отсутствіи отъ меня, ощутите слабое согрѣніе моей дружбы. И для того преподамъ вамъ правила единожитія и общежитія, чтобъ по усмиреніи страстей не возгнушались вы дѣяній, въ оныхъ совершенныхъ, и не познали раскаянія.

Правила единожитія, сколько то касаться можетъ до васъ самихъ, должны относиться къ вашей тѣлесности и нравственности. Не забывайте никогда употреблять вашихъ тѣлесныхъ силъ и чувствъ. Умѣренное упражненіе оныхъ укрѣпитъ ихъ не истощая и послужитъ къ здравію вашему и долгой жизни. И для того упражняйтесь въ искусствахъ, художествахъ и ремеслахъ, вамъ извѣстныхъ. Совершенство въ оныхъ можетъ быть иногда нужно. Грядущее вамъ не извѣстно. Естьли непріязненное щастіе отниметъ у васъ все, что оно вамъ дало; то богаты пребудете въ умѣренности желаній, кормясь дѣлами рукъ своихъ. Но естьли во дни блаженства вознебрежете, то поздно о томъ думать во дни печали. Нѣга, праздность и неумѣренное чувствъ услажденіе губятъ и тѣло и духъ; ибо изнуряяй тѣло невоздержностью изнуряетъ и крѣпость духа. Употребленіе же силъ укрѣпитъ тѣло, а съ нимъ и духъ. Естьли почувствуешь отвращеніе къ яствамъ и болѣзнь постучится у дверей; воспряни тогда отъ одра твоего, на которомъ лелѣешь чувства свои, приведи уснувшіе члены твои въ дѣйствіе упражненія,—и почувствуешь мгновенное обновленіе силъ; воздержи себя отъ пищи, нужной во здравіи, и голодъ сдѣлаетъ сладкою твою пищу, огорчавшую отъ сытости. Помните всегда, что

для утоленія голода нуженъ только кусокъ хлѣба и ковшъ воды. Естьли благодѣтельное лишеніе внѣшнихъ чувствованій, сонъ, удалится отъ твоего возглавія и не возможетъ обновить душевныхъ и тѣлесныхъ силъ: бѣги изъ чертоговъ твоихъ и утомивъ члены до усталости, возляги на одрѣ твоемъ и почіешь во здравіе.

Будьте опрятны въ одеждѣ, содержите тѣло въ чистотѣ; ибо чистота служитъ ко здравію, а неопрятность и смрадность тѣла нерѣдко отверзаетъ непримѣтную стезю къ гнуснымъ порокамъ. Но не будьте въ семъ неумѣренны: не гнушайтесь пособить поднять во рвѣ погрязшую телегу, и тѣмъ облегчить упадшаго; вымарайте руки, ноги и тѣло, но просвѣтите сердце. Ходите въ хижины униженія, утѣшайте томящагося нищетою, вкусите его брашна, и сердце ваше усладится, подавъ отраду скорбящему.

Нынѣ достигли вы, повторяю, того страшнаго времени и часа, когда страсти начинаютъ пробуждаться, но разсудокъ еще слабъ на обузданіе ихъ; ибо чаша разсудка безъ опытности на вѣсахъ воли поднимается, а чаша страстей опустится мгновенно долу. И такъ не иначе приближиться можно къ равновѣсію, какъ трудолюбіемъ. Трудитесь тѣломъ: страсти ваши не столь сильное волненіе имѣть будутъ. Трудитесь сердцемъ, упражняясь въ мягкосердіи, чувствительности, соболѣзнованіи, щедротѣ, отпущеніи,—и страсти ваши направятся къ благому концу. Трудитесь разумомъ, упражняясь въ чтеніи, размышленіи, изысканіи истины или происшествій,—и разумъ управлять будетъ вашею волею и страстьми. Но не возмните въ восторгѣ разсудка, что можете истребить корень страстей, что нужно быть совсѣмъ безстрастну. Корень страстей благъ и основанъ самою природою на

нашей чувствительности. Когда внѣшнія и внутреннія чувства ослабѣваютъ и притупляются, тогда ослабѣваютъ и страсти. Онѣ производятъ благую въ человѣкѣ тревогу, безъ которой онъ уснулъ бы въ бездѣйствіи. Совершенно безстрастный человѣкъ есть глупецъ и нелѣпый истуканъ, не возмогаяй ни благаго, ни злаго. Воздержаться отъ худыхъ помысловъ, не могши совратить ихъ, не есть достоинство; безрукой не можетъ никого уязвить и не можетъ подать помощи утопающему, ни удержать на берегѣ падающаго въ пучину морскую. И такъ умѣренность въ страстяхъ есть благо. Шествіе по стезѣ средою надежно. Чрезвычайность въ страсти есть гибель; безстрастіе есть нравственная смерть. Подобно какъ путешественникъ, отдаляясь середины стези, подвергается опасности упасть въ тотъ или другой ровъ: таково бываетъ шествіе въ нравственности. Буде страсти ваши опытностію, разсудкомъ и сердцемъ направлены къ благому концу: снимите съ нихъ бразды томнаго благоразумія, не сокращайте ихъ полета; мета ихъ будетъ всегда величіе; на немъ единомъ умѣютъ онѣ остановиться.

Но если побуждаю я васъ не быть безстрастными, то паче всего потребна въ юности вашей умѣренность любовной страсти. Она насаждена природою въ сердцѣ нашемъ къ блаженству нашему. И такъ она никогда не можетъ ошибаться въ возрожденіи своемъ, но въ предметѣ своемъ и неумѣренности. И такъ блюдитесь ошибаться въ предметѣ любви вашей и не почтите взаимною горячностью видъ оныя. Съ благимъ же предметомъ любви неумѣренность сей страсти будетъ вамъ неизвѣстна. Говоря о любви, естественно было бы говорить и о супружествѣ, о семъ священномъ союзѣ общества, коего правила не Природа въ сердцѣ начертала, но святость

коего изъ начальнаго обществаположенія проистекаетъ. Вашему разуму, едва шествіе свое начинающему, сіе было бы непонятно; а сердцу вашему, не испытавшему самолюбивой въ обществѣ страсти любви, была бы повѣсть о семъ не ощутительна, а потому и безполезна. Естьли желаете имѣть о супружествѣ понятіе, то вспомните о рождшей васъ. Представьте меня съ нею и съ вами, возобновите вашему слуху глаголы наши и взаимныя лобызанія, и приложите картину сію къ сердцу вашему; тогда почувствуете въ немъ нѣкое пріятное содроганіе. Что оно есть — познаете со временемъ; а теперь будьте довольны ощущеніемъ онаго.

Приступимъ нынѣ вкратцѣ къ правиламъ общежитія. Ихъ не можно предписать съ точностію; ибо они часто располагаются по обстоятельствамъ мгновенія. Но дабы сколько можно менѣе ошибаться при всякомъ начинаніи, вопросите ваше сердце; оно благо и никогда не можетъ обмануть васъ. Что вѣщаетъ, то и творите. Слѣдуя сердцу въ юности, не ошибетесь, естьли имѣете сердце благое. Но возмнивый слѣдовать разсудку, не имѣя на брадѣ власовъ, возвѣщающихъ опытность есть безумецъ.

Правила общежитія относятся къ исполненію обычаевъ и правъ народныхъ, или къ исполненію закона, или къ исполненію добродѣтели. Естьли въ обществѣ правы и обычаи не противны закону; естьли законъ не полагаетъ добродѣтели преткновеній въ ея шествіи; то исполненіе правилъ общежитія легко. Но гдѣ такое общество существуетъ? Всѣ извѣстныя намъ наполнены многими въ нравахъ и обычаяхъ, законахъ и добродѣтеляхъ противорѣчіями. И отъ того становится трудно исполненіе

должностей человѣка и гражданина: ибо нерѣдко находятся онѣ въ совершенной противуположности.

Какъ добродѣтель есть вершина дѣяній человѣческихъ; то исполненіе ее ничѣмъ не должно быть препинаемо. Не бреги обычаевъ и нравовъ; не бреги законовъ гражданскаго и священнаго, буде исполненіе оныхъ отлучаетъ тебя отъ добродѣтели. Не дерзай никогда нарушить ее и прикрывать робостью благоразумія. Благодественъ будешь безъ нее во внѣшности, но блаженъ никогда.

Послѣдуя тому, что налагаютъ на насъ обычаи и нравы, мы пріобрѣтемъ благопріятство тѣхъ, съ кѣмъ живемъ. Исполняя же добродѣтель, пріобрѣтемъ общую довѣренность, почтеніе и удивленіе, даже и отъ тѣхъ, кто не желалъ бы ощущать ихъ въ душѣ своей. Коварный Аѳинскій Сенатъ, подавая Сократу чашу съ отравою, трепеталъ въ душѣ своей предъ его добродѣтелію.

Не дерзай никогда исполнять обычая въ предосужденіе закона. Законъ, какъ ни худъ, есть связь общества. И естьли бы самъ Государь велѣлъ тебѣ нарушить законъ: не повинуйся ему; ибо онъ заблуждаетъ во вредъ себѣ и обществу. Пусть уничтожитъ законъ, подобно какъ повелѣваетъ нарушить оный: тогда повинуйся, ибо въ Россіи Государь есть источникъ законовъ.

Но естьли бы законъ или Государь или какая либо власть на землѣ подвизала тебя на неправду и нарушеніе добродѣтели: пребудь въ оной непоколебимъ. Не бойся ни осмѣянія, ни мученія, ни болѣзни, ни заточенія, ниже самой смерти. Пребудь незыблемъ въ душѣ твоей, какъ камень среди бунтующихъ, но немощныхъ валовъ. Ярость мучителей твоихъ раздробиться о твердость твою; и естьли предадутъ тебя смерти, будутъ осмѣяны; а ты будешь жить въ душахъ благородныхъ до скончанія вѣка. Убойся заранѣе

именовать слабость въ дѣяніяхъ благоразумiемъ, сего перваго добродѣтелей врага. Сегодня потеряешь къ нимъ уваженіе, ради чего завтра самое нарушеніе ихъ казаться будетъ добродѣтелію. Такъ воцариться порокъ въ сердцѣ твоемъ и исказитъ черты непорочности въ душѣ и на лицѣ твоемъ.

Добродѣтели суть или частныя или общественныя. Побужденіе къ первымъ суть всегда мягкосердіе, кротость, соболѣзнованіе, и корень ихъ всегда благъ. Побужденіе къ добродѣтелямъ общественнымъ нерѣдко имѣетъ начало свое въ тщеславіи и любочестіи. Но для того не надлежитъ остановляться въ исполненіи ихъ. Предлогъ, подъ которымъ вращаются, придаетъ имъ важности. Въ Курціи, спасшемъ отечество свое отъ пагубоносной язвы, никто не видитъ ни тщеславнаго, ни отчаяннаго или наскучившаго жизнію, но Героя. Естьли побужденія наши къ общественнымъ добродѣтелямъ имѣютъ начало свое въ человѣколюбивой твердости души, тогда блескъ ихъ будетъ гораздо большій. Упражняйтесь всегда въ частныхъ добродѣтеляхъ, чтобъ удостоиться исполненія общественныхъ.

Еще преподамъ вамъ нѣкоторыя исполнительныя правила жизни. Старайтесь паче всего заслужить во всѣхъ дѣяніяхъ своихъ собственное почтеніе, чтобъ, обращая въ уединеніи взоры свои во внутрь себя, не токмо не могли бы вы раскаиваться о содѣланномъ, но взирали бы на себя съ благоговѣніемъ. Слѣдуя сему правилу, удаляйтесь, сколько возможно, даже вида раболѣпствованія. Вошедъ въ свѣтъ, узнаете скоро, что въ обществѣ существуетъ обычай посѣщать въ праздники по утрамъ знатныхъ особъ; обычай

скаредный, ничего не значущій, показующій въ посѣтителяхъ духъ робости, а въ посѣщаемомъ духъ надмѣнности и слабый разсудокъ. У Римлянъ было подобное сему обыкновеніе, которое называли они амбиціо, то есть, снисканіе или обхожденіе; а оттуда названо и любочестіе амбиція: ибо посѣщеніями именитыхъ людей юноши прокладывали себѣ путь къ чинамъ и достоинствамъ. Тоже дѣлается и нынѣ. Но естьли у Римлянъ обычай сей введенъ былъ для того, чтобъ молодые люди научались обхожденіемъ съ испытанными, то сомнѣваюсь, чтобъ цѣль обычая сего всегда непорочною сохранялась. Въ наши времена, посѣщая знатныхъ господъ, никто не имѣетъ цѣлію своего ученія, но снисканіе ихъ благопріятства. — И такъ да не преступитъ нога ваша порога, отдѣляющаго раболѣпство отъ исполненія должности. Не посѣщай никогда передней знатнаго боярина, развѣ по долгу званія своего. Тогда среди толпы презрѣнной тотъ, на кого взираетъ она съ подобострастіемъ въ душѣ своей, отличитъ тебя отъ ней, хотя и съ негодованіемъ. И естьли случится, что смерть пресечетъ дни мои, прежде нежели укрѣпитесь вы въ благомъ пути и въ юности вашей изторгнуть васъ страсти изъ стези разсудка: то не отчаявайтесь, смотря иногда на превратное свое шествіе. Въ заблужденіи вашемъ, въ забвеніи самихъ себя возлюбите добро. Распутное житіе, безмѣрное любочестіе, наглость и всѣ пороки юности оставляютъ надежду исправленія; ибо скользятъ по поверхности сердца, не уязвляя его. Я лучше желаю чтобъ въ молодыхъ лѣтахъ были вы распутны, расточительны, наглы, нежели сребролюбивы, или чрезмѣрно бережливы, щеголеваты. Систематическое, такъ сказать, расположеніе въ щегольствѣ означаетъ всегда сжатый разсудокъ. Естьли повѣствуютъ, что Юлій Цесарь былъ щеголь, то щегольство его имѣло цѣль; побужденіемъ къ тому была страсть къ женщинамъ въ

юности его; онъ изъ щеголя облекся бы мгновенно въ смраднѣйшее рубище, естьли бъ то способствовало къ достиженію его желаній.

Въ молодомъ человѣкѣ нетокмо преходящее щегольство простительно, но и всякое почти дурачество. Естьли прекраснѣйшими дѣяніями жизни прикрывать будете коварство, ложь, вѣроломство, сребролюбіе, гордость, любомщеніе, звѣрство: то хотя ослѣпите современниковъ своихъ блескомъ ясной наружности, хотя не найдете никого столь любящаго васъ, да представитъ вамъ зерцало истины, — не мните однакожъ затмить взоры прозорливости. Она проникнетъ свѣтозарную ризу коварства, и добродѣтель обнажитъ черноту души вашей. Сердце твое возненавидитъ ее, и прикосновеніемъ твоимъ какъ чувствительница увядать станетъ она мгновенно; но стрѣлы ея издалека будутъ язвить и терзать тебя.

Простите, мои возлюбленіи! простите, друзья души моей! Днесь при сопутномъ вѣтрѣ отчальте отъ брега чуждой опытности ладью вашу; стремитесь по валамъ житія человѣческаго, да научитесь управлять сами собой. Блаженни естьли, не претерпѣвъ крушенія; достигните пристанища, котораго жаждемъ. Будьте щастливы въ плаваніи вашемъ. Се искреннее мое желаніе. Естественныя силы мои, истощавъ движеніемъ и жизнію, скоро изнемогутъ и угаснутъ,—и я оставлю васъ навѣки. Вотъ мое вамъ завѣщаніе. Естьли ненавистное щастіе истощитъ надъ тобою всѣ стрѣлы свои; естьли добродѣтели твоей не останется на землѣ убѣжища; естьли доведенну до крайности не будетъ тебѣ покрова отъ угнѣтенія: тогда вспомни, что ты человѣкъ, вспомни свое человѣчество, восхити вѣнецъ блаженства, которой отнять у тебя тщатся— умри. Въ наслѣдіе оставляю вамъ слово умирающаго Катона. Но естьли можешь умереть въ добродѣтели, умѣй умереть

и въ порокѣ, и будь, такъ сказать, добродѣтеленъ въ самомъ злѣ. — Естьли, забывъ мои наставленія, поспѣшать будете на злыя дѣла; то встревожится душа, обыкшая къ добродѣтели, и я явлюсь вамъ въ мечтѣ. Воспрянии отъ ложа твоего, преслѣдуй душею мой образъ. Естьли источится тогда слеза изъ очей твоихъ, то успи паки — пробудишься на исправленіе. Но естьли среди злыхъ твоихъ начинаній душа твоя, воспоминая о мнѣ, не зыблется и око пребудетъ сухо .... се сталь, се отрава. — Избавь меня скорьби, избавь землю поносной тяжести; будь мой сынъ; умри за добродѣтель.

Вѣщавшему сіе старцу юношескій румянецъ покрылъ сморщенныя ланиты его; взоры его испускали лучи надежнаго радованія; черты лица сіяли непзъяснимымъ удовольствіемъ. Онъ облобызалъ дѣтей своихъ и проводилъ ихъ до повозки и пребылъ твердъ до послѣдняго разстанія. Но едва звонъ почтоваго колокольчика возвѣстилъ ему, что они начали отъ него удаляться: упругая душа сія смягчилась. Слезы потекли изъ очей его; грудь его воздымалась; онъ простиралъ руки свои въ слѣдъ за отъѣзжающими; казалось, будто желаетъ остановить стремленіе коней. Юноши, узрѣвъ издали рождшаго ихъ въ такой печали, возрыдали столь громко, что вѣтръ доносилъ жалостный ихъ стонъ до слуха нашего. Они также простирали руки къ отцу своему, и казалось, будто звали его къ себѣ. Старецъ не могъ снести сего зрѣлища; силы его ослабѣли, и онъ упалъ въ мои объятія. Между тѣмъ пригорокъ скрылъ отъѣхавшихъ юношей отъ взоровъ нашихъ. Старецъ, пришедъ въ себя, сталъ на колѣни и возведъ руки и взоры на Небо, возопилъ: "Господи, молю Тебя, да укрѣпиши ихъ въ стезяхъ добродѣтели; молю, блаженни да будутъ. Вѣси, николи не утруждалъ Тебѣ, Отецъ всещедрый! безполезною молитвою; увѣренъ въ душѣ моей, яко благъ еси и право-

суденъ. Любезнѣйшее Тебѣ въ насъ есть добродѣтель; дѣянія чистаго сердца суть лучшая для Тебя жертва. Я отлучилъ нынѣ отъ себя сыновъ своихъ: Господи, да будетъ въ нихъ воля Твоя."—Смущенъ, но твердъ въ надѣяніи своемъ отъѣхалъ онъ въ свое жилище.

Слова крестецкаго дворянина не выходили у меня изъ головы; доказательства его о ничтожности власти родителей надъ дѣтьми казались мнѣ неоспоримы. Но естьли въ благоучрежденномъ обществѣ нужно, чтобъ юноши почитали старцевъ и опытность ихъ; то нѣтъ, кажется, нужды дѣлать родительскую власть безпредѣльною. Естьли союзъ между отцемъ и сыномъ основанъ не на надежныхъ чувствованіяхъ и сердцѣ; то онъ конечно не твердъ, и будетъ нетвердъ вопреки всѣхъ законоположеній. Естьли отецъ видитъ въ сынѣ своего раба и ищетъ власть свою въ законоположеніи; естьли сынъ почитаетъ отца для наслѣдства, то какая польза отъ того обществу? Или еще одинъ невольникъ въ прибавокъ ко многимъ другимъ, или змія за пазухой?—Отецъ обязанъ сына и воскормить и научить, и долженъ быть наказанъ за его проступки, пока не войдетъ онъ въ совершеннолѣтіе; а сынъ да обрящетъ должности свои въ сердцѣ своемъ. Естьли онъ ихъ не ощущаетъ, то виновенъ отецъ, почто ничего не насадилъ. Сынъ же въ правѣ требовать отъ отца вспомоществованія, пока пребываетъ немощенъ и малолѣтенъ; но въ совершеннолѣтіи сія естественность и природная связь рушится. Птенецъ пернатыхъ не проситъ помощи отъ произведшихъ его, когда самъ начнетъ находить пищу. Самецъ и самка забываютъ о птенцахъ своихъ, когда они возмужаютъ. Се есть законъ Природы. Естьли гражданскіе законы отъ него удалятся, то производятъ всегда урода. Ребенокъ любитъ своего отца, мать или наставника,

пока любленіе его не обратится къ другому предмету. Да не оскорбится симъ сердце твое, отецъ чадолюбивый : природа того требуетъ. Единое утѣшеніе да будетъ тебѣ въ томъ, что и сынъ сына твоего возлюбитъ отца своего до совершеннаго только возраста ; тогда отъ тебя будетъ зависѣть обратить горячность его къ себѣ. И естьли въ томъ успѣешь, блаженъ будешь и почтенія достоинъ. Въ таковыхъ размышленіяхъ доѣхалъ я до почтоваго стана.

ЯЖЕЛБИЦЫ.

Сей день опредѣленъ мнѣ былъ на испытаніе. Я отецъ и имѣю нѣжное сердце къ моимъ дѣтямъ. Для того то слова крестецкаго дворянина меня столь тронули, и потрясши мою душу, изліяли нѣкое усладительное чувствованіе надежды, что блаженство наше въ отношеніи дѣтей нашихъ зависитъ много отъ насъ самихъ. Но въ Яжелбицахъ опредѣлено мнѣ было быть зрителемъ позорища, которое оставало въ душѣ моей глубокій корень печали, и нѣтъ надежды къ истребленію его.

О юность! услышь повѣсть мою, познай свое заблужденіе, бѣги отъ произвольной гибели и пресѣки путь къ будущему раскаянію.

Я проѣзжалъ мимо кладбища. Необыкновенный вопль терзающаго на себѣ власы человѣка принудилъ меня остановиться. Приближась увидѣлъ я, что тамъ совершалось погребеніе. Надлежало уже опускать гробъ въ могилу ; но тотъ, котораго я издали видѣлъ терзающаго на себѣ власы, повергся на гробъ и ухватясь весьма крѣпко за оный, не

дозволялъ опускать его въ землю. Съ великимъ трудомъ отвлекли его отъ гроба, и опустя оный въ могилу, зарыли ее поспѣшно. Тутъ страждущій говорилъ къ предстоящимъ: почто вы меня его, лишили? почто меня не погребли съ нимъ живаго и не скончали моей скорьби и раскаянія? Знайте, что я убійца возлюбленнаго моего сына, котораго предали землѣ. Не дивитесь сему. Я не прекратилъ жизни его ни мечемъ, ни отравою; нѣтъ, я болѣе сего сдѣлалъ: я уготовалъ ему смерть до рожденія его, давъ ему жизнь отравленную. Я убійца, каковыхъ много; но убійца лютѣйшій другихъ. Я убилъ сына моего до рожденія его. Одинъ я прекратилъ дни его, изліявъ томной ядъ въ составъ его; онъ воспретилъ укрѣпиться силамъ тѣла его. Во всю жизнь свою не наслаждался онъ здравіемъ ни одного дня, и разверстіе яда пресѣкло теченіе жизни его. Никто, никто не накажетъ меня за мое злодѣяніе!—Отчаяніе изобразилось на лицѣ его, и почти бездыханна отнесли его съ сего мѣста. —Внезапный хладъ разлился въ моихъ жилахъ. Я оцѣпенѣлъ; мнѣ казалось, что слышу мое осужденіе; воспомянулъ дни распутной моей юности, привелъ на память всѣ случаи, когда встревоженная чувствами душа гонялась за ихъ услажденіемъ, почитая мздоимную участницу любовной утѣхи истиннымъ предметомъ горячности. Воспомянулъ, что невоздержаніе въ любострастіи навлекло тѣлу моему смрадную болѣзнь. О естьли бы не долѣе пускала она корень свой! Естьлибъ съ утоленіемъ любострастія прерывалась! Пріявъ отраву сію въ веселіи, не токмо согрѣваемъ ее въ нѣдрахъ своихъ, но и даемъ ее въ наслѣдіе нашему потомству. О друзья мои возлюбленные! о чада души моей! не знаете вы, колико согрѣшилъ я предъ вами. Блѣдное ваше чело есть мое осужденіе; страшусь возвѣстить вамъ о болѣзни, иногда вами ощущаемой. Вы возненавидите можетъ быть

меня, и ненависть ваша будетъ справедлива. Кто увѣритъ васъ и меня, что вы не носите въ крови своей сокровеннаго жала, опредѣленнаго для безвременнаго пресѣченія дней вашихъ. Пріявъ въ совершенномъ возрастѣ сей смрадный ядъ въ тѣло мое, затвердѣлость членовъ моихъ противилась его распространенію и борется съ его смертоносностію. Но вы, принявъ его отъ рожденія и нося его въ себѣ какъ нужную часть тѣла, какъ возпротивитесь разрушительному его дѣйствію? Всѣ ваши болѣзни суть слѣдствія сей отравы. О возлюбленные мои! плачьте о заблужденіи моего юношества; призовите на помощь врачебное искусство: и естьли можете, не ненавидьте меня.

Теперь открывается глазамъ моимъ все пространство сего любострастнаго злодѣянія. Я согрѣшилъ предо мною, навлекши себѣ безвременную старость и дряхлость въ юношескихъ еще лѣтахъ. Согрѣшилъ передъ вами, отравивъ до рожденія вашего жизненные ваши соки и тѣмъ уготовалъ вамъ томное здравіе и безвременную можетъ быть смерть. Согрѣшилъ,—и сіе да будетъ мнѣ въ казнь;—согрѣшилъ въ горячности моей, взявъ въ супружество мать вашу. Кто мнѣ порукою въ томъ, что не я былъ причиною ея кончины? Смертоносный ядъ, источаясь въ веселіи, преселился въ чистое ея тѣло и отравилъ непорочные ея члены. Онъ былъ тѣмъ смертоноснѣе, чѣмъ былъ сокровеннѣе. Ложная стыдливость воспретила мнѣ предостеречь ее въ томъ; она же въ горячности своей не остерегалась своего отравителя. Приключившееся ей воспаленіе есть можетъ быть плодъ удѣленной ей мною отравы. О возлюбленные мои! колико должны вы меня ненавидѣть!

Но кто причиною, что сія смрадная болѣзнь дѣлаетъ во всѣхъ государствахъ столь великія опустошенія, не токмо уменьшая много настоящихъ поколѣній, но сокращая еще дни грядущихъ? Кто причиною кромѣ Правительства? Дозволяя мздоимное распутство, оно не токмо открываетъ путь ко многимъ порокамъ; но отравляетъ жизнь гражданъ. Публичныя женщины находя защитниковъ, и въ нѣкоторыхъ Государствахъ состоятъ подъ покровительствомъ Начальства. Естьли бы, говорятъ нѣкорые, запрещено было наемное удовлетвореніе любовной страсти; то не рѣдко были бы чувствуемы сильныя въ обществѣ потрясенія. Увозы, насилія, убійства имѣли бы нерѣдко свой источникъ въ любовной страсти. Они могля бы потрясти и самое основаніе обществъ. — И вы желаете лучше тишины, и съ нею томленія и скорби; нежели тревоги, и съ нею здравія и мужества? Молчите, скаредные учители! вы наемники мучительства. Оно, проповѣдуя всегда миръ и тишину, заключаетъ усыпляемыхъ лестію въ оковы. Оно боится даже посторонней тревоги; оно желало бы, чтобъ вездѣ одинакоью съ нимъ мыслили, дабы надежно лелѣяться въ величіи и утопать въ любострастіи. Я недивлюсь словамъ вашимъ. Рабамъ сродно желать видѣть всѣхъ въ оковахъ. Одинаковая участь облегчаетъ ихъ жребій; а превосходство чье либо тягчитъ ихъ духъ и разумъ.

ВАЛДАИ.

Сей новый городокъ, сказываютъ, населенъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ взятыми въ плѣнъ Поляками. Онъ

достопамятенъ по любному расположенію его жителей, а особливо замужнихъ женщинъ. Кто не бывалъ въ Валдаяхъ? Кто не знаетъ Валдайскихъ баранокъ и Валдайскихъ разрумяненыхъ дѣвокъ? Наглыя Валдайскія и стыдъ сотрясшія дѣвки останавливаютъ всякаго проѣзжающаго и стараются возжигать въ немъ любострастіе и воспользоваться его щедростію на щетъ своего цѣломудрія. Сравнивая нравы жителей сей въ городъ произведенной деревни со нравами другихъ Россійскихъ городовъ, подумаешь, что она есть напдревнѣйшая и что развратные нравы суть единые токмо остатки древняго ея построенія. Но какъ немного долѣе ста лѣтъ, какъ она населена, то можно судить, сколь развратны были и первые ея жители.

Бани бывали и нынѣ бываютъ мѣстомъ любовныхъ торжествованій. Путешественникъ, условясь о пребываніи своемъ съ услужливою старушкою или парнемъ, становится на дворъ, гдѣ намѣренъ приносить жертву всеобожаемой Ладѣ. Настала ночь — баня для него уже готова. Путешественникъ раздѣвается, входитъ въ баню, гдѣ встрѣчаетъ его или хозяйка, естьли молода, или ея дочь или ея свойственница или сосѣдка. Отираютъ утомленные его члены, омываютъ грязь, — и сіе производятъ совлекши съ себя одежду, возжигаютъ въ немъ любострастной огонь, — и онъ препровождаетъ тутъ ночь, теряя деньги, здоровье и драгоцѣнное на путешествіе время. Бывало, сказываютъ, что оплошнаго и отягченнаго любовными подвигами и виномъ путешественника сіи любострастныя чудовища предавали смерти, чтобъ воспользоваться его имѣніемъ. Не знаю, правда ли сіе; но то правда, что наглость Валдайскихъ дѣвокъ теперь уменьшилась; и хотя онѣ и нынѣ не откажутся удовлетворить желаніямъ

путешественника, но прежней наглости въ нихъ не видно.

Валдайское озеро, надъ которымъ построенъ сей городъ, останется достопамятно по повѣсти о монахѣ, жертвовавшемъ жизнію для своей любовницы. Въ полуторѣ верстѣ отъ города среди озера на островѣ находится Иверскій монастырь, построенный славнымъ Никономъ Патріархомъ. Одинъ изъ монаховъ сего монастыря, посѣщая Валдаи, влюбился въ дочь одного Валдайскаго жителя. Скоро любовь ихъ стала взаимною; скоро стремились они къ совершенію ее. Насладившись однажды ея веселіемъ, были они не въ силахъ противиться ея стремленію. Но состояніе ихъ полагало оному преграду. Любовнику не льзя было отлучаться часто изъ монастыря; любовницѣ жъ не льзя было посѣщать кельи своего любезнаго. Но горячность ихъ все преодолѣла. Изъ любострастнаго монаха сдѣлала она неустрашимаго мужа и дала ему почти чрезъ-естественныя силы. Сей новый Леандръ, чтобъ наслаждаться ежедневно веселіемъ въ объятіяхъ своей любовницы, едва ночь покрывала мракомъ все зримое, выходилъ тихо изъ своей кельи и совлекши одежду, переплывалъ озеро до противостоящаго берега, гдѣ принимаемъ былъ въ объятія своей любезной. Баня и въ ней любовныя утѣхи были для него готовы; и онъ забывалъ въ ней опасность и трудность переплыванія и боязнь, естьли бъ отлучка его сдѣлалась извѣстна. За нѣсколько часовъ до разсвѣта возвращался онъ въ свою келью. Въ сихъ опасныхъ предпріятіяхъ провелъ онъ долгое время, награждая скуку дневнаго заключенія почнымъ веселіемъ. Но судьба положила конецъ любовнымъ его подвигамъ. Въ одну изъ почей, когда сей неустрашимый любовникъ отправился чрезъ валы къ своей любезной, возсталъ вдругъ противный ему вѣтръ.

Еще на срединѣ пути всѣ силы его немощны были преодолѣть разъяренныя волны. Тщетно напрягалъ онъ свои мышцы; тщетно возвышалъ голосъ, да услышанъ будетъ въ опасности. Видя невозможность достигнуть, рѣшился онъ возвратиться въ монастырь, котораго тѣмъ гегче казалось ему достигнуть что вѣтеръ былъ попутный. Но едва обратилъ онъ шествіе свое, какъ валы, осиливъ утомленные его мышцы, затопили его въ пучинѣ. Поутру нашли тѣло его на отдаленномъ берегу. Естьли бы писалъ я о семъ поему, то представилъ бы читателю любовницу его въ отчаяніи; но это было бы здѣсь излишнее. Всякъ знаетъ, что любовницѣ, хотя на первое мгновеніе, прискорбно узнать о кончинѣ любезнаго. Не знаю и того, бросилась ли сія новая героиня въ озеро, или въ слѣдующую ночь топила опять баню для путешественника. Любовная лѣтопись гласитъ, что Валдайскія красавицы отъ любви не умирали...развѣ въ больницѣ!

Валдайскіе нравы переселились и въ близь лежащій почтовый станъ, Зимогорье. Тутъ путешественнику бываетъ такая же встрѣча, какъ и въ Валдаяхъ, и прежде всего представятся взорамъ разрумяненыя дѣвки съ баранками. Но какъ молодыя мои лѣта уже прошли, то я поспѣшно разстался съ мазаными Валдайскими и Зимогорскими Сиренами.

ЕДРОВО.

Доѣхавъ до жилья, вышелъ я изъ кибитки. Не подалеку отъ дороги стояло много бабъ и дѣвокъ. Страсть,

господствовавшая надо мною во всю жизнь, но уже угасшая, по обыкновенному ея стремленію направила стопы мои къ толпѣ сихъ сельскихъ красавицъ. Толпа сія состояла болѣе, нежели изъ 30 женщинъ. Всѣ онѣ были въ праздничномъ нарядѣ: шеи голыя, ноги босыя, локти наружи, платье заткнутое спереди за поясъ; рубахи бѣлыя, взоры веселые, здоровье на щекахъ начертанное, пріятности, хотя отъ зноя и холода загрубѣвшія, но прелестныя безъ покрова хитрости; красота юности въ полномъ блескѣ; въ устахъ улыбка или сердечный смѣхъ, отъ котораго становился видѣнъ рядъ зубовъ бѣлѣе чистѣйшей слоновой кости, — зубовъ, которые бы щеголихъ съ ума свели. Пріѣзжайте сюда, любезныя наши барыньки Московскія и Петербургскія! посмотрите на ихъ зубы; учитесь у нихъ содержать ихъ въ чистотѣ. У нихъ нѣтъ зубнаго врача; они не сдираютъ каждой день лоску съ зубовъ своихъ ни щетками, ни порошками. Станьте изъ нихъ, съ которою хотите, ротъ со ртомъ; дыханіе ни одной изъ нихъ не заразитъ вашего легкаго; а ваше, ваше можетъ быть положитъ въ нихъ начало болѣзни — боюсь сказать — какой. Хотя не закраснѣетесь, но разсердитесь. Развѣ я говорю неправду? — Мужъ одной изъ васъ таскается по всѣмъ скверными дѣвкамъ; получивъ болѣзнь, пьетъ, ѣстъ и спитъ съ тобой же. Другая же сама изволитъ имѣть годовыхъ, мѣсячныхъ, недѣльныхъ или — чего Боже спаси — ежедневныхъ любовниковъ; познакомясь сегодня и совершивъ свое желаніе, завтра его не знаетъ; — да и того иногда не знаетъ, что она уже однимъ его поцѣлуемъ заразилась. А ты, голубушка моя пятнатцатилѣтняя дѣвушка! ты еще непорочна можетъ быть; но на лбу твоемъ я вижу, что вся кровь твоя отравлена. Блаженной памяти твоей ба-

тюшка изъ докторскихъ рукъ не выходилъ; а государыня твоя матушка, направляя тебя на свой благочестивый путь, нашла уже тебѣ женишка, заслуженаго Генерала, и спѣшитъ выдать тебя за мужъ, чтобъ не сдѣлать съ тобой визита воспитательному Дому; — а за старикомъ-то жить не худо: своя воля; только бы быть за мужемъ;- дѣти все его; - ревнивъ онъ будетъ, тѣмъ лучше: болѣе удовольствія въ украденныхъ утѣхахъ. Съ первой ночи можно пріучить его не слѣдовать глупой старой модѣ спать съ женою вмѣстѣ.

Я не примѣтилъ какъ долго вы задержали меня, городскія сватьюшки, тетушки, сестрицы, племянницы и проч. Вы право того не стоите: у васъ на щекахъ румяна, на сердцѣ румяна, на совѣсти румяна, на искренности...сажа. Все равно румяна или сажа. Я побѣгу отъ васъ во всю конскую рысь къ моимъ деревенскимъ красавицамъ. Правда есть между ними на васъ похожія; но есть и такія каковыхъ въ городахъ и слыхомъ не слыхано и видомъ не видано. Посмотрите, какъ всѣ члены у моихъ красавицъ круглы, не искривлены, не испорчены. Вамъ смѣшно, что у нихъ ступни въ 5 вершковъ, а можетъ быть и въ 6. Ну, любезная моя племянница съ трехъ вершковою твоею ножкою, стань съ ними рядомъ и бѣги въ запуски: кто скорѣе достигнетъ высокой березы, по конецъ луга стоящей?—А, а! это не твое дѣло. А ты, моя сестрица голубушка съ трехъ четвертнымъ твоимъ станомъ въ обхватѣ, ты изволишь издѣваться, что у сельской моей Русалки брюшко на волѣ выросло. Постой, моя голубушка, посмѣюсь и я надъ тобой. Ты десятой мѣсяцъ за мужемъ, и уже трехъ четвертой твой станъ изъуродовался. А какъ дойдетъ до ро-

довъ запоешь другимъ голосомъ. Но дай Богъ, чтобъ обошлось все смѣхомъ. Дорогой мой зятюшко ходитъ повеся носъ. Всѣ твои шнурованія бросилъ въ огонь, всѣ кости изъ платьевъ твоихъ повытаскивалъ; но уже поздно. Криво срослися твоихъ составовъ тѣмъ не спрямишь. Плачь, мой любезный зять! плачь мать наша, слѣдуя плачевной модѣ, ознаменованной смертью разрѣшающихся отъ бремени женъ; она уготовала тебѣ на многія лѣта печаль, дочери твоей болѣзнь, а дѣтямъ слабое тѣлосложеніе. Она возноситъ теперь надъ главою ея смертоносное остріе; и естьли оно не коснется дней твоей супруги, то благодари случай;—естьли же вѣришь, что Провидѣніе Божіе о томъ заботилось, то благодари и Его, коли хочешь.—Но я еще съ городскими барынъками...вотъ что дѣлаетъ привычка; отвязаться отъ нихъ не хочется; — и право съ вами бы не разстался, естьли бъ могъ довесть васъ до того, чтобъ вы лица своего и искренности не румянили. Теперь прощайте.

Покуда глядѣлъ я на моющихъ платье деревенскихъ нимфъ, кибитка моя отъ меня уѣхала. Я намѣрился итти за нею въ слѣдъ, какъ одна дѣвка по виду лѣтъ 20-ти, а конечно не болѣе 17-ти, положа мокрое свое платье на коромысло, пошла одной со мною дорогой. Поровнявшись съ ней, началъ я разговоръ. — Не трудно ли тебѣ нести такую тяжелую ношу, любезная моя, какъ зовутъ, не знаю?—Меня зовутъ Анною, а ноша моя не тяжела; хотя бы и тяжела была, я бы тебя, баринъ, не просила пособить мнѣ.—Къ чему такая суровость, Аннушка душа моя, я тебѣ худа не желаю. — Спасибо, спасибо; часто мы видимъ такихъ щелкуновъ, какъ ты, пожалуй проходи своей дорогой.—Анютушка, я право не таковъ, какъ тебѣ

кажусь, и не таковъ, какъ тѣ, о которыхъ ты говоришь; тѣ, думаю, такъ не начинаютъ разговора съ деревенскими дѣвками, но всегда поцѣлуемъ; а хотя бы и поцѣловалъ тебя, то конечно бы такъ, какъ сестру мою родную.— Не подъѣзжай пожалуй, разсказы таковые я слыхала; а коли ты худова не мыслишь, то чего отъ меня хочешь?— Душа моя Анпушка, я хотѣлъ знать, есть ли у тебя отецъ и мать, какъ ты живешь, богато ли или убого, весело ли или грустно, и есть ли у тебя женихъ?—А на что это тебѣ, баринъ? Отъ роду въ первый разъ слышу такія рѣчи.—По этому судить можешь, Анюта, что я не негодяй; не хочу тебя обругать или обезчестить. Я люблю женщинъ для того, что онѣ имѣютъ сложеніе соотвѣтственное моей нѣжности; а болѣе люблю сельскихъ женщинъ или крестьянокъ, что онѣ не знаютъ еще притворства, не налагаютъ на себя личины притворной любви; а когда любятъ, то любятъ отъ всего сердца и искренно.—Дѣвка смотрѣла на меня въ сіе время выпяля глаза, съ удивленіемъ; да такъ и быть должно: ибо кто не знаетъ, съ какою наглостію дерзкая дворянская рука поползается на непристойныя и оскорбительныя для цѣломудрія шутки съ деревенскими дѣвками; онѣ въ глазахъ старыхъ и малыхъ, суть твари, созданныя на ихъ угожденіе. Такъ они и поступаютъ, особливо съ нещастными, подвластными ихъ веселіямъ. Въ бывшее Пугачевское возмущеніе, когда всѣ служители вооружались на своихъ господъ, нѣкоторые крестьяне (повѣсть сія справедлива), связавъ своего господина, вели на неизбѣжную казнь. Какая была тому причина? Онъ былъ господинъ добрый и человѣколюбивый; но мужъ не былъ безопасенъ въ своей женѣ, отецъ въ дочери: каждую ночь посланные его приводили къ нему на жертву безчестія ту, которую онъ того дня назначилъ.

Извѣстно же въ деревнѣ было, что онъ омерзилъ 60 дѣвицъ, лишивъ ихъ непорочности. Наѣхавшая команда выручила сего варвара изъ рукъ крестьянъ, на него злобствовавшихъ. Глупые крестьяне! вы искали правосудія въ самозванцѣ. Почто не повѣдали сего законнымъ судьямъ вашимъ? Они предали бы его гражданской смерти, и вы остались бы невинны; а теперь злодѣй сей спасенъ. Блаженъ, естьли взоръ на близкую смерть перемѣнилъ образъ его мыслей, и далъ жизненнымъ его сокамъ другое теченіе. — Но крестьянинъ въ законѣ мертвъ, сказали мы.— Нѣтъ, нѣтъ; онъ живъ будетъ, естьли захочетъ.

— Естьли ты, баринъ, не шутишь, сказала мнѣ Анюта, то вотъ что я тебѣ скажу: отца у меня нѣтъ, онъ умеръ уже года съ два; есть матушка, да маленькая сестра. Батюшка оставилъ намъ 5 лошадей и 3 коровы; есть и маленькаго скота и птицъ довольно; но нѣтъ въ домѣ работника. Меня сватали-было въ большой домъ за десятилѣтняго парня, но я не захотѣла. Что мнѣ въ такомъ ребенкѣ? я его любить не буду. А когда онъ придетъ въ пору, то я состарѣюсь, и онъ будетъ таскаться съ чужими. Да сказываютъ, что свекоръ самъ съ молодыми невѣстками спитъ, покуда сыновья выростаютъ. Мнѣ для того-то и не хотѣлось итти къ нему въ семью. Я хочу себѣ ровню. Мужа буду любить, да и онъ меня любить будетъ; въ томъ я не сомнѣваюсь. Гулять съ молодцами не люблю; а замужъ, баринъ хочется. Да знаешь ли для чего? говорила Анюта, потупивъ глаза.—Скажи, душа моя Анютушка, не стыдись; эти слова въ устахъ невинности безпорочны.—Вотъ что я тебѣ скажу: прошлымъ лѣтомъ, годъ тому назадъ, у сосѣда нашего женился сынъ на моей подругѣ, съ которой я хаживала всегда въ поси-

денки. Мужъ ее любитъ, и она его столько любитъ, что на десятомъ мѣсяцѣ послѣ вѣнчанья родила ему сына.

Всякой вечеръ выходитъ она цѣловать его за ворота. Она на него не нагляднтся; кажется, будто и паренекъ-то матушку свою любитъ. Какъ она скажетъ ему: агу, агу, онъ и засмѣется. Мнѣ то до слезъ всякой день. Мнѣ бы ужъ и самой имѣть хотѣлось такогожъ паренька."—Тутъ я не могъ вытерпѣть; и обнявъ Анюту, поцѣловалъ ее отъ всего моего сердца.—"Смотри, баринъ, какой ты обманщикъ! ты уже играешь со мной; поди, сударь, прочь отъ меня; оставъ бѣдную сироту, сказала Анюта заплакавъ; кабы батюшка живъ былъ и это видѣлъ, то даромъ, что ты господинъ, нагрѣлъ бы тебѣ шею".—Не оскорбляйся, моя любезная Анютушка, не оскорбляйся; поцѣлуй мой не осквернитъ твоей непорочности: она въ глазахъ моихъ священна. Поцѣлуй мой есть знакъ моего къ тебѣ почтенія; онъ былъ исторгнутъ восхищеніемъ глубоко тронутой души. Не бойся меня, любезная Анюта:—не подобенъ я хищному звѣрю, какъ наши молодые господчики, которые отъятіе непорочности ни во что вмѣняютъ. Естьлибъ я зналъ, что поцѣлуй мой тебя оскорбитъ, то клянусь Богомъ, что не дерзнулъ бы на него.—"Разсуди самъ, баринъ: какъ не сердиться за поцѣлуй, когда всѣ они ужъ посулены другому. Они заранѣе ужъ всѣ отданы,и я въ нихъ не властна".—Ты меня восхищаешь; ты ужъ умѣешь любить. Ты нашла сердцу своему другое ему соотвѣтствующее. Ты будешь щастлива. Ничто не разрушитъ союза вашего. Ты не будешь окружена соглядателями, стрегущими уловить тебя въ сѣти пагубы. Не будетъ слухъ сердечнаго твоего друга уязвленъ прельщающимъ гласомъ, призывающимъ его на нарушеніе къ тебѣ вѣрности. Но отъ чегожъ моя любезная Анюта, лишена ты удовольствія наслаждаться щастіемъ въ

объятіяхъ твоего милаго друга?—Ахъ, баринъ! для того что его не отдаютъ къ намъ въ домъ. Просятъ ста рублей. А матушка меня не отдаетъ: я у ней одна работница.—Да любитъ-ли онъ тебя?—Какъ-же; онъ приходитъ по вечерамъ къ нашему дому, и мы вмѣстѣ смотримъ на паренька моей подруги. Ему хочется такогожъ паренька. Грустно мнѣ; но быть терпѣть. Ванька мой хочетъ итти на баркахъ въ Питеръ на работу, и не воротится, покуда не выработаетъ ста рублей для своего выкупа.—Не пускай его, любезная Анютушка, не пускай: онъ идетъ на свою гибель. Тамъ, научится онъ пьянствовать, мотать, лакомиться, не любить пашню, а больше всего онъ и тебя любить перестанетъ.—Ахъ, баринъ! не стращай меня, сказала Анюта, почти заплакавъ.—А тѣмъ скорѣе, Анюта, естьли ему случится въ дворянскомъ домѣ служить; городской примѣръ заражаетъ верхнихъ служителей, нижніе заражаются отъ верхнихъ; а отъ нихъ язва разврата достигаетъ и до деревень. Примѣръ есть истинная чума. Кто что видитъ, тотъ то и дѣлаетъ.—Да какъ-же быть? Такъ мнѣ и вѣкъ не быть за нимъ за мужемъ. Ему пора уже жениться; по чужимъ онъ не гуляетъ; меня не отдаютъ къ нему въ домъ: то высватаютъ за него другую, а я, бѣдная, умру съ горя.—Говоря сіе, проливала она горькія слезы.—Нѣтъ, моя любезная Анютушка, ты завтра же будешъ за нимъ. Поведи меня къ своей матери.—Да вотъ нашъ дворъ, сказала она остановясь. Проходя мимо, матушка меня увидитъ и худое подумаетъ. А хотя она меня не бьетъ, но одно ея слово тяжелѣе мнѣ всякихъ побоевъ.—Нѣтъ, моя Анютушка, я пойду съ тобою—и не дожидаясь ея отвѣта, вошелъ въ ворота и прямо пошелъ по лѣсницѣ въ избу. Анюта кричала мнѣ въ слѣдъ: постой, баринъ, постой; но я ее не слушалъ. Въ избѣ нашелъ я Анютину мать, которая квашню мѣсила;

подлѣ нея на лавкѣ сидѣлъ будущій ея зять. Безъ дальнихъ околичностей сказалъ я ей, что желаю, чтобъ дочь ея была за Иваномъ, и для того принесъ ей то, что надобно для отвлеченія препятствія въ семъ дѣлѣ.—Спасибо, баринъ, сказала старуха, въ этомъ теперь ужъ нѣтъ нужды. Ванюха, пришедъ теперь, сказывалъ, что отецъ ужъ отпускаетъ его ко мнѣ въ домъ; и у насъ въ воскресенье будетъ свадьба.—Пускай же посуленое отъ меня будетъ Анютѣ въ приданое. —И на томъ спасибо. Приданаго бояра дѣвкамъ даромъ не даютъ; и естьли ты надъ моей Анютой что сдѣлалъ, и за то даешь ей приданое: то Богъ накажетъ тебя за твое безпутство; а денегъ я не возьму. Естьли же ты доброй человѣкъ и не ругаешься надъ бѣдными: то, взявъ отъ тебя деньги, лихіе люди мало ли что подумаютъ."—Я не могъ надивиться, нашедъ такое благородство въ образѣ мыслей у сельскихъ жителей. Анюта между тѣмъ вошла во избу, и матери своей меня расхвалила. Я попытался было еще дать имъ денегъ, отдавая ихъ Ивану на заведеніе дому; но онъ сказалъ мнѣ: у меня, барин, есть двѣ руки, я ими домъ и заведу.—Примѣтивъ, что мое присутствіе было имъ не очень пріятно, я оставилъ ихъ и возвратился къ моей кибиткѣ.

Ѣдущу мнѣ изъ Едрова, Анюта изъ мыслей монхъ не выходила. Невинная ея откровенность правилась мнѣ безмѣрно. Благородный поступокъ матери ея плѣнилъ меня. Я сравнивалъ сію почтенную мать съ засученными рукавами за квашнею или съ подойникомъ подлѣ коровы съ городскими матерями. Крестьянка не хотѣла у меня взять непорочныхъ, благоумышленныхъ ста рублей, которые въ соразмѣрности состояній долженствуютъ быть для полковницы, совѣтницы, маіорши, генеральши 5, 10, 15 тысячь

и болѣе. Естьли госпожѣ полковницѣ, совѣтницѣ, маіоршѣ, генеральшѣ (въ соразмѣрности посула моего Едровской ямщичихѣ), у которой дочка лицемъ не дурна или только что непорочна—и того уже довольно—знатной боярынъ 70 или—чего Боже сохрани—72 пробы посулить 5, 10 и 15 тысячей рублей или глухо знатное приданое, или сыщетъ чиновнаго жениха, или выпроситъ въ почтенныя дѣвицы: то я у васъ вопрошаю, городскія матушки, не охнетъ-ли у васъ сердечко? Не захочется-ли видѣть дочку въ позлащенной колесницѣ, въ брилліантахъ, ѣдущую четверкою, естьли она ходитъ пѣшкомъ; или ѣдущую цугомъ вмѣсто двухъ замореныхъ клячь, которыя ее таскаютъ? Я согласенъ съ вами въ томъ, что вы бы обрядъ и благочиніе сохранили и не такъ бы легко сдались, какъ театральныя дѣвки. Нѣтъ, мои голубушки, я даю вамъ сроку на мѣсяцъ или на два, но не болѣе. А естьли долѣе заставите вздыхать первостатейнаго безплодно, то онъ, будучи занятъ государственными дѣлами, васъ оставитъ, дабы не терять съ вами драгоцѣннѣйшаго времени, которое онъ лучше употребить можетъ на пользу общественную. Тысяча голосовъ на меня поднимаются, ругаютъ меня всякими мерзкими названіями:—плутъ, каналья, бестія, и пр. Голубушки мои, успокойтесь; я вашей чести не поношу. Уже-ли вы всѣ таковы? Поглядитесь въ сіе зеркало—кто изъ васъ себя въ немъ узнаетъ, то брани меня безъ всякаго милосердія. Жалобницы я на нее не подамъ и суда по формѣ говорить съ ней не стану.

Анюта, Анюта! ты мнѣ голову вскружила. Для чего я не узналъ тебя лѣтъ 15 тому назадъ? Твоя откровенная невинность, неприступная любострастному дерзновенію, научила бы меня ходить во стезяхъ цѣломудрія. Для чего первой мой поцѣлуй въ жизни не былъ тотъ, которой при-

лѣпилъ я на щекѣ твоей въ душевномъ восхищеніи? Отраженіе твоей жизненности проникнуло бы во глубину моего сердца, и я избѣгнулъ бы скаредностей, жизнь мою исполнившихъ. Я удалился бы отъ смрадныхъ наемницъ любострастія; почтилъ бы ложе супружества; не нарушилъ бы плотскою ненасытностію союза родства; дѣвственность была бы для меня святая святыхъ и я не дерзнулъ бы коснуться ее. О моя матушка! сиди всегда у околицы, и давай наставленія твоею незастѣнчивою невинностью. Я увѣренъ, что обратишь на путь добродѣланія начинающаго съ онаго совращаться и укрѣпишь въ немъ наклоннаго къ совращенію. Не встревожься, естьли закоренѣлый въ развратности, посѣдѣвшій въ безстыдствѣ, пройдетъ мимо тебя и тебя презритъ; не удерживай его сладостію твоего разговора: сердце его уже камень, душа его покрылась алмазною корою. Не можетъ благодѣтельное жало невинной добродѣтели положить на немъ глубокой черты. Конецъ его скользнетъ по поверхности и притупится. Но не пропусти юношу, одареннаго опасными красоты прелестями, уловн его въ твои сѣти. Онъ кажется гордъ, надмѣненъ, порывистъ, наглъ, дерзновененъ, заносчивъ; но сердце его уступитъ твоему впечатлѣнію и отверзется къ принятію твоего благотворнаго примѣра.—Анюта! я съ тобою не могу разстаться, хотя вижу уже 20-ый столбъ отъ тебя!

Но что такое за обыкновеніе, о которомъ мнѣ Анюта сказывала? Ее хотѣли отдать за десятилѣтняго ребенка. Кто могъ дозволить такой союзъ? Почто не ополчится рука, хранящая законы, на искорененіе такого злоупотребленія? Въ христіанскомъ законѣ бракъ есть таинство; въ гражданскомъ соглашеніе или договоръ. Какой священнослужитель можетъ благословить неравный бракъ? или какой судія можетъ вписать его въ свой дневникъ? Гдѣ

нѣтъ соразмѣрности въ лѣтахъ, тамъ и брака быть не можетъ. Сіе запрещаютъ правила естественности, какъ вещь безполезную для человѣка; сіе долженъ бы запрещать законъ гражданскій, какъ вредное для общества. Мужъ и жена въ обществѣ суть два гражданина, дѣлающіе договоръ, утвержденный закономъ, которымъ обѣщаются прежде всего услаждать взаимно чувства (да не дерзнетъ здѣсь никто оспоривать первѣйшаго закона сожитія и основанія брачнаго союза, начала любви непорочной и твердаго основанія супружняго согласія), обѣщаются жить вмѣстѣ, имѣть общее стяжаніе, возращать плоды своей горячности и жить мирно, не уязвляя другъ друга. При неравенствѣ лѣтъ можно-ли сохранить условія сего соглашенія? Естьли мужъ 10 лѣтъ, а жена 25, какъ то бываетъ часто въ крестьянствѣ; или естьли мужъ 50, а жена 15 или 20 лѣтъ, какъ то бываетъ во дворянствѣ: то можетъ-ли быть взаимное чувствъ услажденіе? Скажите вы мнѣ, мужья старички, но скажите по совѣсти—стоите-ли вы названія мужа? Вы можете только возжечь любовный огонь, но не въ состояніи утушить его. Неравенствомъ лѣтъ нарушается единый изъ первѣйшихъ законовъ Природы; то можетъ-ли положительный законъ быть твердъ, естьли не имѣетъ основанія въ естественности? Скажемъ яснѣе, онъ и не существуетъ.—Возращаите плоды взаимной горячности. Но можетъ-ли быть тутъ взаимность, гдѣ съ одной стороны пламя, а съ другой нечувствительность? Можетъ-ли быть тутъ плодъ, естьли насажденное древо лишается благодѣтельнаго дожда и питающей росы. А естьли плодъ и будетъ, но будетъ тощь невзраченъ и скорому подверженъ тлѣнію?—Не уязвлять другъ друга. Вотъ правило предвѣчное, вѣрное. Буде чувства услаждаются равномѣрно щастливою симпатіею; то союзъ брачный будетъ благополученъ; малыя домашнія волненія скоро

утихаютъ при нашествіи веселія. И когда мразъ старости подернетъ чувственное услажденіе непроницаемой корою, тогда напоминовеніе прежнихъ утѣхъ успокоитъ брюзгливую дряхлость.—Одно условіе брачнаго договора можетъ и въ неравенствѣ лѣтъ быть исполняемо—жить вмѣстѣ; но будетъ ли въ томъ взаимность? Одинъ будетъ начальникъ самовластный, имѣющій въ рукахъ силу; другой будетъ слабый подданникъ и рабъ совершенный, веселить господина своего только могущій.—Вотъ, Анюта, благія мысли, тобою мнѣ внушенныя. Прочти, любезная моя Анютушка! поученія твои пребудутъ вѣчно въ сердцѣ моемъ впечатлѣнны, и сыны сыновъ моихъ наслѣдуютъ ихъ.

Хотиловской ямъ былъ уже въ виду, но я еще размышлялъ о Едровской дѣвкѣ, и въ восторгѣ души воскликнулъ громко: О Анюта, Анюта!—Дорога была не гладка, лошади шли шагомъ, извощикъ вслушался въ мою рѣчь. Оглянувшись на меня,—Видно, баринъ, говорилъ онъ мнѣ улыбаясь и поправляя шляпу, что ты на Анюту нашу призарился. Да ужъ и дѣвка! Не одному тебѣ она носъ утерла. Всѣмъ взяла. На нашемъ яму много смазливыхъ, но передъ ней всѣ плюнь. Какая мастерица плясать! Всѣхъ заткнетъ за поясъ, хоть бы кого. А какъ пойдетъ въ поле жать—загляденье. Ну, братъ Ванька щастливъ.—Иванъ братъ тебѣ?—Братъ двоюродный. Да вѣдь и парень. Трое вдругъ молодцовъ стали около Анюты свататься; но Иванъ всѣхъ отбоярилъ. Они и тѣмъ и сѣмъ; но не тутъ-то—а Ванюха тотчасъ и подцѣпилъ. (Мы уже въѣзжали въ околицу).—То-то, баринъ! всякъ пляшетъ, да не какъ скоморохъ—и къ почтовому двору подъѣхалъ.—Всякъ пляшетъ, да не какъ скоморохъ, твердилъ я, вылезая изъ кибитки. Всякъ

пляшетъ, да не какъ скоморохъ, повторилъ я наклоняясь и поднявъ, развернулъ....

ХОТИЛОВЪ.

Проектъ въ будущемъ.

"Доведя постепенно любезное отечество наше до цвѣтущаго состоянія, въ которомъ оно нынѣ находится; видя науки, художества и рукодѣлія возведенныя до высочайшей степени совершенства, до коей человѣку достигнуть дозволяется; видя въ областяхъ нашихъ, что разумъ человѣческій, распростирая свободно свое крилѣе, безпрепятственно и не заблужденно возносится вездѣ къ величію и сталъ нынѣ надежнымъ стражею общественныхъ законоположеній и что подъ державнымъ его покровомъ сердце наше свободно возсылаетъ молитвы ко всевышнему Творцу: съ неизреченнымъ радованіемъ сказать можемъ, что отечество наше есть пріятное Божеству обиталище, ибо оно не на предразсудкахъ и суевѣріи основано, но на внутреннемъ нашемъ чувствованіи щедротъ Отца всѣхъ. Не извѣстны намъ вражды, столь часто людей раздѣлявшія за ихъ исповѣданіе; не извѣстно намъ въ ономъ и принужденіе. Родившись среди сей свободы, мы почитаемъ истинно братьями другъ друга, единому принадлежа семейству, единаго имѣя отца—Бога. Свѣтильникъ наукъ, носясь надъ законоположеніемъ нашимъ, отличаетъ его нынѣ отъ многихъ земныхъ законоположеній. Равновѣсіе во властяхъ, равенство въ имуществахъ истребляютъ даже гражданскія несогласія. Умѣренность въ наказаніяхъ, заставляя почитать законы верховной власти, какъ велѣнія

нѣжныхъ родителей своимъ чадамъ, предупреждаетъ и безхитростныя злодѣянія. Ясность въ положеніяхъ о пріобрѣтеніи и сохраненіи имѣнія не дозволяетъ возродиться семейнымъ распрямъ. Межа, отдѣляющая гражданина въ его владѣніи отъ другаго, глубока, всѣми зрима и всѣми свято почитаема. Частныя оскорбленія между нами рѣдки и дружелюбно примиряются. Воспитаніе народное пеклось о томъ, да будемъ кротки, да будемъ граждане миролюбивые; но прежде всего да будемъ человѣки."

"Наслаждаясь внутреннею тишиною, не имѣя внѣшнихъ враговъ, доведя общество до вышняго блаженства гражданскаго сожитія,—не ужели будемъ толико чужды ощущенію человѣчества, чужды движеніямъ жалости, чужды нѣжности благородныхъ сердецъ, чужды любви къ братіямъ, и оставимъ въ глазахъ нашихъ на поношеніе дальнѣйшаго потомства, цѣлую треть общниковъ нашихъ, согражданъ намъ равныхъ, братій возлюбленныхъ по естеству въ прежнихъ узахъ рабства и неволи? Звѣрскій обычай порабощать подобнаго себѣ человѣка, возродившійся въ знойныхъ полосахъ Азіи, обычай, знаменующій окаменѣлое сердце и совершенное отсутствіе души, простерся по лицу земли быстротечно широко и далеко; — и мы, сыны славы, мы именемъ и дѣлами словуты въ колѣнахъ земнородныхъ, пораженные мракомъ невѣжества воспріяли сей обычай; и къ стыду нашему, къ стыду сего времени сохраняли его нерушимо даже до сего дня".

"Извѣстно вамъ изъ дѣяній отцевъ вашихъ, извѣстно вамъ изъ нашихъ лѣтописей, что мудрые Правители нашего народа, подвизаемы истиннымъ человѣколюбіемъ, познавъ естественную связь общественнаго союза, старались положить предѣлъ сему стоглавому злу. Но державные ихъ подвиги утщетились извѣстнымъ тогда своими гордыми преимуществами въ

Государствѣ нашемъ чинососто̀яніемъ, но нынѣ обвѣтшалымъ и въ презрѣніе впадшимъ наслѣдственнымъ дворянствомъ. Державные предки наши среди могущества силъ своихъ немощны были разрушить оковы гражданской неволи. Не токмо не могли они исполнить благихъ своихъ намѣреній, но ухищреніемъ помянутаго въ Государствѣ чинососто̀янія подвигнуты были на противныя разсудку и сердцу ихъ правила. Отцы наши зрѣли губителей сихъ, со слезами можетъ быть сердечными, отягчающихъ оковами наиполезнѣйшихъ въ обществѣ членовъ. Земледѣльцы и до днесь между нами рабы; мы не познаемъ въ нихъ равныхъ намъ согражданъ; мы забыли въ нихъ человѣка. О возлюбленные сограждане! и истинные сыны отечества! воззрите окрестъ васъ, и познайте заблужденіе ваше. Служители предвѣчнаго Божества, подвизаемые ко благу общества и къ блаженству человѣка единомыслiемъ съ нами, изъясняли вамъ въ поученіяхъ своихъ во имя всещедраго Бога, ими проповѣдуемаго, сколь мудрости и любви Его противно властвовать самопроизвольно надъ ближнимъ своимъ. Они старались доводами, почерпнутыми въ природѣ и сердцѣ нашемъ, доказать вамъ жестокость вашу, неправду и грѣхъ. Еще торжественный гласъ ихъ во храмахъ живаго Бога вопіетъ громко: опомнитесь заблуждшіе, смягчитесь жестокосердые, разрушьте оковы братіи вашей, отверзите темницу неволи и дайте подобнымъ вамъ вкусить сладость общежитія, къ коему уготованы они подобно вамъ Всещедрымъ. Они равно съ вами наслаждаются благодѣтельными лучами солнца, одинаковые съ вами у нихъ члены и чувства, и право въ употребленіи оныхъ должно быть одинаково".

" По естьли служители Божества представили взорамъ вашимъ неправоту порабощенія въ отношеніи человѣка, мы за долгъ поставляемъ показать вамъ вредъ онаго въ обществѣ

и неправильность онаго въ отношеніи гражданина. Излишне казалось бы при возникшемъ столь давно уже духѣ любомудрія изыскивать или поновлять доводы о существенномъ человѣковъ, а потому и гражданъ, равенствѣ. Возросшему въ свободѣ и исполненному чувствами благородства, а не предразсудками, доказательства о первоначальномъ равенствѣ суть обыкновенныя движенія его сердца. Но нещастіе смертнаго па землѣ заблуждать среди свѣта и не зрѣть того, что прямо взорамъ его предстоитъ. Въ училищахъ юнымъ вамъ сущимъ преподали вамъ основанія права естественнаго и права гражданскаго. Естественное право показало вамъ человѣковъ мысленно и внѣ общества, пріявшихъ одинаковое отъ природы сложеніе и потому имѣющихъ одинаковыя права, слѣдственно равныхъ во всемъ между собою и одинъ другому не подвластныхъ. Гражданское право показало вамъ человѣковъ, промѣнявшихъ, безпредѣльную свободу па мирное оной употребленіе. Но естьли всѣ они свободѣ своей положили предѣлъ и правило дѣяніямъ своимъ; то всѣ отъ чрева матерня равны въ природной свободѣ; равны должны быть и въ ограниченіи оной. Слѣдственно и тутъ одинъ другому не подвластенъ. Первый властитель въ обществѣ есть законъ, ибо онъ для всѣхъ одинъ. Но какое было побужденіе вступать въ общество и полагать произвольно предѣлы дѣяніямъ? Разсудокъ скажетъ, собственное благо; сердце скажетъ, собственное благо; неразтлѣнный законъ гражданскій скажетъ, собственное благо.. Мы живемъ въ обществѣ, протекшемъ уже многія степени усовершенствованія, и потому запамятовали мы начальное онаго положеніе. Но воззрите на всѣ новые народы и на всѣ общества естества, естьли такъ сказать можно. Во первыхъ; порабощеніе есть преступленіе; во вторыхъ, одинъ злодѣй или непріятель испытуетъ тягость неволи. Соблюдая сіи понятія, познаемъ мы, какъ много

удалились мы отъ цѣли общественной, какъ далеко отстоимъ мы еще вершины блаженства общественнаго. Все сказанное нами вамъ извѣстно, и правила таковыя вкоренились въ васъ съ младенчества. Одинъ предразсудокъ мгновенія, одна корысть (да не уязвитесь нашими изреченіями) отъемлетъ у васъ взоръ и уподобляетъ васъ бѣснующимъ въ темнотѣ".

"Но кто носитъ между нами оковы, кто ощущаетъ тягость неволи? — Земледѣлецъ, кормилецъ нашей тощеты, насытитель нашего глада; тотъ, кто дастъ намъ здравіе, кто продолжаетъ жизнь нашу, не имѣя прѣва распоряжать ни тѣмъ, что обработываетъ, ни тѣмъ, что производитъ. Кто же имѣетъ ближайшее къ нивѣ право, буде не дѣлатель ее? — Представимъ себѣ мысленно мужей, пришедшихъ въ пустыню для сооруженія общества. Помышляя о прокормленіи, дѣлятъ они поросшую злакомъ землю. Кто получаетъ ее въ удѣлъ? Не тотъ ли, кто можетъ ее вспахать; не тотъ ли, кто имѣетъ достаточныя къ тому силы и желанія? Младенцу или старцу разслабленному, немощному и нерадивому удѣлъ будетъ безполезенъ. Нива его пребудетъ въ запустѣніи, и вѣтръ не возвѣетъ на ней класовъ. Естьли она безполезна дѣлателю, то безполезна и обществу; ибо дѣлатель избытка своего не отдастъ обществу, не имѣя нужнаго. Слѣдственно въ началѣ общества тотъ, кто ниву обработать можетъ, тотъ и имѣлъ на владѣніе ею право, и обработывающій ее пользуется ею исключительно. Но какъ много удалились мы отъ первоначальнаго общественнаго положенія относительно владѣнія? У насъ тотъ, кто имѣетъ естественное къ оному право петокмо отъ того исключенъ совершено; но обработывая ниву чужую, зритъ пропитаніе свое зависящее отъ власти другаго. Истинны сіи просвѣщенному вашему разуму не могутъ быть непонятны; но дѣянія ваши въ исполненіи сихъ истинъ препинаемы — какъ сказали мы уже — пред-

разсудками и корыстію. — Но не ужели сердца ваши, любовію къ человѣчеству полныя, предпочтутъ корысть чувствованіямъ, сердце услаждающимъ? И какая въ томъ корысть ваша? Можетъ ли то государство, гдѣ двѣ трети гражданъ лишены гражданскаго званія и частію въ закопѣ мертвы, назваться блаженнымъ? Можно ли назвать блаженнымъ гражданское положеніе крестьянина въ Россіи? Одинъ ненасытецъ крови скажетъ, что онъ блаженъ, ибо не имѣетъ понятія о лучшемъ состояніи".

"Теперь постараемся, опровергнуть сіи зверскія властителей правила, какъ опровергали ихъ нѣкогда предшественники наши своими дѣяніями, но безъ успѣха. Гражданское блаженство можетъ представиться въ различныхъ видахъ. Блаженно Государство, говорятъ, естьли царствуютъ въ немъ тишина и устройство. Блаженно кажется, когда нивы въ немъ не пустѣютъ и въ градахъ гордыя возвышаются зданія. Блаженнымъ называютъ его, когда далеко простираетъ власть оружія своего и властвуетъ внѣ себя не токмо силою своею, но и словомъ своимъ надъ мнѣніями другихъ. Но всѣ сіи блаженства можно назвать внѣшними, мгновенно преходящими, частными и мысленными. Воззримъ на предлежащую взорамъ нашимъ долину. Что видимъ? Пространный воинскій станъ. Въ немъ царствуетъ тишина повсюду. Всѣ ратники стоятъ въ своемъ мѣстѣ. Наивеличайшій строй виденъ въ рядахъ ихъ. Одно велѣніе, одно руки мановеніе начальника движетъ весь станъ, и движетъ его стройно. Но можно ли назвать воиновъ блаженными? Превращенные точностію воинскаго повиновенія въ куклы, отъемлется у нихъ даже движеніе, воля, толико живымъ существамъ свойственная. Они знаютъ только велѣнія начальника, мыслятъ, что онъ хочетъ и стремятся, куда направляетъ. Толико всесиленъ жезлъ надъ могущественнѣйшею силою

государства. Совокупны возмогутъ вся; но раздѣленны и наединѣ пасутся яко скоты, гдѣ пастырь пожелаетъ. Устройство на щетъ свободы столь же противно блаженству нашему, какъ и самые узы. Сто невольниковъ, пригвожденныхъ къ скамьямъ корабля, веслами въ пути своемъ двигаемаго, живутъ въ тишинѣ и устройствѣ; но загляни въ ихъ сердце и душу. Терзаніе, скорбь, отчаяніе. Они желали бы промѣнять жизнь на кончину; но и ту имъ оспоривають. Конецъ страданія ихъ есть блаженство; а блаженство неволи не сродно, и потому они только живы. И такъ да не ослѣпимся внѣшнимъ спокойствіемъ государства и его устройствомъ, и для сихъ только причинъ да не почтемъ оное блаженнымъ. Смотри всегда на сердца согражданъ. Естьли въ нихъ найдемъ спокойствіе и миръ, тогда сказать можемъ поистиннѣ: се блаженны".

"Европейцы, опустошивъ Америку и утучнивъ нивы оной кровію природныхъ ея жителей, положили конецъ убійствамъ своимъ новою корыстію. Запустѣлыя нивы сего обновленнаго сильными природы потрясеніями полукружія почувствовали соху, нѣдра ихъ раздирающую. Злакъ, на тучныхъ лугахъ выроставшій и изсыхавшій безплодно, почувствовалъ быліе свое остріемъ косы подсѣкаемо. Валятся на горахъ гордыя древеса, издревле вершины ихъ осѣнявшія. Лѣса безплодныя и горкія дебри претворяются стовидными произрастеніями, одной Америкѣ свойственными или удачно въ опую переселенными. Тучные луча потаптываются многочисленнымъ скотомъ, на яству и работу человѣкомъ опредѣляемымъ. Вездѣ видна строящая рука дѣлателя; вездѣ кажется видъ благосостоянія и внѣшній знакъ устройства. Но кто же будитъ столь мощною рукою скупую, лѣнивую природу давать плоды свои въ толикомъ обиліи? Заклавъ Индѣйцовъ единовременно, злобствующіе

Европейцы, проповѣдники миролюбія во имя Бога истинны, учители кротости и человѣколюбія, прививають къ корени яростнаго убійства завоевателей—хладнокровное убійство порабощенія пріобрѣтеніемъ невольниковъ куплею. Сіи то нещастныя жертвы знойныхъ береговъ Нигера и Сенегала, отринутыя своихъ домовъ и семействъ, переселѣнныя въ невѣдомыя имъ страны, подъ тяжкимъ жезломъ благоустройства вздирають обильныя нивы Америки, гнушающейся трудовъ ихъ. И мы страну опустошенія назовемъ блаженною, для того что поля ея не поросли терніемъ, и нивы ея обилуютъ произрастѣніями разновидными? Назовемъ блаженною страну, гдѣ сто гордыхъ гражданъ утопаютъ въ роскоши, а тысячи не имѣютъ надежнаго пропитанія, ни собственнаго отъ зноя и мраза укрова?—О, дабы опустѣть паки обильнымъ симъ странамъ! Дабы терніе и волчецъ, простирая глубоко корень свой, истребили всѣ драгія произведенія Америки! Вострепещите, о возлюбленные мои! да скажутъ о васъ: премѣни имя, повѣсть о тебѣ вѣщаетъ."

"Мы дивимся и нынѣ еще огромности Египетскихъ зданій. Неуподобительныя пирамиды чрезъ долгое время доказывать будутъ смѣлое Египтянъ въ созиданіи зодчество. Но для чего сіи столь нелѣпыя кучи камней были уготованы? На погребеніе гордыхъ Фараоновъ. Сіи кичливые властители, жаждая безсмертія, хотѣли отличествовать внѣшностію своею отъ народа и по кончинѣ. И такъ огромность зданій, безполезныхъ обществу, есть явное доказательство его порабощенія. Въ остаткахъ погибшихъ градовъ, гдѣ водворялось нѣкогда общее блаженство, обрящемъ развалины училищъ, больницъ, гостинницъ, водоводовъ, позорищъ и тому подобныхъ зданій. Во градахъ же, гдѣ извѣстно было я, а не мы, находимъ остатки великолѣпныхъ Царскихъ чертоговъ, пространныхъ конію-

шенъ, жилищъ звѣрей. Сравните то и другое; выборъ будетъ не затруднителенъ. — Но что обрѣтаемъ въ самой славѣ завоеваній? Звукъ, гремленіе, надутость и истощеніе. Я примѣню таковую славу къ шарамъ, въ XVIII столѣтіи изобрѣтеннымъ. Сдѣланные изъ шелковой ткани, наполняются они мгновенно горючимъ воздухомъ, и возлетаютъ съ быстротою звука до выспреннихъ предѣловъ эфира. Но то, что составляетъ ихъ силу, истощается изъ среды тончайшими сквазинами непрестанно; тяжесть, горе вращавшаяся, пріемлетъ естественный путь паденія долу; и то, что цѣлые мѣсяцы съ трудомъ, тщаніемъ и иждивеніемъ сооружалось, едва нѣсколько часовъ можетъ веселить взоры зрителей".

"Но вопроси, чего жаждетъ завоеватель? чего ищетъ онъ, опустошая земли населенныя, или покаряя пустыни своей державѣ? Отвѣтъ получимъ мы отъ яснѣйшаго изо всѣхъ, отъ Александра, великимъ названнаго; но великъ онъ поистиннѣ не въ дѣлахъ своихъ, но въ душевныхъ силахъ и раззореніяхъ. О Аѳиняне! вѣщалъ онъ: колико стоитъ мнѣ быть хвалиму вами. — Несмысленный! возри на шествіе твое. Крутый вихрь полета твоего, переносясь черезъ твою область, затаскиваетъ въ вертѣніе свое жителей ея и влача въ стремленіи своемъ силы государства, оставляетъ за собою пустыню и мертвое пространство. Не разсуждаешь ты, о ярый вепрь! что, опустошая землю свою побѣдою, въ завоеванной ничего не обрящешь тебя услаждающаго. Естьли пріобрѣлъ пустыню, то она содѣлается для твоихъ согражданъ могилою, въ коей будутъ они скрываться; — населяя новую пустыню, превратишь страну обильную въ безплодную. Какая же прибыль, что изъ пустынь подѣлалъ селидбы, естьли другія насе-

ленія сдѣлалъ отъ того пустыми? Естьли же пріобрѣлъ населенную страну; то исчисли убійства свои, и ужаснись. Ты долженъ истребить всѣ сердца, возненавидѣвшія тебя въ громоносности твоей; не думай, что можно любить того, кого принуждены бояться. По истребленіи мужественныхъ гражданъ останутся и будутъ тебѣ подвластны рабскія души, готовыя носить иго рабства; но и въ нихъ ненависть къ тебѣ укоренится глубоко. Плодъ завоеванія твоего будетъ убійство и ненависть. Мучитель пребудешь въ памяти потомковъ и казниться будешь. Знай, что мерзятъ тебя новые рабы твои и просятъ кончины твоей".

"Нисходи къ ближайшимъ о состояніи земледѣлателей понятіямъ, сколь вредно рабство ихъ для общества. Оно вредитъ размноженію произрастѣній и народа; вредитъ примѣромъ своимъ и опасно въ неспокойствіи ихъ. Человѣкъ, двигаемый въ начинаніяхъ своихъ корыстію, предпріемлетъ то, что можетъ служить ему на пользу ближайшую или дальнюю, и удаляется того, въ чемъ не обрѣтаетъ пользы ближайшей или дальновидной. Слѣдуя сему естественному побужденію, все начинаемое для себя, все что дѣлаемъ безъ принужденія, дѣлаемъ съ прилѣжаніемъ, раченіемъ хорошо. Напротивъ того все то, на что не свободно подвизаемся, все то, что не для своей совершаемъ пользы, дѣлаемъ оплошно, лѣниво, косо и криво. Таковыхъ земледѣлателей находимъ мы въ государствѣ нашемъ. Нива у нихъ чужая; плодъ оныя имъ не принадлежитъ, и для того обработываютъ они ее лѣниво, и не радѣютъ о томъ, не запустѣетъ ли среди дѣланія. Сравни сію ниву съ данною надмѣннымъ владѣльцемъ на тощее прокормленіе дѣлателю. Не жалѣетъ онъ трудовъ своихъ, для нее предпринимаемыхъ; ни что

не отвлекаетъ его отъ дѣланія. Онъ бодрственно одолѣваетъ жестокость времени; часы на успокоеніе опредѣленные проводитъ въ трудахъ; во дни на веселіе опредѣленные онаго чуждается: ибо рачитъ о себѣ, работаетъ про себя, дѣлаетъ для себя. И такъ нива его даетъ ему плодъ сугубый. Плоды трудовъ земледѣлателей мертвѣютъ или не возраждаются; они родились бы, естьлибъ воздѣлываніе нивъ было рачительно, естьлибъ было свободно".

"Но естьли принужденная работа даетъ меньше плода, то недостигающія своей цѣли земныя произведенія столько же препятствуютъ размноженію народа. Гдѣ ѣсть нечего, тамъ хотя бъ и было кому ѣсть, умрутъ отъ истощенія. Такъ нива рабства, неполный давая плодъ, мертвитъ гражданъ, которымъ природою опредѣлены были избытки ея. Но симъ ли однимъ препятствуется въ рабствѣ многоплодіе? Къ недостатку прокормленія и одежды присовокупили работу до изнеможенія. Умножь оскорбленіями надмѣнности и уязвленіями силы, даже въ любезнѣйшихъ человѣка чувствованіяхъ: тогда съ ужасомъ узришь возникшее губительство неволи, которое тѣмъ только различествуетъ отъ побѣдъ и завоеваній, что не даетъ тому родиться, что побѣда посѣкаетъ; но отъ нее вреда больше. Легко всякъ усмотритъ, что одна опустошаетъ случайно, мгновенно; другая губитъ долговремянно и всегда; одна, окончивъ полетъ свой, прекращаетъ свое свирѣпство; другая тамъ только начнется, гдѣ сія кончится и перемѣниться не можетъ, развѣ опаснымъ всегда потрясеніемъ всей внутренности".

"Ничего нѣтъ вреднѣе, какъ всегдашнее на предметы рабства взираніе. Съ одной стороны родится надмѣнность, а съ другой робость. Тутъ не можетъ быть никакой связи кромѣ насилія. И сіе собираясь въ малую среду, прости-

раетъ всюду властодержавное свое дѣйствіе. По поборники неволи, власть и остріе въ рукахъ имѣющіе, ключимые сами въ узахъ, бываютъ паяростнѣйшіе оной проповѣдники. Кажется, что духъ свободы такъ въ рабахъ истребляется, что не только не желаютъ они прекратить своего страданія, но еще тягостно имъ зрѣть другихъ свободными. Они оковы свои возлюбляютъ, естьли можно человѣку любить свою пагубу. Мнѣ кажется, что я вижу въ нимъ змія, совершившаго паденіе перваго человѣка. Примѣры властвованія заразительны. Мы должны признаться, мы, ополченные палицею мужества и природы на сокрушеніе стоглавнаго чудовища, высасывающаго общественную пищу, уготованную на прокормленіе гражданъ, что мы ополчаемся можетъ быть сами дѣйствіемъ самовластія; и хотя намѣренія наши были всегда благи и къ блаженству цѣлаго стремились; но поступокъ нашъ полезностію своею оправдаться не можетъ. И такъ нынѣ молимъ васъ отпустить намъ неумышленное наше дерзновеніе".

"Не вѣдаете, любезные сограждане, какая предстоитъ намъ гибель, въ какой находимся мы опасности? Загрубѣлыя чувства рабовъ, не приходящія въ движеніе отъ благаго мановенія свободы, укрѣпятъ и усовершенствуютъ внутреннее чувствованіе. Поступокъ, остановленный въ стремленіи своемъ, тѣмъ сильнѣе становится, чѣмъ тверже находитъ противостояніе. Прорвавъ единожды оплотъ, ни что уже въ зрѣлости его противиться ему не возможетъ. Таковы суть братія наши, во узахъ нами содержимые. Ждутъ случая и часа. Колоколъ ударяетъ — и се пагуба звѣрства разливается быстротечно. Мы узримъ окрестъ насъ мечь и отраву. Смерть и пожиганіе будутъ намъ наградою за нашу суровость и безчеловѣчіе. И чѣмъ

медлительнѣе и упорнѣе были мы въ разрѣшеніи ихъ узъ, тѣмъ стремительнѣе будутъ они во мщеніи своемъ. Приведите себѣ на память прежнія повѣствованія, и увидите, что даже обольщеніе сотворило яростныхъ рабовъ на погубленіе господъ своихъ. Прельщенные грубымъ званцемъ, текутъ ему во слѣдъ, и ничего столько не желаютъ, какъ освободиться отъ ига властителей. Въ невѣжествѣ своемъ не нашли другаго средства, какъ умертвить ихъ. Они не щадили ни пола, ни возраста; они искали больше во мщеніи веселія, нежели пользы сотрясенія узъ".

"Вотъ что намъ предстоитъ, вотъ чего ожидать намъ должно. Гибель приближается постепенно, и опасность уже надъ главами нашими. Уже время, вознесши косу, ждетъ удобнаго часа; и первый льстецъ или любитель человѣчества, рожденный для пробужденія нещастныхъ, ускоритъ его махъ. Блюдитеся!"

"Но естьли ужасъ гибели и опасность потрясенія стяжаній можетъ подвигнуть слабаго изъ васъ; то не ужели будемъ мы еще отлагать побѣжденіе нашихъ предразсужденій, попраніе нашего корыстолюбія, и не освободимъ братію нашу отъ оковъ рабства и не возстановимъ природное всѣхъ равенство? Зная расположеніе сердецъ вашихъ, пріятнѣе имъ убѣдиться доводами, въ человѣческомъ сердцѣ почерпнутыми, нежели исчисленіями корыстолюбиваго благоразумія, а менѣе еще опасностію.—Идите, возлюбленные мои, идите въ жилище братіи вашей и возвѣстите имъ о премѣнѣ ихъ жребія. Вѣщайте съ чувствомъ сердечнымъ: подвигнутые на жалость вашею участью, соболѣзнуя о подобныхъ намъ, признавъ ваше равенство съ нами и убѣжденные общею пользою, пришли мы облобызать нашу братію. Мы оставили гордое различіе, насъ

столько времени отъ васъ отдѣлявшее, мы забыли существовавшее между нами неравенство : восторжествуемъ нынѣ о побѣдѣ нашей ; и сей день, въ которой сокрушаются оковы согражданъ любезныхъ намъ, да будетъ знаменитѣйшій въ лѣтописяхъ нашихъ. Забудьте прежнее наше къ вамъ злодѣйство, и да возлюбимъ другъ друга искренно. Се будетъ глаголъ вашъ ; се слышится уже онъ во внутренности сердецъ нашихъ. Не медлите, возлюбленные мои ! время летитъ ; дни наши проходятъ въ недѣйствіи. Да не скончаемъ жизни нашей, возъимѣвъ столь благую мысль и не возмогши ее исполнить. Да не воспользуется тѣмъ потомство наше, да не пожелаетъ вѣнца нашего и съ презрѣніемъ о насъ да не скажетъ : они были его недостойны ! ”

Вотъ что прочелъ я въ замаранной грязью бумагѣ, которую поднялъ передъ почтовою избою, вылезая изъ кибитки.

Вошедъ въ избу, спрашивалъ я, кто были проѣзжіе незадолго передо мною. Послѣдній изъ проѣзжающихъ, говорилъ мнѣ почталіонъ, былъ человѣкъ лѣтъ 50, и ѣдетъ по подорожной въ Петербургъ. Я попросилъ почталіона, чтобъ онъ далъ, мнѣ бумаги его посмотрѣть, и развернувъ ихъ узналъ, что найденная мною къ нимъ же принадлежала. Я уговорилъ его, чтобъ онъ отдалъ мнѣ сіи бумаги, давъ ему за то награжденіе. Разсматривая ихъ, узналъ, что онѣ принадлежали искреннему моему другу ; а потому пріобрѣтеніе ихъ не почелъ кражею. Онъ и по сіе время ихъ отъ меня не требовалъ ; а оставилъ мнѣ на волю, что я изъ нихъ сдѣлать захочу.

Между тѣмъ какъ перепрягали лошадей моихъ, любопытствовалъ я, разсматривая доставшіяся мнѣ бумаги ; въ нихъ нашелъ множество подобныхъ той, которую читалъ.

Вездѣ видѣлъ я расположенія человѣколюбиваго сердца;— вездѣ видѣлъ гражданина будущихъ временъ. Болѣе всего примѣтно было, что другъ мой пораженъ былъ несоразмѣрностію гражданскихъ чиносостояній. Цѣлая связка бумагъ и начертаніе законоположеній относились къ уничтоженію рабства въ Россіи. Но другъ мой, зная, что высшая власть недостаточна въ силахъ своихъ на премѣненіе мнѣній мгновенно, начерталъ путь по временнымъ законоположеніямъ къ постепенному освобожденію земледѣльцевъ въ Россіи. Я покажу здѣсь ходъ его мыслей. Первое положеніе относится къ раздѣленію сельскаго рабства и рабства домашняго. Сіе послѣднее уничтожается прежде всего и запрещается брать въ домы поселянъ и всѣхъ по деревнямъ въ ревизіи записанныхъ. Буде помѣщикъ возметъ земледѣльца въ домъ свой для услугъ или работы, то земледѣлецъ становится свободенъ. Дозволить крестьянамъ вступать въ супружество, не требуя на то согласія господина. Запретить брать выводныя деньги. Второе положеніе относится къ собственности и защитѣ земледѣльцевъ. Удѣлъ земли ими обработываемый долженъ быть ихъ собственностію, ибо платятъ подушную подать. Пріобрѣтенное крестьяниномъ имѣніе должно принадлежать ему; никто да не лишитъ его онаго самопроизвольно. Возстановленіе земледѣльца въ званіе гражданина. Надлежитъ ему быть судиму ему равными, то есть, въ распряхъ; въ судьи выбирать и изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Дозволить крестьянину пріобрѣтать недвижимое имѣніе, то есть, покупать землю. Дозволить невозбранное пріобрѣтеніе вольности, платя господину за отпускную извѣстную сумму. Запретить произвольное наказаніе безъ суда.—Исчезни, варварское обыкновеніе! разрушься, власть тигровъ! вѣщаетъ нашъ законодатель.—За симъ слѣдуетъ совершенное уничтоженіе рабства.

Между многими постановленіями, относящимися къ возстановленію по возможности равенства въ гражданахъ, пашелъ я табель о рангахъ. Сколь она была не кстати нынѣшнымъ временамъ и онымъ несоразмѣрна, всякъ можетъ самъ вообразить. Но теперь дуга коренной лошади звенитъ уже въ колокольчикъ и зоветъ меня къ отъѣзду, и для того разсудилъ я заблаго лучше подумать о томъ, что выгоднѣе для ѣдущаго на почтѣ, чтобы лошади шли рысью или иноходью; или что выгоднѣе для почтовой клячи— быть иноходцомъ или скакуномъ? — нежели заниматься тѣмъ, что не существуетъ.

ВЫШНІЙ ВОЛОЧОКЪ.

Никогда не проѣзжалъ я сего новаго города, чтобъ не посмотрѣть здѣшнихъ шлюзовъ. Первой, кому на мысль пришло уподобиться Природѣ въ благодѣяніяхъ и сдѣлать рѣку судоходною, чтобъ привесть всѣ концы одной области въ вящшее сообщеніе, достоинъ памятника для дальнѣйшаго потомства. Когда нынѣшнія державы отъ естественныхъ причинъ распадутся, позлащенныя нивы ихъ порастутъ терніемъ и въ развалинахъ великолѣпныхъ чертоговъ гордыхъ правителей будутъ скрываться ужи, змѣи и жабы: то любопытный путешественникъ обрятетъ глаголющіе остатки величія ихъ въ торговлѣ. Римляне строили большія дороги, водоводы, коихъ прочности и нынѣ по справедливости удивляются; но о водяныхъ сообщеніяхъ, какія суть въ Европѣ, они не имѣли понятія. Дороги, какія были у Римлянъ, наши не будутъ никогда таковы; препятствуетъ

тому наша долгая зима и сильные морозы ; а каналы и безъ обдѣлки нескоро заравняются.

Не мало увеселительнымъ былъ для меня зрѣлищемъ Вышневолоцкій каналъ, наполненный барками, хлѣбомъ и другимъ товаромъ нагруженными и пріуготовляющимися къ прохожденію сквозь шлюзъ для дальнѣйшаго плаванія до Петербурга. Тутъ видно было истинное земли изобиліе и избытки земледѣлателя ; тутъ видѣнъ былъ во всемъ своемъ блескѣ мощный побудитель человѣческихъ дѣяній, корыстолюбіе. Но естьли при первомъ взглядѣ разумъ мой усладился видомъ благосостоянія, то при раздробленіи мыслей скоро исчезло мое радованіе, ибо вспомнилъ, что въ Россіи многіе земледѣлатели не для себя работаютъ. И такъ изобиліе земли во многихъ краяхъ Россіи доказываетъ отягченный жребій ея жителей. Удовольствіе мое перемѣнилось въ равное недогованіе съ тѣмъ, какое ощущаю ходя въ лѣтнее время по Таможенной пристани и взирая на корабли, привозящіе къ намъ избытки Америки и драгія ея произрастенія, какъ то :—сахаръ, кофе, краски и другія, не осушившіеся еще отъ пота, слезъ и крови ихъ омывшихъ при воздѣланіи.

Вообрази себѣ, говорилъ мнѣ нѣкогда мой другъ, что кофе, налитый въ твоей чашкѣ и сахаръ распущенный въ оной лишали покоя подобнаго тебѣ человѣка, были причиною превосходящихъ силы его трудовъ, причиною его слезъ, стенаній, казни и поруганія ; дерзай, жестокосердый, усладить гортань твою !... Видъ прещенія, сопутствовавшій сему изреченію, поколебалъ меня до внутренности. Рука моя задрожжала и кофе пролился.

А вы, о жители Петербурга, питающіеся отъ избытка изобильныхъ краевъ отечества вашего ! когда при велико-

лѣпныхъ пиршествахъ или на дружескомъ пиру или на единѣ рука ваша вознесетъ первый кусокъ хлѣба, опредѣленный на ваше насыщеніе, остановитесь и помыслите, не тоже ли я вамъ могу сказать о немъ, что другъ мой говорилъ мнѣ о произведеніяхъ Америки; не потомъ-ли, не слезами и стенаніемъ ли утучнялись нивы, на которыхъ оный выросъ? Блаженны, естьли кусокъ хлѣба, вами снѣдаемый, извлеченъ изъ класовъ, родившихся на нивѣ, казенною называемой, или по крайней мѣрѣ на нивѣ, оброкъ помѣщику своему платящей! Но горе вамъ, естьли растворъ его составленъ изъ зерна, лежавшаго въ житницѣ дворянской! На немъ почили скорбь и отчаяніе; на немъ знаменовалось проклятіе Всевышняго, когда Онъ во гнѣвѣ своемъ рекъ: проклята земля въ дѣлехъ своихъ. Блюдитеся, да не отравлены будете вожделѣнною вамъ пищею. Горькая слеза нищаго тяжко на ней возлегаетъ. Отриньте ее отъ устъ вашихъ; поститеся, се истинное и полезное можетъ быть пощеніе.

Повѣсть объ одномъ помѣщикѣ доказываетъ, что человѣкъ для корысти своей забываетъ человѣчество въ подобныхъ ему, и что за примѣромъ жестокосердія не нужно ходить въ дальныя страны, ни искать чудесъ за тридевять земель; въ нашемъ царствѣ они въ очью совершаются.

Нѣкто, не нашедъ въ службѣ, какъ по просторѣчію называютъ, щастія, или не желая онаго въ ней снискать, удалился изъ столицы, пріобрѣлъ небольшую деревню, на примѣръ во 100 или въ 200 душъ и опредѣлилъ себя искать прибытка въ земледѣліи. Не самъ онъ опредѣлилъ себя къ сохѣ, но вознамѣрился наидѣйствительнѣйшимъ образомъ сдѣлать всевозможное употребленіе изъ естественныхъ силъ своихъ крестьянъ, прилагая оныя къ обрабатыванію земли. Надеж-

нѣйшимъ къ сему способомъ почелъ онъ уподобить крестьянъ своихъ орудіямъ, ни воли, ни побужденія не имѣющимъ; и уподобилъ ихъ дѣйствительно въ нѣкоторомъ отношеніи нынѣшняго вѣка войнамъ, устремляющимся на бой грудою, а въ единственности ничего не значущимъ. Для достиженія своей цѣли онъ отнялъ у нихъ малой удѣлъ пашни и сѣнныхъ покосовъ, которые на необходимое пропитаніе даютъ имъ обыкновенно дворяне, яко въ воздаяніе за всѣ принужденныя работы, которыхъ они отъ крестьянъ требуютъ. Словомъ, сей дворянинъ нѣкто заставилъ всѣхъ крестьянъ, женъ ихъ и дѣтей во всѣ дни года работать на его. А чтобъ они не умирали съ голоду, то выдавалъ имъ опредѣленное количество хлѣба, подъ именемъ мѣсячины извѣстное. Тѣ, которые не имѣли семейства, мѣсячины не получали, а по обыкновенію Лакедемонянъ пировали вмѣстѣ на господскомъ дворѣ, употребляя для соблюденія желудка въ мясоѣдъ пустыя щи, а въ посты и въ постные дни хлѣбъ съ квасомъ. Истинное розговѣнье бывало развѣ на святой недѣлѣ.

Таковымъ урядникамъ производилась также приличная и соразмѣрная состоянію ихъ одежда. Обувь для зимы, то есть, лапти, дѣлали они сами; онучи получали отъ господина своего; а лѣтомъ ходили босы. Слѣдственно у таковыхъ узниковъ не было ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана. Дозволеніе держать ихъ господинъ у нихъ не отнималъ, но лишалъ ихъ къ тому способовъ. Кто былъ позажиточнѣе и умѣреннѣе въ пищѣ, тотъ держалъ нѣсколько птицъ, которыхъ господинъ биралъ иногда себѣ, платя за нихъ цѣну по своей волѣ.

При таковомъ заведеніи не удивительно, что земледѣліе въ деревнѣ господина нѣкто было въ цвѣтущемъ состояніи. Когда у всѣхъ худой былъ урожай, у него родился хлѣбъ

самъ - четвертъ ; когда у другихъ былъ хорошій урожай, то у него приходилъ хлѣбъ самъ-десять и болѣе. Въ недолгомъ времени къ 200 душамъ купилъ онъ еще 200 жертвъ своему корыстолюбію, и поступая съ ними равно какъ и съ первыми, годъ отъ году умножалъ свое имѣніе, усугубляя число стенящихъ на его нивахъ. Теперь щитаетъ онъ ихъ уже тысячами, и славится какъ знаменитый земледѣлецъ.

Варваръ! ты не достоинъ имени гражданина. Какая польза государству, что нѣсколько тысячь четвертей въ годъ болѣе родится хлѣба, естьли тѣ, кои его производятъ, щитаются наровнѣ съ воломъ, опредѣленнымъ вздирать тяжкую борозду? Или блаженство гражданъ въ томъ почитаемъ, чтобъ житницы были полны хлѣба, а желудки пусты. — Богатство сего кровопійцы ему не принадлежитъ. Оно нажито грабежемъ, и заслуживаетъ строгое въ законѣ наказаніе. И есть люди, которые, взирая на утучненныя нивы сего палача, ставятъ его въ примѣръ усовѣршенствованія земледѣлія! И вы хотите называться мягкосердыми? и вы носите имена попечителей о благѣ общемъ? вмѣсто поощренія къ таковому насилію, которое почитаете вы источникомъ государственнаго богатства, простите на сего общественнаго злодѣя ваше человѣколюбивое мщеніе. Сокрушите земледѣльческія его орудія, сожгите его риги, овины, житницы и развѣйте пепль по нивамъ, на которыхъ совершалось его мучительство; ознаменуйте его, какъ общественнаго татя, чтобъ всякъ, видя его, не только имъ гнушался, но убѣгалъ бы его приближенія, дабы не заразиться его примѣромъ.

ВЫДРОПУСКЪ.

Здѣсь принялся я опять за бумаги моего друга. Мнѣ попалось въ руки начертаніе положенія объ уничтоженіи придворныхъ чиновъ.

Проэктъ въ будущемъ

Вводя паки постепенно нарушенное въ обществѣ естественное и гражданское равенство, предки наши почли не послѣднимъ къ тому способомъ умаленіе правъ дворянства. Полезное государству въ началѣ своемъ личными заслугами, ослабѣло оно въ подвигахъ своихъ наслѣдственностію, и сладкій при насажденіи его корень произнесъ наконецъ плодъ горькій. На мѣсто мужества водворились надмѣнность и самолюбіе; на мѣсто благородства души и щедрости посѣялись раболѣпіе и самонедовѣреніе, и сдѣлали ихъ истинными скрягами на великое. Живя среди столь тѣсныхъ душъ и подвизаемые на малости ласкательствомъ наслѣдственныхъ достоинствъ и заслугъ, многіе Государи возмнили, что они боги, и что все, чего коснутся, сотворятъ блаженнымъ и пресвѣтлымъ. Такъ и быть долженствуетъ въ дѣяніяхъ нашихъ, но токмо на пользу общую. Въ таковой дремотѣ величія власти возмечтали цари, что рабы ихъ и прислужники, предстоя ежечасно ихъ взорамъ, заимствуютъ ихъ свѣтозарности; что блескъ царскій, преломляясь, такъ сказать, въ сихъ новыхъ отсвѣткахъ, является многочисленнѣе и съ сильнѣйшимъ отраженіемъ. На таковой ложной мысли воздвигли цари придворныхъ истукановъ, кои, будучи истинные

театральные божки, повинуются свистку или трещотѣ. Прейдемъ степени придворныхъ чиновъ, и съ улыбкою сожалѣнія отвратимъ взоры наши отъ кичащихся служеніемъ своимъ и возрыдаемъ, видя ихъ предпочитаемыхъ заслугѣ. Дворецкій мой, конюшій, даже конюхъ и кучеръ, поваръ, кравчій, птицеловъ съ подчиненными ему охотниками, комнатные мои прислужники, мой брадобрѣй, волосочесатель, тотъ, кто пыль и грязь отираетъ съ обуви моей — о многихъ другихъ не упоминая — равняются или предсѣдаютъ служащимъ отечеству душевными и тѣлесными силами своими, не щадящимъ для отечества ни здоровья своего, ни крови и возлюбляющимъ даже смерть для славы государства. Какая вамъ въ томъ польза, что въ домѣ моемъ господствуютъ чистота и опрятность? Сытѣе ли вы накормитесь, буде кушанье мое лучше вашего приготовлено и въ сосудахъ моихъ лѣется вино изо всѣхъ концовъ вселенныя? Укроетесь ли въ шествіи вашемъ отъ непріязненности погоды, буде колесница моя позлащена и кони мои тучны? Лучшій ли даетъ вамъ нива плодъ, луга ваши больше ли позеленѣютъ, буде потопчутся на ловитвѣ звѣрей въ мое увеселеніе? — вы улыбнетесь съ чувствованіемъ жалости. Но нерѣдкой въ справѣдливомъ негодованіи своемъ скажетъ вамъ: Тотъ, кто рачитъ о устройствѣ твоихъ чертоговъ; тотъ, кто ихъ нагрѣваетъ; тотъ, кто огненную пряность полуденныхъ растеній соединяетъ съ хладною вязкостію Сѣверныхъ туковъ для услажденія разслабленнаго твоего желудка и притупленнаго твоего вкуса; тотъ, кто воспѣняетъ въ сосудѣ твоемъ сладкій сокъ Африканскаго винограда; тотъ, кто умащаетъ окружіе твоей колесницы, кормитъ и напаяетъ коней твоихъ; тотъ, кто во имя твое ведетъ кровавую битву со звѣрями дубравными и птицами небесными; всѣ сіи тунеядцы, всѣ сіи

лелѣятели твоей надмѣнности высятся надо мною, надъ источившимъ потоки крови на ратномъ полѣ, надъ потерявшимъ нужнѣйшіе члены тѣла своего при защищеніи твоихъ градовъ и чертоговъ, въ которыхъ робость твоя, покрытая завѣсою величавости, казалась провождающимъ дни въ веселіи и утѣхахъ мужествомъ; — надъ сберегающимъ малѣйшую полушку, да облегчится сколько возможно общее бремя налоговъ; надъ нерачившимъ о имѣніи своемъ, трудясь денно нощно въ снисканіи средствъ къ достиженію общественнаго блаженства; надъ попирающимъ родство, пріязнь, союзъ сердца и крови, вѣщая правду на судѣ во имя твое, да возлюбленъ будеши. Власы бѣлѣютъ въ подвигахъ нашихъ; силы истощаются въ подъ-емлемыхъ нами трудахъ, и на краю гроба едва можемъ удостоиться твоего благоволенія; — а сіи упитанные сосцами нѣжности и пороковъ тельцы, сіи незаконные сыны отечества наслѣдятъ стяжаніе наше.

Такъ и еще болѣе возглаголютъ о васъ по справедливости многіе. Что дадимъ мы Владыкѣ силъ въ отвѣтъ? Прикроемъ безчувствіемъ уничиженіе наше. Въ очахъ нашихъ видится воспаленна ярость на вѣщающихъ сице. Таковы бываютъ нерѣдко отвѣты наши вѣщаніямъ истинны. И никто да не дивится сему, когда наилучшій между нами дерзаетъ таковая; онъ живетъ съ ласкателями, бесѣдуетъ съ ласкателями, спитъ въ лести, хождаетъ въ лести. И лесть дѣлаетъ его глухимъ, слѣпымъ и неосязательнымъ. Но да не падетъ на насъ таковая укоризна. Возненавидѣвъ съ младенчества ласкательство, мы соблюли сердце наше отъ ядовитой его сладости даже до сего дня, и нынѣ новый опытъ любви вашей къ намъ и преданности да будетъ явенъ. Мы уничтожаемъ нынѣ сравненіе царедворскаго служенія съ военнымъ и граж-

данскимъ. Истребись въ памяти обыкновеніе, столько лѣтъ къ стыду нашему существовавшее! Истинныя заслуги, достоинства и раченіе о пользѣ общей да получаютъ награду за труды свои и едины да отличаются.

Сложивъ съ сердца нашего столь несносное бремя, долговремянно насъ тяготившее, мы явимъ вамъ наши побужденія по уничтоженіи толь оскорбительныхъ для заслуги и достоинства чиновъ. Предки ваши были тѣхъ же мыслей, что царскій престолъ, котораго сила во мнѣніи гражданъ коренится, долженствуетъ отличествовать внѣшнимъ блескомъ, чтобъ мнѣніе о его величествѣ было всегда цѣло и нерушимо. Оттуда пышная внѣшность властителей народовъ; оттуда стадо рабовъ ихъ окружающихъ. Всякъ долженъ согласиться, что внѣшность можетъ поражать тѣсные умы и малыя души Но чѣмъ народъ просвѣщеннѣе, то есть, чѣмъ болѣе особенниковъ въ просвѣщеніи, тѣмъ менѣе внѣшность дѣйствовать можетъ. Нума могъ еще грубыхъ Римлянъ увѣрить, что Нимфа Егерія наставляла его въ законоположеніяхъ. Слабые Перуанцы охотно вѣрили Манкокораку, что онъ сынъ солнца и что законъ его съ небеси. Магометъ могъ прельстить скитающихся Аравитянъ своими бреднями. Всѣ они употребляли внѣшность; даже Моисей принялъ на горѣ скрижали заповѣдей среди блеску молній. Но нынѣ кто захочетъ прельстить, не нужна ему блистательная внѣшность, но внѣшность доводовъ, естьли такъ сказать можно, внѣшность убѣжденій. Кто захотѣлъ бы нынѣ утвердить посланіе свое свыше, тотъ употребитъ болѣе наружность полезности, и оною всѣ тронутся. Мы устремляемъ силы наши на пользу всѣхъ и каждаго, и такъ почто намъ блескъ внѣшности? Не полезностію

ли нашихъ постановленій, имѣющихъ цѣлію благо государства, блистаетъ лице наше? Всякъ взирающій на насъ видитъ наше благомысліе, видитъ въ подвигѣ нашемъ свою пользу, и потому намъ поклонится, не яко во ужасѣ шествующему, но яко во благости сѣдящему. Естьли бы древніе Персы управлялись всегда щедротою, то не возмечтали бы, что есть Ариманъ или начало зла. Когда пышная внѣшность намъ безполезна, то сколь же вредны могутъ быть въ государствѣ ея оберегатели? Имѣя единственною должностію въ служеніи своемъ угожденіе намъ, сколь изыскательны будутъ они во всемъ томъ, что можетъ намъ нравиться? Желаніе наше будетъ предупреждено, и не токмо не допустятъ оному возродиться въ насъ, но даже воспрепятствуютъ и мысли, ибо готово уже ей удовлетвореніе. Воззрите съ ужасомъ на дѣйствіе таковыхъ угожденій. Душа наитвердѣйшая въ правилахъ поколеблется, приклонитъ ухо къ ласкательному сладкопѣнію и уснетъ. Сладостныя пары обыдутъ разумъ и сердце. Горесть и обида чуждая едва покажутся намъ преходящими недугами; скорбѣть о нихъ почтемъ или неприличнымъ или противнымъ и запретимъ даже жаловаться о нихъ. Язвительнѣйшія скорби, раны и самая смерть покажутся намъ необходимыми дѣйствіями теченія вещей, и являя намъ позади непрозрачныя завѣсы, едва возмогутъ ли произвесть въ насъ то мгновенное движеніе, какое производятъ въ насъ театральныя представленія; ибо стрѣла болѣзни и жало зла не въ насъ вонзенны.

Вотъ слабая картина всѣхъ пагубныхъ слѣдствій пышнаго Царей дѣйствія. Не блаженны ли мы, естьли возмогли укрыться отъ возмущенія, могущаго произойти отъ нашей пышности? Не блаженны ли, естьли заразѣ примѣра

положили преграду? Надежные въ благосердіи нашемъ, надежные въ умѣренности нашихъ желаній, возблагородствуемъ снова и будемъ примѣромъ позднѣйшему потомству, какъ должно на взаимную пользу соединять власть со свободою.

ТОРЖОКЪ.

Здѣсь на почтовомъ дворѣ встрѣченъ я былъ человѣкомъ, отправляющимся въ Петербургъ для испрошенія дозволенія завесть въ семъ городѣ свободное книгопечатаніе. Я говорилъ ему, что на сіе дозволенія не нужно, ибо свобода на то дана всѣмъ; но онъ хотѣлъ свободы въ цензурѣ, — и вотъ его о томъ размышленіе.

У насъ дозволено всѣмъ имѣть типографіи, и время то прошло, въ которое боялись давать оное дозволеніе частнымъ людямъ — для того, что въ вольныхъ типографіяхъ могутъ печатаны быть ложные пропуски, удерживались отъ общаго добра и полезнаго установленія. Теперь свобода имѣть всякому орудія печатанія; но то, что печатать можно, состоитъ подъ опекою. Цензура сдѣлана нянькою разсудка, остроумія, воображенія, всего великаго и изящнаго. Но гдѣ есть няньки, то слѣдуетъ, что есть ребята, которые ходятъ на помочахъ; отъ чего у нихъ бываютъ нерѣдко кривыя ноги. Гдѣ есть опекуны, слѣдуетъ, что есть малолѣтные, незрѣлые разумы, которые собою править не могутъ. Естьли жъ всегда пребудутъ няньки и опекуны, то ребенокъ долженъ ходить на помочахъ и совершенной на возрастѣ будетъ калека. Недоросль будетъ всегда Митрофанушка, безъ дядьки не ступитъ и безъ опекуна

не можетъ править своимъ наслѣдіемъ. Таковы бываютъ вездѣ слѣдствія обыкновенной Цензуры, и чѣмъ она строже, тѣмъ слѣдствія ея пагубнѣе. Послушаемъ Гердера.

"Наилучшій способъ поощрять доброе есть не препятствіе, но дозволеніе свободы въ мысляхъ. Розыскъ вреденъ въ царствѣ науки: онъ сгущаетъ воздухъ и запираетъ дыханіе. Книга, проходящая десять цензуръ прежде нежели явится въ свѣтъ, не есть книга, но поддѣлка святой инквизиціи, часто изуродованная, сѣченная батожьемъ, съ кляпомъ во рту, узникъ и рабъ всегда. Въ области истины, въ царствѣ мысли и духа не можетъ никакая земная власть давать рѣшенія, и не должно; не можетъ того правительство, менѣе еще его цензоръ, въ коблукѣ ли онъ или съ темлякомъ. Въ царствѣ истины онъ не судья, но отвѣтчикъ, какъ сочинитель. Исправленіе можетъ только совершиться просвѣщеніемъ. Безъ головы и мозгу не шевельнется ни рука, ни нога. Чѣмъ основательнѣе государство въ своихъ правилахъ, чѣмъ стройнѣе и тверже оно само въ себѣ—тѣмъ менѣе можетъ оно поколебаться и трястись отъ дуновенія каждаго мнѣнія, отъ насмѣшки разъяреннаго писателя; тѣмъ болѣе благоволитъ оно свободѣ мыслей и свободѣ писанія, отъ которой подъ конецъ вѣрно будетъ прибыль истиннѣ. Губители бываютъ подозрительны; тайные злодѣи робки. Мужъ явно творяй правду и твердый въ правилахъ своихъ допуститъ всякій глаголъ о себѣ. Онъ ходитъ во дни и строитъ себѣ на пользу клевету своихъ злодѣевъ. Откупы въ мысляхъ вредны. Правитель государства да будетъ безпристрастенъ во мнѣніяхъ, чтобъ могъ объять мнѣнія всѣхъ, и оныя въ государствѣ своемъ дозволять, просвѣщать и наклонять къ общему добру. Отъ того-то истинно великіе Государи столь рѣдки."

Правительство, признавъ полезность книгопечатанія, дозволило оное всѣмъ; но еще болѣе дознавъ, что запрещеніе въ мысляхъ утщетитъ благое намѣреніе вольности книгопечатанія, поручило цензуру или присмотръ за изданіями Управѣ благочинія. Долгъ же ея въ отношеніи сего можетъ быть только тотъ, чтобъ запрещать продажу язвительныхъ сочиненій. Но и сія цензура есть лишняя. Одинъ несмысленный урядникъ благочинія можетъ сдѣлать величайшій просвѣщенію вредъ и на многія лѣта остановить шествіе разума, запретя полезное изобрѣтеніе, новую мысль и лишивъ всѣхъ черезъ то великаго. Примѣръ въ малости. Въ Управу Благочинія принесенъ для утвержденія переводъ романа. Переводчикъ, слѣдуя автору, назвалъ "любовь лукавымъ богомъ." Мундирный цензоръ, исполненный духа благочестія, почернилъ сіе выраженіе, говоря: "неприлично Божество называть лукавымъ". Кто чего не разумѣетъ, тотъ въ то да не мѣшается. Естьли хочешь благорастворенаго воздуха, то удали отъ себя коптильню; естьли хочешь свѣта, удали затмѣніе; естьли хочешь, чтобъ дитя не было застѣнчиво, то выгони лозу изъ училища. Въ домѣ гдѣ плети и батожье въ модѣ, тамъ слуги пьяницы, и еще того хуже, воры. *

Пускай печатаютъ все, кому что па умъ ни взойдетъ. Кто найдетъ себя въ печати обиженнымъ, тому да дастся судъ по формѣ. Я говорю не смѣхомъ. Слова не всегда суть дѣянія; размышленія жъ не преступленія. Вотъ пра-

* Такого жъ роду Цензоръ, сказываютъ, не дозволяетъ печатать сочиненія, гдѣ упоминается о Богѣ, говоря: я съ Нимъ дѣла ни какого не имѣю. Естьли въ какомъ либо сочиненіи ворочили народные нравы того или другаго государства; онъ почиталъ сіе недозволеннымъ, говоря: Россія имѣетъ съ нимъ трактатъ дружбы. Естьли упоминалось гдѣ о Князѣ или Графѣ, онъ не позволялъ того печатать, говоря: это личность, ибо есть Князья и Графы между знатными особами.

вило Наказа о новомъ уложеніи. Но брань на словахъ и въ печати всегда брань. Въ законѣ не велѣно бранить никого, и всякому свобода есть жаловаться. Но естьли кто про кого скажетъ правду, бранью ли то почитать, того въ законѣ нѣтъ. Какой вредъ, естьли книги въ печати будутъ безъ клейма полицейскаго! Не токмо не можетъ быть вреда, но польза; польза отъ перваго до послѣдняго, отъ малаго до великаго, отъ царя до послѣдняго гражданина.

Обыкновенныя правила цензуры суть: перечернивать, марать, не дозволять, драть, жечь все то, что противно Естеству, Религіи и Откровенію, все то, что противно правленію, не дозволять всякую личность, противное благонравію, устройству и тишинѣ общей. Разсмотримъ сіе подробно.—Естьли безумецъ въ мечтаніи своемъ не токмо въ сердцѣ, но громкимъ голосомъ речетъ, нѣсть Бога: то въ устахъ всѣхъ безумныхъ раздастся громкое и потѣшное эхо "нѣсть Бога, нѣсть Бога!"—Но чтожъ изъ того? Эхо звукъ; ударитъ въ воздухъ, поколеблетъ его и исчезнетъ; на разумѣ рѣдко оставитъ черту, и то слабую, на сердцѣ жъ никогда. Богъ всегда пребудетъ Богъ, ощущаемъ и невѣрующимъ въ Него. Но естьли думаешь, что Всевышній оскорбится хуленіемъ; то урядникъ ли благочинія можетъ быть за Него истецъ? Всесильный звонящему въ трещетку или бьющему въ набатъ довѣрія не дастъ. Возгнушается Метатель грома и молніи, которому всѣ стихіи повинуются,—возгнушается Колеблющій сердца изъ-за предѣловъ вселенныя дать мстить за Себя и самому царю, мечтающему быть преемникомъ на землѣ. Кто можетъ быть судіею въ обидѣ Отца предвѣчнаго? — Тотъ обижаетъ Его, кто мнитъ, что можетъ судить о Его обидѣ; тотъ дастъ отвѣтъ предъ Нимъ.

Отступники откровенной религіи дѣлали доселѣ болѣе вреда въ Россіи, нежели не признаватели бытія Божія, атеисты. Таковыхъ у насъ мало; ибо мало у насъ еще думаютъ о метафизикѣ. Атеистъ заблуждаетъ въ метафизикѣ, а раскольникъ въ трехъ пальцахъ. Раскольниками называемъ мы всѣхъ Россіянъ, отступающихъ въ чемъ либо отъ общаго ученія Греческой церкви. Ихъ въ Россіи много, и для того служеніе имъ дозволяется. И для чего не дозволять всякому заблужденію быть явнымъ? Явнѣе оно будетъ, скорѣе сокрушится. Гоненія дѣлали мучениковъ; жестокость была подпорою самаго христіанскаго закона. Дѣйствія расколовъ иногда вредны; но запрети ихъ, проповѣдуются они примѣромъ. Уничтожь примѣръ; отъ печатной книги раскольникъ не бросится въ огонь, но отъ ухищреннаго примѣра. Запрещать дурачество есть тоже, что поощрать его. Дай ему волю: всякъ увидитъ, что глупо и что умно. Что запрещено, того хочется. Мы всѣ Еввины дѣти.

Но запрещая вольное книгопечатаніе, робкія правительства не богохуленія боятся, но боятся сами имѣть порицателей. Кто въ часы безумія не щадитъ Бога, тотъ въ часы памяти и разсудка не пощадитъ незаконной власти. Не бояйся грома Всесильнаго смѣется виселицѣ. Для того-то вольность мыслей Правительствамъ страшна. Потрясенный до внутренности вольнодумецъ простретъ дерзкую, но мощную и твердую руку къ истукану власти, сорветъ съ него личину и покровъ и обнажитъ составъ его. Всякъ узритъ бренныя его ноги; всякъ возвратитъ къ себѣ данную ему подпору; сила его возвратится къ источнику—и истуканъ падетъ. Но естьли власть не на туманѣ мнѣнія возсѣдаетъ; естьли престолъ ея основанъ на искренности, на истинной любви общаго блага: не утвер-

дится ли болѣе, когда основаніе его будетъ явно. И не возлюбится ль любящій искренно? —Взаимность есть чувствованіе природы, и стремленіе сіе имѣетъ начало въ естествѣ. Прочному и твердому зданію довольно собственнаго его основанія; въ опорахъ и контръ-форсахъ нужды ему нѣтъ. Естьли поколеблется оно отъ вѣтхости, тогда только нужны ему побочныя тверди.

Правительство да будетъ истинно и вожди его нелицемѣрны; тогда всѣ плевелы, всѣ изблеванія возвратятъ смрадность свою на извергателей ихъ, а истинна пребудетъ всегда чиста и бѣловидна. Кто возмущаетъ словомъ (назовемъ такъ въ угодность власти всѣ твердыя размышленія на истиннѣ основанныя и власти противныя), есть такой же безумецъ, какъ и хулу глаголай на Бога. Буде власть шествуетъ стезею ей назначенною, то не возмутится оно отъ пустаго звука клеветы, подобно какъ Господь силъ не тревожится хуленіемъ. Но горе ей, естьли въ несправедливости своей гонитъ она правду! Тогда одна мысль твердости тревожитъ ее; глаголъ истины сокрушитъ ее, а дѣяніе мужества развѣетъ ее.

Личность и язвительная личность есть обида; но личность въ истиннѣ столь же дозволительна, какъ и самая истинна. Естьли ослѣпленный судія судитъ въ неправду, и защитникъ вольности выдастъ въ свѣтъ коварный его приговоръ и покажетъ его ухищреніе и неправду: то будетъ сіе личность, но дозволенная;—естьли онъ назоветъ его судіею наемнымъ, ложнымъ, глупымъ—есть личность, но дозволить можно. Естьли же станетъ называть его именами смрадными и поносить бранными словами, по рынкамъ употребляемыми: то сіе есть личность язвительная и недозволенная. Но не правительства дѣло вступаться за судію, хотя бы онъ поносился и въ правомъ дѣлѣ. Не

судія да будетъ въ томъ истецъ, но оскорбленное лице. Судія же предъ свѣтомъ и предъ поставившимъ его судіею да оправдится одними дѣлами. * Такъ должно судить о личности; она достойна наказанія, но въ печатаніи болѣе пользы принесетъ, вреда мало. Когда все будетъ въ порядкѣ; когда рѣшенія будутъ всегда въ законѣ. Когда законъ основанъ будетъ на истинѣ и прекратится удрученіе: тогда развѣ личность можетъ сдѣлать развратъ. Скажемъ нѣчто о благонравіи, и сколько слово ему вредно.

Любострастное сочиненіе, наполненное похотливыми начертаніями, дышущее развратомъ, коего всѣ листы и строки являютъ стрекательную наготу, вредно для юношей и незрѣлыхъ чувствъ. Разжигая воспаленное воображеніе, тревожа спящее чувство, возбуждая покоющееся сердце, наводитъ оно безвременную возмужалость, обманывая юныя чувства въ твердости ихъ и заготовляя имъ дряхлость. Таковыя сочиненія могутъ быть вредны; но не они разврату корень. Естьли читая ихъ юноши пристрастятся къ крайнему услажденію любовной страсти; то не могли бы произвесть того въ дѣйство, когда бъ не было торгующихъ своею красотою. Въ Россіи таковыхъ сочиненій въ печати еще нѣтъ; но на каждой улицѣ въ обѣихъ столицахъ видимъ разкрашенныхъ любовницъ; дѣйствіе болѣе раз-

* Г-н Дикинсонъ, имѣвшій участіе въ бывшей перемѣнѣ въ Америкѣ и тѣмъ прославившійся, будучи послѣ въ Пенсильваніи Президентомъ, не возгнушался сражаться съ наступившими на него. Противъ него изданы были нанжесточайшіе листы. Первѣйшій Градоначальникъ области пошелъ въ ристалище, издалъ въ печать свое защищеніе, оправдался, опровергъ доводы своихъ противниковъ и устыдилъ ихъ. Вотъ примѣръ для послѣдованія, какъ мстить должно, когда кто кого обвиняетъ предъ свѣтомъ печатнымъ сочиненіемъ. Естьли кто свирѣпствуетъ противъ печатной строки, тотъ заставляетъ думать, что печатное истинно; а мстящій таковъ, какъ о немъ напечатано.

вратитъ нежели слова, а примѣръ паче всего. Скитающіяся любовницы, отдающія сердца свои съ публичнаго торгу наддателю, заразятъ тысячу юношей язвою и все будущее потомство сей тысячи; но книга не давала еще болѣзни. И такъ цензура да останется на торговыхъ дѣвокъ; до произведенія же развратнаго ей дѣла нѣтъ. Заключу симъ: цензура печатаемаго принадлежитъ обществу; оно даетъ сочинителю вѣнецъ или употребитъ листы на обвертки;—равно какъ ободреніе театральному сочиненію даетъ публика, а не директоръ театра. Такъ и выпускаемому въ міръ сочиненію цензоръ не дастъ ни славы, ни безславія. Завѣса поднялась, взоры всѣхъ устремились къ дѣйствію; нравится — плещутъ; не нравится — стучатъ и свищутъ. Оставь глупое на волю общаго сужденія; оно найдетъ тысячу цензоровъ. Настрожайшая полиція не можетъ такъ запретить дурныхъ мыслей, какъ негодующая на нихъ публика. Одинъ разъ имъ вонъмутъ; потомъ умрутъ онѣ и не воскреснутъ во вѣки. Но естьли признали мы безполезность цензуры, или паче вредъ ея въ царствѣ науки, то познаемъ обширную и безпредѣльную пользу вольности печатанія.

Доказательства на сіе, кажется, не нужны. Естьли свободно всякому мыслить и мысли свои объявлять всѣмъ невозбранно; то естественно, что все придуманное и изобрѣтенное будетъ извѣстно; великое будетъ велико и истинна не затмится. Правители народовъ не дерзнутъ удалиться отъ стези правды и убоятся: ибо пути ихъ злости и ухищренія обнажаться. Вострепещетъ судія, подписывая неправедный приговоръ, и раздеретъ его. Устыдится имѣющій власть управлять ею только на удовлетвореніе своихъ прихотей. Тайный грабежъ назовется грабежемъ; прикрытое убійство убійствомъ. Убоятся всѣ злые

строгаго взора истины. Спокойствіе будетъ дѣйствительное, ибо не будетъ въ немъ заквасу. Нынѣ поверхность только гладка; но илъ на днѣ лежащій мутится и тмитъ прозрачность воды.

Прощаясь со мною, порицатель цензуры далъ мнѣ небольшую тетрадку. Естьли ты, читатель, не скучливъ, то читай, что предъ тобою лежитъ. Естьли же бы случилось, что ты самъ принадлежишь къ цензурному комитету, то загни листъ и скачи мимо.

КРАТКОЕ ПОВѢСТВОВАНІЕ

О ПРОИСХОЖДЕНІИ ЦЕНСУРЫ.

Естьли мы скажемъ и утвердимъ яснымі доводами, что ценсура съ инквизиціею принадлежатъ къ одному корню; что учредители инквизиціи изобрѣли ценсуру т. е. приказное разсмотрѣніе книгъ до изданія ихъ въ свѣтъ: то мы хотя не скажемъ ничего новаго, но изъ мрака протекшихъ временъ извлечемъ въ добавокъ многимъ другимъ ясное доказательство, что священнослужители были всегда изобрѣтатели оковъ, которыми отягчался въ разныя времена разумъ человѣческій, что они подстригали ему крылья, да не обратитъ полетъ свой къ величію и свободѣ.

Проходя протекшія времена и столѣтія, мы вездѣ находимъ ужасныя черты власти; вездѣ видимъ силу, возстающую на истину и иногда суевѣріе ополчающееся на суевѣріе. Аѳинскій народъ, возбужденный священнослужителями, запретилъ писанія Протогоровы и велѣлъ всѣ списки оныхъ собрать и сжечь. Не онъ-ли въ безуміи своемъ предалъ смерти на незагладимое себѣ поношеніе вочеловѣченную истину—Сократа. Въ Римѣ находимъ мы больше примѣровъ таковаго свирѣпствованія. Титъ-Ливій повѣствуетъ, что найденныя во гробѣ Нумы писанія сожжены были по повелѣнію сената. Въ разныя времена случалось, что книги гадательныя велѣно было относить къ Претору. Светоній повѣствуетъ, что Кесарь Августъ велѣлъ сжечь таковыхъ книгъ до 2000.—Еще примѣръ несообразности человѣческаго разума. Не ужели, запрещая суевѣрныя

писанія, властители думали, что суевѣріе истребится? Запрещали каждому въ особенности прибѣгать къ гаданію, совершаемому нерѣдко единственно для мгновеннаго облегченія грызущей скорьби, а оставляли явныя и государственныя гаданія авгуровъ и аруспиціевъ. Но естьли бы во дни просвѣщенія возмнили, что книги учащія гаданію или проповѣдующія суевѣріе должно запрещать или жечь, то не смѣшно ли бы было, когдабъ истина приняла жезлъ гоненія на суевѣріе, когдабъ истина на пораженіе заблужденія вооружилась властію и мечемъ: одинъ видъ ея есть жесточайшій бичь для заблужденія.

Но Кесаръ Августъ не на одни гаданія простеръ свое гоненіе, онъ велѣлъ сжечь книги Тита Лабіенія. "Злодѣи его, говоритъ Сенека Риторъ, изобрѣли для него сіе новаго рода наказаніе." Неслыханное и необычайное дѣло извлекать казнь изъ ученія! Но по щастію сіе разумное свирѣпствованіе изобрѣтено послѣ Цицерона. Что бы было, естьлибъ общеначальники за благо положили осудить разумъ Цицерона! Но мучитель скоро отмстилъ за Лабіенія тому, кто исходатайствовалъ сожженіе его сочиненій. Онъ видѣлъ при жизни своей, что и его сочиненія преданы были огню.* "Не злому какому примѣру тутъ слѣдовано, говоритъ Сенека, его собственному."** Даждь Небо, чтобъ зло обращалось всегда на изобрѣтателя его, и чтобъ воздвигшій гоненіе на мысли зрѣлъ свои всегда осмѣянными, поруган-

* Касій Северъ, другъ Лабіенія, видя сочиненія его въ огнѣ; сказалъ: теперь меня сжечь надобно, ибо я знаю ихъ наизустъ. Сіе подало случай при Августѣ къ законоположенію о поносительныхъ сочиненіяхъ, которое по природному человѣку обезьянству принято въ Англіи и другихъ государствахъ.

** Сочиненія Арія Монтана, издавшаго въ Нидерландахъ первой реестръ запрещеннымъ книгамъ, вмѣщены были въ тотъ же реестръ.

ными и на истребленіе осужденными! Естьли мщеніе можетъ когда либо быть извинительно, то развѣ сіе.

Во времена народнаго правленія въ Римѣ гоненія таковаго рода обращались только на суевѣріе; но при императорахъ простерлось оно на всѣ твердыя мысли. Гремуцій-Кордъ въ исторіи своей назвалъ Касія, дерзнувшаго осмѣять запрещеніе Августово на Лабіеновы сочиненія, послѣднимъ Римлянином. Римскій сенатъ, ползая предъ Тиберіемъ велѣлъ въ угожденіе ему Кремуціеву книгу сжечь. Но съ оной остались многіе списки. "Тѣмъ болѣе, говоритъ Тацитъ, можно смѣяться надъ попеченіемъ тѣхъ, кои мечтаютъ, что могутъ всемогуществомъ своимъ истребить воспоминовеніе слѣдующаго поколѣнія. Хотя власть бѣшенствуетъ на разсудокъ, но свирѣпствомъ своимъ устрояетъ себѣ стыдъ и посрамленіе, а ему славу." — Не избавились сожженія судейскія книги при Антіохѣ-Епифанѣ, царѣ Сирскомъ. — Равной съ ними участи подвержены были сочиненія христіанъ. Императоръ Діоклитіанъ велѣлъ предать сожженію книги Св. Писанія. Но христіанскій законъ, одержавъ побѣду надъ мучительствомъ, покорилъ самихъ мучителей, и нынѣ остается во свидѣтельство неложное, что гоненіе на мысли и мнѣнія не токмо не можетъ истребить оныя, но укоренить и распространить ихъ. Арнобій справедливо возстаетъ противъ такого гоненія и мучительства. "Иные вѣщаютъ, говоритъ онъ, полезно для государства, чтобъ сенатъ велѣлъ истребить писанія, въ доказательство христіанскаго исповѣданія служащія, которыя опровергаютъ важность древней религіи. Но запрещать писанія и хотѣть истребить обнародованное не есть защищать боговъ, но бояться истины свидѣтельствованныя."

По распространеніи христіанскаго исповѣданія священно служители онаго столь же стали злобны противъ писаній, которыя были имъ противны и не въ пользу. Не давно порицали строгость въ язычникахъ, но скоро сами ополчились всемогуществомъ. Греческіе императоры занимались болѣе церковными преніями, нежели дѣлами государственными; а потому управляемые священниками воздвигли гоненіе на всѣхъ тѣхъ, кто дѣянія и ученія Іисусовы понимали съ ними различно. Такое гоненіе распростерлось и на произведенія разсудка и разума. Уже мучитель Константинъ, прозванный Великимъ, слѣдуя рѣшенію Никейскаго собора, предавшаго Аріево ученіе проклятію, запретилъ его книги, осудилъ ихъ на сожженіе, а того, кто будетъ имѣть оныя, на смерть. Императоръ Ѳеодосій II велѣлъ проклятыя книги Несторія всѣ собрать и предать огню. На Халкидонскомъ соборѣ тоже положено о писаніяхъ Евтихія. Въ пандектахъ Іустиніановыхъ сохранены нѣкоторыя таковыя рѣшенія.—Несмысленные не знали, что истребляя превратное или глупое истолкованіе христіанскаго ученія и запрещая разуму трудиться въ изслѣдованіи какихъ либо мнѣній, они остановляли его шествіе; а у истины отнимали сильную опору: различіе мнѣній, прѣнія и невозбранное мыслей своихъ выраженіе!—Кто можетъ за то поручиться, что Несторіи, Аріи, Евтихіи, и другіе еретики могли бы быть предшественниками Лютера? И естьли бы вселенскіе соборы не были созваны, то Декартъ могъ бы родиться десятью столѣтіями прежде. Какой шагъ вспять сдѣланъ къ тьмѣ и невѣжеству.

По разрушеніи Римской имперіи монахи въ Европѣ были хранители учености и науки. Но никто не оспоривалъ у нихъ свободы писать, что желали. Въ 768 году Амвросій-

Опертъ, монахъ Бенедиктинскій, посылая толкованіе свое на Апокалипсисъ къ Папѣ Стефану III и прося дозволенія о продолженіи его въ свѣтъ, говоритъ: "Что онъ первый изъ писателей проситъ таковаго дозволенія; но да не исчезнетъ, продолжаетъ онъ, свобода въ писаніи, для того что уничтоженіе оной оковало бы умы."—Соборъ Санскій осудилъ мнѣнія Абеларловы, а Папа сочиненія его велѣлъ сжечь.

Но ни въ Греціи, ни въ Римѣ, нигдѣ не находимъ примѣра, чтобъ избранъ былъ судія мысли, чтобъ кто дерзнулъ сказать: у меня просите дозволенія, естьли хотите отверзать уста ваши на велерѣчіе; у насъ клѣймится разумъ, науки и просвѣщеніе, и все, что безъ нашего клѣйма явится въ свѣтъ, объявляемъ заранѣе глупымъ, мерзкимъ, негоднымъ. Таковое постыдное изобрѣтеніе предоставлено было христіанскому священству, и ценсура была современна инквизиціи.

Проходя исторію, нерѣдко находимъ разумъ суевѣрію и полезнѣйшія изобрѣтенія—грубому невѣжеству современниками. Въ то время, какъ боязливое недовѣріе въ утверждаемой вещи побудило монаховъ учредить ценсуру и мысль истреблять въ ея рожденіи, въ то самое время дерзалъ Колумбъ въ неизвѣстность морей для открытія Америки; Кеплеръ предузнавалъ бытіе въ природѣ притяжательной силы, Невтономъ доказанной; въ то же время родился Коперникъ, начертавшій въ пространствѣ путь небеснымъ тѣламъ. Но къ вящшему сожалѣнію о жребіи человѣческаго умствованія скажемъ, что мысль великая раждала иногда невѣжество. Книгопечатаніе явило ценсуру; разумъ философскій въ XVIII столѣтіи произвелъ иллюминатовъ.

Въ 1479 году находимъ древнѣйшее доселѣ извѣстное дозволеніе на печатаніе книгъ, на концѣ книги помѣщаемое: "Знай самъ себя." Къ печатанной въ 1480 году присоединено слѣдующее: "Мы, Матѳей Жирардо, Божіимъ милосердіемъ Патріархъ Венеціанскій, первенствующій въ Далматіи, по прочтеніи мнѣнія вышеписанныхъ господъ, свидѣтельствующихъ о вышеписанномъ твореніи и по таковому же о немъ заключенію и присоединенному довѣрію также свидѣтельствуемъ, что книга сія православна и богобоязлива."—Древнѣйшій монументъ цензуры, но не древнѣйшій безумія!

Древнѣйшее о цензурѣ узаконеніе доселѣ извѣстное находимъ въ 1486 году, изданное въ самомъ томъ городѣ, гдѣ изобрѣтено книгопечатаніе. Монашеское правленіе предузнавало, что оно будетъ орудіемъ сокрушенія ихъ власти, что оно ускоритъ развержение общаго разсудка,—и могущество на мнѣніи, а не на пользѣ общественной основанное, обрящетъ въ книгопечатаніи свою кончину. Да позволятъ намъ здѣсь присовокупить памятникъ, нынѣ еще существующій на пагубу мыслей и на посрамленіе просвѣщенія, указъ о изданіи книгъ Греческихъ, Латинскихъ, и пр. на народномъ языкѣ безъ предварительнаго ученыхъ удостоенія 1486 рода.

* "Бертольдъ Божіею милостію, святыя Маинцкія Епархіи Архіепископъ и Германіи Архи-Канцлеръ. Хотя для пріобрѣтенія человѣческаго ученія чрезъ божественное искуство печатанія возможно съ изобиліемъ и свободнѣе получать книги, до разныхъ наукъ касающіяся; но до свѣденія нашего дошло, что нѣкоторые люди, побуждае-

* Кодексъ дипломатическій, изданный Гуденомъ; томъ IV.

мые суетною славою или желаніемъ богатства, употребляютъ искуство сіе во зло и данное для наученія въ житіи человѣческомъ обращаютъ на пагубу и злорѣчіе".

"Мы видѣли книги, до священныхъ должностей и обрядовъ исповѣданія нашего касающіяся, переведенныя съ Латинскаго на Нѣмецкій языкъ и не благопристойно для святаго закона въ рукахъ простаго народа обращающіяся. Что жъ сказать наконецъ о предписаніяхъ святыхъ, о правилахъ и законоположеніи, хотя они людьми искусными въ законоученіи, людьми мудрѣйшими и краснорѣчивѣйшими писаны разумно и тщательно? — Наука сама по себѣ столь затруднительна, что цѣлая жизнь краснорѣчивѣйшаго и ученѣйшаго человѣка едва на одну достаточна".

"Нѣкоторые глупые, дезовенные и несмысленные попускаются переводить на общій языкъ таковыя книги. Многіе ученые люди, читая переводы сіи, признаются, что отъ великой несвойственности и худаго употребленія словъ они непонятнѣе подлинниковъ. Что же скажемъ о сочиненіяхъ, до другихъ наукъ касающихся, въ которыя часто вмѣшиваютъ ложное и которымъ даютъ ложныя названія; и тѣмъ паче славнѣйшимъ писателямъ приписываютъ свои вымыслы, чѣмъ болѣе находится покупщиковъ"?

"Да вѣщаютъ таковые переводчики, естьли любятъ истину — съ какимъ бы намѣреніемъ то ни дѣлали, съ добрымъ или худымъ, до того нѣтъ нужды — да вѣщаютъ: Нѣмецкій языкъ удобенъ ли къ преложенію на оной того, что Греческіе и Латинскіе изящные писатели о вышнихъ размышленіяхъ христіанскаго исповѣданія или о наукахъ писали точнѣйше и разумнѣйше? Признаться надлежитъ, языкъ нашъ по скудости своей весьма недостаточенъ на сказаніе, и для того нужно, чтобъ они неизвѣстныя имена вещамъ въ мозгу своемъ сооружали,

или естьли употребятъ древнія, то испортятъ истинной смыслъ; сего наиболѣе опасаемся въ писаніяхъ священныхъ въ разсужденіи ихъ важности. Ибо грубымъ и неученымъ людямъ и женскому полу, въ руки которыхъ священныя книги попадутся, кто покажетъ истинный смыслъ? Разсмотрѣвъ святое Евангеліе или посланіе Апостола Павла, всякъ разумный признается, что въ нихъ много прибавленій и исправленій писцовыхъ".

"Сказанное нами довольно извѣстно. Что же помыслимъ о томъ что въ писателяхъ каѳолическія церкви находится принадлежащее строжайшему разсмотрѣнію? Много въ примѣръ поставить можемъ; но для сего довольно уже нами сказаннаго. Поелику сіе искусство въ славномъ нашемъ градѣ Маинцѣ — скажемъ истиннымъ словомъ — божественно явилось и нынѣ въ ономъ исправлено и обогащено пребываетъ; то справедливо принять въ защиту нашу важность сего искуства: ибо должность наша есть сохранять святыя писанія въ нерастленной непорочности. Сказавъ такимъ образомъ о заблужденіяхъ и продерзостяхъ людей наглыхъ и злодѣевъ; желая, сколько намъ возможно, пособіемъ Господнимъ, о которомъ дѣло здѣсь, предупредить и наложить узду всѣмъ и каждому церковнымъ и свѣтскимъ нашей области поддаппымъ и внѣ предѣловъ оной торгующимъ, какого бы званія и состоянія ни были, — симъ каждому повелѣваемъ, чтобъ ни какое сочиненіе, относящееся до науки или художества, не было переводимо съ Греческаго, Латинскаго или другаго языка на Нѣмецкой и чтобъ переведенное съ перемѣною заглавія или чего другаго не было раздаваемо или продаваемо явно или скрытно, прямо или посторонпимъ образомъ, естьли до печатанія или послѣ печатанія или до изданія въ свѣтъ не будетъ имѣть явнаго дозволенія

на печатаніе или изданіе въ свѣтъ отъ любезныхъ намъ свѣтлѣйшихъ и благороднѣйшихъ Докторовъ и Магистровъ Университетскихъ, а именно: во градѣ нашемъ Маинцѣ отъ Іоанна Вертама де Наумбурга въ касающемся до Богословіи, отъ Александра Дудриха въ законоученіи, отъ Феодорика де Мешедя во врачебной наукѣ и отъ Андрея Еллера въ Словесности, избранныхъ для сего въ городѣ нашемъ Ерфуртѣ Докторовъ и Магистровъ. Въ городѣ же Франкфуртѣ таковыя на продажу изданныя книги будутъ смотрѣны и утверждаемы почтеннымъ и намъ любезнымъ однимъ Богословіи Магистромъ и однимъ или двумя Докторами или Ценціатами, которые отъ Думы онаго города на городовомъ жалованью содержимы быть имѣютъ".

"Естьли кто сіе наше попечительное постановленіе презритъ или противъ таковаго нашего указа подастъ совѣтъ, помощь или благопріятство своимъ лицемъ или постороннимъ; тотъ тѣмъ самымъ подвергаетъ себя осужденію на проклятіе, да сверхъ того лишенъ быть имѣетъ тѣхъ книгъ и заплатитъ сто золотыхъ гульденовъ пени въ казну нашу. И сего рѣшенія никто безъ особаго повелѣнія нарушить да не дерзнетъ. — Дано въ замкѣ Св. Мартина, во градѣ нашемъ Маинцѣ, съ приложеніемъ печати нашей. Мѣсяца Іануарія въ 4-й день 1486-го года".

Его же о предыдущемъ, какимъ образомъ отправлять Цензуру. "Лѣта 1486-го Бертольдъ и проч. почтеннѣйшимъ, ученѣйшимъ и любезнѣйшимъ намъ во Христѣ Іоанну Бертаму Богословіи, Александру Дидриху Законоученія, Феодорику де Мешедѣ Врачеванія Докторамъ и Андрею Эллеру Словесности Магистру здравіе и къ нижеписанному прилѣжаніе".

"Извѣстившись о соблазнахъ и подлогахъ, отъ нѣкорыхъ переводчиковъ и книгопечатниковъ происшедшихъ, и желая заградить онымъ путь по возможности, повелѣваемъ: да никто въ Епархіи или въ области нашей не дерзнетъ переводить книги на Нѣмецкій языкъ, печатать или печатныя раздавать, доколѣ таковыя сочиненія или книги въ городѣ Маинцѣ не будутъ разсмотрѣны вами касательно самой вещи и въ переводѣ и для продажи утверждены вами согласно съ вышеобъявленнымъ указомъ".

"Надѣясь твердо на ваше благоразуміе и осторожность, мы поручаемъ вамъ, когда назначаемыя къ переводу, печатанію или продажѣ сочиненія или книги принесены къ вамъ будутъ; то вы разсмотрите ихъ содержаніе, и естьли не легко можно дать имъ истинный смыслъ, или могутъ возродить заблужденія или соблазны или оскорбить цѣломудріе, — оныя отвергните. Тѣ, которыя отпустите вы свободными, имѣете подписать своеручно, и имянно, на концѣ двое изъ васъ, дабы тѣмъ виднѣе было, что тѣ книги вами смотрѣны и утверждены. Богу и государству нашему любезную и полезную должность отправляйте. — Данъ въ замкѣ Св. Мартина, 10-го Іануарія 1486 года".

Разсматривая сіе новое по тогдашнему времени законоположеніе, находимъ, что оно клонится болѣе къ запрещенію,—чтобъ мало книгъ печатано было на Нѣмецкомъ языкѣ, или другими словами, чтобъ народъ пребывалъ всегда въ невѣжествѣ. На сочиненія, писанныя на Латинскомъ языкѣ, Цензура, кажется, не распространялась; ибо тѣ, кои были свѣдущи въ языкѣ Латинскомъ, казалось, были уже ограждены отъ заблужденія, и что читали, по-

нимали ясно и некриво*. И такъ священники хотѣли, чтобъ одни причастники ихъ власти были просвѣщены, чтобъ народъ почиталъ науку божественнаго происхожденія, превыше его понятія и не смѣлъ бы оной коснуться. И такъ Цензура изобрѣтена на заключеніе истины и просвѣщенія въ тѣснѣйшіе предѣлы; изобрѣтена властію, недовѣрчивою къ своему могуществу, на продолженіе невѣжества и мрака нынѣ, во дни наукъ и любомудрія, когда разумъ отрясъ несродныя ему оковы суевѣрія, когда истина блистаетъ паче и паче, когда источникъ ученія протекаетъ до дальнѣйшихъ отраслей общества, когда старанія Правительствъ стремятся къ истребленію заблужденій и къ открытію разсудку путей къ истинѣ. Постыдное монашеское изобрѣтеніе трепещущей власти принято нынѣ повсемѣстно, укоренено и почитается надежною преградою заблужденію. Неистовые! осмотритесь: вы хотите изъ превратности сдѣлать для истины опору; вы хотите заблужденіемъ просвѣщать народы. Блюдитесь убо, да не возродится тьма. — Какая вамъ польза, что властвовать будете надъ невѣждами, тѣмъ паче загрубѣлыми, что отъ недостатка пособій къ просвѣщенію невѣжды пребыли бы въ невѣжествѣ природномъ или паче въ естественной простотѣ; но сдѣлавъ уже шагъ къ просвѣщенію, остановлены въ шествіи и обращены вспять во тьму гонимы? — Какая вамъ польза бороться самимъ съ собою и исторгать шуйцею, что десницею насадили? — Воззрите на веселящееся о семъ, священство; вы уже заранѣе ему служите. Прострите тьму и почувствуйте на себѣ оковы; естьли не оковы священнаго суевѣрія, то

* Сравнить съ симъ можно дозволеніе имѣть иностранныя книги всякаго рода и запрещеніе таковыхъ же книгъ на языкѣ народномъ.

политическаго, не столь хотя смѣшнаго, но столь же пагубнаго.

По щастію однакожъ общества, книгопечатаніе не изгнано изъ областей нашихъ; подобно какъ древо весною насажденное не теряетъ своей зелености, такъ и орудія книгопечатанія могутъ быть остановлены въ дѣйствіи, но не разрушены.

Папы, уразумѣвъ, что отъ свободы печатанія власть ихъ можетъ быть въ опасности, не укоснили законоположить о ценсурѣ; и сіе положеніе приняло силу общаго закона на бывшемъ вскорѣ потомъ соборѣ въ Римѣ. Священный Тиверій, Папа Александръ VI, первый изъ Папъ законоположилъ о ценсурѣ въ 1507 году. Согбенный подъ всѣми злодѣяніями, не устыдился пещись о непорочности исповѣданія закона христіанскаго. Но власть когда краснѣла? — Буллу свою начинаетъ онъ жалобою на діавола, которой сѣетъ куколь во пшеницѣ и говоритъ: "Узнавъ, что посредствомъ сказаннаго искуства многія "книги и сочиненія, въ разныхъ частяхъ свѣта, наипаче "въ Кельнѣ, Маинцѣ, Трирѣ и Магдебургѣ напечатан- "ныя, содержатъ въ себѣ разныя заблужденія и ученія "пагубныя, Христіанскому закону враждебныя, — и ны- "нѣ еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ печатаются: желаю безъ "отлагательства истребить сію ненавистную язву; всѣмъ "и каждому сказаннаго искуства печатникамъ и къ нимъ "принадлежащимъ и всѣмъ, кто въ помянутыхъ областяхъ "въ печатномъ дѣлѣ обращается,—подъ наказаніемъ про- "клятія и денежной пени, опредѣляемой и взыскиваемой "почтенными братіями нашими, Кельнскимъ, Маинцскимъ, "Трирскимъ и Магдебурскимъ Архіепископами или ихъ "Намѣстниками въ областяхъ ихъ въ пользу Апостольской

"Камеры, — Апостольскою властію наистрожайше запре-
"щаемъ, чтобъ не дерзали книгъ, сочиненій или писа-
"ній печатать или отдавать въ печать безъ доклада вы-
"шесказаннымъ Архіепископамъ или Намѣстникамъ и безъ
"ихъ особливаго и точно безденежно испрошеннаго до-
"зволенія. Ихъ же совѣсть обременяемъ, да прежде, не-
"жели дадутъ таковое дозволеніе, назначенное къ печа-
"танію прилѣжно разсмотрятъ или велятъ ученымъ и
"православнымъ разсмотрѣть; и да прилѣжно пекутся,
"чтобъ не было печатано противнаго православной вѣ-
"рѣ, безбожіе и соблазнъ производящаго". — А дабы прежнія книги не сдѣлали болѣе нещастій, то велѣно было разсмотрѣть всѣ реестры книгамъ и всѣ печатныя книги, и которыя содержатъ что либо противное каѳолическому исповѣданію, тѣ сжечь.

О вы, учреждающіе ценсуры! вспомните, что можете сравниться съ Папою Александромъ VI, — и устыдитесь.

Въ 1515 году Лютеранскій Соборъ положилъ, чтобъ ни какая книга не была печатана безъ утвержденія священства.

Изъ предыдущаго видѣли мы, что Ценсура изобрѣтена священствомъ и единственно ему была присвоена. Сопровождаемая проклятіемъ и денежнымъ взысканіемъ, справеведливо могла она казаться тогда ужасною нарушителю изданныхъ о ней законоположеній. Но опроверженіе Лютеромъ Папской власти, отдѣленіе разныхъ исповѣданій отъ Римской церкви, пренія различныхъ властей въ продолженіе тритцатилѣтней войны произвели много книгъ, которыя явились въ свѣтъ безъ обыкновеннаго клейма

цензуры. Вездѣ однакожъ духовенство присвояло себѣ право производить цензуру надъ изданіями; и когда въ 1650 году учреждена была во Франціи гражданская цензура, то Богословскій Факультетъ Парижскаго Университета противорѣчилъ сему установленію, ссылаясь, что 200 лѣтъ пользовался онъ симъ правомъ.

Скоро по введеніи книгопечатанія въ Англіи * учреждена цензура. Звѣздная Палата, не меньше ужасная въ свое время въ Англіи, какъ въ Испаніи инквизиція или въ Россіи Тайная Канцелярія, опредѣлила число печатниковъ и печатныхъ становъ и цензора, безъ дозволенія котораго ничего печатать не смѣли. Жестокости ея противъ писавшихъ о правительствѣ ужасны, и исторія ея оными наполнена. И такъ естьли въ Англіи духовное суевѣріе не въ силахъ было наложить на разумъ тяжкую узду цензуры, возложена она суевѣріемъ политическимъ. И то и другое неклось, чтобъ власть была всецѣла, а очи просвѣщенія покрыты всегда туманомъ обаянія и да царствуетъ насиліе на щетъ разсудка.

Со смертію Графа Страфорда рушилась Звѣздная Палата; но ни уничтоженіе сего, ни судебная казнь Карла I не могли утвердить въ Англіи вольности книгопечатанія. Парламентъ возобновилъ прежнія положенія противъ нее сдѣланныя. При Карлѣ II и при Іаковѣ I возобновлены они паки. Даже по совершеніи перемѣны въ 1692 году

* Вилліамъ Кэкстонъ, Лондонскій купецъ, завелъ въ Англіи книгопечатницу при Эдуардѣ IV, въ 1474 году. Первая книга, напечатанная на Англинскомъ языкѣ была разсужденіе о шашечной игрѣ, переведенное съ Французскаго. Вторая собраніе реченій и словъ Философовъ, переведенная Лордомъ Риверсомъ.

узаконеніе сіе подверждено, но на два года. Скончившись въ 1694 году, утверждена въ Англіи совершенно вольность печатанія, и цензура, зѣвнувъ въ послѣдній разъ, издохла*.

Американскія Правительства приняли свободу печатанія между первѣйшими законоположеніями, гражданскую вольность утверждающими. Пенсильванская область въ основательномъ своемъ законоположеніи въ главѣ I въ предложительномъ объявленіи правъ жителей Пенсильванскихъ въ 12 стат говоритъ: "Народъ имѣетъ право говорить, "писать и обнародывать свои мнѣнія, слѣдовательно сво-"бода печатанія не должна никогда быть затрудняема".— Въ главѣ II объ образѣ правленія въ отдѣленіи 35: "Пе-"чатаніе да будетъ свободно для всѣхъ, кто хочетъ изслѣ-"довать положенія законодательнаго собранія или другой "отрасли правленія". — Въ проэктъ объ образѣ правленія въ Пенсильванскомъ государствѣ, напечатанномъ въ 1776 году въ Іюлѣ мѣсяцѣ, отдѣленіе 35: "Дабы жители онаго "могли сообщать свои примѣчанія, свобода печатанія да "будетъ отверста всѣмъ желающимъ изслѣдовать законода-"тельное правительство, и общее собраніе да не коснется "оно ни какимъ положеніемъ. Ни какой книгопечатникъ "да не потребуется къ суду за то, что издалъ въ свѣтъ "примѣчанія, цѣненія, наблюденія о поступкахъ общаго "собранія, о разныхъ частяхъ правленія, о дѣлахъ общихъ "или о поведеніи служащихъ, поелику они касаются до "исполненія ихъ должностей". — Де-Лаварское государство въ изъяснительномъ объявленіи правъ въ 31 статьѣ

* Въ Даніи вольное книгопечатаніе было мгновенно. Стихи Волтеровы на сей случай Датскому Королю остались во свидѣтельство, что похвалою даже мудрому законоположенію спѣшить не надобно.

говоритъ: "Свобода печатанія да сохраняема будетъ ненарушимо". — Мариланское государство въ 38-ой статьѣ тѣми же словами объясняетъ. Виргинское въ 14-ой статьѣ говоритъ сими словами: "Свобода печатанія есть наивеличайшая защита свободы государственной".

Книгопечатаніе до перемѣны, 1789 года во Франціи послѣдовавшей, нигдѣ столько стѣсняемо не было, какъ въ семъ государствѣ. Стоглазный Аргусъ, сторучный Бріарей, Парижская Полиція свирѣпствовола противъ писанія и писателей. Въ Бастильскихъ темницахъ томились нещастные, дерзнувшіе охуждать хищность Министровъ и ихъ безпуство. Естьлибъ Французскій языкъ не былъ столько употребителенъ въ Европѣ, не былъ бы всеобщимъ—то Франція, стеня подъ бичемъ цензуры, не достигла бы того величія въ мысляхъ, какое явили многіе ея писатели. Но общее употребленіе французскаго языка побудило завесть въ Голландіи, Англіи, Швейцаріи и Нѣмецкой землѣ книгопечатницы, и все что не дерзало явиться во Франціи, свободно было обнародываемо въ другихъ мѣстахъ. Тако сила, кичащаяся мышцами, была осмѣяна и никто оной не боялся; тако челюсти, пѣнящіяся свирѣпствомъ, оставались праздны, и слово твердое ускользало отъ нихъ не поглощенно! Но дивитесь несообразности разума человѣческаго. Нынѣ, когда во Франціи всѣ твердятъ о вольности, когда необязанность и безначаліе дошли до края возможнаго, цензура не уничтожена; и хотя все тамъ почитается нынѣ невозбранно, но тайнымъ образомъ. Мы читали недавно — да возплачутъ Французы объ участи своей и съ ними человѣчество — мы читали недавно, что народное собраніе, поступая столько-жъ само-

державно, какъ доселѣ ихъ государи, взяло насильственно печатную книгу и отдало сочинителя оной подъ судъ за то, что дерзнулъ писать противъ народнаго собранія. Лафаетъ былъ исполнителемъ сего приговора. О Франція! ты еще ходишь близь Бастильскихъ пропастей.

Размноженіе книгопечатницъ въ Нѣмецкой землѣ, сокрывая отъ власти орудія оныхъ, отъемлетъ у нее возможность свирѣпствовать противъ разсудка и просвѣщенія. Правленіе хотя старается положить преграду вольности книгопечатанія, но безуспѣшно. Хотя Вехерлинъ мстящею властію посаженъ былъ подъ стражу; но сѣдое чудовище осталось у всѣхъ въ рукахъ. — Покойный Фридрихъ II, Король Прусскій, сдѣлалъ печатаніе въ земляхъ своихъ почти свободнымъ, не какимъ либо законоположеніемъ, но дозволеніемъ токмо и образомъ своихъ мыслей. Чему дивиться, что онъ не уничтожилъ цензуры; онъ былъ самодержецъ, коего любезнѣйшая страсть была веселіе. Но воздержись отъ смѣха. Онъ узналъ, что нѣкто намѣренъ указы имъ изданные собрать и напечатать: онъ и къ сему приставилъ двухъ цензоровъ или правильнѣе сказать браковщиковъ. О властвованіе! о всесиліе! ты не довѣряешь мышцамъ своимъ; ты боишься собственнаго своего обвиненія; боишься, чтобъ языкъ твой тебя не посрамилъ, чтобъ рука твоя тебя не заушила! — Но какое добро сіи насильственные цензоры произвесть могли? Не добро, но вредъ. Они скрыли отъ глазъ потомства какое-либо нелѣпое законоположеніе, которое оставить на будущій судъ власть стыдилась, которое оставшись явнымъ было бы можетъ быть уздою власти, да не дерзаетъ на уродливое.

Императоръ Іосивъ II разрушилъ отчасти преграу просвѣщенія, которая въ Австрійскихъ наслѣдныхъ владѣніяхъ въ царствованіе Маріи Терезіи тяготила разсудокъ, но не могъ стрясти съ себя бремени предразсужденій, и издалъ предлинное о цензурѣ наставленіе. Естьли должно хвалить его за то, что не возбранялъ опорочивать свои рѣшенія и находимые въ поведеніи его недостатки, и таковыя порицанія издавать въ печать; то похулимъ его за то, что на свободѣ въ изъясненіи мыслей оставилъ узду. Сколь легко употребить можно оную во зло *! Чему дивиться? Скажемъ и теперь, какъ прежде: онъ былъ Царь. Скажитежъ, въ чьей головѣ можетъ быть больше несообразностей, какъ не въ Царской? —

Въ Россіи..... что въ Россіи происходило съ цензурую, узнаете въ другое время. А теперь, не производя цензуры надъ почтовыми лошадьми, отправился я поспѣшно въ путь.

МѢДНОЕ.

"Во полѣ береза стояла, во полѣ кудрявая стояла; ой люли, люли, стояла....." пѣлъ хороводъ молодыхъ бабъ и дѣкокъ. Пляшутъ..... пойдемъ поближе, говорилъ я самъ себѣ, развертывая найденныя бумаги моего пріятеля. Но прочитавъ слѣдующее, не могъ дойти до хоровода; уши мои задернулись печалію и радостный гласъ безхитростнаго

* Въ новѣйшихъ извѣстіяхъ читаемъ, что Наслѣдникъ Іосифа II намѣренъ возобновить Цензурную Коммисію, Предмѣстникомъ его уничтоженную.

веселія не проникъ до моего сердца. О мой другъ! внемли и суди.

Каждую недѣлю два раза вся Россійская имперія извѣщается, что Н. Н. или Б. Б. не хочетъ платить того, что занялъ или взялъ или чего отъ него требуютъ. Занятое либо пропграно, проѣзжено, прожито, проѣдено, пропито, про..... или раздарено, потеряно въ огнѣ или въ водѣ;— или Н. Н. или Б. Б. другими какими случаями вошелъ въ долгъ или подъ взысканіе. То и другое наравнѣ въ вѣдомости пріемлется. Публикуется: Сегодня по полуночи въ 10 часовъ по опредѣленію Уѣзднаго Суда или городоваго магистрата продаваться будетъ съ публичнаго торгу отставнаго капитана..... недвижимое имѣніе, домъ состоящій въ..... части подъ No... и при немъ 6 душъ мужеска и женска пола; продажа будетъ при ономъ домѣ. Желающіе могутъ осмотрѣть заблаговремянно.

На дешевое охотниковъ всегда много. Наступилъ день и часъ продажи; покупщики съѣзжаются. Въ залѣ, гдѣ оная производится, стоятъ неподвижны осужденные на продажу. Старикъ лѣтъ 75, опершись на вязовую дубинку, жаждетъ угодить, кому судьба отдастъ его въ руки, кто закроетъ глаза его. Съ отцомъ господина своего былъ онъ въ Крымскомъ походѣ при Фельдмаршалѣ Минихѣ; въ Франкфуртскую баталію раненаго своего господина унесъ онъ на плечахъ изъ строю; возвратясь домой, былъ дядькою молодаго барина; въ младенчествѣ спасъ онъ его отъ утопленія, бросясь за нимъ въ рѣку, куда сей упалъ проѣзжая на поромѣ; въ юношествѣ выкупилъ его изъ тюрьмы, куда посаженъ былъ за долги въ бытность свою въ Гвардіи унтеръ-офицеромъ. — Старуха лѣтъ 80, жена его, была кормилицей у матери молодаго барина, его нянькою и имѣла надзираніе за домомъ до самаго того часа, какъ

выведена на сіе позорище; во все время службы своей ничего у господъ не утратила, ничѣмъ не покорыстовалась, никогда не лгала; а естьли иногда имъ досадила, то развѣ своимъ праводушіемъ. — Женщина лѣтъ въ 40, вдова, кормилица молодаго барина; и теперь чувствуетъ она еще къ нему нѣкоторую нѣжность; въ жилахъ его льется ея кровь; она ему вторая мать, и онъ больше ей жизнію обязанъ, нежели своей природной матери, которая зачала его въ веселіи и о младенчествѣ его не радѣла; кормилица и нянька воспитали его; они разстаются съ нимъ какъ съ сыномъ.—Молодица лѣтъ въ 18, дочь ея и внука стариковъ. Звѣрь лютый, чудовище, извергъ! Посмотри на румяныя ея ланиты, на слезы, ліющіяся изъ ея прелестныхъ очей. Не ты ли, не возмогши прельщеніемъ и обѣщаніемъ уловить ея невинности, ни устрашить угрозами и казнію ея непоколебимость, употребилъ наконецъ обманъ, обвѣнчавъ ее съ сообщикомъ твоихъ мерзостей, и въ видѣ его насладился веселіемъ, которое дѣлить съ тобой она гнушалась? Она узнала обманъ твой. Вѣнчанный съ нею не коснулся болѣе ея ложа. И ты, лишившись твоей утѣхи, употребилъ насиліе. Четыре злодѣя, исполнители воли твоей, держа руки ея и ноги..... Но сего не окончаемъ. На челѣ ея скорбь, въ глазахъ отчаяніе; она держитъ младенца, плачевный плодъ брюха или насилія, но живой слѣпокъ прелюбодѣйнаго его отца. Родивъ его, она позабыла звѣрства отца, и сердце начало чувствовать къ нему нѣжность. Она боится, чтобъ не попасть въ руки ему подобнаго. Младенецъ твой сынъ, варваръ, твоя кровь. Или думаешь, что гдѣ не было обряда церковнаго, тутъ нѣтъ и обязанности?—или думаешь, что данное по приказанію твоему благословеніе наемнымъ вѣщателемъ слова Божія утвердило ихъ сочетаніе? Или думаешь, что насильственное вѣнчаніе въ храмѣ Божіемъ

можетъ назваться союзомъ? Всесильный мерзитъ принужденіемъ; Онъ услаждается желаніями сердечными. Они одни непорочны. О, сколько совершается между нами прелюбодѣйствъ и растлѣній въ имя Отца радости и Утѣшителя скорби при свидѣтеляхъ недостойныхъ своего сана! —Дѣтина лѣтъ 25 вѣнчанный ея мужъ, спутникъ и наперсникъ своего господина. Звѣрство и мщеніе въ глазахъ его; онъ раскаивается, что угождалъ во всемъ своему господину, въ карманѣ его ножъ; онъ схватилъ его крѣпко; мысль его отгадать не трудно. Безплодное рвеніе; достанешься другому: рука господина твоего, носящаяся надъ главою раба непрестанно, согнетъ выю твою на всякое угожденіе. Гладъ, стужа, зной, казнь, все будетъ противъ тебя. Твой разумъ чуждъ благородныхъ мыслей; ты умереть не умѣешь. Ты склонишься и будешь рабъ духомъ, какъ и состояніемъ. Есть-ли же восхощешь противиться, то умрешь въ оковахъ томною смертію. Судіи между вами нѣтъ. Не захочетъ мучитель твой самъ тебя наказывать, онъ будетъ твой обвинитель; отдастъ тебя гражданскому правосудію—правосудію, гдѣ обвиняемый не имѣетъ почти власти оправдаться!—Пройдемъ мимо другихъ нещастныхъ, выведенныхъ на позорище.

Едва ужасоносный молотъ испустилъ тусклый свой звукъ и четверо нещастныхъ узнали свою участь; какъ слезы, рыданіе и стонъ пронзили уши всего собранія. Наитвердѣйшіе были тронуты. Окаменѣлыя сердца! почто безплодное соболѣзнованіе? О квакеры? естьлибъ вы имѣли душу, то сложились бы и купивъ сихъ нещастныхъ, даровали бы имъ свободу!—Живъ многія лѣта въ объятіяхъ одинъ другаго, нещастные сіи, осужденные къ продажѣ, возчувствуютъ тоску разлуки. Но естьли законъ или лучше

сказать обычай варварскій—ибо въ законѣ того не писано—дозволяетъ толикое человѣчеству посмѣяніе; то какое право имѣютъ продавать сего младенца? Онъ не законнорожденный. Законъ его освобождаетъ. Постойте, я буду доноситель; я избавлю его. О, естьлибъ могъ я спасти съ нимъ и другихъ!—О щастіе! зачѣмъ ты такъ обидѣло меня въ твоемъ раздѣлѣ? Днесь жажду прелестнаго твоего взора, впервые начинаю ощущать страсть къ богатству. Сердце мое было такъ стѣснено, что выскочивъ изъ собранія и отдавъ нещастнымъ послѣднюю гривну изъ кошелька, побѣжалъ вонъ. На лѣстницѣ встрѣтился мнѣ одинъ чужестранецъ, мой другъ. Что тебѣ сдѣлалось? ты плачешь. — Возвратись, сказалъ я ему; не будь свидѣтелемъ срамнаго позорища. Ты проклиналъ нѣкогда варварскій обычай продавать черныхъ невольниковъ въ отдаленныхъ селеніяхъ твоего отечества; возвратись, повторилъ я; не будь свидѣтелемъ нашего посрамленія, да не возвѣстишь о немъ твоимъ согражданамъ, бесѣдуя съ ними о нашихъ нравахъ. — Не могу я сему вѣрить, сказалъ мнѣ мой другъ; не возможно, чтобъ тамъ, гдѣ дозволяется всякому мыслить и вѣрить, кто какъ хочетъ, существовало столь постыдное обыкновеніе! — Не дивись, сказалъ я ему: установленіе свободы въ исповѣданіи обидитъ однихъ поповъ и чернецовъ; да и тѣ скорѣе пожелаютъ пріобрѣсть себѣ овцу, нежели овцу во Христово стадо. Но свобода сельскихъ жителей обидитъ, какъ говорятъ, право собственности. А всѣ тѣ, кто бы могъ свободѣ поборствовать, всѣ великіе отчинники не сдѣлаютъ для свободы ничего; отъ ихъ совѣтовъ не льзя ожидать ничего, но отъ самой тяжести порабощенія.

ТВЕРЬ.

Стихотворство у насъ говорилъ товарищъ мой за обѣдомъ въ трактирѣ, въ разныхъ смыслахъ, какъ оно пріемлется, отстоитъ еще далеко отъ величія. Поэзія было пробудилась, но нынѣ паки дремлетъ; а стихосложеніе шагнуло одинъ разъ и стало въ пень.

Ломоносовъ, увидя смѣшное въ Польскомъ одѣяніи нашихъ стиховъ, снялъ съ нихъ несродное имъ полукафтанье. Подавъ хорошіе примѣры новыхъ стиховъ, надѣлъ на послѣдователей своихъ узду великаго примѣра, и никто доселѣ не дерзнулъ отъ нее отшатнуться. По нещастію случилось, что Сумароковъ въ тоже время былъ, и былъ отмѣнный стихотворецъ. Онъ употребилъ стихи по примѣру Ломоносова; и нынѣ всѣ пустились въ слѣдъ за ними, не воображая, чтобъ могли быть другіе стихи, какъ ямбы, коими писали оба сіи знаменитые мужи. Хотя сіи стихотворцы преподали правила и въ другихъ стихосложеніяхъ, а Сумароковъ и во всѣхъ родахъ оставилъ примѣры: но они столь маловажны, что ни отъ кого подражанія не заслужили. Естьли бы Ломоносовъ преложилъ Іова или Псальмопѣвца дактилями; или естьли бы Сумароковъ Семиру или Димитрія написалъ хореями: то и Херасковъ вздумалъ бы, что можно писать другими стихами кромѣ ямбовъ и болѣе бы пріобрѣлъ славы осьмилѣтнимъ своимъ трудомъ, описаніемъ взятія Казани свойственнымъ Эпопеи стихосложеніемъ. Не дивлюсь, что древній треухъ надѣтъ на Виргилія Ломоносовскимъ покроемъ; но я желалъ бы, чтобъ Гомеръ явился между

нами не въ ямбахъ, но въ стихахъ подобныхъ его гексаметрамъ; и Костровъ, хотя не Стихотворецъ, а переводчикъ, сдѣлалъ бы эпоху въ нашемъ стихосложеніи, ускоривъ шествіе самой Поэзіи цѣлымъ поколѣніемъ.

Не одинъ Ломоносовъ и Сумароковъ остановили Россійское стихосложеніе. Неутомимый возовикъ Тредьяковскій не мало къ тому способствовалъ своею Телемахидою. Теперь очень трудно дать примѣръ новаго стихотворенія; ибо примѣры въ добромъ и худомъ стихослосложеніи пустили глубокій корень. Парнасъ окруженъ ямбами и риѳмы стоятъ вездѣ на караулѣ. Кто бъ ни задумалъ писать дактилями, къ тому тотчасъ Третьяковскаго приставятъ дядькою, и прекраснѣйшее дитя долго казаться будетъ уродомъ, доколѣ не родится Мильтонъ, Шекспиръ или Вольтеръ. Тогда и Тредьяковскаго выроютъ изъ поросшей мхомъ забвенія могилы, въ Телемахидѣ найдутся хорошіе стихи и будутъ въ примѣръ поставляемы. Благой перемѣнѣ въ стихосложеніи долго препятствовать будетъ ухо привыкшее ко краснорѣчію. Слышавъ долгое время единогласное въ стихахъ окончаніе, безриѳміе покажется грубо, негладко и нестройно. Таково оно и будетъ, доколѣ Французскій языкъ будетъ въ Россіи больше другихъ языковъ въ употребленіи. Чувства наши, какъ гибкое и молодое дерево, можно выростить прямо и криво, по произволенію. Сверхъ же того въ стихотвореніи, такъ какъ и во всѣхъ вещахъ, можетъ господствовать мода; и естьли она хотя нѣсколько имѣетъ въ себѣ естественнаго, то принята будетъ безъ прекословія. Но все модное мгновенно, а особливо въ стихотворствѣ. Блескъ наружный можетъ заржавѣть; но истинная красота не поблекнетъ никогда. Гомеръ, Виргилій, Мильтонъ, Расинъ, Вольтеръ, Шекспиръ и мно-

гіе другіе печатаны будутъ доколѣ не истребится родъ человѣческій.

Излишнимъ почитаю говорить о разныхъ стихахъ Россійскому языку сродныхъ. Что такое ямбъ, хорей, дактиль или анапестъ, всякъ знаетъ, естьли немного кто разумѣетъ правила стихосложенія. Но не излишнее бы было, естьли бъ могъ я дать въ разныхъ родахъ достаточные примѣры. Но силы мои и разумѣніе коротки. Естьли совѣтъ мой можетъ сдѣлать что либо, то я сказалъ бы, что Россійское стихотворство, да и самъ Россійскій языкъ гораздо обогатились бы, естьли бъ переводы стихотворныхъ сочиненій дѣлали не всегда ямбами. Гораздо было бы эпической поэмѣ свойственнѣе, естьли бъ Генріаду перевели не ямбами; а ямбы не краесловные хуже прозы.

Все выше сказанное изрекъ пирной мой товарищъ однимъ духомъ и съ такою поворотливостію языка, что я не успѣлъ ничего ему сказать въ возраженіе, хотя много кой-чего имѣлъ для защищенія ямбовъ и всѣхъ тѣхъ, которые ими писали.

Я и самъ, продолжалъ онъ, послѣдовалъ заразительному примѣру и сочинялъ стихи ямбами; но то были оды. Вотъ остатокъ одной изъ нихъ; всѣ прочія сгорѣли въ огнѣ, да и оставшуюся таже ожидаетъ участь, какая постигла сестеръ ея. Въ Москвѣ не хотѣли ее напечатать по двумъ причинамъ; первая, что смыслъ въ стихахъ не ясенъ и много стиховъ топорной работы; а вторая, что предметъ стиховъ не свойственъ нашей землѣ. Я ѣду теперь въ Петербургъ просить о изданіи ее въ свѣтъ, ласкаясь какъ нѣжный отецъ своего дитяти, что для послѣдней причины, по коей не хотѣли печатать ее въ Москвѣ,

воззрять снисходительно на первую. Естьли вамъ не въ тягость будетъ прочесть нѣкоторыя строфы, сказалъ онъ мнѣ, подавая бумагу. Я развернулъ ее и читалъ слѣдующее. Вольность, ода.—За одно названіе отказали мнѣ изданіе сихъ стиховъ; но я очень помню, что въ наказѣ о сочиненіи новаго уложенія, говоря о вольности, сказано: "Вольностію называть должно то, что всѣ одинакимъ повинуются законамъ." Слѣдственно о вольности говорить у насъ вмѣстно.

I

О даръ Небесъ благословенный,
Источникъ всѣхъ великихъ дѣлъ,
О вольность, вольность! даръ безцѣнный!
Позволь, чтобъ рабъ тебя воспѣлъ.
Исполни сердце твоимъ жаромъ;
Въ немъ сильныхъ мышцъ твоихъ ударомъ
Во свѣтъ тьму рабства претвори.
Да Брутъ и Тель еще проснутся;
Сѣдя во власти да смятутся
Отъ гласа твоего Цари.

*

Сію строфу обвиняли по двумъ причинамъ; за стихъ: во свѣтъ тьму рабства претвори;—онъ очень тугъ и труденъ для изреченія отъ частаго повторенія буквы т и отъ частаго соитія согласныхъ: бства, тьму, претв, гдѣ дѣсять согласныхъ и три гласныхъ, представляя, что на Россійкомъ языкѣ можно писать столь же сладостно, какъ и на Италіанскомъ.—Согласенъ; хотя иные почитали стихъ сей удачнымъ, находя въ негладкости его изобразительное выраженіе трудности самаго дѣйствія.—Но вотъ другой: да смятутся отъ гласа твоего Цари;; же-

лать смягченія Царю есть тоже, что желать ему зла: слѣдовательно....По я не хочу наскучить вамъ всѣми примѣчаніями, на стихи мои сдѣланными; многія изъ нихъ, признаюсь, были справедливы. Позвольте, чтобъ былъ я вашимъ чтецомъ.

2

Я въ свѣтъ изшелъ, и ты....

Сію строфу пройдемъ мимо. Вотъ ея содержаніе: человѣкъ во всемъ отъ рожденія свободенъ.

3

По чтожъ претитъ моей свободѣ?
Желаньямъ зрю вездѣ предѣлъ.
Возникла обща власть въ народѣ
Соборный всѣхъ властей удѣлъ;
Ей общество во всемъ послушно,
Повсюду съ ней единодушно;
Для пользы общей нѣтъ препонъ.
Во власти всѣхъ свою зрю долю,
Свою творю, творя всѣхъ волю:
Вотъ что есть въ обществѣ законъ.

4

Въ срединѣ злачныя долины
Средь отягченныхъ жатвой нивъ,
Гдѣ нѣжны процвѣтаютъ крины,
Подъ мирной сѣнію оливъ
Паросска мрамора бѣлѣе,
Лучей яснѣйша дня свѣтлѣе,
Стоитъ прозрачный всюду храмъ.
Тамъ жертва лжива не курится;
Тамъ надпись пламенная зрится:
"Конецъ невинности бѣдамъ!"

5

Оливной вѣтвію вѣнчанно,
На твердомъ камени сѣдяй,
Безжалостно и хладнокровно
Глухое Божество....

И проч. изображается Законъ въ видѣ Божества во храмѣ, коего стражи суть истина и правосудіе.

6

Возводитъ строгія зеницы,
Льетъ радость, трепетъ вкругъ себя;
Равно на всѣ взираетъ лицы,
Ни ненавидя, ни любя.
Онъ лести чуждъ, лицепріятства,
Породы, знатности богатства,
Гнушаясь жертвенныя тли;
Родства не знаетъ, ни пріязни;
Равно дѣлитъ и мзду и казни;
Онъ образъ Божій на земли!

7

И се чудовище ужасно,
Какъ гидра сто имѣя главъ,
Умильно и въ слезахъ всечасно,
Но полны челюсти отравъ,
Земныя власти попираетъ,
Главою неба досязаетъ;
Его отчизна тамъ гласитъ;
Призраки, тьму повсюду сѣетъ,
Обманывать и льстить умѣетъ
И слѣпо вѣрить всѣмъ велитъ.

8

Покрывши разумъ темнотою,
И всюду сѣя смертный ядъ...

Изображеніе священнаго суевѣрія, отъемлющаго у человѣка чувствительность и налагающаго на него яремъ порабощенія и заблужденія.

Бояться истины велѣлъ.

Власть называетъ оное извѣтомъ Божества; а разсудокъ обманомъ.

9

Воззримъ на области обширны
Гдѣ тусклый тронъ стоитъ рабства....

Въ мирѣ и тишинѣ суевѣріе священное и политическое подкрѣпляютъ другъ друга и

Союзно общество гнетутъ;
Одно сковать разсудокъ тщится,
Другое волю стерть стремится,
На пользу общую рекутъ.

10

Покоя рабскаго подъ сѣнью
Плодовъ златыхъ не возростетъ;
Гдѣ все претитъ ума стремленью,
Великость тамъ не прозябетъ....

И всѣ злыя слѣдствія рабства, какъ то: безпечность, лѣность, коварство, голодъ и проч.

11

Чело надменное вознесши,
Схвативъ желѣзный скипетръ Царь,
На грозномъ тронѣ властно сѣвши,
Въ народѣ зритъ лишь подлу тварь.

Животъ и смерть въ рукѣ имѣя,
"По волѣ, рекъ, щажу злодѣя;
"Я жизнію могу дарить;
"Гдѣ я смѣюсь, тамъ все смѣется;
"Нахмурюсь грозно, все смятется;
"Живетъ тогда, велю коль жить.

12

И мы внимаемъ хладнокровно....

Какъ алчный змій, ругаясь всѣмъ, отправляетъ онъ дни веселія и утѣхъ. Но хотя всѣ вокругъ его престола стоятъ преклонше колѣна; трепещи, се мститель грядетъ пронцая вольность.

13

Возстанетъ рать повсюду бранна,
Надежда всѣхъ вооружитъ;
Въ крови мучителя вѣнчанна
Омыть свой стыдъ ужъ всякъ спѣшитъ.
Мечь остръ, я зрю, вездѣ сверкаетъ;
Въ различныхъ видахъ смерть летаетъ,
Надъ гордою главой царя.
Ликуйте, склепанны народы!
Се право мщенное Природы
На плаху возвело Царя.

14

И нощи се завѣсу лживой
Со трескомъ мощно разодравъ,—
Кичливой власти и строптивой
Огромный истуканъ поправъ,—
Сковавъ сторучна исполина,
Влечетъ его какъ гражданина
Къ престолу, гдѣ народъ возсѣлъ:
"Преступникъ власти мною данной!

"Вѣщай, злодѣй, мной увѣнчанной!
"Противъ меня возстать какъ смѣлъ?

15

"Тебя облекъ я во порфиру
"Равенство въ обществѣ блюсти,
"Вдовицу призирать и сиру,
"Отъ бѣдъ невинность чтобъ спасти,
"Отцемъ ей быть чадолюбивымъ;
"Но мстителемъ непримиримымъ
"Пороку, лжи и клеветѣ;
"Заслуги честью награждати,
"Устройствомъ зло предупреждати,
"Хранити правы въ чистотѣ.

16

"Покрылъ я море кораблями....

Далъ способы къ пріобретенію богатствъ и благоденствія; желалъ, чтобъ земледѣлецъ не былъ плѣнникъ на своей нивѣ и благословлялъ бы тебя.

17

"Своихъ кровей я безъ пощады
"Гремящую воздвигнулъ рать;
"Я мѣдны изваялъ громады,
"Злодѣевъ внѣшнихъ чтобъ карать;
"Тебѣ велѣлъ повиноваться.
"Съ тобою къ славѣ устремляться.
"Для пользы всѣхъ мнѣ можно все.
"Земныя нѣдра раздираю,
"Металлъ блестящій извлекаю
"На украшеніе твое.

18

"Но ты забывъ мнѣ клятву данну,
"Забывъ, что я избралъ тебя,

"Себѣ въ утѣху быть вѣчанну
"Возмнилъ, что ты господь, не я;—
"Мечемъ моимъ расторгъ уставы,
"Безсильными повергъ всѣ правы,
"Стыдиться истины велѣлъ;
"Разчистилъ мерзостямъ дорогу,
"Взывать сталъ не ко мнѣ, но къ Богу,
"А мной гнушаться восхотѣлъ.

19

"Кровавымъ потомъ доставая
"Тотъ плодъ, кой въ пищу насадилъ,
"Съ тобою крохи раздѣляя,
"Своей натуги не щадилъ.
"Тебѣ сокровищей всѣхъ мало!
"Скажи на что ихъ недостало,
"Что рубище съ меня сорвалъ?
"Дарить любимца полна лести,
"Жену чуждающуюся чести!
"Иль злато богомъ ты призналъ?

20

"Въ отличность знакъ изобрѣтенный
"Ты началъ наглости дарить;
"Въ злодѣя мечь мой изощренный
"Ты сталъ невинности сулить;
"Сгруженные полки въ защиту
"На брань ведешь ли знамениту
"За человѣчество карать?
"Въ кровавыхъ борешься долинахъ,
"Дабы, упившися въ Аѳинахъ,
"Герой, зѣвавъ могли сказать!

21

"Злодѣй, злодѣевъ всѣхъ лютѣйшій!....

Ты всѣ совокупилъ злодѣянія и жало свое въ меня устремилъ. Народъ вѣщалъ:

"Умри, умри же ты стократъ!"

22

Великій, коварства полный,
Ханжа, и льстецъ, и святотатъ!
Единъ ты намъ столь благотворный
Примѣръ великій могъ подать.
Я чту, Кромвель, въ тебѣ злодѣя,
Что власть въ рукѣ своей имѣя,
Ты твердь свободы сокрушилъ,
И научилъ ты въ родъ и роды,
Какъ могутъ мстить себѣ народы:
Ты Карла на судѣ казнилъ.

23

И гласъ вольности раздается во всѣ концы....

На вечу весь течетъ народъ,
Престолъ чугунный разрушаетъ,
Самсонъ какъ древлѣ сокрушаетъ
Исполненный коварствъ чертогъ;
Закономъ строитъ твердь природы.
Великъ, великъ ты, духъ свободы!
Зиждителенъ, какъ самъ есть Богъ.

24

Въ слѣдующихъ одиннадцати строфахъ описывается царство свободы и ея дѣйствія, то есть, сохранность, спокойствіе, благоденствіе, величіе...

34

Но страсти, изощрая злобу....
Провращоютъ спокойствіе гражданъ въ пагубу...
Отца на сына воздвигаютъ,
Союзы брачны разрываетъ....

И всѣ слѣдствія безмѣрнаго желанія властвовать

35, 36, 37

Описаніе пагубныхъ слѣдствій роскоши. Междоусобіе, гражданская брань. Марій, Сулла, Августъ

Тревожну вольность усыпилъ...

Обвилъ желѣзный скипетръ цвѣтамя; слѣдствіе того порабощеніе.

38, 39

Таковъ законъ природы: изъ мучительства раждается вольность, изъ вольности рабство...

40

Начто сему дивиться: и человѣкъ раждается для того чтобъ умереть...Слѣдующія восемь строфъ содержатъ прорицанія о будущемъ жребіи отечества, которое раздѣлится на части, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ оно будетъ пространнѣе. Но время еще не пришло. Когда же наступитъ оно, тогда

Встрещатъ заклепы тяжкой ночи...

Упругая власть при издыханіи своемъ соберетъ всю силу свою, чтобъ послѣднимъ махомъ сокрушить возникшую вольность....

49

Но человѣчество возреветъ въ оковахъ своихъ и направляемое надеждою свободы и неистребимымъ приро-

ды правамъ, двинется — и властъ приведена будетъ въ трепетъ. Тогда развѣется она въ одно мгновеніе.

О день избраннѣйшій всѣхъ дней!

50

Мнѣ слышится ужъ гласъ природы,
Начальный гласъ, гласъ Божества....

Вотъ и конецъ, сказалъ мнѣ новомодный стихотворецъ. Я очень тому порадовался и хотѣлъ было ему сказать можетъ быть непріятное на стихи его возраженіе; но колокольчикъ возвѣстилъ мнѣ, что дорогѣ складнѣе поспѣшать на почтовыхъ клячахъ, нежели карабкаться на Пегасѣ, когда онъ съ норовомъ.

ГОРОДНЯ.

Въѣжжая въ сію деревню, слухъ мой пораженъ былъ не стихотворческимъ пѣньемъ, но пронзающимъ сердце воплемъ женъ, дѣтей и старцевъ. Вышедъ изъ кибитки, отпустилъ я ее къ почтовому двору, любопытствуя узнать причину на улицѣ смятенія.

Подошедъ къ одной кучѣ, узналъ я, что рекрутскій наборъ былъ причиною рыданія и слезъ толпящихся. Изъ многихъ селеній казенныхъ и помѣщичьихъ сошлись отправляемые рекруты.

Въ одной толпѣ старуха лѣтъ 50 держа за голову 20 лѣтняго парня, вопила: Любезное мое дитятко! на кого ты меня покидаешь? Кому ты поручаешь домъ родительскій? Поля наши поростутъ травою; хижина наша мо-

хомъ. Я бѣдная престарѣлая мать твоя скитаться должна по міру. Кто согрѣетъ мою дряхлость отъ холода? Кто укроетъ ее отъ зноя? Кто напоитъ меня и накормитъ? Да все то не столь тягостно: кто закроетъ мои очи при издыханіи? Кто приметъ мое родительское благословеніе? Кто тѣло мое предастъ общей нашей матери, сырой землѣ? Кто придетъ вспомянуть меня надъ могилою? Не канетъ на нее твоя горячая слеза; не будетъ мнѣ отрады той.

Подлѣ старухи стояла дѣвка уже взрослая. Она также вопила: Прости, мой другъ сердечный! прости, мое красное солнышко! мнѣ, твоей невѣстѣ нареченной, не будетъ больше ни утѣхи, ни веселія. Не позавидуютъ мнѣ подруги мои. Не взойдетъ надо мною солнце для радости. Горевать ты меня покидаешь, ни вдовою, ни мужнею женою. Хотя бы безчеловѣчные наши старосты дали намъ обвѣнчаться; хотя бы ты, мой милой другъ, уснулъ ночиньку, уснулъ на бѣлой моей груди: авось либо Богъ меня помиловалъ и далъ бы мнѣ паренька на утѣшеніе!

Парень имъ говорилъ: перестаньте плакать, перестаньте рвать мое сердце. Зоветъ насъ Государь на службу. На меня палъ жеребій. Воля Божія. Кому не умирать, тотъ живъ будетъ. Авось либо я съ полкомъ къ вамъ приду; авось либо дослужусь до чина. Не крушись, моя матушка родимая; береги для меня Парасковьюшку. — Рекрута сего отдавали изъ экономическаго селенія.

Совсѣмъ другаго рода слова внялъ слухъ мой въ близь стоящей толпѣ. Среди оной увидѣлъ я человѣка лѣтъ 50-ти, посредственнаго росту, стоящаго бодро и взирающаго на окрестъ стоящихъ весело. Услышалъ Господь молитву

мою, вѣщалъ онъ; достигли слезы пещастнаго до Утѣшителя всѣхъ. Теперь буду хотя знать, что жребій мой зависѣть можетъ отъ добраго или худаго моего поведенія; доселѣ зависѣлъ онъ отъ своенравія женскаго. Одна мысль утѣшаетъ, что безъ суда батожьемъ наказанъ не буду.

Узнавъ изъ рѣчей его, что онъ господской былъ человѣкъ, любопытствовалъ я отъ него узнать причину необыкновеннаго удовольствія. На вопросъ мой о семъ онъ отвѣтствовалъ: Естьли бы, государь мой съ одной стороны поставлена была висѣлица, а съ другой глубокая рѣка,- и стоя между двухъ гибелей неминуемо бы должно было итти направо или на лѣво, въ петлю или въ воду: что избрали бы вы? Чего бы заставилъ желать разсудокъ и чувствительность? — Я думаю, да и всякой другой избралъ бы броситься въ рѣку, въ надеждѣ, что, переплывъ на другой берегъ, опасность уже минется. Никто не согласился бы испытать своей шеей, тверда ли петля. — Таковъ былъ мой случай. Трудна солдатская жизнь; но лучше петли. Хорошо бы,когда бы тѣмъ и конецъ былъ; но умирать томною смертію подъ батожьемъ, подъ кошками, въ кандалахъ, въ погребѣ, нагу, босу, алчущу, жаждущу и при всегдашнемъ поруганіи!... Государь мой, хотя холопей щитаете вы нерѣдко хуже скотовъ; но къ пещастію ихъ горчайшему, они не лишены чувствительности. Вамъ удивительно, вижу я, слышать такія слова отъ крестьянина; но слышавъ ихъ, для чего не удивляетесь жестокосердію своей братіи, дворянъ?

И по истинѣ не ожидалъ я сказаннаго отъ одѣтаго въ смурый кафтанъ съ забритымъ лбомъ. Но желая удовлетворить моему любонытству, просилъ я его, чтобъ онъ

увѣдомилъ меня, какъ, будучи толь низкаго состоянія, пріобрѣлъ онъ понятія, недостающія часто въ людяхъ не свойственно называемыхъ благородными.

Естьли вы хотите слушать мою повѣсть, то скажу вамъ, что я родился въ рабствѣ, сынъ дядьки бывшаго моего господина. Сколь восхищаюсь я, что не назовутъ уже меня Ванькою, ни поносительнымъ наименованіемъ. Старой мой баринъ, человѣкъ добросердечный, разумный и добродѣтельный, нерѣдко рыдавшій объ участи своихъ рабовъ, хотѣлъ за долговремянную службу отца моего отличить меня, давъ мнѣ воспитаніе наровнѣ съ своимъ сыномъ. Различія между нами почти не было; развѣ только то, что онъ на кафтанѣ носилъ сукно моего потонѣ. Чему учили молодаго барина, тому учили и меня; наставленія намъ во всемъ были одинаковы, и безъ хвастовства скажу, что во многомъ успѣлъ я лучше молодаго своего господина.

Ванюша, говорилъ мнѣ старой баринъ, щастіе твое зависитъ совершенно отъ тебя. Ты болѣе къ учености и нравственнотти имѣешь побужденія, нежели сынъ мой. Онъ будетъ по мнѣ богатъ и нужды не узнаетъ; а ты съ рожденія съ нею познакомился. И такъ старайся быть достоинъ моего о тебѣ попеченія. — На 17 году возраста молодаго моего барина отправленъ былъ онъ и я въ чужіе краи съ надзирателемъ, коему предписано было почитать меня, старой мой баринъ сказалъ мнѣ: надѣюсь, что ты возвратишься къ утѣшенію моему и своихъ родителей. Рабъ ты въ предѣлахъ сего государства; но внѣ оныхъ ты свободенъ. Возвратясь же въ оное, ты не обрящешь узъ, возложенныхъ на тебя твоимъ рожденіемъ. — Мы были въ отсутствіи пять лѣтъ и вращались въ Россію, молодой баринъ радуясь уви-

дѣть своего родителя, а я, признаюсь, ласкаясь пользоваться сдѣланнымъ мнѣ обѣщаніемъ. Сердце мое трепетало, в тупая опять въ предѣлы моего отечества. И дѣйствительно, предчувствіе его было неложно. Въ Ригѣ молодый мой господинъ получилъ извѣстіе о смерти своего отца. Онъ былъ оною тронутъ; я приведенъ въ отчаніе: ибо всѣ мои старанія пріобрѣсть дружбу и довѣренность молодаго барина были тщетны. Онъ не только меня не любилъ, но изъ зависти, малымъ душамъ свойственной, ненавидѣлъ меня.

Примѣтивъ мое смятеніе, извѣстіемъ о смерти отца его во мнѣ произведенное, онъ сказалъ мнѣ, что сдѣланное мнѣ обѣщаніе онъ не позабудетъ, естьли я буду того достоинъ. Въ первой разъ осмѣлился онъ сказать мнѣ сіе; ибо получилъ свободу смертію своего отца. Въ Ригѣ отпустилъ онъ своего надзирателя, заплативъ ему за труды щедро. Справедливость надлежитъ отдать бывшему моему господину, что онъ много имѣетъ хорошихъ качествъ; но робость духа и легкомысліе оныя помрачаютъ.

Черезъ недѣлю послѣ нашего въ Москву пріѣзда господинъ мой влюбился въ изрядную лицемъ дѣвицу; но которая съ красотою тѣлесною соединяла скареднѣйшую душу и жестокое сердце. Воспитанная въ надмѣнности своего происхожденія, она почитала отличностію только внѣшность, знатность, богатство. Черезъ два мѣсяца она стала супруга моего барина и моя повелительница. До того времени не чувствовалъ я перемѣны моего состоянія и жилъ въ домѣ господина моего какъ его сотоварищъ. Хотя онъ мнѣ ничего не приказывалъ; но я предупреждалъ иногда его желанія, чувствуя его власть и свою участь. Едва молодая господа преступила порогъ дому, въ ко-

торомъ она опредѣлялась начальствовать; какъ я почувствовалъ всю тягость моего жребія. Первый вечеръ послѣ свадьбы и слѣдующій день, въ которой былъ я ей представленъ супругомъ ея какъ его сотоварищъ, занята она была обыкновенными заботами новаго супружества; но ввечеру, когда при довольно многолюдномъ собраніи пришли всѣ къ столу и сѣли за первой ужинъ у новобрачныхъ, и я по обыкновенію на своемъ мѣстѣ на нижнемъ концѣ: то новая госпожа сказала довольно громко своему мужу, естьли онъ хочетъ, чтобъ сидѣла она за столомъ съ гостями, тобъ холопей за оный не сажалъ. Онъ взглянулъ на меня и движимъ уже ею, прислалъ сказать мнѣ, чтобъ я изъ-за стола вышелъ и ужиналъ бы въ своей горницѣ. Вообразите, сколь чувствительно было для меня сіе уничиженіе! Скрывъ однакоже выступившія изъ глазъ моихъ слезы, я удалился. На другой день не смѣлъ я показаться. Не навѣдываясь обо мнѣ, принесли мнѣ обѣдъ мой и ужинъ. Тоже было и въ слѣдующіе дни. — Черезъ недѣлю послѣ свадьбы новая госпожа, осматривая домъ и разпредѣляя всѣмъ служителямъ должности и жилище, зашла въ мои комнаты. Онѣ были для меня отведены старымъ бариномъ. Меня не было дома. Не повторяю того, что она говорила будучи въ оныхъ мнѣ въ посмѣяніе; но возвратясь домой, мнѣ сказали ея приказъ, что мнѣ отведенъ уголъ въ нижнемъ этажѣ съ холостыми оффиціантами, гдѣ поставлены уже моя постеля и сундукъ съ платьемъ и бѣльемъ; все прочее оставила она въ прежнихъ моихъ комнатахъ, гдѣ помѣстила своихъ дѣвокъ.

Что въ душѣ моей происходило слыша сіе удобнѣе чувствовать, естьли кто можетъ, нежели описать. Но дабы не занимать васъ излишнимъ можетъ быть по-

вѣствованіемъ, скажу вамъ, что госпожа моя вступивъ въ управленіе дома и не находя во мнѣ способности къ услугѣ, поверстала меня въ лакеи и надѣла на меня ливрею. Малѣйшее мнимое упущеніе сей должности влекло за собой пощечины, батожье, кошки. — О государь мой! лучше бы мнѣ не родиться! Сколько разъ негодовалъ я на умершаго моего благодѣтеля, что онъ далъ мнѣ чувствительную душу! Лучше бы мнѣ было возрасти въ невѣжествѣ, не думая никогда, что я человѣкъ всѣмъ другимъ равный! Давно бы, давно бы избавилъ я себя ненавистной мнѣ жизни, естьли бы не удерживало прещеніе вышняго надъ всѣми Судіи. Опредѣливъ себя сносить жребій мой терпѣливо, сносилъ я не токмо уязвленія тѣлесныя, но и тѣ, коими она уязвляла мою душу. Едва не преступилъ я однакожъ своего обѣта и не лишилъ себя плачевной жизни при случившемся новомъ души уязвленіи.

Племянникъ моей барыни, молодецъ 18 лѣтъ, сержантъ гвардіи, воспитанный во вкусѣ Московскихъ щегольковъ, влюбился въ горничную дѣвку своей тетушки и овладѣвъ скоро ея опытною горячностью, сдѣлалъ ее матерью. Сколь онъ ни рѣшителенъ былъ въ своихъ любовныхъ дѣлахъ, но при семъ происшествіи нѣсколько смутился; ибо тетушка его узнавъ о семъ, запретила своей горничной ходить къ себѣ, а племянника побранила слегка. По обыкновенію милосердыхъ господъ намѣрилась она наказать ту, которую прежде жаловала, выдавъ ее за конюха за мужъ. Но какъ всѣ люди въ домѣ были уже женаты, а беременной для славы онаго надобенъ былъ мужъ; то хуже меня изъ всѣхъ служителей не нашла. И о семъ госпожа моя въ присутствіи своего супруга возвѣстила мнѣ какъ отменную милость. Не могъ я болѣе терпѣть пору-

гапія. Безчеловѣчная! въ твоей власти меня мучить и уязвлять мое тѣло, ибо вы говорите, что законы даютъ на то право. Я и сему мало вѣрю; но то твердо знаю, что вступать въ бракъ никто принужденъ быть не можетъ. — Слова мои произвели въ ней звѣрское молчаніе. Обратясь потомъ къ супругу ея сказалъ: Неблагодарный сынъ человѣколюбиваго родителя! ты забылъ его завѣщаніе, забылъ и свое изрѣченіе; но не доводи до отчаянія души твоей благороднѣйшей; страшись!... Болѣе я сказать не могъ, ибо по повеленію госпожи моей отведенъ былъ на конюшню и сеченъ нещадно кошками. На другой день едва могъ я отъ побоевъ встать съ постели, и паки приведенъ былъ предъ госпожу мою. Я тебѣ прощу, говорила она, твою вчерашнюю дерзость: женись на моей Маврушкѣ; она тебя проситъ, и я, любя ее въ самомъ ея преступленіи, хочу это для нее сдѣлать.—Мой отвѣтъ, сказалъ я ей, слышали вы вчера, другаго не имѣю: присовокуплю только то, что просить буду на васъ Начальство въ принужденіи меня къ тому, къ чему не имѣете права. — Ну такъ пора въ солдаты, вскричала яростно моя госпожа.... Путешественникъ, потерявшій въ страшной пустынѣ дорогу, меньше радуется, сыскавъ опять оную, нежели обрадованъ былъ я, услышавъ сіи слова. Въ солдаты! повторила она; и на другой день то было исполнено. — Несмысленная! она думала, что поступленіе въ солдаты, такъ какъ поселянамъ, будетъ для меня наказаніемъ; но мнѣ было оно отрадой; и какъ скоро выбрили мнѣ лобъ, то почувствовалъ, что я переродился. Силы мои обновились; разумъ и духъ начали опять дѣйствовать. О надежда; сладостное нещастному чувствіе! пребуди во мнѣ.... Слеза тяжкая, но не слеза горести и отчаянія, выступила изъ глазъ его. Я прижалъ его къ

моему сердцу. Лице его озарилось новымъ веселіемъ. Не все еще исчезло, говорилъ онъ мнѣ, ты вооружаешь душу мою противъ скорби, давъ чувствовать мнѣ, что бѣдствіе мое не безконечно.

Отъ сего нещастнаго пошелъ я къ толпѣ, среди которой увидѣлъ трехъ человѣкъ скованныхъ крѣпчайшими желѣзами. Удивленія достойно, сказалъ я самъ себѣ, взирая на сихъ узниковъ, теперь они унылы, томны, робки, не токмо не желаютъ быть воинами, но нужна даже величайшая жестокость, чтобъ вмѣстить ихъ въ сіе состояніе; но обыкнувъ въ семъ тяжкомъ для исполненія званіи становятся бодры, предпріимчивы и гнушаются даже прежняго своего состоянія. Я спросилъ у одного близь стоящаго, которой по одеждѣ своей казался быть приказнымъ служителемъ: конечно боясь ихъ побѣгу, заключили ихъ въ толь тяжкія оковы? — Вы отгадали. Они принадлежали одному помѣщику, которому занадобились деньги на новую карету, и для того продалъ онъ ихъ для отдачи въ рекруты казеннымъ крестьянамъ.

Я. Мой другъ! ты ошибаешься, казенные крестьяне не могутъ покупать своей братьи.

Онъ. Не продажею это и дѣлается. Господинъ сихъ нещастныхъ взялъ по договору деньги и отпускаетъ ихъ на волю; они будто по желанію приписываются въ государственные крестьяне къ волости, которая за нихъ платила деньги; а волость по общему приговору отдаетъ ихъ въ солдаты. Ихъ везутъ теперь съ отпускными для приписанія въ нашу волость.—

Вольные люди ничего не преступившіе заключаются въ оковы и продаются какъ скоты! — О законы! премудрость ваша бываетъ часто только въ вашемъ слогѣ.

Не явно ли сіе вамъ посмѣяніе? Но паче еще того посмѣяніе священнаго имени вольности! — О, естьли бы рабы, тяжкими узами отягченные, ярясь въ отчаяніи своемъ, разбили желѣзомъ, препятствующимъ ихъ вольности, главы наши, главы безчеловѣчныхъ господъ своихъ и кровію нашею обагрили нивы свои! Что бы тѣмъ потеряло государство? — Скоро бы изъ среды его исторгнулись великіе мужи для заступленія избитаго племени; но они были бы другихъ о себѣ мыслей и лишены права....Не мечта это; но взоръ проницаетъ густую завѣсу времени, скрывающую отъ очей нашихъ будущее; я зрю черезъ цѣлое столѣтіе....Съ негодованеімъ отошелъ я отъ толпы.

Но склепанные узники теперь вольны. Естьли бы хотя немного имѣли они твердости, то уничтожили бы удручительные помыслы своихъ тирановъ. Возвратимся...Друзья мои, сказалъ я плѣнникамъ въ отечествѣ своемъ, знаете ли вы, что естьли вы сами не желаете вступить въ воинское званіе; то никто принудить васъ къ тому не можетъ.— Перестань, баринъ шутить надъ горькими людьми. И безъ твоей шутки больно было разставаться, одному съ дряхлымъ отцомъ, другому съ малолѣтними сестрами, третьему съ молодой женой. Мы знаемъ, что господинъ насъ продалъ для отдачи въ рекруты за 1,000 рублей.— Естьли вы до сего времени не знали, то знайте, что въ рекруты продавать людей запрещается; что крестьяне людей покупать не могутъ; что вамъ отъ барина дана отпускная и что покупщики ваши хотятъ приписать васъ въ свою волость будто по вашей волѣ. — О, естьли такъ, баринъ, то спасибо тебѣ; когда насъ поставятъ въ мѣру, то всѣ скажемъ, что мы въ солдаты не хотимъ и что мы вольные люди.—Прибавьте къ тому, что господинъ

продалъ васъ не въ сказанное время и что васъ отдаютъ насильнымъ образомъ.—Легко себѣ вообразить можно радость, просіявшую на лицахъ сихъ нещастныхъ. Воспрянувъ отъ своего мѣста и бодро потрясая оковы, они испытываютъ, казалось, свои силы, какъ бы ихъ свернуть. Но разговоръ сей ввелъ было меня въ великія хлопоты; отдатчики рекрутскіе, понявъ мою рѣчь, воспаленные гнѣвомъ прискочивъ ко мнѣ говорили: баринъ! не въ свое мѣшаешься дѣло; отойди, пока сухъ; — и сопротивляющагося начали толкать меня столь сильно, что я принужденъ былъ съ поспѣшностію удалиться отъ сей толпы.

Подходя къ почтовому двору, нашелъ я еще собраніе поселянъ, окружающихъ человѣка въ разодранномъ сертукѣ, нѣсколько, казалось, пьянаго и кривляющагося передъ стоящими, которые глядя на него хохотали до слезъ. Что тутъ за чудо? спросилъ я у одного мальчика; чему вы смѣетесь? — Вотъ рекрутъ иноземенъ, по-Русски не умѣетъ пикнуть. — Изъ нѣкоторыхъ словъ, имъ сказанныхъ, узналъ я, что онъ былъ Французъ. Любопытство мое паче возбудилось; я желалъ узнать, какъ иностранецъ могъ отданъ быть въ рекруты крестьянами. Я спросилъ его на сродномъ ему языкѣ: мой другъ! какими судьбами ты здѣсь находишься?

Французъ. Судьбѣ такъ захотѣлось; гдѣ хорошо, тутъ и жить должно.

Я. Да какъ ты попался въ рекруты?

Франц. Я люблю воинскую жизнь; мнѣ она уже извѣстна; я самъ захотѣлъ.

Я. Но какъ то случилось, что тебя отдаютъ изъ деревни въ рекруты? Изъ деревень берутъ въ солдаты

обыкновенно однихъ крестьянъ и Русскихъ; а ты, я вижу, не мужикъ и не Русской.

Франц. А вотъ какъ. Въ Парижѣ учился я съ ребячества парикмахерству. Выѣхавъ въ Россію съ однимъ господиномъ, чесалъ ему волосы въ Петербургѣ цѣлой годъ. Ему не чѣмъ было заплатить мнѣ. Я оставилъ его; но не нашедъ мѣста, чуть не умеръ съ голоду. По щастію попалъ я въ матросы на корабль, идущій подъ Россійскимъ флагомъ. Прежде отправленія въ море приведенъ я къ присягѣ, какъ Россійскій подданный, — и отправился въ Любекъ. На морѣ часто корабельщикъ билъ меня линькомъ за то, что былъ лѣнивъ. По неосторожности упалъ я съ вантовъ на палубу и выломилъ себѣ три пальца, что и сдѣлало меня навсегда неспособнымъ управлять греблемъ. Пріѣхавъ въ Любекъ, попался я Прусскимъ наборщикамъ и служилъ въ разныхъ полкахъ. Нерѣдко за лѣность и пьянство битъ былъ палками. Будучи пьянъ закололъ я своего товарища и ушелъ изъ Мемеля, гдѣ находился въ гарнизонѣ. Вспомнивъ, что я обязанъ въ Россіи присягою, яко вѣрный сынъ отечества отправился въ Ригу съ двумя талерами въ карманѣ и питался въ дорогѣ милостынею. Въ Ригѣ щастіе и искусство мое мнѣ послужило: я выигралъ въ шинкѣ рублей 20, и купивъ себѣ за десять изрядный кафтанъ, отправился лакѣемъ съ казанскимъ купцомъ въ Казань. Но проѣзжая Москву, встрѣтился на улицѣ съ двумя земляками, которые совѣтовали мнѣ оставить хозяина и искать въ Москвѣ учительскаго мѣста. Я сказалъ имъ, что худо читать умѣю; но они мнѣ отвѣчали: ты говоришь по Французски, этого и довольно. Хозяинъ мой не видалъ, какъ я на улицѣ отъ него отсталъ; онъ продолжалъ путь свой, а я остался въ

Москвѣ. Скоро земляки мои нашли мнѣ учительское мѣсто за 150р, пудъ сахару, пудъ кофе, 10 фунтовъ чаю въ годъ, столъ, слуга и карета; но жить надлежало въ деревнѣ. Тѣмъ лучше: тамъ цѣлой годъ не знали, что я писать не умѣю; но какой-то сватъ того господина, у котораго я жилъ, открылъ ему мою тайну, и меня свезли въ Москву обратно. Не нашедъ другаго сему подобнаго дурака, не могши отправлять свое ремесло съ изломанными пальцами и боясь умереть съ голоду, продалъ я себя за 200 рублей; меня записали въ крестьяне и отдаютъ въ рекруты. Надѣюсь, говорилъ онъ съ важнымъ видомъ, что скоро будетъ война; тогда дослужусь до Генеральскаго чина; а не будетъ войны, то набью карманъ (коли можно) и увѣнчанъ лаврами, отъѣду на покой въ свое отечество.

Я не одинъ разъ пожалъ плечами, слушая сего бродягу, и съ уязвленнымъ сердцемъ легши въ кибитку, отправился въ путь.

ЗАВИДОВО.

Лошади были уже впряжены въ кибитку и я приготовлялся къ отъѣзду, какъ вдругъ сдѣлался на улицѣ великой шумъ. Люди начали бѣгать изъ краю въ край по деревнѣ. На улицѣ увидѣлъ я воина въ гренадерской шапкѣ съ поднятою плетью гордо расхаживающаго и кричащаго: лошадей скорѣе! гдѣ-староста? Его Превосходительство будетъ здѣсь черезъ минуту! — Староста, снявъ шляпу за сто шаговъ, бѣжалъ во всю прыть.

— Лошадей скорѣе. — Тотчасъ, батюшка; пожалуйте подорожную. — На, да скорѣе, а то я тебя....говорилъ онъ, поднявъ плеть надъ головой дрожащаго старосты. Недокончанная сія рѣчь столь же была выразительна, какъ у Виргилія въ Энеидѣ рѣчь Эола къ вѣтрамъ: я васъ....и укрощенный видомъ плети гренадера староста столь же живо ощущалъ мощь грозящаго воина десницы, какъ бунтующіе вѣтры ощущали надъ собой власть сильной Эоловой отроги. — Возвращая новому Полкану подорожную, староста говорилъ: Его превосходительству съ честной его фамиліей потребно 50 лошадей, а у насъ только 30 на лицо, другія въ разгонѣ. — Роди, старой чортъ! а не будетъ лошадей, то тебя изуродую. — Да гдѣжъ ихъ взять, коли взять негдѣ? — Разговорился еще; а вотъ лошади у меня будутъ — и схватя старика за бороду, началъ его бить плетью по плечамъ нещадно. Полно ли съ тебя! Да вотъ три свѣжія, говорилъ строгій судья ямскаго стана, указывая на впряженныхъ въ мою повозку. Выпряги ихъ для насъ. — Коли баринъ ихъ отдастъ. — Какъ бы онъ не отдалъ. У меня и ему тоже достанется. Да кто онъ таковъ? — Не вѣсть какой-то. Какъ онъ меня величалъ, того не знаю.

Между тѣмъ вышелъ я на улицу, воспретилъ храброму предтечѣ Его Превосходительства исполнить его намѣреніе и выпрягши изъ повозки лошадей, заставить меня ночевать въ почтовой избѣ.

Споръ мой съ гвардейскимъ Полканомъ прерванъ былъ пріѣздомъ Его Превосходительства. Еще издали слышанъ былъ крикъ повощиковъ и топотъ лошадей, скачущихъ во всю мочь. Частое біеніе копытъ и зрѣнію уже непримѣтное обращеніе колесъ столько сгустили подымающеюся пылью воздухъ, что колесница Его Превосходительства

закрыта была непроницаемымъ облакомъ, отъ взоровъ ожидающихъ его какъ грозной тучи ямщиковъ. Донъ-Кишотъ конечно увидѣлъ бы тутъ нѣчто чудесное: ибо пыльное облако, несущееся предъ знатною Его Превосходительства особою, вдругъ остановясь разверзлось, и онъ предсталъ намъ отъ пыли сѣровиденъ, отродію черныхъ подобнымъ.

Отъ пріѣзду моего на почтовый станъ до того времени, какъ лошади вновь впряжены были въ мою повозку, прошелъ по крайней мѣрѣ цѣлой часъ; но повозки Его Превосходительства запряжены были не болѣе какъ въ четверть часа, и поскакали на крылехъ вѣтра. А мои клячи, хотя лучше казались тѣхъ, кои удостоились везти Превосходительную особу, но не боясь гренадерскаго кнута, бѣжали посредственною рысью.

Блаженны въ единовластныхъ правленіяхъ вельможи! Блаженны украшенные чинами и лентами! Вся природа имъ повинуется; даже несмысленные скоты угождаютъ ихъ желаніямъ; и дабы имъ въ путешествіи зѣвая не соскучилось, скачутъ они не жалѣя ни ногъ, ни легкаго и нерѣдко отъ натуги околѣваютъ. Блаженны, повторяю я, имѣющіе внѣшность къ благоговѣнію всѣхъ влекущую! Кто знаетъ изъ трепещущихъ отъ плети имъ грозящей, что тотъ, во имя коего ему грозятъ, безгласнымъ въ Придворной Грамматикѣ называется; что ему ни а! ни о! во всю жизнь свою сказать не удалось; что онъ одоленъ своимъ возвышеніемъ — стыдно сказать кому; — что по душѣ своей онъ есть скареднѣйшее существо; что обманъ, вѣроломство, блудъ, отравленіе, грабежъ, убійство не больше ему стоитъ какъ выпить стаканъ воды; что ланиты его никогда отъ стыда не краснѣли, развѣ отъ гнѣва или по-

щенины; что онъ другъ всякаго придворнаго истопника и раба, едва нѣчто при дворѣ значущаго. Сей властелинъ презираетъ не вѣдающихъ его низкости и ползущества. Знатность безъ истиннаго достоинства подобна колдунамъ въ нашихъ деревняхъ. Всѣ крестьяне ихъ почитаютъ и боятся, думая, что они чрезъестественные повелители. Надъ ними обманщики сіи властвуютъ по своей волѣ. А сколь скоро въ толпу, ихъ боготворящую, завернется мало кто грубѣйшаго невѣжества отчуждившійся; то обманъ ихъ обнаруживается, и таковыхъ дальновидцевъ они не терпятъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ они творятъ чудеса, берегись равно и тотъ, кто посмѣетъ обнаружить колдовство вельможъ.

Но гдѣ мнѣ гнаться за Его Превосходительствомъ! Онъ поднялъ пыль столбомъ, которая по пролетѣ его исчезла, и я, пріѣхавъ въ Клинъ, нашелъ даже память его погибшую съ шумомъ.

КЛИНЪ.

"Какъ было въ городѣ во Римѣ, тамъ жилъ да былъ Евфиміанъ Князь..... поющій сію народную пѣснь, называемую Алексѣемъ Божіимъ человѣкомъ, былъ слѣпой старикъ, сидящій у воротъ почтоваго двора, окруженный толпою по большей части ребятъ и юношей. Сребровидная глава его, замкнутыя очи, видъ спокойствія, въ лицѣ его зримаго, заставляли смотрящихъ на пѣвца предстоять ему съ благоговеніемъ. Непскусный его напѣвъ, но нѣжныя изреченія проницали сердце его слушателей, вне-

млющихъ лучше природѣ, нежели возращенные въ благогласіи уши жителей Москвы и Петербурга внемлютъ кудрявому напѣву Габріелли, Маркези или Тоди. Никто изъ предстоящихъ не остался безъ зыбленія внутрь глубокаго, когда Клинской пѣвецъ, дошедъ до разлуки своего героя, прерывающимся ежеминутно гласомъ изрекалъ свое повѣствованіе. На семъ мѣстѣ очи его исполнились изступающими изъ чувствительной къ бѣдамъ души слезами и потоки оныхъ пролились поланитамъ воспѣвающаго. О Природа! какъ ты властительна! Взирая на плачущаго старца, жены возрыдали; со устъ юности отлетѣла сопутница ея улыбка; на лицѣ отрочества явилась робость, неложный знакъ болѣзненнаго, но непзвѣстнаго чувствованія; даже мужественный возрастъ, къ жестокости столько привыкшій, воспріялъ видъ важности. О природа! возопилъ я паки....

Сколь сладко неизвительное чувствованіе скорби! Какъ оно обновляетъ сердце и его чувствительность! — Я рыдалъ въ слѣдъ за ямскимъ собраніемъ; слезы мои были для меня стольже сладостны, какъ истогнутыя изъ сердца Вертеромъ. О мой другъ! мой другъ! почто и ты не видѣлъ сей картины! ты бы прослезился со мною и сладость взаимнаго чувствованія была бы гораздо утѣшительнѣе.

По окончаніи пѣсословія всѣ предстоящіе давали старику, какъ будто въ награду за его трудъ. Онъ принималъ всѣ денежки и полушки, всѣ куски и краюхи хлѣба довольно равнодушно, но всегда сопровождая благодарность свою поклономъ, крестясь и говоря подающему: дай Богъ тебя здоровья! Я не хотѣлъ отъѣхать, не бывъ сопровождаемъ молитвою сего конечно пріятнаго Небу старца, и желалъ его благословенія на совершеніе пути моего. Мнѣ

казалось, что благословеніе чувствительныхъ душъ облегчаетъ стезю въ шествіи и отъемлетъ терніе сомнительности. Подошедъ къ нему, въ дрожащую его руку положилъ я рубль; рука моя также дрожала отъ боязни, не изъ тщеславія ли то дѣлаю. Перекрестясь, не успѣлъ онъ изрещи обыкновеннаго своего благословенія подающему, отвлеченъ будучи отъ того необыкновенностію ощущенія лежащаго въ его горсти. И сіе уязвило мое сердце. Колико пріятнѣе ему, говорилъ я самъ себѣ, подаваемая полушка! Онъ чувствуетъ въ ней обыкновенное соболѣзнованіе къ бѣдствіямъ человѣчества, а въ моемъ рублѣ ощущаетъ можетъ быть мою гордость; и потому не сопровождаетъ его своимъ благословеніемъ. — О, какъ малъ я самъ себѣ тогда казался! какъ завидовалъ давшимъ полушку и краюху хлѣба пѣвшему старцу! — Не пятакъ ли, сказалъ онъ, обращая рѣчь свою неопредѣленно, какъ и всякое свое слово? — Нѣтъ, дѣдушка, рублевикъ, сказалъ близъ стоящій его мальчикъ. — Почто такая милостыня? сказалъ слѣпой, опуская мѣста своихъ очей и стараясь, казалось, мысленно сообразить въ себѣ то, что въ горсти его лежало.—Почто она немогущему ею пользоваться? Еестли бы я не лишенъ былъ зрѣнія то сколь велика была бы моя благодарность! Не имѣя въ немъ нужды, я могъ бы снабдить имъ неимущаго. Ахъ! естьли бы онъ былъ у меня послѣ бывшаго здѣсь пожара, то умолкъ бы хотя на однѣ сутки вопль алчущихъ птенцовъ моего сосѣда. Но начто онъ мнѣ теперь? Не вижу куда его и положить. Онъ можетъ быть подастъ случай къ преступленію: полушку немного прибыли украсть, но за рублемъ охотно многіе протянутъ руку. Возьми его назадъ, добрый господинъ; и ты и я съ твоимъ рублемъ можемъ сдѣлать вора. — О истинна!

какъ ты тяжка чувствительному сердцу, когда бываешь въ укоризну! — Возьми его назадъ, мнѣ право онъ не надобенъ; да и я его не стою: ибо не служилъ изображенному на немъ Государю. Угодно было создателю, чтобъ еще въ добрыхъ лѣтахъ лишенъ я былъ вождей моихъ; терпѣливо сношу Его прещеніе; за грѣхи мои онъ меня посѣтилъ. Я былъ воинъ, на многихъ бывалъ битвахъ съ непріятелями отечества и сражался всегда не робко. Но воину всегда должно быть по нуждѣ. Ярость исполняла мое сердце при начатіи сраженія; я не щадилъ никогда лежащаго у ногъ моихъ непріятеля и не дарилъ обезоруженнаго помилованіемъ. Вознесенный побѣдою оружія нашего и устремившись на караніе и добычу палъ я ницъ лишенный зрѣнія и чувствъ пролетѣвшимъ мимо глазъ моихъ пушечнымъ ядромъ. О вы, послѣдующіе мнѣ! будьте мужественны, но помните человѣчество. — Онъ возвратилъ мнѣ рубль мой и сѣлъ опять покойно на свое мѣсто.

Прими свой праздничный пирогъ, дѣдушка, говорила слѣпому подошедшая женщина лѣтъ 50. Съ какимъ восторгомъ припялъ онъ его обѣими руками.—Вотъ истинное благодѣяніе! вотъ истинная милостыня! 30 лѣтъ сряду ѣмъ я сей пирогъ по праздникамъ и по воскресеньямъ. Не забыла ты своего обѣщанія, сдѣланнаго въ младенчествѣ твоемъ. И стоитъ ли то, что я сдѣлалъ для покойнаго отца твоего, чтобъ ты меня и до гроба моего не забывала? Я, друзья мои, избавилъ отца ея отъ обыкновенныхъ нерѣдко побой крестьянамъ отъ проходящихъ солдатъ. Солдаты хотѣли что-то у него отнять; онъ съ ними заспорилъ. Дѣло было за гумнами; солдаты начали мужика бить. Я былъ Сержантомъ той роты, которой были солдаты; прилучился

тутъ, прибѣжалъ на крикъ мужика и избавилъ его отъ побой, можетъ быть чего и больше; впередъ отгадывать не льзя. Вотъ что вспомнила кормилица моя нынѣшняя, когда увидѣла меня здѣсь въ нищенскомъ состояніи. Вотъ чего не позабываетъ она каждой день и каждый праздникъ. Дѣло мое было не великое, но доброе. А доброе пріятно Господу; за нимъ никогда ничто не пропадетъ,

Не ужели ты меня столько передъ всѣми обидишь, старичекъ? сказалъ я ему, и только мое отвергнешь подаяніе? Не ужли моя милостыня есть милостыня грѣшника? Да и то бываетъ ему на пользу, естьли служитъ къ умягченію ожесточеннаго сердца. — Ты огорчаешь сердце, давно уже огорченное естественною казнію, говорилъ старецъ; не зналъ я, что могъ тебя обидѣть, не пріемля на вредъ послужить могущаго подаянія. Прости мнѣ мой грѣхъ; но дай, коли хочешь мнѣ что дать, дай, что можетъ мнѣ быть полезно... Холодная была весна; у меня болѣло горло: платчишка не было, чѣмъ повязать шеи. Богъ помиловалъ, болѣзнь миновалась... Нѣтъ ли у тебя старенькаго платка? Когда у меня заболитъ горло, я его повяжу; онъ согрѣетъ мою шею, горло болѣть перестанетъ; — я тебя вспоминать буду, естьли тебѣ нужно вспоминаніе нищаго. —Я снялъ платокъ съ шеи, повязалъ на шею слѣпаго... и разстался съ нимъ.

Возвращаясь черезъ Клинъ, я уже не нашелъ слѣпаго пѣвца, онъ за три дни до моего пріѣзду умеръ. Но платокъ мой, сказывала мнѣ та, которая приносила ему пирогъ по праздникамъ, надѣлъ онъ на шею, заболѣвъ передъ смертію и съ нимъ положили его во гробъ. О!

естьли кто чувствуетъ цѣну сего платка, тотъ чувствуетъ и то, что во мнѣ происходило, слыша сіе!

ПЕШКИ.

Сколь мнѣ ни хотѣлось поспѣшать къ окончанію своего путешествія, но по пословицѣ: голодъ не свой братъ, принудилъ меня зайти въ избу; и доколѣ не доберуся до рагу, фрикассе, пашкетовъ и прочаго Французскаго кушанья, на отраву намъ изобрѣтеннаго, принужденъ я былъ пообѣдать старымъ кускомъ жареной говядины, которая со мной ѣхала въ запасѣ. Пообѣдавъ сей разъ гораздо хуже, нежели иногда обѣдаютъ многіе Полковники (неговорю о Генералахъ) въ дальнихъ походахъ, я по похвальному общему обыкновенію налилъ въ чашку приготовленнаго для меня кофе и услаждалъ прихотливость мою плодами пота нещастныхъ Африканскихъ невольниковъ.

Увидѣвъ передо мною сахаръ, мѣсившая квашню хозяйка подослала ко мнѣ маленькаго мальчика попросить кусочикъ сего боярскаго кушанья. — Почему боярскаго? сказалъ я ей, отдавая ребенку остатокъ моего сахару; не ужли и ты его употреблять не можешь? — Потому боярское, что намъ купить его не на что; а бояре употребляютъ его для того, что не сами достаютъ деньги. Правда, что и Бурмистръ нашъ, когда ѣздитъ къ Москвѣ, покупаетъ его, но также на наши слезы. — Развѣ ты думаешь, что тотъ, кто употребляетъ сахаръ, заставляетъ васъ плакать? — Не всѣ, но всѣ господа Дво-

ряне. Не слезы ли ты крестьянъ своихъ пьешь, когда они ѣдятъ такой же хлѣбъ какъ и мы? — Говоря сіе, показывала она мнѣ составъ своего хлѣба. Онъ состоялъ изъ трехъ четвертей мякины и одной части несѣянной муки.—Да и то слава Богу при нынѣшнихъ неурожаяхъ. У многихъ сосѣдей нашихъ и того хуже. Чтожъ вамъ, бояре, въ томъ прибыли, что вы ѣдите сахаръ, а мы голодны? Ребята мруть, мруть взрослые. Но какъ быть? потужишь, потужишь, а дѣлай то, что господинъ велитъ. — И начала сажать хлѣбы въ печь.

Сія укоризна, произнесенная не гнѣвомъ или негодованіемъ, но глубокимъ ощущеніемъ душевной скорби, исполнила сердце мое грустію. Я обозрѣлъ въ первой разъ внимательно всю утварь крестьянской избы. Въ первый разъ обратилъ сердце къ тому, что доселѣ по немъ скользило. Четыре стѣны до половины покрытыя, такъ какъ и весь потолокъ, сажею; полъ въ щеляхъ на вершокъ по крайней мѣрѣ поросшій грязью; печь безъ трубы, но лучшая защита отъ холода, и дымъ всякое утро зимой и лѣтомъ наполняющій избу; окончины, въ коихъ натянутый пузырь едва пропускалъ свѣтъ; два или три горшка (щастлива изба, коли есть въ ней всякой день пустыя щи), деревянная чашка и кружки тарелками называемыя; столъ топоромъ срубленный, которой скоблятъ скребкомъ по праздникамъ; корыто кормить свиней или телятъ, буде есть; спать съ ними вмѣстѣ, глотая воздухъ, въ коемъ горящая свѣча какъ будто въ туманѣ или за завѣсою кажется; къ щастію кадка съ квасомъ на уксусъ похожимъ, и на дворѣ баня, въ коей коли не паряться, то спитъ скотина; посконная рубаха, обувь данная природою, онучки съ лаптями для выхода.—Вотъ въ чемъ почитается по справедливости источникъ госу-

дарственнаго избытка, силы, могущества; но тутъ же видны слабость, недостатки и злоупотребленія законовъ и ихъ такъ сказать шероховатая сторона. Тутъ видна алчность дворянства, грабежъ, мучительство, и беззащитное нищеты состояніе. — Звѣри алчные! піявицы ненасытныя! что крестьянину вы оставляете? То, чего отнять не можете, воздухъ. Да, одинъ воздухъ. Отъемлете нерѣдко у него не токмо даръ земли, хлѣбъ и воду, но и самый свѣтъ. Законъ запрещаетъ отъять у него жизнь — но развѣ мгновенно. Сколько способовъ отъять ее у него постепенно! Съ одной стороны почти веселіе, съ другой немощь беззащитная: ибо помѣщикъ въ отношеніи крестьянина есть законодатель, судья, исполнитель своего рѣшенія и по желанію своему истецъ, противъ котораго отвѣтчикъ ничего сказать не можетъ. Вотъ жребій заклепаннаго въ узы! вотъ жребій заключеннаго въ смрадной темницѣ! Вотъ жребій волп во ярмѣ!

Жестокосердый помѣщикъ! посмотри на дѣтей крестьянъ тебѣ подвластныхъ. Они почти наги. Отъ чего? Не ты ли родившихъ ихъ въ болѣзни и горести обложилъ сверхъ всѣхъ полевыхъ работъ оброкомъ? Не ты ли сотканное ими полотно опредѣляешь себѣ въ пользу? На что тебѣ смрадное рубище, которое къ нѣгѣ привыкшая рука твоя подъять гнушается? Едва послужитъ оно на отираніе служащаго тебѣ скота. Ты собираешь и то, что тебѣ не надобно, не смотря на то, что неприкрытая нагота твоихъ крестьянъ будетъ тебѣ въ обвиненіе, естьли не здѣсь, то предъ Судіею, не вѣдающимъ лицепріятія и давшимъ тебѣ путеводителя благаго, совѣсть, кою развратный твой разсудокъ давно уже изгналъ изъ

ея жилища, изъ сердца твоего. Но не ласкайся безвозмездіемъ. Сей неусыпный дѣяній твоихъ страхъ уловитъ тебя на единѣ, и ты почувствуешь его кары. О, естьли бъ они были тебѣ и подвластнымъ тебѣ на пользу! — О, естьли бы человѣкъ, входя часто во внутренность свою исповѣдалъ бы строгому судіи своему,—совѣсти, дѣянія свои!... Претворенный въ неподвижный столпъ ея громоподобнымъ гласомъ, не пускался бы онъ на тайныя злодѣянія; рѣдки стали бы тогда грабительства, опустошенія и проч. и проч.

ЧЕРНАЯ ГРЯЗЬ.

Здѣсь видѣлъ я также изрядный опытъ дворянскаго самовластія надъ крестьянами. Проѣзжала тутъ свадьба. Но вмѣсто радостнаго поѣзда и слезъ боязливой невѣсты, скоро въ радость претвориться опредѣленныхъ, зрѣлись на челѣ принужденныхъ вступить въ супружество печаль и уныніе. Они другъ друга ненавидятъ и властію господина своего влекуться на казнь, къ олтарю Отца всѣхъ благъ, Подателя нѣжныхъ чувствованій и веселій, Зиждителя истиннаго блаженнства и Творца вселенныя! И служитель Его приметъ исторгнутую властію клятву и утвердитъ бракъ! И сіе назовется союзомъ божественнымъ! И богохуленіе сіе останется на примѣръ другимъ! И неустройство сіе останется въ законѣ ненаказаннымъ! — Почто удивляться сему? Благословляетъ бракъ наемникъ; подтверждаетъ его градодержатель для охраненія законовъ опредѣленный, дворяпинъ. Тотъ и другой имѣютъ въ семъ свою пользу.

Первой ради полученія мзды; другой, дабы не лишиться самому лестнаго преимущества управлять подобнымъ себѣ самовластно. О горестная участь многихъ милліоновъ! Конецъ твой сокрыть еще отъ взоровъ и внучатъ моихъ.

Я позабылъ сказать тебѣ, читатель, что Парнасскій судья, съ которымъ я въ Твери обѣдалъ въ трактирѣ, сдѣлалъ мнѣ подарокъ. Голова его надъ многимъ испытывала свои силы. Сколь опыты его были удачны, коли хочешь, суди самъ; а мнѣ скажи на ушко, каково тебѣ покажется. Естьли при чтеніи захочется тебѣ спать, то сложи книгу и усни; береги ее для безсонницы.

СЛОВО О ЛОМОНОСОВѢ.

Пріятность вечера послѣ жаркаго лѣтняго дня выгнала меня изъ моей кельи. Стопы мои направилъ я за Невскій монастырь и долго гулялъ въ рощѣ, позади его лежащей. Солнце скрыло уже лицо свое; но легкая завѣса ночи едва на синемъ небѣ была чувствительна. Возвращаясь домой, шелъ я мимо Невскаго кладбища. Ворота были отворены. Я вошелъ. На семъ мѣстѣ вѣчнаго молчанія, гдѣ наитвердѣйшее чело поморщится несомнѣнно, помысливъ что тутъ долженствуетъ быть конецъ всѣхъ блестящихъ подвиговъ; на мѣстѣ ненарушимаго спокойствія и равнодушія непоколебимаго могло бы, казалось, совмѣстно быть киченіе, тщеславіе и надмѣнность? Но великолѣпныя гробницы суть несомнѣнные знаки человѣческой гордыни, знаки желанія его жить вѣчно. Но это ли вѣчность, которой человѣкъ столько жаждетъ? Не столбъ, воздвигнутый надъ тлѣніемъ твоимъ, сохранитъ память твою до дальнѣйшаго потомства; не камень со изсѣченіемъ имени твоего пренесетъ славу твою въ будущія столѣтія: слово твое, живущее въ твореніяхъ твоихъ присно и во вѣки, — слово Россійскаго племени, тобою въ языкѣ нашемъ обновленное, прелетитъ въ устахъ за необзримый горизонъ столѣтій. Пускай свирѣпствующія стихіи разверзнутъ земную хлябь и поглотятъ сей великолѣпный градъ, откуда громко твое пѣніе раздавалось во всѣ концы обширной Россіи; пускай яростный нѣкій завоеватель истребитъ даже имя любезнаго твоего отечества: но доколѣ слово Россійское слышимо будетъ, ты не умрешь. Лестно, лестно такъ умереть.

Но естьли кто умѣетъ изчислить мѣру сего продолженія; естьли переть гаданія назначитъ предѣлъ твоему имени: то не се ли вѣчность?—Сіе изрекъ я въ восторгѣ, остановясь предъ столпомъ, надъ тлѣніемъ Ломоносова воздвигнутымъ. Нѣтъ, не хладный камень сей повѣствуетъ, что ты жилъ на славу имени Россійскаго; не можетъ онъ сказать, что ты былъ. Творенія твои да повѣствуютъ намъ о томъ; житіе твое да скажетъ, почто ты славенъ.

Гдѣ ты, о возлюбленный мой! гдѣ ты? приди бесѣдовать со мною о великомъ мужѣ. Приди, да сплетемъ вѣнецъ насадителю Россійскаго слова. Пускай другіе раболѣпствуя власти, превозносятъ хвалою силу и могущество! Мы воспоемъ пѣснь заслугѣ къ обществу.

Михайло Васильевичь Ломоносовъ родился въ Холмогорахъ. Рожденный отъ человѣка, который не могъ дать ему воспитанія, дабы посредствомъ онаго понятіе его острилось и умъ украсился полезными и пріятными занятіями; опредѣленный по состоянію своему провождать дни свои между людьми, коихъ кругъ мысленной области не далѣе ихъ ремесла простирается; сужденный дѣлить время свое между рыбнымъ промысломъ и стараніемъ получить мзду своего труда: разумъ молодаго Ломоносова не могъ бы достигнуть той обширности, которую пріобрѣлъ онъ трудясь въ испытаніи природы, ни глась его той сладости, которую имѣлъ онъ отъ обхожденія съ чистыми Музами. Отъ воспитанія въ родительскомъ домѣ пріялъ онъ маловажное: ключь ученія—знаніе читать и писать; а отъ природы любопытство. Алчное любопытство, вселенное ею въ души наши, стремится къ познанію вещей; а сердцѣ, кипящее славолюбіемъ, не можетъ терпѣть пути его стѣсняю-

щаго. Оно реветъ, клокочетъ, стопетъ, и махомъ прерывая узы, летитъ стремглавъ къ предмету своему. Забываетъ все, имѣя одинъ предметъ въ умѣ; имъ дышетъ, имъ движется и живетъ.

Не выпуская изъ очей своихъ вожделеннаго предмета, юноша собираетъ познанія вещей въ слабѣйшихъ ручьяхъ текущаго наукъ источника, до нижайшихъ степеней общества. Чуждый руководства, столь нужнаго для укоренія въ познаніяхъ, онъ острить первую силу своего разума, память, и украшаетъ тѣмъ, что разсудокъ его острить долженствовало. Сей тѣсный кругъ свѣдѣній, кои могъ онъ пріобрѣсть на мѣстѣ своего рожденія, не могъ насытить жаждущаго духа, но паче возжегъ въ юношѣ непреодолимое къ ученію стремленіе. Блаженъ, что въ возрастѣ, когда волненіе страстей изводитъ насъ впервые изъ нечувствительности, когда приближаемся къ степени возмужалости,—стремленіе его обратилось къ познанію вещей!

Подстрекаемый алчбою науки, Ломоносовъ оставляетъ родительскій домъ, течетъ въ престольный градъ, приходитъ въ обитель иноческихъ Музъ и вмѣщается въ число юношей, посвятившихъ себя ученію свободныхъ наукъ и слова Божія. Преддверіе учености есть познаніе языковъ; но представляется яко поле терніемъ насаженное и яко гора острымъ камнемъ усѣянная. Глазъ не находитъ тутъ пріятности расположенія; стопы путешественника покойной гладости на отдохновеніе; ни зеленѣющаго убѣжища утомленному тутъ нѣтъ. Такъ учащійся, приступивъ къ неизвѣстному языку, поражается разными звуками. Гортань его необыкновеннымъ журчаніемъ исходящаго изъ нее воздуха утомляется и языкъ, принужденный извиваться новообразно, изнемогаетъ. Разумъ тутъ цѣпенѣетъ;

разсудокъ безъ дѣйствія ослабѣваетъ; воображеніе теряетъ свое крыліе; единая память бдитъ и острится, и всѣ изгучины и отверстія свои наполняетъ образами неизвѣстныхъ доселѣ звуковъ. При ученіи языковъ все отвратительно, и тягостно. Естьли бы не подкрѣпляла надежда, что, пріобучивъ слухъ свой къ необыкновенности звуковъ и усвоивъ чуждыя произношенія, откроются потомъ пріятнѣйшіе предметы: то не уповательно, восхотѣлъ ли бы кто вступить въ толь трудный путь. По преодолѣвъ сіи трудности, коликократно наслаждается постоянство за понесенные труды. Новые представляются тогда естества виды, новая цѣпь мыслей. Познаніемъ чуждаго языка становимся мы гражданами той области, гдѣ онъ употребляется; бесѣдуемъ съ жившими за многія тысячи вѣковъ, усвояемъ ихъ понятія, и всѣхъ народовъ и вѣковъ изображенія сочетаваемъ и приводимъ въ единую связь.

Упорное прилежаніе въ изученіи языковъ сдѣлало Ломоносова согражданиномъ Аѳинъ и Рима. И сіе наградило его постоянство. Какъ слѣпецъ отъ рожденія свѣта незрѣвшій, когда искусною глазоврачевателя рукою возсіяетъ для него величество дневнаго свѣтила,—протекаетъ быстрымъ взоромъ всѣ красоты природы, дивится ея разновидности и простотѣ. Все его плѣняетъ, все поражаетъ. Онъ чувствуетъ живѣе обыкшихъ къ зрѣнію очей ея изящности и приходитъ отъ нихъ въ восторгъ. Такъ Ломоносовъ, получивши свѣденіе Латинскаго, Греческаго языка, пожиралъ красоты древнихъ витій и стихотворцевъ. Съ ними научился онъ всѣмъ уловкамъ искуства, кроющагося всегда въ одушевленныхъ стихотворства видахъ; съ ними научился изъяснять чувствія свои и давать тѣло, мысли и душу бездыханному.

Естьли бы силы мои достаточны были, то представилъ бы я, какъ великій мужъ водворялъ постепенно въ понятіе свое

понятія чужыя, кои, преобразившись въ душѣ его и разумѣ, явились въ новомъ видѣ въ его твореніяхъ или родили совсѣмъ другія, уму человѣческому доселѣ невѣдомыя. — Я представилъ бы его ищущаго свѣдений въ древнихъ рукописяхъ своего училища и гоняющагося за видомъ ученія вездѣ, гдѣ казалось быть его хранилище. Часто бывалъ онъ обманутъ въ ожиданіи своемъ; но частымъ чтеніемъ церковныхъ книгъ положилъ онъ основаніе изящности своего слога,—какое чтеніе предлагаетъ онъ всѣмъ, желающимъ пріобрѣсть искуство Россійскаго слова.

Скоро любопытство его получило щедрое удовлетвореніе. Онъ сталъ ученикомъ знаменитаго Вольфа. Отрясая правила схоластики или паче заблужденія, преподанныя ему въ монашескихъ училищахъ, полагалъ онъ твердыя и ясныя степени къ восхожденію въ храмъ любомудрія. Логика научила его разсуждать; Математика дѣлать вѣрныя заключенія и убѣждаться единою очевидностію; Метафизика преподала ему гадательныя истины, ведущія часто къ заблужденію; Физика и Химія, къ коимъ можетъ быть для изящности силы воображенія прилежалъ онъ отлично, ввели его въ жертвенникъ природы и открыли ему ея таинства; Металлургія и Минералогія какъ послѣдственницы предыдущихъ, привлекли на себя его вниманіе, и Ломоносовъ дѣятельно хотѣлъ познать правила, въ оныхъ наукахъ руководствующія.

Изобиліе плодовъ и произведеній понудило людей мѣнять ихъ на таковыя, въ коихъ былъ недостатокъ. Сіе произвело торговлю. Великія въ мѣновномъ торгу затрудненія побудили мыслить о знакахъ, всякое богатство и имущество представляющихъ. Изобрѣтены деньги. Злато и сребро, какъ драгоцѣннѣйшіе по совершенству своему

металлы и доселѣ украшеніемъ служившіе, преображены стали въ знаки, всякое стяжаніе представляющіе. И тогда только по истинѣ возгорѣлась въ сердцѣ человѣческомъ ненасытная и мерзительная страсть къ богатству, которая подобно всепожирающему пламени усиливается получая пищу. Тогда человѣкъ, оставивъ первобытную свою простоту и природное свое упражненіе — земледѣліе, предалъ жизнь свою свирѣпымъ волнамъ; или, презрѣвъ гладъ и зной пустынь, протекалъ чрезъ оныя въ невѣдомыя страны для списканія богатствъ и сокровищъ. Тогда, презрѣвъ свѣтъ солнечный, живый нисходилъ въ могилу и расторгнувъ нѣдра земныя, вырывалъ себѣ нору, подобно земному гаду, ищущему о нощи свою пищу. Такъ человѣкъ, скрываясь въ пропастяхъ земныхъ, искалъ блестящихъ металовъ и сокращалъ жизнь свою, питаясь ядовитымъ дыханіемъ паровъ, изъ земли исходящихъ. Но какъ и самая отрава, ставъ иногда привычкою, бываетъ необходимою человѣку въ употребленіи; такъ и добываніе металловъ, сокращая дни ископателей, не отвергнуто по своей смертоносности, но еще изысканы способы добывать легчайшимъ образомъ большее число металловъ по возможности.

Сіе-то дѣятельно хотѣлъ познать Ломоносовъ, и для исполненія своего намѣренія отправился въ Фрейбергъ. Мнѣ мнится, зрю его пришедшаго къ отверстію, чрезъ которое истекаетъ исторгнутый изъ нѣдръ земныхъ металлъ. Онъ пріемлетъ томный свѣтильникъ, опредѣленный освѣщать его въ ущелинахъ, куда не могутъ досягать николи лучи солнечные. Онъ ступилъ первый шагъ. Что дѣлаешь ты, вопіетъ ему разсудокъ? Не ужели Природа отличила тебя дарованіями для того только, чтобъ ты

употреблялъ ихъ на пагубу своей собратіи? Желаешь ли снискать вящшее искусство извлекать сребро и злато? Или не вѣдаешь, какое въ мірѣ сотворили они зло? Или забылъ завоеваніе Америки? — Но нѣтъ; нисходи, познай подземныя украшенія человѣка, и возвратясь въ отечество, имѣй довольно крѣпости духа, подай совѣтъ зарыть и заровнять сіи могилы, гдѣ тысячи въ животѣ сущіи погребаются!

Трепеща нисходитъ онъ въ отверстіе и скоро теряетъ изъ виду живоносное свѣтило. Я желалъ бы послѣдовать ему въ подземномъ путешествіи, собрать его размышленія и представить ихъ въ той связи и тѣмъ порядкомъ, какими изображались они въ разумѣ его. Картина мыслей его была бы для насъ увеселительною и учебною. Проходя первой слой земли, источникъ всякаго прозябенія, подземный путешественникъ обрѣлъ его несходственнымъ съ послѣдующими и отличающимися отъ другихъ болѣе всего своею плодоносною силою. Онъ заключалъ изъ того, что сія земная поверхность не изъ чего инаго составлена, какъ изъ тлѣнія животныхъ и прозябеній; что плодородіе, ея сила питательная и возобновительная имѣютъ начало свое въ неразрушимыхъ и первенственныхъ частяхъ всяческаго бытія, которое, не перемѣняя своего существа, перемѣняетъ только видъ свой, изъ случайнаго сложенія раждающійся. Проходя далѣе, подземный путешественникъ зрѣлъ землю всегда расположенную слоями. Въ слояхъ находилъ иногда остатки животныхъ въ моряхъ живущихъ и остатки растеній, и могъ заключать, что слойное расположеніе земли имѣетъ начало свое въ наплавномъ положеніи водъ, и что воды, переселяясь изъ однаго края земнаго шара къ другому, давали землѣ тотъ видъ, какой она въ нѣдрахъ своихъ представляетъ. Единое сіе слоевъ

расположеніе, теряясь изъ глазъ его, являло ему иногда смѣшеніе многихъ разнородныхъ веществъ. Онъ заключалъ изъ того, что свирѣпая стихія, огнь, проникнувъ въ нѣдра земныя и встрѣтивъ противоборствующую себѣ влагу, ярясь мутила, трясла, валила и метала все что упорствовало ей своимъ противудѣйствіемъ, и смутивъ и смѣшавъ разнородныя вещества, знойнымъ своимъ дохновеніемъ возбудила въ первобытностяхъ металловъ силу притяжательную и ихъ соединила. Тамъ узрѣлъ Ломоносовъ сіи мертвыя по себѣ сокровища въ природномъ ихъ видѣ, воспомянулъ алчбу и бѣдствія человѣковъ и съ сокрушеннымъ сердцемъ оставилъ сіе мрачное обиталище людской ненасытности.

Упражняясь въ познаніи Природы, онъ не оставилъ возлюбленнаго своего ученія—Стихотворства. І ще въ отечествѣ своемъ случай показалъ ему, что Природа назначила его къ величію и что въ обыкновенной стезѣ шествія человѣческаго онъ скитаться не будетъ. Псальтирь, Симеономъ Полоцкимъ въ стихи преложенная, открыла ему о немъ таинство Природы и показала, что и онъ Стихотворецъ. Бесѣдуя съ Гораціемъ, Виргиліемъ и другими древними Писателями, онъ давно уже удостовѣрился, что стихотвореніе Россійское весьма не сродно было благогласію и важности языка нашего. Читая Немецкихъ Стихотворцевъ, находилъ онъ, что слогъ ихъ плавнѣе Россійскаго и что стопы въ стихахъ были расположены по свойству языка ихъ. И такъ вознамѣрился онъ сдѣлать опытъ сочиненія новообразными стихами, поставивъ сперва Россійскому Стихотворенію правила, на благогласіи языка нашего основанныя. Сіе исполнилъ онъ, написавъ Оду на побѣду, одержанную Россійскими войсками надъ Турками и Татарами и на взятіе

Хотина, которую изъ Марбурга прислалъ онъ въ Академію наукъ. Необыкновенность слога, сила выраженія, изображенія едва не дышущія изумили читающихъ сіе новое произведеніе. И сіе первородное чадо воображенія, стремящагося по непроложенному пути, послужило доказательствомъ, что когда народъ единожды направленъ къ усовершенствованію, то онъ идетъ къ славѣ не одной тропинкой, но многими стезями.

Сила воображенія и живое чувствованіе не отвергаютъ розысканія подробностей. Ломоносовъ, давая примѣры благогласія, зналъ, что изящность слога основана на правилахъ языку свойственныхъ. Онъ восхотѣлъ извлечь ихъ изъ самаго слова, не забывая однакожъ, что обычай первой подаетъ всегда въ сочиненіи словъ примѣръ и реченія, изъ правила исходящія, обычаемъ становятся правильными. Раздробляя всѣ части рѣчи и соображая ихъ съ употребленіемъ, Ломоносовъ составилъ свою Грамматику. Но не удовольствуясь преподавать правила Россійскаго слова, онъ даетъ понятіе о человѣческомъ словѣ вообще. какъ благороднѣйшемъ по разумѣ дарованіи, данномъ человѣку для сообщенія своихъ мыслей. Вотъ сокращеніе его общей Грамматики: Слово представляетъ мысли; орудіе слова есть голосъ; голосъ измѣняется образованіемъ или выговоромъ; различное измѣненіе голоса изображаетъ различіе мыслей; и такъ слово есть изображеніе нашихъ мыслей посредствомъ образованія голоса чрезъ органы на то устроенные. Поступая далѣе отъ сего основанія, Ломоносовъ опредѣляетъ нераздѣлимыя части слова, коихъ изображеніе называетъ буквами. Сложеніе нераздѣльныхъ частей слова производитъ склады, кои, кромѣ образовательнаго различія голоса, различествуютъ еще такъ называемыми удареніями, на

чемъ основывается стихосложеніе. Сопряженіе складовъ производитъ реченіе или знаменательныя части слова. Сіи изображаютъ или вещь или ея дѣяніе. Словесное изображеніе вещи называется имя; изображеніе дѣянія глаголъ. Для изображенія же отношеній вещей между собою и для сокращенія ихъ въ рѣчи служатъ другія части слова. Но первыя суть необходимыя и могутъ называться главными частями слова, а прочія служебными. Говоря о разныхъ частяхъ слова, Ломоносовъ находитъ, что нѣкоторыя изъ нихъ принимаютъ измѣненія. Вещь можетъ находиться въ разныхъ въ разсужденіи другимъ вещей положеніяхъ. Изображеніе таковыхъ положеній и отношеній именуется падежами. Всякое дѣяніе располагается по времени: оттуда и глаголы расположены по временамъ для изображенія, въ какое время дѣяніе происходитъ. Наконецъ Ломоносовъ говоритъ о сложеніи знаменательныхъ частей, что производитъ рѣчь.

Предпославъ таковое философическое разсужденіе о словѣ вообще, основанное на самомъ естествѣ тѣлеснаго нашего сложенія, Ломоносовъ преподаетъ правила Россійскаго слова. Могутъ ли они быть посредственны, когда начертавшій ихъ разумъ водимъ былъ въ Грамматическихъ теміяхъ свѣтильникомъ остроумія? Не гнушайся, великій мужъ, сей хвалы. Между согражданами твоими не Грамматика твоя одна сдѣлала тебя славнымъ. Заслуги твои о Россійскомъ словѣ суть многообразны и ты почитаешься въ малопритяжательномъ трудѣ семъ первымъ основателемъ истинныхъ правилъ языка нашего и розыскателемъ естественнаго расположенія всякаго слова. Твоя Грамматика есть предверіе чтенія твоей Реторики; а та и другая руководительницы для осязанія красотъ твоихъ

твореній. Поступая въ преподаваніи правилъ, Ломоносовъ вознамѣрился руководствовать сограждан своихъ въ тернистыхъ стезяхъ Геликона. Онъ показалъ имъ путь къ краснорѣчію, начертывая правила Реторики и Поэзіи; но краткость его жизни допустила его изъ подъятаго труда совершить одну только половину.

Человѣкъ, рожденный съ нѣжными чувствами, одаренный сильнымъ воображеніемъ, побуждаемый любочестіемъ, исторгается изъ среды народныя; восходитъ на лобное мѣсто; всѣ взоры на него устремляются; всѣ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ его произреченія. Плесканіе рукъ или посмѣяніе горшее смерти ждетъ его. Какъ можно быть ему посредственнымъ? — Таковъ былъ Демосѳенъ; таковъ былъ Цицеронъ; таковъ нынѣ Питъ; таковъ Буркъ, Фоксъ, Мирабо и другіе. Правила и рѣчи ихъ почерпнуты въ обстоятельствахъ; сладость изреченія въ ихъ чувствахъ; сила доводовъ въ ихъ остроуміи. Удивляясь толико отмѣннымъ въ словѣ мужамъ и раздробляя ихъ рѣчи, хладнокровные критики думали, что путь къ прелестямъ можно проложить томными предписаніями. Сіе есть начало Реторики. Ломоносовъ, не замѣчая того, слѣдовалъ своему воображенію, исправившемуся бесѣдою съ древними Писателями и думалъ также, что можетъ сообщить согражданамъ своимъ жаръ, исполнявшій душу его. И хотя онъ тщетный предпріялъ въ семъ трудъ; но примѣры, имъ приводимые для подкрѣпленія объясненія его правилъ, могутъ несомнѣнно руководствовать пускающагося въ слѣдъ славы, словесными науками стяжаемой.

Но естьли тщетный былъ его трудъ въ преподаніи пра-

вилъ тому, что болѣе чувствовать должно, нежели твердить, то Ломоносовъ любящимъ Россійское слово оставилъ надѣжнѣйшіе примѣры въ своихъ твореніяхъ. Въ нихъ уста, сосавшіе сладости Цицероновы и Демосѳеновы, растворяются на велерѣчіе. Въ нихъ на каждой строкѣ, на каждой рѣчи, на каждомъ слогѣ — почто немогу сказать, при каждой буквѣ — слышанъ страшный и согласный звукъ столь рѣдкаго, столь мало подражаемаго, столь свойственнаго ему благогласія рѣчи.

Пріявъ отъ Природы неоцѣненное право дѣйствовать на своихъ современниковъ; пріявъ отъ нее силу творенія, повержепный въ среду народныя толпы, великій мужъ дѣйствуетъ на оную; но не въ одинакомъ всегда направленіи. Подобно силамъ естественнымъ, отъ средоточія дѣйствующимъ, которыя, простирая дѣйствіе свое во всѣ точки окружности, содѣлываютъ дѣятельность свою вездѣ присну: такъ Ломоносовъ, дѣйствуя на согражданъ своихъ разнообразно, отверзалъ уму разнообразныя стези къ познаніямъ. Повлекши его за собою въ слѣдъ, разплетая запутанный языкъ на велерѣчіе и благогласіе, не оставилъ онъ его при тощемъ безъ мыслей источникѣ, словесности. Воображенію вѣщалъ онъ: лети въ безпредѣльность мечтаній и возможностей, собери яркіе цвѣты одушевленнаго и руководствуясь вкусомъ, украшай онымъ самую неосязательность. И се паки гремѣвшая на Олимпическихъ играхъ Пиндарова труба возгласила хвалу Всевышнему во слѣдъ Псальмопѣвца. На ней возвѣстилъ Ломоносовъ величіе Предвѣчнаго, сѣдящаго на крылѣ вѣтреней, предшествуемаго громомъ и молніею и въ солнцѣ являющаго смертнымъ свою существенность, жизнь. Умѣря гласъ трубы Пиндаровой, на ней же воспѣлъ онъ бренность человѣка и близкій предѣлъ его понятій. Что есть

разумъ человѣческій въ безпредѣльной безднѣ міровъ? Малѣйшая песчинка въ морскихъ волнахъ; едва блестящая искра во льдѣ никогда не тающемъ; тончайшій прахъ въ свирѣпѣйшемъ вихрѣ? — Се ты, о Ломоносовъ! одежда моя тебя не сокроетъ.

Не завидую тебѣ, что, слѣдуя общему обычаю ласкать Царямъ, часто недостойнымъ не токмо похвалы, стройнымъ гласомъ воспѣтой, но даже и гудочнаго бряцанія, льстилъ ты похвалою въ стихахъ Елисаветѣ; и естьли бы можно было безъ уязвленія истины и потомства, простилъ бы я тебѣ то для души твоей къ благодѣяніямъ признательной. Но позавидуетъ писатель оды, не могущій итти во слѣдъ тебѣ; позавидуетъ прелестной картинѣ народнаго спокойствія и тишины, сей сильной оградѣ городовъ, селъ, царствъ и утѣшенію Царей; позавидуетъ безчисленнымъ красотамъ твоего слога. Доселѣ не удалось еще никому достигнуть твоего непрерывнаго въ стихахъ благогласія. И пускай удается кому нибудь превзойти тебя въ сладкопѣніи; пускай потомкамъ нашимъ покажешься ты нестроенъ въ мысляхъ и не избыточенъ въ существенности стиховъ твоихъ: но воззри въ пространное ристалище, коего конца око не досязаетъ, среди толпящейся многочисленности на возглавіи впереди всѣхъ— се врата отверзающь къ ристалищу, се ты. Всякъ можетъ прославиться подвигами; но ты былъ первой. Самому Всесильному не льзя отнять у тебя того, что Онъ далъ. Онъ родилъ тебя прежде другихъ; родилъ тебя въ вожди, и слава твоя есть слава вождя. О, вы, доселѣ безплодно трудившіеся надъ познаніемъ существенности души и какъ она дѣйствуетъ на тѣлесность нашу! се трудная предлежитъ вамъ задача на разрѣшеніе. Вѣщайте,

какъ дѣйствуетъ душа на душу; какая есть связь между умами? Естьли знаемъ, какъ тѣло дѣйствуетъ на тѣло — прикосновеніемъ; то повѣдайте, какъ неосязаемо дѣйствуетъ на неосязаемое, производя вещественность? Или какое между безвещественностями прикосновеніе? Что оно существуетъ, то вы знаете. Но естьли вѣдаете, какое дѣйствіе разумъ великаго мужа имѣетъ надъ общимъ разумомъ; то вѣдайте еще, что великій мужъ можетъ родить великаго мужа. И вотъ вѣнецъ твой побѣдоносный, о Ломоносовъ! ты произвелъ Суморокова.

Но не заблуждаемъ ли мы въ нашемъ заключеніи? Задолго до Ломоносова находимъ въ Россіи краснорѣчивыхъ пастырей церкви, которые, возвѣщая слово Божіе паствѣ своей, учили ее, и сами словомъ своимъ славились. Правда, они были; но слогъ ихъ не былъ слогъ Россійскій. Они писали, какъ можно было писать до нашествія Татаръ, до сообщенія Россіянъ съ народами Европейскими; они писали языкомъ Славянскимъ. Но ты, зрѣвшій самаго Ломоносова и въ твореніяхъ его поучавшійся можетъ быть велерѣчію! ты забвенъ мною не будешь. Когда Россійское воинство, поражая гордыхъ Оттомановъ, превысило чаяніе всѣхъ на подвиги его равнодушнымъ или завистливымъ окомъ взпрающихъ, — ты, призванный на торжественное благодареніе Бога браней, Бога силъ, ты въ восторгѣ души твоей взывалъ къ Петру надъ гробницею его, да пріидетъ зрѣть плоды своего насажденія: востани, Петръ! востани! когда очарованное тобою ухо очаровало почредѣ око; когда казалось всѣмъ, что, приспѣвъ къ гробу Петрову, желаешь его воздвигнуть, силою Вышняго одаренный: тогда бы я вѣщалъ Ломоносову, зри, и здѣсь твое насажденіе. Но

естьли онъ могъ научить тебя слову; то душа Платона изображается во всѣхъ его поученіяхъ.

Чуждыя раболѣпствованія не токмо въ томъ, что можетъ возбуждать благоговѣніе наше, но даже и въ любленіи нашемъ; отдавая справедливость великому мужу, мы не возмнимъ, что онъ Богъ всезиждущій, не посвятимъ его истуканомъ на поклоненіе обществу и не будемъ пособниками въ укрѣпленіи какого либо предразсужденія или ложнаго заключенія. Истина есть вышшее для насъ Божество; и естьли бы Всесильный восхотѣлъ измѣнить ея образъ, являясь не въ ней; то лице наше было бы отъ Него отвращенно.

Слѣдуя истинѣ, не будемъ искать въ Ломоносовѣ великаго Дѣсписателя, не сравнимъ его съ Тацитомъ, Рейналемъ или Робертомъ; не поставимъ его на степени Маргрефа или Радигера за то, что упражнялся въ Химіи, любимой его наукѣ. Естьли многіе дни жизни своей провелъ онъ въ изслѣдованіи истинъ естественности; то шествіе его было шествіе послѣдователя. Онъ скитался путями проложенными, и въ безчисленномъ богатствѣ Природы не нашелъ ни малѣйшей былинки, которой бы не зрѣли лучшія его очи; не открылъ ниже грубѣйшей пружины въ вещественности, которой бы не обнаружили его предшественники. Уже ли поставимъ его близь удостоившагося наилестнѣйшей надписи, которую человѣкъ подъ изображеніемъ своимъ зрѣть можетъ; надписи, начертанной не ласкательствомъ, но истиною, дерзающею на силу: "Се исторгшій громъ съ небеси и скипетръ изъ руки Царей?" —За то ли Ломоносова близь его поставимъ, что преслѣдовалъ электрическую силу въ ея дѣйствіяхъ; что не отвращенъ былъ отъ изслѣдованія оной смертію учителя сво-

его, сю пораженнаго? Ломоносовъ умѣлъ производить электрическую силу, умѣлъ отвращать удары грома; но Франклинъ въ наукѣ сей есть зодчій, а Ломоносовъ рукодѣлъ.

Но естьли Ломоносовъ не достигъ великости въ испытаніяхъ Природы; то описалъ намъ великолѣпныя ея дѣйствія слогомъ чистымъ и внятнымъ. И хотя мы не находимъ въ твореніяхъ его, до естественной науки касающихся, изящнаго учителя Естественности; но найдемъ учителя въ словѣ и примѣръ достойный послѣдованія.

И такъ, отдавая справедливость великому мужу, поставляя имя Ломоносова въ достойную его лучезарность, мы не ищемъ вмѣнить ему то въ достоинство, чего онъ не сдѣлалъ или на что не дѣйствовалъ; или распложая только слово, вождаемъ перомъ со изступленіемъ и пристрастіемъ. Цѣль наша не сія. Мы желаемъ показать, что въ отношеніи Россійской Словесности тотъ, кто путь ко храму славы проложилъ, есть первый виновникъ пріобрѣтенія славы, хотя бы онъ не могъ войти въ храмъ. Баконъ не достоинъ развѣ воспоминовенія, что могъ токмо сказать, какъ можно размножать науки? Не достойны развѣ признательности мужественные писатели, возстающіе на губительство и всесиліе, для того что не могли избабавить человѣчество изъ оковъ и плѣненія? И мы не почтемъ Ломоносова для того, что не разумѣлъ правилъ драматическаго стихотворенія и томился въ Эпопеи; что чуждъ былъ въ стихахъ чувствительности; что не всегда проницателенъ въ сужденіяхъ и что въ самыхъ одахъ своихъ вмѣщалъ иногда болѣе словъ, нежели мыслей? — Но внемли: прежде начатія временъ, когда не было бы-

тію опоры и все терялось въ вѣчности и неизмѣримости, — все Источнику силъ было возможно; вся красота вселенныя существовала въ его мысли; но дѣйствію не было начала. И се рука всемощная, толкнувъ вещественность въ пространство, дала ей движеніе: солнце возсіяло, луна пріяла свѣтъ и тѣлеса крутящіяся горе образовались. Первый махъ въ твореніи былъ всесиленъ; вся чудесность міра, вся красота его суть только слѣдствія. Вотъ какъ понимаю я дѣйствіе великой души надъ душами современниковъ или потомковъ; вотъ какъ понимаю дѣйствіе разума надъ разумомъ. Въ стезѣ Россійской Словесности Ломоносовъ есть первый. Скройся, толпа завистливая! вотъ нелицемѣрный судъ о немъ потомства.

Но я съ тобой закалякался, любезный читатель...Вотъ уже Всесвятское. Естьли я не наскучилъ тебѣ, то подожди меня у околицы: мы повидаемся на возвратномъ пути. Теперь прости. Ямщикъ, погоняй. — М о с к в а! М о с-к в а!—...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Введеніе Искандера	V
Предисловіе къ Книгѣ Щербатова	I
О ПОВРЕЖДЕНІИ НРАВОВЪ ВЪ РОССІИ. Князя Щербатова ...	1
ПУТЕШЕСТВІЕ ИЗЪ С. Петербурга въ Москву А. Радищева ...	99
Предисловіе Искандера	103
Письмо А. Радищева къ А. М. Кутузову	107
Выѣздъ	109
Софія.	110
Тосна.	113
Любани	115
Чудово.	118
Спасская Полѣсть.	128
Подберезье.	149
Новгородъ	155
Бронницы	162
Зайцово	165
Крестцы	182
Яжельбицы	203
Валдай.	206
Едрово.	209
Хотиловъ.	222
Вышній волочокъ.	257
Выдропускъ	242

Торжокъ. 247
Краткое повѣствованіе о происхожденіи цепсуры 216
Мѣдное. 273
Тверь 278
Городня 290
Завидово 302
Клинъ. 305
Пешки. 310
Черная Грязь 313
Слово о Ломоносовѣ 315

TRÜBNER'S

BIBLIOTHECA GLOTTICA.

THE LITERATURE OF AMERICAN ABORIGINAL LANGUAGES, by **HERMANN E. LUDEWIG.** With additions and corrections by **PROFESSOR WM. W. TURNER.** Edited by **NICOLAS TRÜBNER.** *London, Trübner & Co., 60, Paternoster Row,* 1858. 8vo, fly and general title 2 leaves; Dr. Ludewig's preface, pp. v.—viii.; the Editor's preface, pp. ix.—xii.; Biographical Memoir of Dr. Ludewig, pp. xiii., xiv.; and INTRODUCTORY BIBLIOGRAPHICAL NOTICES, pp. xv.—xxiv., followed by list of Contents. Then follow Dr. Ludewig's Bibliotheca Glottica, alphabetically arranged, with additions by the editor, pp. 1—209; Prof. Turner's additions, with those of the editor to the same, also alphabetically arranged, pp. 210—246; Index, pp. 247—256; and list of Errata, pp. 257, 258. One volume, handsomely bound in cloth, price 10s. 6d.

This work is intended to supply a great want, now that the study of Ethnology has proved that exotic languages are not mere curiosities, but essential and interesting parts of the natural history of man, forming one of the most curious links in the great chain of national affinities, defining, as they do, the reciprocity existing betwen man and the soil he lives upon. No one can venture to write the history of America without a knowledge of her aboriginal languages, and unimportant as such researches may seem to men engaged in the mere bustling occupations of life, they will at least acknowledge that these records of the past, like the stern-lights of a departing ship, are the last glimmers of savage life, as it becomes absorbed, or recedes before the tide of civilization. Dr. Ludewig and Professor Turner have made most diligent use of the public and

private collections in America, acces so all of which was most liberally granted to them. This has placed at their disposal the labours of the American missionaries, so little known on this side of the Atlantic, that they may be looked upon almost in the light of untrodden ground. But English and continental libraries have also been ransacked, and Dr. Ludewig kept up a constant and active correspondence with scholars of "the Fatherland," as well as with men of similar tastes and pursuits in France, Spain, and Holland, determined to leave no stone unturned, to render his labours as complete as possible. The volume, perfect in itself, is the first of an enlarged edition of Vater's "*Linguarum totius Orbis Index.*" The work has been noticed by the press of both continents, and we may be permitted to refer particularly to the following—

OPINIONS OF THE PRESS.

"This work, mainly the production of the late Herr Ludewig, a German naturalized in America, is devoted to an account of the Literature of the aboriginal languages of that country. It gives an alphabetical list of the various tribes of whose languages any record remains, and refers to the works, papers, or manuscripts, in which such information may be found. The work has evidently been a labour of love; and as no pains seem to have been spared by the editors, Prof. Turner and Mr. Trübner, in rendering the work as accurate and complete as possible, those who are most interested in its contents will be best able to judge of the labour and assiduity bestowed upon it by author, editors, and publisher."—*Athenæum, 5th April*, 1858.

"This is the first instalment of a work which will be of the greatest value to philologists; and is a compendium of the aboriginal languages of the American continents, and a digest of all the known literature bearing upon those languages. Mr. Trübner's hand has been engaged *passim*, and in his preface he lays claim to about one-sixth of the whole; and we have no doubt that encouragement with which this portion of the work will be received by scholars, will be such as to inspire Mr. Trübner with sufficient confidence to persevere in his arduous and most honourable task."—*The Critic*, 15*th Dec.*, 1857.

"Few would believe that a good octavo volume would be necessary to exhaust the subject, yet so it is, and this handsome, useful, and curious volume, carefully compiled by M. Ludewig, assisted by Professor Turner, and

edited by the careful hand of Mr. Trübner, the well-known publisher, will be sure to find a place in many libraries."—*Bent's Advertiser, Nov. 6,* 1857

" The lovers of American Linguistics will find in the work of Mr. Trübner scarcely any point omitted, calculated to aid the comparative philologer in tracing the various languages of the great Western Continent."—*Galway Mercury, 30th Jan.,* 1858.

" Only those deeply versed in philological studies can appreciate this book at its full value. It shows that there are upwards of seven hundred and fifty aboriginal American languages."—*Gentleman's Magazine, February,* 1858.

" The work contains an account of no fewer than seven hundred different aboriginal dialects of America, with an introductory chapter of bibliographical information; and under each dialect is an account of any grammars or other works illustrative of it."—*The Bookseller. January,* 1858.

" I have not time, nor is it my purpose, to go into a review of this admirable work, or to attempt to indicate the extent and value of its contents. It is, perhaps. enough to say, that apart from a concise but clear enumeration and notice of the various general philological works which treat, with greater or less fulness, of American languages, or which incidentally though upon their bibliography, it contains not less than 256 closely printed octavo pages of bibliographical notices of grammars, vocabularies, etc., of the aboriginal languages of America. It is a peculiar and valuable feature of the work, that not only the titles of printed or published grammars or vocabularies are given, but also that unpublished or MS. works of these kinds are noticed, in all cases where they are known to exist, but which have disappeared among the *débris* of the suppressed convents and religious establishments of Spanish America."—*E. G. Squier, in a Paper read before the American Ethnological Society, 12th Jan.,* 1858.

" In consequence of the death of the author before he had finished the revisal of the work, it has been carefully examined by competent scholars, who have also made many valuable additions."—*American Publisher's Circular, 30th Jan.,* 1858.

" It contains 256 closely printed pages of titles of printed books and manuscripts, and notices of American aboriginal languages, and embraces references to nearly all that has been written or published respecting them, whether in special works, or incidentally in books of travels, periodicals. proceedings of learned societies."—*New-York Herald, 29th Jan.* 1858.

"Je terminerai en annonçant le premier volume d'une publication appelée à rendre de grands services à la philologie comparée et à la linguistique générale. Je veux parler de la Bibliotheca Glottica, ouvrage devant renfermer la liste de tous les dictionnaires et de toutes les grammaires des langues connues, tant imprimés que manuscrits. L'éditeur de cette précieuse bibliographie est M. Nicolas Trübner, dont le nom est honorablement connu dans le monde oriental. Le premier volume est consacré aux idiomes américains; le second doit traiter des langues de l'Inde. Le travail est fait avec le soin le plus consciencieux, et fera honneur à M. Nicolas Trübner, surtout s'il poursuit son œuvre avec la même ardeur qu'il a mise à la commencer."—*(L. Léon de Rosny) Revue de l'Orient, février*, 1858.

"Mr. Trübner's most important work on the Bibliography of the aboriginal languages of America, is deserving of all praise, as eminently useful to those who study that branch of literature. The value, too, of the book, and of the pains which its compilation must have cost, will not be lessened by the consideration that it is the first in this field of linguistic literature."—*Petermann's Geographische Mittheilungen*, p. 79. *Feb.*, 1858.

"Undoubtedly this volume of Trübner's Bibliotheca Glottica ranks amongst the most valuable additions which of late years have enriched our bibliographical literature. To us, as Germans, it is most gratifying that the initiative has been taken by a German bookseller himself, one of the most intelligent and active of our countrymen abroad, to produce a work which has higher aims than mere pecuniary profit, and that he, too, has laboured at its production with his own hands; because daily it is becoming a circumstance of rarer occurence that, as in this case, it is a bookseller's primary object to serve the cause of literature, rather than to enrich himself."—*(P. Trömel) Börsenblatt, 4th Jan.*, 1858.

"In the compilation of the work the editors have availed themselves not only of the labours of Vater, Barton, Duponceau, Gallatin, De Souza, and others, but also of the MS. sources left by the Missionaries, and of many books of which even the library of the British Museum is deficient, and furnish the fullest account of the literature of no less than 525 languages The value of the work, so necessary to the study of ethnology, is greatly enhanced by the addition of a good index."—*Berliner National-Zeitung*, *22nd Nov.*, 1857.

The Editor has also received most kind and encouraging letters respecting the work from Sir George Grey, the Chevalier Bunsen, Dr. Buschmann (of Berlin), Professor Jülg (of Cracow), Dr. Max Müller, (of Oxford), Dr. Th. Goldstucker, Mr. Watts (of the Museum), Professor A. Fr. Pott (of Halle), Dr. Julius Petzholdt (of Dresden), M. Edwards (of the Manchester Free Library), Hofrath Dr. Grässe (of Dresden), M. F. F. de la Figaniere (of Lisbon), and other linguistic scholars.

In one volume, royal 8vo, of about 650 pages,

TRÜBNER'S
BIBLIOGRAPHICAL HANDBOOK
OF
AMERICAN LITERATURE;

Being a Classified List of Books, in all departments of Literature and Science, published in the United States of America since 1817. With an Introduction, Notes, and an Index. Compiled and edited by NICOLAS TRÜBNER.

Preparing for Publication, in Tow Volumes, royal 8uo, with numerous Illustrations,

MEMOIRS OF LIBRARIES;
TOGETHER WITH A
PRACTICAL HANDBOOK OF LIBRARY ECONOMY
BY EDWARD EDWARDS.

TABLE OF CONTENTS.

Part the First.—HISTORY OF LIBRARIES.

Book I. The Libraries of the Ancients.
II. The Monastic Libraries of the Middle Ages.
III. General View of the Origin and Growth of Libraries in Modern Europe.
IV. The Imperial Library at PARIS.
V. The Royal and Central Library at MUNICH.
VI. The Library of the British Museum, LONDON.
VII. The Imperial Library at ST. PETERSBURG.
VIII. The Royal Library at COPENHAGEN.
IX. The Royal Library at BERLIN.
X. The Imperial Library at VIENNA.
XI. The Royal Library at DRSDEN.
XII. The Public Libraries of *Italy*.
XIII. The University and Town Libraries of *Germany*.
XIV. The University and Town Libraries of *France*.

XV. The University, Collegiate. and Cathedral Libraries of *Great Britain and Ireland.*

XVI. The Town and Parochial Libraries of *Great Britain and Ireland.*

XVII. The Proprietary and Private Libraries of *Great Britain and Ireland.*

XVIII. The Libraries of the *United States of America.*

Part the Second.—COMPARATIVES STATISTICS OF LIBRARIES.

Book I. Of the comparative provision of Books publicly accessible in *Great Britain and Ireland,* and in the other principal countries of *Europe.*

II. Of the comparative provision of Books publicly accessible in *Great Britain and Ireland,* and in the *United Staies of America.*

III. General view of the requirements of the United Kingdom in in respect of Libraries freely accessible, and of the means afforded by the Public Libraries Act *(Ewart' Act,* 1855) for supply.

Part the Third.—ECONOMY OF LIBRARIES.

Book I. Of the Formation of Libraries.

II. Of the Construction and Furnishing of Buildings for the Reception and Use of Public Libraries.

III. Of the arrangement and Preservation of Books in Public Libraries.

IV. Of Catalogues of Libraries.

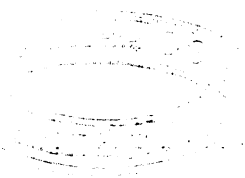
V. Of the Management and Service of Public Reading Rooms, and of Lending Libraries.

VI. Of the Administrative Organization of a Public Library.

APPENDIX.—Bibliographical and critical notices of some preëxisting works on bibliothecal economy, and on the history of Libraries.

TRÜBNER AND CO.,

60, PATERNOSTER ROW, LONDON.



UNIVERSAL PRINTING ESTABLISHMENT :
Zeno Swiętosławski, 178-179, High Holborn, London.